

Марксизм современность

Теоретический и
общественно-
политический
журнал

№1-2
(5-6)
1996

Периодичность
издания
1 раз в квартал

Учредитель:
Союз коммунистов
Украины

Журнал
зарегистрирован в
Госкомпечати
Украины
30 ноября 1994г.
регистрационное
свидетельство
КВ № 1089

© Редакционно-издательский
совет журнала "МиС"

СОДЕРЖАНИЕ

Шенин О.С.	От развода - к единому союзному государству	3
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ		
Ельмееев В.Я.	Кем быть: общественным или частным собственником?	5
Шаповал А.П., Белёвский О.А. Гриффен Л.А.	Социализм и рынок? Пора разобраться!	10
Сахонько Е.Б. Курашвили Б.П. Шлеёв В.В.	О характере производственных отношений социализма	15
	О простом и сложном труде	25
	Предреволюционная ситуация	28
	В.И.Ленин и национальный вопрос	33
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА		
Тюлькин В.А.	Веха справа (позиция Российской коммунистической рабочей партии)	38
КОММУНИСТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ		
Папарига А.	На 15-ом съезде Коммунистической партии Греции	
Вагенас Э.	Вступительное слово Генерального секретаря ЦК .. 41	
	КПГ в политической истории и жизни Греции	
	(Краткая историческая справка)	49
Саада М.	Борьба великих держав в районе Средиземного моря и задачи наших партий в деле противостояния "новому мировому порядку"	50
Вашаш И. Рубикс А.	В борьбе за интересы трудящихся Венгрии	51
	Этот процесс - заказное политическое "убийство"!. 52	
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ		
Андреев А.Ю. Гунько Б.М.	Нарастание забастовочной борьбы	57

У НАС НА УКРАИНЕ

Тарасенко В.И. Бюрократия и власть в Украине 58

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Гмыря С.П. Конституционный процесс как зеркало украинской контрреволюции 64
Вишняков В.Г. Беловежские соглашения: мифы и реальность 67

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Корниенко Г.М. Закончилась ли "холодная война"? 72
Тарасов Б.В. Эта потеря поставит точку (к вопросу о ратификации Договора СНВ-2) 79
Никитчук И.И. Ядерный щит Отечества между прошлым и будущим 83

НАУКА И КУЛЬТУРА

Бальшион Ж.Ж. О духовном производстве в колониальных обществах 84
Чорнобrivцева О.С. Ідею, втілену в граніт, не зруйнувати 88

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Миличевич П.Ч. Почему погибает Югославия
(Продолжение агрессии Запада в 1995) 89
Зазулин Н.В., Альянс с фашизмом 94
Полищук А.А.
Степаненко В.М.

ПЛАМЕННОЕ СЛОВО ПУБЛИЦИСТА

Гарифуллина Н.Х. Солдат Отечества
(Товарищ Маршал Советского Союза) 98
Суименко Е.И. Жизнь по-человечески 104

ОБ АВТОРАХ И КНИГАХ

Ткаченко Г.С. "Малороссийский мазохизм", или плач по Пиночету 109
Хміль І.С. Метаморфоза вченого сноба 114
Рамни Ф. Рецензия на книгу Рамзи Кларка "Правда о той войне: военные преступления США в Персидском заливе" 118

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

Гладкая Л.В. Важнейшее направление работы коммунистов 121
Перечень материалов, опубликованных в журнале
"Марксизм и современность" в 1995 году 123

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов опубликованных материалов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы могут подвергаться сокращению без изменения по существу. Ответственность за подбор и правильность цитат, фактических данных и других сведений несут авторы публикаций.

Редакционно-издательский совет:

Арсеенко А.Г.
Войцеховский А.А.
Гриффен Л.А.
(зам. главного
редактора)
Лисовенко Н.И.
Мазаров В.Н.
Суименко Е.И.
Яброва Т.И.
(главный редактор)

Адрес редакции:

252142 г. Киев-142
а/я 137

Художественное
оформление,
макет и печать
полиграфической
фирмы
"ОРАНТА"

Четыре года назад, 13 июня 1992 года в обстановке антикоммунистической истерии, полулегально состоялся Пленум ЦК КПСС. В нем приняли участие 64 из 400 членов ЦК КПСС, те кто не струсил и не предал. Пленум положил начало восстановлению коммунистического движения на всей территории Советского Союза и разработал стратегию воссоздания единого Союзного государства. Сегодня 22 коммунистические партии и движения - члены СКП - КПСС - координируют свою деятельность по реализации этой стратегии.

От развала — к единому союзному государству

О. С. Шенин

Воссоздание союзного государства — настолько взрывоопасная для ныне правящих властей тема, что буквально на следующий день после признания Государственной Думой РФ недействительными Беловежских соглашений здание российского парламента было занято спецназом, а Ельцин со своими ближайшими советниками решал, как “помимократичнее” поставить депутатов и коммунистов России вне закона. Сейчас уже хорошо известно, что только внутренние сложности режима — боязнь неподчинения силовых структур неконституционным приказам — заставили в эти дни отказаться от повторения сценария сентября-октября 1993 года.

Характерна при этом была реакция других руководителей республик, ряда глав Запада. Сразу же, даже не ознакомившись с текстами постановлений Государственной Думы, они в один голос (словно давно ждали этого), подняли визгливую антикоммунистическую истерию.

По-моему, здесь как никогда лучше подходит русская пословица: “На воре — шапка горит!”.

Сегодня почти все — сторонники интеграции, но особенно усердствуют те, кто в наибольшей степени отличился в деле планомерного демонтажа союзного государства. Подчеркну, что речь шла не об одномоментном акте, как некоторым хотелось бы сейчас представить это событие, а о постепенном и целенаправленном раскручивании теми же самыми людьми разрушительных тенденций.

“Конструкторы” развала озабочены новой работой. Теперь их задача не менее сложна — используя растущие с каждым месяцем объединительные настроения в наших республиках, попытаться протащить такой проект, чтобы мировым центрам власти (их заказчикам) можно было наиболее эффективным способом контролировать и эксплуатировать, как они выражаются, все “постсоветское пространство”.

Фактор заокеанского влияния на положение дел у нас по-прежнему значителен. Если говорить прямо, некоторые политики Запада давно уже относятся к нам как к стране, потерпевшей поражение в войне и потому обязанной выполнять любые условия капитуляции.

В частности, в зарубежных интеллектуальных кругах оживленно обсуждаются два основных проекта нашего “обустройства”.

Автор первого (мягкого) плана Г.Киссинджер отводит России роль одного из шести центров силы, наряду с США, Европой, Китаем, Японией и Индией. Россия при этом варианте рассматривается в качестве “стержневого государства православно-христианской цивилизации”. Бывший государственный секретарь США в качестве условия допуска к строительству “нового мирового порядка” выдвигает перед Россией ряд жестких требований: обеспечение “дисциплины стабильности”, отказ от “имперских амбиций” (читай, от интеграции в союзное государство) и т.д.

Другой известный политолог З.Бжезинский еще недавно придерживался позиции, что от нашей страны

исходит серьезная угроза Западу ввиду “явно обратимого курса реформ”, и предостерегал от “преждевременного партнерства”. Теперь, видимо, удовлетворившись степенью ослабления бывшей сверхдержавы, он снял тезис о сохраняющейся военной опасности со стороны России и настоятельно требует от западных лидеров активного расширения НАТО на Восток.

Уже упомянутые мной решения Государственной Думы разбудили на Западе поистине панический страх в отношении “советского экспансионаизма”. На самом деле, и коммунистам это должно быть хорошо понятно, капитал Запада боится только одного — чтобы на планете вновь не образовалось могучее государство, основанное на принципах подлинного народовластия и социальной справедливости.

Хочу особо выделить, что непредвзято мыслящие люди планеты никогда прежде не отожествляли Россию с колониальными империями Запада, где метрополии и их периферия были совершенно разными мирами.

В нашей стране интеграция народов, растущая общность их жизнедеятельности и исторических судеб выработали новый в истории человечества, естественно рожденный тип сообщества, искусственный развал которого привел к тяжелейшим последствиям.

Наши оппоненты сознательно умалчивают, что наш многонациональный народ во главе с коммунистической партией в невиданно короткие сроки поднял к новой жизни громадную страну, которая перед мировой войной была по тогдашним мировым стандартам невероятно отсталой.

В Российской империи баснословные богатства небольшой кучки эксплуататоров соседствовали с невиданной бедностью и нищетой десятков миллионов.

К сожалению, нынешняя ситуация в наших республиках по ряду показателей даже хуже, чем в начале века. К примеру, антинациональная по сути политика властей привела к почти полному подавлению научной и культурной мысли, а также к массовой деморализации и социальному регрессу.

В этом смысле становится вполне очевидным и бесспорным то, что Советское государство обладало неисчерпаемыми возможностями всестороннего развития всего общества и каждой личности.

В самом деле, простые люди в наших республиках все чаще вспоминают привычные нам в те годы, положительные факты. В Советском Союзе был создан могучий производственный потенциал, развита передовая наука, был достигнут высокий уровень образования и медицинского обслуживания. Все, я подчеркиваю, все слои и группы населения имели свободный доступ к ценностям отечественной и мировой культуры.

Теперь все большее число наших сограждан стали понимать, что отнюдь не пропагандистской и пустой фразой был лозунг: “Все во имя человека, все для его блага”.

Именно по таким критериям оценивалась, например, работа партийных кадров, таким же принципом руководствовались в своей жизни несколько поколений советских людей. А когда в годы страшных испы-

Шенин Олег Семёнович, Председатель Совета СКП-КПСС

таний, выпавших на долю нашего Отечества, социалистические ценности и идеалы были подвергнуты проверке на жизнестойкость, миллионы наших сограждан защитили их ценой своих жизней.

Немало сказано уже, в том числе и мной, в отношении причин постигшей всех нас беды — распада СССР.

Выделил на мой взгляд главное: трагедия состояла в том, что естественная потребность в созидательных преобразованиях на благо всего общества была лукаво и цинично использована в целях смены общественно-политического строя группировкой Горбачева, состоящей не только из предателей и перерожденцев, но давних и скрытых врагов социалистической идеи.

Весьма неблагоприятные для нас процессы набирали силу не один год. Честные и преданные социалистическому Отечеству патриоты не раз в прошлом предупреждали людей о грозящих опасностях, но очень многих, к сожалению, тогда удалось обмануть, а некоторых и просто запугать.

Интересы большинства были нагло игнорированы и растоптаны под заклинания о свободе личности. Демократизация же требовалась только как ширма, а на самом деле, например, советник российского правительства А. Ослунд подчеркивал, что “политически гораздо проще принять жесткие меры общим пакетом. Чем больше скорость, тем меньше времени остается для дискуссий”.

И “демократический каток” помчался по судьбам большинства наших сограждан, повергая одних в состояние социального отупения, а других обрекая на голодную смерть.

Не трудно заметить, что политика Запада в отношении наших республик с небольшой спецификой была, по существу, одна и та же, эта политика диктовалась из мировых влиятельных политических и финансовых кругов.

Еще один урок и вывод последних лет заключается в том, что могучее и уверенно развивающееся союзное государство не входит в расчеты нынешних руководителей республик, кто по разным причинам, все громче заявляет о реинтеграции. В последние дни, как известно, в этом направлении с использованием всего “шумового” арсенала пропагандистских средств было подписано сразу несколько соглашений.

Не вдаваясь в их подробный анализ, должен заявить следующее. Самый радикальный из всех нам известных проектов объединения не уходит дальше наделения межгосударственных структур консультативно-совещательными функциями.

Союз Коммунистических партий — КПСС был и остается решительным и последовательным противником того, чтобы нашим народам под видом интеграции обанкротившимися политиками была навязана какая-либо конфедеративная форма объединения.

Мы хорошо отдаем себе отчет в том, что нежелательное для Запада развитие событий в наших республиках, прежде всего, связывается с крепнущим коммунистическим движением, ростом популярности у простых граждан наших идей и лозунгов. Важнейшим этапом в нашем возрождении стал XXX съезд СКП-КПСС, где были приняты все необходимые решения для осмысленных и эффективных действий.

Воссоздание прочного и могучего союза народов должно обязательно пройти через завоевание коммунистическими партиями лидирующих позиций в обществе, их легитимный приход к власти, через поворот государственной политики на социалистический путь развития, с последующим образованием единой коммунистической партии и советского государства. Таково веление времени. Такова воля народа. Такое решение единогласно было принято всеми делегатами из

22 республиканских партий и движений.

Не требуется особых доказательств, чтобы однозначно сделать вывод: в наших республиках режимы удерживаются у власти только благодаря поддержке извне и управлению массовым сознанием с помощью средств информации.

В то же время убежден в том, что коммунистические идеалы, традиции общинности и коллективизма отвечают глубинной сути народной психологии, коренным интересам людей.

Всем нам, как представляется, предстоит в недалеком будущем выбор из небольшого числа вариантов дальнейшей жизни. Их, по существу, три.

Первый. Продолжение политики, начало которой положило в свое время правительство “шокового monetarista” Гайдара. В этом случае, непременным атрибутом курса станет фанатическая приверженность к финансовой стабилизации любой ценой, даже ценой дальнейшего распада страны и гибели миллионов граждан. Экономика будет полностью открыта для империалистических хищников, алчность и своекорыстие которых и в конце XX века нисколько не уступают персонажам из произведений классиков мировой литературы XIX столетия. Предстоит массовое закрытие “неэффективных” производств через процедуру их банкротств и, говоря простым языком, завершится захват общенародной собственности, которая уже будет работать не в интересах всего общества, а обслуживать потребности абсолютного меньшинства.

Второй. Сохранение основных черт нынешней политики, которая имеет место в большинстве республик. Это — нечто промежуточное между “рыночными реформами” в авторстве Гайдара и жестко авторитарным курсом. Надо прямо сказать, нынешнее положение дел устраивает довольно многих, в первую очередь, конечно тех, кто закрыт системой государственных льгот от конкуренции (чаще всего совершенно неоправданных с точки зрения национальной безопасности) и при этом монопольно распоряжается огромными ресурсами. Ясно, что перспективы Ельцина на президентских выборах в России связаны напрямую с обслуживанием этих интересов. Политика построения корпоративной экономики и соответственно чисто “сыревая стратегия” развития страны, конечно же, приемлема для Запада, но сохраняет в неизменном виде теперешнее чудовищное расслоение по доходам, неизбежно активизирует источники социальной напряженности.

Оба описанных варианта способны сбросить страну в пучину братоубийственной бойни, огни которой уже полыхают в ряде мест.

Есть и третий вариант движения страны в грядущий XXI век. Этот путь не будет простым. Предстоит ужесточение политики государства, кардинальное усиление его регулирующей, защитной и созидающей функции. В первое время надо будет реализовать чрезвычайный план мобилизационного развития разрушенного “демократами” народного хозяйства. Произойдет отказ от макроэкономической политики в пользу стимулирования производства, перераспределение ресурсов с сырьевых на перерабатывающие отрасли. Будут введены многие элементы государственной монополии во внешнеэкономической деятельности. Пересмотрены результаты грабительской приватизации. В качестве государственной идеологии в этом случае неизбежно возобладает идея воссоединения в союз равноправных народов на социалистической основе.

Коммунисты исторически ответственны за судьбу наших народов, за их желание вновь стать гражданами великой многонациональной Родины. Убежден, для достижения этой высокой цели никакая цена не будет чрезмерно высокой.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Кем быть: общественным или частным собственником?

В.Я.Ельмееев

По какому пути пойдут бывшие республики СССР — установится ли в них господство частной собственности или, наоборот, господствующей вновь станет общественная собственность? Или же эти формы собственности, как думали "теоретики социализма "перестроечного" периода, должны совмещаться, социализм соединяется с товарным производством, плановое ведение народного хозяйства — со свободным рынком и т.д. На практике, и это теперь стало очевидно, сочетания названных противоположностей не произошло. Социалистические начала были разрушены благодаря широкому внедрению товарно-денежных механизмов во взаимоотношениях между предприятиями, переводу их деятельности, особенно начиная с экономической реформы 1965 года, на показатели прибыли. В итоге рынок вытеснил план, частная собственность — общественную.

Можно ли после всего этого надеяться на возможность возвращения на путь социалистического развития посредством многоукладности в экономике и плюрализма в области собственности, сочетания ее общественных и частных форм в условиях сохранения товарного производства? Или же следует согласиться с К.Марксом: "Пожелание, чтобы, например, меновая стоимость из формы товара и денег не развилась в форму капитала или чтобы труд, производящий меновую стоимость, не развивался в наемный труд, столь же благонамеренно, сколь и глупо" (Соч., 2-е изд. Т.46. Ч.II, С.457).

Вопрос о собственности остается главной проблемой, вокруг которой ныне сосредоточивается практические и идеяная борьба против социализма. Частная собственность является гарантом прав и свобод личности. Во имя ее защиты многие современные философы и социальные антропологи отказывают обществу и, соответственно, общей собственности в праве на реальное существование. По их мнению, реальным и самодостаточным существованием обладает только индивид. Чтобы человек не претендовал на общественную собственность, его лишают общественной сущности. В.С.Барулин (а раньше — М.С. Каган и др.), например, обрушивается на определение К.Маркса сущности человека как совокупности общественных отношений, полагая, что подобная трактовка привела к расхождению между основным направлением мировой социально-философской мысли и философией марксизма и "идеально соответствовала определенному политическому режиму, именуемому "социализмом", и подпитывалась им" (Барулин В.С. Социальная философия. Ч.II. М., 1993. С.99).

По его мнению, что, по-видимому, соответствует основному направлению мировой социально-философской мысли, "определенная роль человека в обществе абсолютна и принадлежит к числу его фундаментальных качеств" (Там же. С.94). Поэтому сущность человека не должна выводиться за пределы его личности и переноситься вовне — в общество. Такой выход к обществу, которое, как известно, является полем для со-

циального развития личности, вроде бы "пахнет" социализмом, ибо последний по своему определению служит утверждению общественных, социальных качеств человека, того фундаментального положения, согласно которому только в обществе возможно свободное и полное развитие личности человека. Чтобы не попасть в объятия социалистов, достаточно вроде бы самого индивида принять за сущность общества и общественных отношений. Во имя этого можно отказаться и от прежних симпатий к диалектике. Неважно, например, что согласно диалектике принцип бытия всех единичных явлений составляет общее, что оно укоренено в единичном как его сущность, что, следовательно, и отдельный человек имеет своей сущностью не самого себя, а общественные отношения, что по своей сущности он — существо общественное. Все это, по мнению названных авторов, уже не соответствует действительности.

В то же время общество у них лишается статуса реального образования, своей субстанции по отношению к составляющим его индивидам. Вполне очевидно, что и общественная, общая собственность в этом случае теряет всякие основания для своего объективного существования, она становится бессмысленной. Полагают, что если под общественной собственностью понимать право каждого индивида на общественное богатство, например, на землю как общее достояние, то каждый в качестве собственника исключает всех других и общественная собственность становится невозможной. Если же отдельный человек претендует на часть общего достояния, то он становится частным собственником. Соответственно из конституций выбирается право народа относиться к земле, к крупным средствам производства как к общей (общенародной) собственности. Одновременно охотно признается никак не ограниченное право индивида на частную собственность, она, в отличие от собственности народа, охраняется законом.

Нужно, однако, сказать, что и отдельный индивид с его частной собственностью, взятый в виде абсолюта, самостоятельной, обособленной от общества сущности, теряет оправдание своего существования, свою действительность. Достаточно напомнить, что обещание приватизаторов сделать каждого частным собственником не имело под собой никакого реального основания и не могло осуществиться. Все члены общества, получив ваучеры, не могли стать частными собственниками главных условий своего труда и воспроизведения своей жизни — земли и средств производства. Если бы это случилось, то большинству трудящихся как частным собственникам объективных условий производства не нужно было бы ни продавать свою рабочую силу, ни быть наемными работниками. Приватизация может позволить лишь некоторым гражданам стать мелкими товаропроизводителями (фермером или ремесленником). Все таковыми тоже быть не могут, ибо тогда некому будет работать на фабриках и заводах. Большинство же народа лишается частной собст-

венности на средства производства, для них она сводится к собственности лишь на рабочую силу, на свою способность к труду и на жизненные средства, получаемые от продажи своей рабочей силы или других своих природных сил и способностей (своего тела, волос или других частей организма). Подобно тому, как римляне, потерявшие собственность на землю, обусловленную их принадлежностью к гражданам Римской империи, оказывались приватизированными (*privati*), т.е. ограбленными, лишенными собственности *, так и граждане нашей страны, переставшие быть носителями общенародной, государственной собственности, превратились в лиц, лишенных собственности на средства производства и землю, т.е. приватизированными.

Итак, из сказанного выше следует, что ни общество и общественная собственность, с одной стороны, ни индивид и частная собственность, с другой стороны, — не могут быть признаны одновременно действительными в качестве обособленных, независимых друг от друга противоположных сущностей. Тогда, может быть, соответствующие утверждения о приоритете общественной или частной собственности представляют собой неразрешимую антиномию, и решение вопроса заходит в тупик?

Чтобы не вставать на эту позицию, надо строго различать, когда общественная (общая) собственность и частная (индивидуальная) собственность выступают: а) как две противоположные, не совместимые друг с другом сущности, и когда б) как различные, противоречивые стороны одной и той же сущности.

В первом случае речь идет о собственности на землю и средства производства, основанной на собственном (коллективном, индивидуальном) труде людей, и о противоположной ей по сущности собственности, базирующейся на чужом труде, т.е. на отчуждении труда и его результатов. Один тип собственности имеет законом своего функционирования тождество труда и собственности: с нее начинает свою историю человеческое общество, она долгое время остается господствующей, принимая форму непосредственно общей, общинной восточного (славянского), античного (греческого) вида, частной собственности германского крестьянина или ремесленника, не эксплуатирующих чужого труда. В советское время она существовала в виде колхозно-кооперативной собственности. Другой вид собственности основывается на чужом труде, законом ее функционирования и развития является отделение собственности на условия и результаты труда от самого труда, превращение последнего в наемный труд. Применительно к рабочему это означает, что купленная его рабочая сила и продукт его труда отчуждаются, становятся чужой собственностью. Очевидно, указанные противоположные по сущности типы собственности не могут образовать некую общую, дуалистическую сущность, они отрицают друг друга: первоначальная общественная собственность, базирующаяся на собственном труде работника, сменяется собственностью, основанной на чужом труде, т.е. капиталистической собственностью, а последняя — социалистической.

Во втором случае имеются в виду различные, противоречивые стороны одного и того же вида собственности, которые не составляют самостоятельных сущностей, а характеризуют с противоположных сторон ту же самую сущность. Каждый из названных типов соб-

ственности внутри себя содержит индивидуальные, коллективные, государственные и иные формы, которые предполагают друг друга, находятся при всех своих различиях в определенном единстве. Капиталистическая частная собственность, например, может существовать в форме индивидуальной, коллективной (акционерной), государственной собственности. Все эти формы имеют общее начало — отчуждение работника от условий, средств и результатов труда.

Разграничение общественной и частной собственности как двух противоположных сущностей и как сторон одной и той же сущности позволяет установить различные способы их взаимодействия и разрешения противоречий между ними. Когда речь идет о противоречии между собственностью, основанной на своем труде, и собственностью, отделенной от труда, то оно разрешается устранением в ходе истории одной из этих сущностей, и следовательно, установлением другой в качестве необходимой и действительной сущности. Капитализм разрушает общинную собственность, основанную на собственном труде работника, а социализм предполагает устранение нетрудовой капиталистической собственности.

Удалось ли социализму выполнить эту задачу и развить общественную собственность на ее собственной основе до необходимого и достаточного уровня? Если нет, то почему и как это сделать?

После Октябрьской революции оставшейся капиталистической собственности первоначально была противопоставлена общественная собственность в форме непосредственной собственности каждого работника (коммуна). Общий продукт, произведенный коммуной, был непосредственной собственностью каждого ее члена. Была сделана попытка прямой государственной организации производства и распределения продукта путем продуктообмена, без государственной торговли.

В дальнейшем эта форма реализации общественной собственности как непосредственно общей собственности подвергается отрицанию со стороны другой, противоположной ей формы — опосредованной общественной собственности. Ее опосредованность развивалась в двояком отношении. С одной стороны, государственная собственность на крупные средства производства и землю все более приобретала статус особого отношения, и тем самым отдельный человек или производственный коллектив в своих отношениях к крупным средствам производства и земле опосредуются государством как высшим собственником, т.е. отдельный человек или коллектив сами по себе не являются их собственниками, они — лишь их владельцы, а собственниками выступают лишь как члены (органы) общества и государства. С другой стороны, и это пожалуй, самое главное, общественная собственность в ряде важных аспектов стала реализовываться посредством товарно-денежных механизмов, которые используются государством и опосредуют отношение отдельного человека к общенародной собственности. Государство по отношению к своим гражданам становится торговцем, главным образом через товарно-денежные механизмы обеспечивает граждан предметами личного потребления, регулирует отношения классов и социальных групп в области обмена и распределения. Первоначальное допущение мелкотоварного производства как способа реализации условий существования крестьян и средства развития сельского хозяйства неизбежно требовало "одеть" в соответствующую товарную форму и продукцию рабочего класса, и, следовательно, внедрения хозяйственного (коммерческого) расчета на государственных промышленных предприятиях.

* В латыни корневое "privō" образует не только "privatus", т.е. частное, но и "privatio, privationis": 1) лишение, отнятие; 2) освобождение, избавление; 3) отрицание, отсутствие (См. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: 1986. —С.618).

В дальнейшем, после ликвидации частнокапиталистических предприятий и проведения коллективизации, товарные механизмы сохраняются, но выполняют другую функцию — реализуют отношения между государством как высшим собственником и членами общества как сохозяевами этой собственности.

Дальнейшая реализация общественной собственности зависела от того, в какой мере исчерпала свои возможности товарная форма ее реализации и какова была степень ее подготовленности к переходу к новой форме. То, что ею должна была стать высшая форма непосредственно общественной собственности, вытекало из развития труда как непосредственно-общественного труда, продукта как тоже непосредственного продукта, производственных отношений как непосредственно-общественных отношений. Были осуществлены соответствующие преобразования и в области присвоения предметов личного потребления: значительная их часть, предназначенная для совместного удовлетворения потребностей, стала объектом непосредственной индивидуальной собственности. Имеются в виду приобретаемые за счет фондов общественного потребления бесплатные блага, среднее образование для всего населения и высшее — для его значительной части; услуги участковых врачей и специалистов; государственный автотранспорт для инвалидов, пенсионеров, детей и т.д. Производственными предприятиями из коллективных фондов предоставлялись бесплатные путевки в санатории и дома отдыха, дети работающих обеспечивались бесплатными яслями и детскими садами, некоторые предприятия брали на себя бесплатное коммунальное обслуживание своих работников.

Однако продвигаться дальше по этому пути помешали товарно-денежные механизмы, благодаря которым основную часть предметов потребления (необходимый продукт) трудящиеся присваивали посредством обмена на стоимость своей рабочей силы, хотя этот обмен прикрывался принципом присвоения по труду. В этом случае рабочему возмещается стоимость его рабочей силы, т.е. он получает лишь ту часть созданного им продукта, которая необходима для воспроизводства его рабочей силы. Прибавочный продукт, доставляемый его трудом, не включается в меновой эквивалент. Понятно, что из такого "эквивалентного" обмена ему не получить ни приращения своего умственного и физического потенциала, ни прибавки в его благосостояние.

Распределение путем эквивалентного обмена труда на продукт лишь на поверхности представляется присвоением посредством труда, т.е. дает рабочему только формальное право собственности на свой продукт. В действительности же обмен труда одной формы на труд другой формы (овеществленный в продукте) уже сам по себе предполагает разрыв между трудом и собственностью, а потому и объективную возможность присвоения части его труда без эквивалента. "Основанное на меновой стоимости производство, на поверхности которого происходит указанный свободный и равный обмен эквивалентами, в основе своей есть обмен овеществленного труда как меновой стоимости на живой труд как потребительскую стоимость; или, выражаясь иначе, это есть отношение труда к его объективным условиям, —а потому и к создаваемой самим трудом объективности — как к чужой собственности: отчуждение труда" (Соч., Т.46, Ч.1, С.507).

За пределами простого товарного производства отношение меновой стоимости, одной из сторон которого является рабочая сила, есть, по существу, отношение присвоения чужого труда. Оно заложено в са-

мой социальной природе труда как созиателя стоимости, поскольку в последней заключен прибавочный труд. Отношение стоимости (меновой) неизбежно закрепляется в определенных формах собственности. Ими являются: с одной стороны, собственность рабочего на свою рабочую силу, а с другой, обратной, — собственность нанимателя рабочей силы на средства производства, будь эта собственность государственной, коллективной (групповой) или частной. Нанимателю необходимо отчуждение рабочего от собственности на средства производства, ибо тот, кто нанимает рабочего, достоянием которого является его рабочая сила, неизбежно получает право на часть продукта рабочего.

Оценивая создавшуюся ситуацию в данной области, следует сказать: основная задача по изменению системы распределения жизненных благ за годы после революции не была решена; способ распределения не был приведен в соответствие с обобществлением собственности на материальные средства производства. Если за это время собственность формально, т.е. в виде государственной собственности, была обобществлена применительно к средствам производства, то по отношению к предметам, предназначенным для индивидуального потребления, этого не произошло. Их основная масса присваивалась непосредственными производителями на базе величины их необходимого труда, стоимости рабочей силы, т.е. на деле реальное обобществление не состоялось.

Принцип распределения по количеству необходимого труда, возникший их недр мелкобуржуазного социализма и сформулированный его теоретиками, в условиях сохранившегося товарного обмена оказался средством сохранения и утверждения наемного характера труда. В результате частнохозяйственный способ распределения жизненных благ оказался в явном противоречии с общественным способом их производства. Не разрешенное обществом противоречие с каждым новым расширением товарно-денежных отношений в сфере распределения жизненных благ обострялось. В этом противоречии и состоит сущность и главная причина современного кризиса. Наемный характер труда, превращение непосредственного производителя в наемного работника, поденщика привели к деформации общественной собственности и всего социализма, к потере интереса рабочих и крестьян к труду и его результатам, падению производительности труда, относительному обнищанию рабочего класса.

Раньше считалось, что при наличии общественной собственности на средства производства и сохранении государственной власти в руках рабочих и крестьян товарное производство и обращение не могут привести к возрождению наемного характера труда и функционированию рабочей силы в качестве товара, к образованию рынка капиталов, безработице и другим неизбежным спутникам товарно-рыночных отношений.

Действительность опровергла прежние представления. Подобно тому, как перевод предприятий на хозяйствственный расчет и прибыль в первые годы нэпа привел к взвинчиванию цен и экономическому кризису, так и расширение товарно-денежных отношений, переход к производству прибыли в 60-е годы повели экономику к кризису. Произведенные поправки в заложенном реформой стоимостном механизме на время задержали этот процесс (застойный период), но не смогли остановить. Последующая "радикальная реформа", ориентированная на стоимостные показатели ("вал" и прибыль), приблизила кризис, а переход не мог быть ничем иным, как переходом к рынку капитала и рабочей силы, ибо другие формы рынка, в част-

ности рынок потребительских товаров, у нас существовали и раньше.

Выйти из кризиса и разрешить указанное противоречие можно лишь на основе преодоления наемного труда, передачи собственности на создаваемые рабочими и крестьянами доходы в их собственные руки и утверждения принципа распределения по потребительской стоимости.

Вместо стоимости рабочей силы должна вступить в действие ее потребительная стоимость, а основанием распределения жизненных благ становится потребительская сила труда.

Потребительную стоимость своей рабочей силы работник реализует в живом труде. Особенность рабочей силы как потребительной стоимости, в отличие от ее стоимости, состоит в том, что первая предполагает доставление большего количества труда, чем затрачивается на производство жизненных средств рабочего. Их потребление, хотя и не входит непосредственно в процесс труда, тем не менее через реализацию рабочей силы в труде, а труда — в созидании продукта, приводит к созданию дополнительной потребительной силы общества и человека. Работник, следовательно, может с полным основанием претендовать не только на тот объем жизненных средств, который равен (эквивалент) стоимости его рабочей силы, но и на дополнительное количество жизненных благ и средств развития, доставляемых его же живым трудом. Тем самым отпадает главный ограничитель благосостояния и развития трудящихся — способ распределения по затратам необходимого труда, осуществляемый пропорционально стоимости приобретаемых ими жизненных средств, т.е. стоимости их рабочей силы.

Главное, коренное преимущество распределения по потребительной силе труда, реализованной в потребительной стоимости продукта или его полезности, состоит в том, что работники получают право присваивать не только необходимый, но и прибавочный продукт своего труда. Тогда масштаб их потребления уже не ограничивается затратами, стоимостью их рабочей силы, а необходимо предполагает приращение благосостояния тружеников, возможность "прибавочного" их развития. Тем обстоятельством, что они получают часть прибавочного продукта в качестве своего дохода, работники обязаны уже не только своему труду, но и общественной собственности на средства производства, благодаря которой они превращаются в работающих собственников. Следовательно, воспроизводство работника определяется отнюдь не одним только трудом. Его отношение к объективным условиям труда как своей собственности выступает не результатом его труда, а предпосылкой (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т.46, Ч.1, С.507). Нормой же, по которой распределяется продукт между работающими собственниками, будет отношение потребительной стоимости совокупного общественного продукта к затратам труда.

Принцип распределения, основанный на потребительной стоимости, чаще всего трактуется как распределение по производительности (эффективности) труда: фонд заработной платы на предприятии и оплату труда работника предполагается формировать в соответствии с коэффициентом эффективности труда как отношением полезного результата труда к затратам на его производство. Этим, однако, ограничиваться нельзя. Дело в том, что производительную силу труда надо сначала выразить в его потребительной силе. Если полезный результат труда берется в натуральных единицах данного вида потребительной стоимости и сопоставляется с затратами, то это будет классическим оп-

ределением производительности труда. И оно скажет нам лишь о том, что при высокой производительности доставляется больше продукта за ту же единицу времени. Но из этого автоматически не следует повышение благосостояния рабочего.

К тому же условия производства продукции и условия ее реализации существенно отличаются друг от друга. Если первые замыкаются на производительности труда, то реализация продукта зависит еще от ряда обстоятельств: прежде всего от достигнутой пропорциональности отраслей народного хозяйства, от их соответствие структуре общественных потребностей, затем от потребительной силы общественного труда и того, сколько потребителей будет приходиться на данное количество производителей. Сама потребительная сила общества, в свою очередь, определяется потенциалом существующего способа производства.

Для решения вопроса надо, во-первых, выразить потребительную стоимость (полезность) продукта количеством замещаемого, сэкономленного живого труда за вычетом затрат труда на достигаемый объем экономии, замещения; во-вторых, необходимо перевести исчисленную таким образом производительную силу труда (в единицах сэкономленного труда) в потребительную силу труда, т.е. определить в итоге потребительную стоимость рабочей силы. Она, с нашей точки зрения, будет измеряться тем количеством сэкономленного рабочего времени, которое, с одной стороны, становится мерой получения благосостояния сверх минимума жизненных средств, с другой — мерой развития рабочего.

Распределение, следовательно, базируется здесь на законе экономии времени, который, согласно К.Марксу, становится первым экономическим законом на основе коллективного производства. Измерение посредством сэкономленного рабочего времени, отмечает К.Маркс, существенно отличается от измерения меновых стоимостей продуктов затраченным рабочим временем (Соч., Т.46, Ч.1, С.117). Очевидно, что распределять жизненные средства на основе сэкономленного труда, достигаемого за счет более высокой потребительной стоимости рабочей силы, можно столь же успешно, как и на основе затраченного труда.

Итак, отвечая на поставленный в заголовке вопрос, необходимо в заключение сказать следующее: альтернатива существует лишь между собственностью, основанной на своем труде, и собственностью, основанной на чужом труде. Социализм не отрицает того, чтобы каждый стал собственником, он лишь против того, чтобы стать собственником за счет чужого, наемного труда, за счет эксплуатации другого человека. Социализм призван на деле воссоединить личность и собственность, восстановить индивидуальную, личную и в этом смысле частную собственность каждого на самой широкой основе — на базе обобществленного, коллективного труда всего общества. Как Бог дан в трех ипостасях, так и человек должен быть собственником в трех лицах.

Во-первых, каждый должен быть собственником как индивид, носитель непосредственно индивидуальной собственности на продукт своего труда. Индивидуальная собственность такого рода может основываться не только на частной собственности на средства производства, но и на общей, коллективной собственности. В этом случае восстанавливается индивидуальная собственность, но не как частная собственность, а как собственность индивида на базе кооперации и общего владения землей и произведенными трудом средствами производства.

Эта база, с одной стороны, позволяет часть произведенных общим трудом общества предметов превратить в личную собственность каждого и в этом смысле их индивидуализировать, сделать достоянием каждого лица, его индивидуальной (частной) собственностью. Кроме того, с другой стороны, посредством этой формы собственности присваивается труд в виде той части продукта, которая необходима не для коллективного, совместного потребления, а для индивидуального потребления (это — та часть продукта, которая, входя в состав индивидуально потребляемых предметов, должна соответствовать объему потребления, допустимому наличной производительной силой труда, и одновременно обеспечивать развитие индивидуальности личности).

Можно ли данную задачу в наше время выполнить посредством индивидуальной (частной) собственности, основанной на собственном индивидуальном труде? Практика показывает, что этого сделать нельзя. Фермерам приходится трудиться 14-16 часов в сутки, и ни о каком развитии их индивидуальности речи идти не может. Если кто и развивает свою личность и благосостояние, так это та часть общества, которая существует за счет чужого, прибавочного продукта — продукта непосредственных производителей, в том числе и фермеров.

Частная собственность на средства производства и землю, даже если она базируется на собственном индивидуальном труде и оправдывается обществом, в современных условиях исключает возможность использования громадных сил всеразвивающегося обобществления труда и производства, которые не могут принадлежать отдельному работнику-носителю обособленного труда и обособленной собственности. В этом случае он лишается многих потенций современной кооперации труда, без которых невозможно достигнуть нормального развития личности работника.

К этому нужно добавить еще один приведенный выше довод: те, кто связывает свободу личности, ее свободное развитие с частной собственностью, почему-то не задумываются над тем, что все члены общества не могут быть частными собственниками средств производства. Большинству в этих условиях все равно придется оставаться частными собственниками одной только своей рабочей силы, а вовсе не средств производства и земли, собственниками которых окажется небольшая часть населения. Собственник же только своей рабочей силы, оставаясь в этом смысле индивидуальным частным собственником, не может получить из результатов своего труда больше, чем затрачивает труда на воспроизводство своей рабочей силы. Эквивалентный обмен его рабочей силы на продукт труда, необходимо вытекающий из частной индивидуальной собственности на рабочую силу, ограничивает развитие работника. Причем стоимость его рабочей силы может упасть настолько, что он окажется за чертой бедности. Ни о каком развитии ему думать не приходится, ему лишь бы выжить.

Во-вторых, каждый, кроме собственности на продукт своего индивидуального труда, должен иметь в собственности средства и продукт совместного труда, поскольку он является членом определенного трудового коллектива. По отношению к средствам производства член коллектива выступает их совладельцем и одновременно их производительным потребителем. Функция владения ими и использования их в труде дают ему основание претендовать на часть прибавочного колективного продукта и реализовать его как индивидуальную собственность в личном потреблении

посредством отчуждения этого продукта или же получать услуги коллективного пользования, например, услуги заводской поликлиники, дома отдыха и т.д. В итоге члены коллектива присваивают часть коллективного дохода в качестве собственников (совладельцев и потребителей средств производства), поскольку основные и оборотные средства могут быть продуктом труда других поколений и рабочих других предприятий.

В отличие от предпринимателей, получающих прибавочный продукт на основе частной собственности на средства производства, труженик его приобретает как работающий собственник, осуществляющий производительный труд. Если предприниматель обращается к услугам собственности для получения предпринимательского дохода, то рабочий тем более не должен отказаться от этого права. Причем он имеет все основания претендовать не только на ту часть прибавочного продукта, которая идет на личное потребление и отчуждается им, но и на ту часть, которая предназначена для производственного накопления и используется для обновления оборудования. Соответствующий процент от накопления (с его участием) средств производства должен отчисляться и в том случае, если рабочий выходит на пенсию.

В-третьих, каждый труженик выступает собственником принадлежащих всему обществу, всему народу средств производства, земли и других форм богатства. Основанием для реализации общенародной собственности как собственности каждого, т.е. для ее персонификации, служит опять-таки то, что эти средства производства являются условиями, используемыми членами общества в их производстве, т.е. они относятся к ним как к им принадлежащим и используемым ими в их трудовой деятельности. Вместе с тем индивидуализация общей собственности в виде общих средств производства не предполагает их отчуждения отдельными работниками. В то же время отношение отдельного члена общества к общим условиям своей деятельности не может не входить в структуру общей собственности. Всякое отдельное так или иначе включается в общее, предполагает это общее как свою основу. Поэтому общая собственность может и должна реализоваться и как собственность каждого.

Конечным звеном этой реализации выступает потребление части общественного продукта каждым членом общества. Это вынуждены были формально признать и при проведении чековой приватизации: каждому гражданину выплачена определенная сумма денег по специальному приватизационному чеку, т.е. выдана как бы его доля из принадлежащего всему обществу дохода. Важно, чтобы он получал такую долю постоянно, ежедневно.

В итоге трудящийся человек, чтобы посредством распределения и потребления реализовать себя как собственника во всех трех измерениях, должен: а) как индивид получать доход от применяемого им индивидуального труда, присваивая часть продукта своего труда; б) как член коллектива присваивать часть коллективного дохода на основе производительного использования средств производства и совместного владения ими; в) как член общества присваивать долю национального дохода на основе того, что он участвует в его создании и является владельцем общенародного достояния. Его доход, следовательно, складывается с учетом его собственности на все факторы производства и основывается на общественном труде как источник доходов, а не ограничивается лишь заработной платой наемного рабочего, равной стоимости сдаваемой им в наем рабочей силы.

Социализм и рынок? Пора разобраться!

А.П.Шаповал, О.А.Белёвский

Сегодня нет необходимости доказывать, что реставрация буржуазных порядков в нашей стране повлекла за собой в том числе и беспрецедентное по своим масштабам падение уровня жизни значительных масс трудящихся. Экономический кризис налицо. Растет волна стихийного возмущения против проводимой политики. Эта ситуация заставляет партии левой ориентации составлять всевозможные программы действий по выходу страны из кризиса.

Однако нетрудно заметить, что за редким исключением все эти программы основываются не на стратегии ликвидации рыночных отношений, а на стратегии их "улучшения"... в интересах трудящихся. В программных документах коммунистических партий (не говоря уже о социалистических и т.д.) не так уж и редко можно встретить положения, например, о многоукладной экономике, частичном разгосударствлении, развитии рыночных отношений. Объяснение этому странному с точки зрения теории научного социализма факту обычно пытаются дать, апеллируя к тактическим соображениям. Но едва ли такого рода объяснения могут рассеять сомнения, ведь достаточно вспомнить ту простую истину, согласно которой всякая тактика всегда строится на основе определенной стратегии. И если заигрывание с рыночными отношениями со стороны коммунистов — это тактика, то позвольте спросить, какой же тогда является стратегия? Тактика борьбы действительно может быть разной — многое здесь зависит от ситуации. А вот стратегия у коммунистов должна быть одна, причем независимо от ситуации, — такая, которая бы смогла обеспечить реализацию коренного интереса рабочего класса в уничтожении системы капиталистических общественных отношений. Искусство политической борьбы за интересы рабочего класса состоит не в том, чтобы всякий раз подстраиваться под ситуацию, забывая о коренном интересе класса, а в том, чтобы сквозь все многообразие ситуаций, сквозь все перипетии борьбы суметь провести эту стратегическую линию, по отношению к которой и пролегает грань, отделяющая революционера от оппортуниста-соглашателя.

Всякий раз, разрабатывая программу конкретных действий, не лишним было бы поставить вопрос о том, насколько она способствует реализации не сиюминутного, а коренного интереса рабочего класса. И такая постановка не роскошь, а необходимость, ведь В.Ленин не раз повторял, что нельзя найти правильное решение частных, тактических вопросов, не решив вопросов общих, принципиальных.

Одним из таких общих вопросов, имеющих принципиально важное значение на всех этапах борьбы за коммунизм, является вопрос об отношении социализма к рынку. И если на первый взгляд он может показаться узкоэкономическим вопросом, которым должны заниматься "партийные экономисты", то, на наш взгляд, это далеко не так. Разобраться в нем должен каждый коммунист вообще, ибо без ясного понимания данного вопроса невозможно уяснить себе сущность того общественного строя, за который ведет борьбу коммунистическая партия. К тому же не продуманный до конца опыт прошлых ошибок тяжким бременем давит сегодня на умы тех, кто уже вступил на путь борьбы с существующим режимом, обрекая их борьбу на половинчатость и тем самым, лишая ее единственной поддержки со стороны пробуждающихся масс трудящихся.

Казалось бы, опыт последних лет ползучей и галопирующей контрреволюции, когда под лозунгом "альтернативы рынку — нет" страна оказалась в состоянии катастрофы, должен был излечить коммунистическое движение от "рыночной болезни". Пожалуй, действия "перестройщиков" войдут не только в материалы уголовных дел, но и в будущие учебники научного коммунизма в качестве примеров того, как не следует реформировать социализм, когда он по какой-то причине останавливается в своем развитии.

Нет ничего удивительного в том, что усиление рыночных начал в плановой социалистической экономике, с особой интенсивностью проводимое в годы перестройки, привело к прогрессирующему разрушению единого народнохозяйственного организма, к таким деформациям в жизни социалистического общества, которые вызвали попятное движение к капитализму. Ведь социализм — это общество, где ростки коммунизма еще ведут борьбу с остатками капитализма, существующими в виде рыночных отношений. И если социализм начинает пятиться к рынку, то это чревато реставрацией капиталистических порядков.

В результате проведения курса на рынок интересы общества отошли на задний план по сравнению с интересами отдельных регионов, отраслей, предприятий, лиц. Расслоение общества пошло семимильными шагами. В этих условиях социальная справедливость — это основное завоевание социализма — стала пустой фразой. Зато кризис социалистического общества стал реальностью. Политическая реформа, которая ориентировала систему Советской власти на пути буржуазного парламентаризма, подготовила условия, при которых буржуазия могла всерьез рассчитывать на взятие власти в свои собственные руки.

Сегодня можно гадать, понимал ли Горбачев и его окружение, начавшие реформы в 1985 г., эту неумолимую логику исторического процесса. Важен другой вопрос, понимают ли эту логику сегодняшние участники коммунистического движения, осудившие "горбачевщину", но продолжающие верить в ее догмы о социалистическом рынке, планово-рыночной экономике и т.п. И не получается ли сегодня так, что в такой своеобразной форме традиции "горбачевщины" продолжают жить в современном коммунистическом движении.

Голоса противников рыночного курса в самой коммунистической партии тогда не были услышаны. На 28 съезде КПСС была зафиксирована лишь предостерегающая особая точка зрения меньшинства. Их голос оказался пророческим.

Как же могло случиться, что широкие массы трудящихся, а главное — коммунисты, оказались бессильными противостоять опасным фантазиям о "рыночном социализме"? Ответ здесь не может быть простым. Но не вызывает никакого сомнения, что точка зрения теории научного коммунизма по вопросу о судьбе товарного производства (рыночных отношений) была просто проигнорирована. А ведь положение о том, что рынок должен быть уничтожен, что "раз общество возьмет в свои руки средства производства, то будет устранено товарное производство" (Ф.Энгельс. Анти-Дюринг), — это азбука революционной теории марксизма. И тот коммунист, который не понимает этой простой истины, может расписаться в собственной теоретической несостоятельности, а партия, допускающая в своих рядах подобное невежество, совершает, как сви-

действует опыт, опасную ошибку.

Чтобы помочь читателю уяснить, почему теория научного коммунизма столь категорично решает вопрос о судьбе товарного производства (рынка), позволим себе небольшое теоретическое отступление.

Рынок есть категория товарного хозяйства (Ленин, ПСС, т.3, с.21). Он появляется тогда, когда на основе общественного разделения труда появляется товарное производство — такая организация общественного хозяйства, где продукты производятся обособленными производителями, которые вынуждены вступать в отношения друг с другом посредством купли-продажи интересующих их продуктов. Последние в силу этого непременного акта становятся товарами.

Нетрудно понять, что товарное хозяйство намного “старше” капитализма. В своем развитии оно превращается в капиталистическое, и только при последнем рыночные отношения приобретают полное господство и всеобщую распространность. Предметом купли-продажи становится все, а главное — рабочая сила.

Историческая миссия капитализма состоит в том, что экспроприируя отдельных товаропроизводителей, сгоняя их на заводы и фабрики в виде громадной массы “свободных” рабочих, он кладет конец распылению средств производства. Производство приобретает общественный характер. Но в условиях, когда оно подчинено интересам отдельных капиталистов или групп капиталистов, а не всего общества в целом, громадный рост производительности общественного труда ведет к экономическим кризисам, войнам за раздел и передел рынков, бедствиям трудающихся.

Хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Внутренняя логика развития капиталистического способа производства ведет к концентрации богатства и власти в руках немногих. Свободная конкуренция — это необходимое условие для свободной игры рыночных сил — уходит в прошлое. Ей на смену приходит монополия, которая свидетельствует о подрыве рыночных отношений, товарного производства с его законом стоимости уже в рамках самого капитализма.

Этой тенденции способствует, во-первых, логика научно-технического прогресса, которой вынужден подчиняться капитализм, чтобы быть в состоянии ответить на вызов, бросаемый ему в этой области социализмом. Последний, даже будучи разгромленным политически, парит над миром, как призрак, внушающий буржуазии ужас и заставляющий даже самые реакционные правительства развивать производительные силы, отказаться от торгашеской логики сиюминутной выгоды. Во-вторых, активность рабочего класса, его борьба против системы капиталистической эксплуатации заставляет господствующий класс пойти на ограничение свободы отдельных капиталистов, на ограничение сферы свободной, нерегулируемой игры рыночных законов. Буржуазия вынуждена вводить государственное регулирование экономики, вынуждена отказаться от наиболее наглых форм проявления своего господства, чтобы сохранить политическую власть, дающую возможность “цивилизованно”, но все-таки эксплуатировать рабочий класс, т.е. присваивать неоплаченное рабочее время.

Понимая, что время ее исторического бытия близится к концу, буржуазия на деле отрекается от своего символа веры — рынка — в пользу программирования — этого планирования в условиях сохранения частной собственности, которое осуществляется, разумеется, в интересах ее самосохранения как класса.

Здесь и возникает тот рыночно-плановый гибрид,

называемый “смешанной экономикой”, которую пытаются представить как некую “модель социализма”. Только не следует забывать, что этот “социализм”, дающий возможность некоторым национальным отрядам рабочего класса жить более сытно, чем живут их братья по классу в других странах, служит целиувековечения господства буржуазии. Последняя, сохранив в своих руках средства производства, готова предоставлять “социалистам” теплые mestechki в парламентах и министерствах, готова даже давать время от времени посты за штурвалом государственной машины, лишь бы только те, кто называет себя оппозицией, были приверженцами “рыночного социализма”, т.е. государственно-монополистического регулирования экономики в интересах крупного капитала. Обслуга может (и должна) меняться, чтобы хозяйственный и политический механизм оставался без изменений.

Свободные рыночные отношения становятся товаром на экспорт в страны “третьего мира”, за который трудящиеся этих стран платят нищенским существованием в условиях террористических диктатур.

Обеспечить разрешение противоречий, порождаемых движением частной собственности, может только переход политической власти в руки рабочего класса — диктатура пролетариата, главная задача которой заключается в упразднении классов и тех условий, которые порождают классовое деление общества. Первым шагом здесь является экспроприация класса капиталистов, переход средств производства в собственность пролетарского государства, т.е. всего общества трудающихся. Тем самым рабочая сила теряет характер товара. Наносится сокрушительный удар по господствующему положению товарного производства, ибо ликвидируется его высшая капиталистическая форма.

Но прогнать капиталистов еще не означает уничтожить классы. Ведь остается мелкое производство, которое, как известно, постоянно порождает капитализм. И потому нужно также уничтожить мелких товаропроизводителей — этих основных агентов товарного производства, признающих одну единственную форму общественной связи — куплю-продажу. Но как уничтожить? “Их нельзя прогнать, их нельзя подавить, их можно (и должно)” переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой (Ленин, ПСС, т.41 с.27).

Пока остается громадная масса мелких товаропроизводителей, товарное производство, рыночные отношения продолжают существовать, и потому после победы пролетарской революции главная и наиболее сложная задача, стоящая перед рабочим классом и его партией, заключается в том, чтобы ликвидировать эти остатки капитализма, шаг за шагом так преобразовать все стороны общественной жизни, чтобы сделать невозможной реставрацию классовой структуры общества.

Для этого необходимо, как отмечал В.Ленин на седьмом съезде партии в марте 1918 г., превратить весь государственный экономический механизм в единый хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались в своей деятельности одним планом. Точнее не скажешь: хозяйственный механизм превратить в хозяйственный организм, т.е. так согласовать “детали” и “части”, чтобы они потеряли свою обособленность, достающуюся в наследство от капитализма, стали элементами единого целого. И пока эта задача не будет разрешена на практике, рынок будет существовать, свидетельствуя об обособленности социалистических производителей, которые, как нетрудно понять, являются социалистическими в той мере, в какой их деятельность подчинена ин-

тересам не отдельного коллектива, а всего общества трудающихся в целом.

Сегодня каждый коммунист признает, что своими успехами в деле социалистического строительства страна обязана плановой экономике, которая с честью выходила из самых безнадежных ситуаций.

Но едва ли коммунист, который при этом говорит о "социалистическом рынке", о "планово-рыночной экономике", отдает себе ясный отчет в том, что становление планового хозяйства означает уничтожение рынка, который по самой своей природе не бывает социалистическим. Либо плановая социалистическая экономика заставит умереть рынок, либо рынок, как свидетельствует не только теория научного коммунизма, но и опыт последних лет, заставит умереть социализм. Иного здесь не дано. На протяжении всего социализма, который является не более чем переходным периодом от капитализма к коммунизму, вопрос стоит ребром: кто кого. Борьба между побежденным, но не уничтоженным капитализмом, продолжающим существовать при социализме в виде рыночных отношений, и становящимся коммунизмом составляет основное содержание этого периода. Эти заклятые соседи обречены на борьбу и сживание друг друга со света до тех пор, пока плановое хозяйство не создаст условий, при которых рынок будет просто не нужен. Забывать об этой напряженной диалектике социализма нельзя.

Если пренебрежительно отнести к марксистской теории, сердцевину которой составляет материалистическая диалектика, и встать на точку зрения "здравого смысла", эмпирического опыта, который видит только то, что лежит на поверхности, то таким "невооруженным" глазом можно действительно увидеть, что при социализме план и рынок существуют. И поскольку успехи социалистического хозяйства — это факт, не требующий доказательств, то отсюда можно легко сделать вывод, что при социализме план и рынок находятся не в состоянии взаимного исключения, а вполне мирно уживаются друг с другом.

Определенную роль в становлении такого взгляда сыграли и представители самой экономической науки, не без помощи которых рынок был представлен как "имманентная форма социалистического способа производства", как нейтральный инструмент, мирно соседствующий с планом. Такой поворот академической мысли объясняется не только теоретической недобросовестностью отдельных представителей ученого мира, которые вместо того, чтобы исследовать основания существования рынка при социализме и искать пути его ликвидации, пошли по пути наименьшего сопротивления — объявили рынок социалистическим просто потому, что в условиях переходного периода (социализма), когда решается вопрос "кто-кого", развитие может пойти в прямо противоположных направлениях — или к капитализму, или к коммунизму. Все зависит от исхода борьбы. А научная мысль есть, как известно, участник этой борьбы, и потому она далеко не беспристрастна, тем более в таком принципиальном вопросе, как судьба товарного производства. Каких усилий требует решение задачи реабилитации рынка и то, как этому способствуют профессиональные иллюзии тех, кто называет себя экономистами — это вопрос особый. Чтобы совместить теорию научного коммунизма с тезисом о необходимости развития рыночных отношений при социализме, нужна поистине недюжинная изворотливость мышления... или его полное отсутствие. Но на то она и классовая борьба, которая происходит также и в области теории. И горе социализму, если он отдаст теорию на откуп таким "профессиона-

лам" от "чистой" науки. Не только революция, но и контрреволюция начинается в области идей. И если научный коммунизм, переставая быть научным, становится просто идеологией, в верности которой клянутся, игнорируя ее научное содержание (в данном случае положение о ликвидации товарного производства), то иначе как теоретической контрреволюцией это не назовешь.

Происходит она незаметно, когда, например, начинают "исправлять" Маркса, ссылаясь при этом на практику социалистического строительства. И коль скоро практика свидетельствует, что рынок при социализме есть, то приходится объявить товарную форму "имманентной" формой непосредственно-общественного, социалистического производства. Рынок перестают рассматривать как антагонист плана, как некоммунистический элемент в социализме, который делает последний еще не коммунизмом, а всего лишь первой фазой, недозревшим, недостроенным коммунизмом.

Раз рынок объявляется "социалистическим", то это свидетельствует, что социализм перестают рассматривать в качестве только переходного периода, а смотрят на него как на нечто большее, как на самостоятельную общественную формацию, которую можно "улучшать и совершенствовать", топчась при этом на одном месте, поскольку уже не ставится вопрос о его превращении в коммунизм. А ведь только этой меркой следует оценивать действительную степень развитости или неразвитости социализма. Акт ликвидации рынка и соответственно переход к коммунизму перестают рассматривать как задачу сегодняшнего дня. Ее отодвигают куда-то в историческую перспективу, называя при этом коммунистической. "Нехай мене Часник не тягне до комунізму, мені ѹ соціалізмі добре..." — говорил Кондрат Галушка, персонаж известной пьесы А. Корнейчука, выразивший психологию подобного подхода. Но ведь желание увековечить социализм означает попытку увековечить содержащееся в его составе неразрешенное противоречие между коммунистической планомерностью и рыночной стихией. И эта попытка неизбежно заканчивается поражением коммунизма и победой рынка, поскольку для социализма топтание на месте означает скатывание назад: "Раз до комунізму йдеш, Кіндрате, так треба йти до нього швидко і щодня" (О. Корнійчук. В степах України. 1940).

Нетрудно констатировать, что рынок при социализме был. "Не мудрствуя лукаво" это мог сделать каждый школьник, прекрасно знавший, что при социализме для того, чтобы получить мороженое, нужно было заплатить деньги. А деньги, как известно, это не просто вещь, которую носят в кармане, а категория товарного хозяйства, выражаящая собой определенное общественное отношение и при том далеко не коммунистическое. К тому же каждый школьник знал, что при коммунизме мороженое будут давать бесплатно, т.е. говоря иными словами, рынка не будет.

Опираясь на эту нехитрую "детскую" логику, в былые времена (да и сегодня) взрослые "ученые мужи", вынужденные констатировать факт существования рынка при социализме и согласовать этот "казус" с известным положением теории научного социализма о его упразднении, делали (и делают) вывод о том, что товарное производство при социализме — это товарное производство особого рода. Но ведь если внимательно разобраться в этом вопросе, то окажется, что это "новое качество" рынка является просто свидетельством его меньшего количества при социализме. Если при капитализме товарное производство, рыночные отношения занимают господствующее положение, то при

социализме они ограничены, поставлены в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям, как общественная собственность на средства производства, плановое управление народным хозяйством и т.д. Под давлением этих условий товарное производство действительно "модифицируется" (как модифицируется, например, ядовитая змея, которой вырвали зубы, но которая при этом не перестает быть змеей). С точки зрения своего качества, оно ни на гране не "социалистичнее", чем его "капиталистический" собрат. Разница, подчеркиваем, лишь в его количестве. Оно остается все тем же товарным производством, но только без капиталистов, и имеет дело с товарами "объединенных" социалистических производителей, т.е. существует постольку, поскольку последние все же разъединены, и потому их продукты сохраняют товарную форму.

Нужно отдать должное тому поколению советских коммунистов, на долю которого выпала нелегкая задача: когда условия для уничтожения товарного производства еще не созрели,нейтрализовать его, поставив на службу делу коммунизма. Сделать это намного труднее, чем объявить рыночные отношения необходимой формой социалистического способа производства, особо не задумываясь над содержанием философского понятия "необходимость".

Успешно решить эту задачу можно было только на основе четкого понимания той истины, что рыночные отношения представляют собой чуждый, некоммунистический момент в социалистическом плановом хозяйстве, но они должны быть использованы на том этапе коммунистического строительства, когда приходится развивать производительные силы общественного труда в условиях тяжелого наследия прошлого: экономической бедности и мелкобуржуазности. Без помощи закона стоимости здесь трудно обойтись. Революционный энтузиазм авангарда приходится соединять с материальной заинтересованностью громадной непролетарской и полупролетарской массы населения. Таковы условия поставленной историей задачи.

Важным свидетельством понимания напряженной диалектики этого периода является работа И.Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР", в которой он как представитель этого поколения коммунистов подвел итог опыта использования рыночных отношений в деле построения коммунизма. Он констатировал наличие рыночных отношений в плановом хозяйстве страны, констатировал, что "наши предприятия не могут обойтись и не должны обходиться без учета закона стоимости". На вопрос: "Хорошо ли это?" — И.Сталин отвечал: "Не плохо. При нынешних наших условиях это действительно не плохо, так как это обстоятельство воспитывает наших хозяйственников в духе рационального ведения производства и дисциплинирует их..." (Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР).

Нетрудно заметить, что необходимость в использовании рынка при социализме связывалась с определенными конкретно-историческими условиями, которые, как и все на свете, со временем уходят в прошлое. Важно то, что на данном этапе строительства коммунизма признавалось, что товарное производство, рыночные отношения являются чуждым, антагонистическим элементом в составе планового хозяйства и потому они должны умереть по мере продвижения к коммунизму.

Каковы те условия, которые вызывают к жизни необходимость в "рыночном" этапе строительства коммунизма? Является ли этот этап абсолютной историче-

ской неизбежностью?

В "сталинские" годы факт существования товарного производства, рыночных отношений связывали с наличием двух форм собственности при социализме, и становление единого производственного сектора должно было привести к исчезновению товарного обращения с его денежным хозяйством как ненужного элемента. Насколько существование товарного производства при социализме связано с существованием двух форм собственности —это вопрос особый, требующий серьезного разговора. Ведь существование двух форм собственности является не столько причиной, сколько следствием определенных процессов.

Все дело, на наш взгляд, заключается в том, что социализм часто вынужден доделывать то, что в принципе должен был сделать уже капитализм. Приходится не только строить коммунизм "некоммунистическими руками", на что обращал внимание Ленин, когда говорил, что в этом деле приходится опираться на тот человеческий материал, который оставляет нам в наследство капитализм. Но приходится решать задачи, которые должен был решить, но не решил капитализм. Это в первую очередь касается уничтожения мелкого производства (мелкого собственника) и тем самым развития производительных сил общественного труда.

Россия, как известно, была страной отсталого капитализма, где было легко совершить пролетарскую революцию, но гораздо труднее было строить коммунизм. Главная причина того, что положения партийной программы об уничтожении товарного производства нельзя было выполнить сразу, заключается в том, что в стране существовал огромный класс мелких собственников, крестьян, которых нельзя было экспроприировать, но которые своим существованием заставили победивший рабочий класс пойти на уступку — сохранить рыночные отношения, куплю-продажу как такую единственную форму связи, которая понятна и приемлема для громадной массы мелких собственников. Существование этого класса вынуждает рабочий класс сохранить рынок, по крайней мере, до тех пор, пока сельское хозяйство не встанет на индустриальные рельсы, пока логика развития производительных сил не потребует доразвития колхозно-кооперативной формы собственности до общенародной. По крайней мере, до тех пор, пока сельскохозяйственное производство находится в плена исторического прошлого, в руках общества трудящихся находятся далеко не все средства производства, в данном случае ему не принадлежат средства производства продуктов питания и сырья для промышленности. Наличие подобной ситуации, естественно, не позволяет покончить с товарным производством.

Если принять во внимание эти конкретно-исторические обстоятельства строительства коммунизма в СССР, то приходится признать, что "рыночный этап" не является чем-то само собой разумеющимся, как-то "естественной" необходимостью, действующей одинаково для всех времен и всех стран. Степень необходимости в совмещении плана и рынка, период, в течение которого придется пойти на такого рода уступку, зависит целиком от конкретных обстоятельств, в которых придется начинать строительство коммунизма. И если в нашей стране социализм за весь период своего исторического существования так и не смог покончить с советскими, но все-таки деньгами, с советской, но все-таки торговлей, то это отнюдь не означает, что так должно быть и так будет везде и всегда.

Конечно, мы при этом не должны забывать, что на новом витке развития, даже в самых развитых капи-

талистических странах строительство коммунизма, возможно, будет связано с преодолением огромных трудностей, в т.ч. и таких, которые могут вызвать значительные задержки в развитии, т.е. задержать акт ликвидации товарного производства.

Приходится учитывать факт существования огромной массы мелкого производства (мелких собственников) даже в странах развитого, а точнее "переразвитого" капитализма. Это является своеобразным свидетельством недоразвитости производительных сил, которые капитализм в силу своего антагонистического характера не в состоянии доразвить до того уровня, когда можно сразу перейти к коммунизму. Неизбежным оказывается господство материальной нужды, которая в капиталистическом обществе ловко прячется за обманчивой видимостью "общества массового потребления", но которая не может не выйти наружу при социализме, тем более, что переход политической власти в руки рабочего класса может сопровождаться вооруженными формами борьбы и значительным по своим масштабам разрушением производительных сил (как это было, например, в Советской России). И, наконец, приходится учитывать, что если пролетарская революция не победит во всемирном масштабе, то стране победившего социализма придется какое-то время существовать в условиях капиталистического окружения, а значит, придется значительную часть рабочего времени общества тратить на оборону и т.д. Это также не способствует ликвидации рыночных отношений, переходу от товарного принципа "по труду" к коммунистическому принципу "по потребностям".

Вопрос о степени "рыночности" социализма всякий раз придется решать в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств. Надеяться на "конкретную" формулу, пригодную для всех случаев жизни, здесь не приходится. Одно можно сказать наверняка, что независимо от обстоятельств социализм должен победить рынок, иначе рынок победит социализм. Это главная задача. И тактика коммунистической партии должна способствовать реализации именно этой стратегической линии.

Сегодня, когда коммунистам приходится вести борьбу за переход политической власти в руки трудящихся, было бы по-детски наивным заранее решать вопрос о судьбе рынка по принципу: столько-то процентов собственности будет государственной, а столько-то — останется частной. Данный подход порочен не только тем, что из уст коммунистов звучит тезис о "сохранении частной собственности", тогда как задача коммунистов заключается в ее уничтожении (К.Маркс, Ф.Энгельс. Манифест коммунистической партии). Даже с тактической точки зрения он является малосостоятельный, т.к. обмануть (или задобрить) буржуазию таким способом едва ли удастся, а вот потерять доверие трудящихся, которые прекрасно понимают криминальный характер частной собственности в нашей стране, действительно можно.

Решение данного вопроса в условиях перехода политической власти в руки трудящихся будет определяться не заранее составленным планом, ориентированным на "стабилизацию и подъем экономики", а необходимостью обеспечить надежную победу рабочему классу в идейной, политической, а возможно, и военной борьбе классов. За экономическими категориями всегда стоят интересы различных классов. С этой точки зрения, частный сектор — это не просто фактор экономического развития, а живительная опора буржуазии, придающая ей силу в борьбе за сохранение системы наемного рабства.

Без боя отнятую у трудящихся собственность она мирно не отдаст. Об этом заявляется уже сегодня. В обстановке обострения классовой борьбы следование логике экономической целесообразности и сохранение в руках эксплуататоров награбленного будет означать создание мощного очага контрреволюции. И если буржуазия не захочет подчиниться воле большинства и все-таки развязнет гражданскую войну, то рабочий класс будет вынужден национализировать всякую частную собственность, подавить всякое проявление рыночных отношений, как это было, например, в период "военного коммунизма", но не потому, что этого будет требовать экономическая целесообразность, а потому, что только так можно будет обеспечить политическую победу трудящихся.

Если рабочий класс сумеет удержать в своих руках политическую власть, то, невзирая на все трудности, связанные с решением текущих задач, он должен будет провести линию на ликвидацию товарного производства, рыночных отношений как той почвы, которая может реанимировать капитализм. И если за 74 года Советской власти в СССР она все же не была до конца решена, то впадать в отчаяние по этому поводу не следует, ведь данная задача не относится к числу элементарных. Для ее успешного разрешения требуется не только четкое понимание стратегии коммунистического строительства (где уничтожение товарного производства является главным моментом), но и умение найти вовремя нужные практические формы, которые бы смогли обеспечить движение в нужном направлении.

Как свидетельствует история строительства коммунизма в СССР, искать эти практические формы эмпирическим путем — весьма опасное дело. Тогда и глубокая вера в торжество идеалов коммунизма не поможет избежать досадных промахов. Будущим историкам еще предстоит разобраться, насколько способствовали превращению социализма в коммунизм такие решения, как, например, известное постановление ЦК КПСС от 04.10.65 г. "О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства", в соответствии с которым в условиях, когда прибыль стала основным показателем эффективности работы предприятий, были исключены из планируемых показателей производительность труда, численность работников, снижение себестоимости.

Сегодня значительная часть трудящихся, которая уже не верит отдельным трастам, фондам, премьер-министрам и президентам, все еще продолжает верить в возможность "хорошего", "цивилизованного" капитализма, продолжает верить в то, что рыночным отношениям нет и не может быть альтернативы. Нужно признать, что эта народная вера, а точнее суеверие, существует не только в результате титанических усилий буржуазных средств массовой информации, но и из-за идейной беспомощности сознательных представителей авангарда трудящихся — коммунистов, которые до сих пор, невзирая на горькие уроки поражений, так и не свели счеты с рыночными иллюзиями в рядах своих партий.

Первой задача, стоящая сегодня перед коммунистами, состоит в том, чтобы преодолеть этот предрассудок и на этой основе строить тактику своей борьбы. Сделать это можно только путем внимательного изучения опыта рабочего и коммунистического движения, который, правда, не пойдет впрок, если забыть, что его концентрированным выражением является теория марксизма, отношение к которой является своеобразным критерием зрелости компартии.

О характере производственных отношений социализма

Л.А. Гриффен

О грядущем обществе Маркс говорил, что оно будет обществом "основанным на началах коллективизма" (Соч., т.19, с.18). Положение о коллектivistском характере нашего общества имело у нас широкое распространение, но главным образом для его обобщенной характеристики. Что же касается производственных отношений, то фундаментальное положение Маркса об их коллектivistском характере в непосредственном анализе этих отношений при социализме должного места не заняло, а "само понятие коллективизма в большинстве случаев анализировалось нашими учеными в качестве момента, сопутствующего анализу других понятий" (Суименко Е.И. Диалектика становления и развития отношений коллективизма. — Киев: Наукова думка, 1988.— С.7). А тем не менее именно коллектivistский характер производственных отношений представляет наиболее существенный момент, отличающий социализм от всех предшествующих общественно-экономических формаций.

Имея столь глобальное значение, этот момент не может быть сколько-нибудь подробно проанализирован в одной работе, а потому целью настоящей статьи является попытка проследить только некоторые аспекты данного вопроса, представляющиеся автору существенными для анализа особенностей производственных отношений социалистического общества как на прошедших, так и на предстоящих этапах его развития. Данная статья применительно к указанной задаче развивает те положения, касающиеся некоторых вопросов теории социализма, которые были изложены автором в предыдущих публикациях (см. "МиС" №1 и 3 за 1995 год).

1. Кризис общества, кризис обществоведения

Наивно было бы искать объяснение тому кризису, который поразил социализм, главным образом в сфере научных представлений об этом общественном строе. Но и они сыграли здесь не последнюю роль. О качестве столь усиленно развивавшейся "теории социализма" вообще, и его политэкономии в частности, куда как красноречиво говорит сам факт, что *ни один из "теоретиков" даже не предположил* последовавшего развития событий. А наука (как сами теоретические построения, так и занимающиеся ими ученые), лишенная прогностической силы, — это уже что угодно, только не наука. Таким образом, кризис обществоведения не только предшествовал, но фактически способствовал социально-экономическому кризису нашего общества, теоретически разоружая его. Почему же это произошло?

Энгельс как-то заметил, что и законы математики отрицались бы, если бы они затрагивали чьи-то интересы. Что же касается общественных наук, то любой господствующий класс заинтересован в постижении ими объективной истины только тогда, когда находится на подъеме. С того же момента, когда интересы господствующей социальной группы перестают в основном соответствовать общему направлению общественного развития, в этих науках вообще, и в политэкономии прежде всего, по известному выражению Маркса, "бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой" (Соч., т.3, с.17). И это правило не знает исключений.

Здесь и кроется основная причина того, что "официальный марксизм", подобно глухарю самозабвенно воспевавший "развитой социализм", не смог дать истинного прогноза направления процессов в нашем обществе. А трансформация научной марксистской теории в апологетический и охранительный "официальный марксизм" произошла не столько вследствие естественного консерватизма ученых, сколько потому, что господствующая социальная группа в нашем обществе — номенклатура — была заинтересована не в беспристрастном научном анализе (который неизбежно показал бы — "кончилось ваше время!"), а в "теоретическом" обосновании действий, направленных на обеспечение интересов этой социальной группы.

Воспитанные на подобной "науке", разные буниччи и шаталины, гайдары и лацисы, черняки и пинзеники сейчас с тем же самозабвением служат "новым" хозяевам, все так же не замечая (или не желая замечать?) чудовищной нелепости теперь уже их обоснований "построения цивилизованной рыночной экономики" в нашей стране. Тут все ясно: номенклатурные "профессиональные коммунисты" в своей массе превратились в "демократов" и "либералов", а их идеологическая обслуга в соответствии с этим вынуждена так же воспевать теперь уже благотворность частной собственности, "экономической свободы", "нормальной (т.е. капиталистической) рыночной экономики". Ну, да бог с ней, с обслугой. Но, к сожалению, старые догмы давят и на честных исследователей, не променявших своего марксистского научного первородства на чечевичную похлебку. Несогласование с привычными представлениями реальных процессов в обществе они нередко воспринимают как некоторые "шероховатости", подлежащие научной полировке, но не являющиеся основанием для коренных изменений ряда основополагающих положений.

Отмахивание от этих "шероховатостей" как от надоедливой мухи, досадно нарушающей общее теоретическое благолепие, — вообще классическая реакция теоретиков в переломные моменты, когда назрел (и по возможностям, и, главное, по практической необходимости) качественный скачок в фундаментальных представлениях. Даже в "точных" науках те факты, которые не удается втиснуть в старые представления, часто объясняют либо погрешностями эксперимента, либо их неловкой теоретической интерпретацией. Лорд Кельвин на банкете, посвященном наступлению нового столетия, выражал сочувствие физикам грядущего двадцатого века, поскольку возвведение величественного здания физической науки в основном завершено, и на их долю остаются отделочные работы. Только два небольших облачка несколько омрачали тогда сияющий небосклон физики: опыт Майкельсона и корпускулярные свойства света. Из них-то и выросла новая физика.

Обществоведение — не физика: и объект изучения сложнее не на один порядок, и, что еще более важно, здесь научные выводы непосредственно затрагивают интересы различных, в том числе и господствующих, социальных групп. Поэтому тут не приходится ожидать столь же четких формулировок. Но мысли, аналогичные высказанным о физике в преддверии нашего века, витают и здесь. Вот конкретный пример. Утверждая в своей статье "Проблемы собственности: вчера и сегодня" ("Марксизм и современность", 1995, №1),

что “прямое соединение совокупного работника общества с принадлежащими ему как субъекту собственности средствами производства” есть базовая характеристика не только коммунистического, но и социалистического общества, проф. А. Еремин добавляет: “Разумеется, в рамках социализма здесь возникают кое-какие опосредования, но они не могут изменить сути”. Как похоже на те “облачка” в физике! А ведь в том-то и дело, что любой конкретный способ производства как раз и представляет собой это самое “опосредование” между всегда и неизменно по сути общественным производством (какую бы, вплоть до самой индивидуалистической и “антиобщественной”, форму оно не принимало) и индивидуальным потреблением, и политэкономия этого способа производства есть теоретическое отражение этих опосредований, не более того.

Камуфляж (чтобы не сказать — фальсификация) реально существующих общественно-экономических отношений в нашем обществе в так называемой “политэкономии социализма” как раз и осуществлялся главным образом на основе положения об их “непосредственно-общественном” характере. Адептов не смущало то обстоятельство, что процесс производства (равно как обращения и распределения) организовывался государством, т.е. уже этим опосредовался его социальными (а не просто технологически-управленческими) структурами, а значит, даже в этом смысле, никак не мог представляться непосредственно-общественным. Не смущало и то обстоятельство, что вследствие непосредственно-общественного характера труда (возможного только в коммунистическом обществе, когда, по Марксу, “распределение общих функций приобретает деловой характер и не влечет за собой никакого господства” (Соч., т.18, с.616)), при распределении исчезает необходимость в сравнении его конкретных видов через общественно-необходимый труд, т.е. необходимость в товарно-денежных отношениях, реально имевших, однако, место в нашем обществе. При утверждении “непосредственно-общественного” характера труда при социализме ссылались на Маркса, хотя у него, конечно, ничего подобного нет. По его мнению, только в случае “непосредственно ассоциированных индивидуумов”, т.е. при коммунизме, “потребительная стоимость не становилась бы меновой стоимостью, продукт не становился бы товаром” (Соч., т.13, с.69). В утверждении “непосредственно-общественного производства” при социализме, говоря словами Маркса, “догма обманчиво принимается как управляющий миром закон” (Там же, с.70).

А вот для номенклатуры лучшего способа мимикрии, чем представление о “непосредственно-общественном” характере производства при социализме, и желать нельзя было. Действительно, в этом случае получается, что она выполняет не социальную, а чисто технологически-управленческую роль (спасительный имидж “бюрократии”!), и, стало быть, представляет собой никакой не производственный класс со своей особой социальной ролью в отношениях производства (определяющей также специфические интересы этой социальной группы), а всего лишь этакую управляемую прослойку “слуг народа” без собственного социального статуса, реализующую совокупную волю общества в целом. Куда как удобно — что с прослойки спросишь?

Могут сказать: стоит ли так зацикливаться на этой самой номенклатуре? Как бы там ни было раньше, сейчас-то у нас другой противник. Ой ли? В предыдущем номере “МиС” были опубликованы данные, согласно которым 62 % “новой буржуазии” — все та же “быв-

шая” номенклатура. Добавим сюда еще обслуживающих ее чиновников. Так что не стоит сваливать главную ответственность за произошедшее на всяких там “теневиков” да “западные спецслужбы”. Конечно, не все “номенклатурщики” прижились в новых условиях, иные еще не раз пожалеют о содеянном. “Ротация” идет — а когда она не шла? Но речь-то ведь не об отдельных лицах, а об определенной социальной группе. Там были и есть замечательные люди, настоящие коммунисты. Были и есть беспринципные “перевертыши”. И каждому по заслугам воздастся лично. “Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов”, — вот как решал этот вопрос Маркс (Соч., т.23, с.10). И пока коммунисты не отмежуются самым решительным образом именно от нее, от госпартхознomenkлатуры как особой социальной группы, они не смогут завоевать доверия трудящихся, ибо всегда будет оставаться подозрение, не желает ли кое-кто из них снова заделаться “слугой народа”, и опять всласть повластвовать над “хозяином”.

Вследствие своей социальной заангажированности “политэкономия социализма” (в отличие от разработанной Марксом политэкономии капитализма) не рассматривает именно того, что, казалось бы, должно составлять ее главный предмет — “внутреннего устройства” и взаимодействия механизмов функционирования производственных отношений социализма, ограничиваясь их внешним описанием в соответствии с социальным заказом господствующего класса, заинтересованного, как было сказано, в камуфлировании своей действительной роли в этих механизмах. Вот и ссылались на “непосредственно-общественный” характер производства, приписывая действующим механизмам чисто технический характер, отражающий не общественные роли все еще существующих при социализме социальных групп, а всего лишь технологию управления, реализующего совокупную волю общества как целого (чего, естественно, при наличии социальной дифференциации быть не может).

Другими словами, в своих специфических отличиях политэкономия социализма и должна отражать упомянутые “кое-какие опосредования” “в рамках социализма”. Характерной же чертой экономики социалистического общества является ее коллективистский характер, т.е. то обстоятельство, что основным “опосредующим” субъектом экономической деятельности является производственный коллектив. Именно на этом принципиальном моменте и должна строиться научная политэкономия социализма.

2. Коллектив как субъект экономических отношений

Прежде чем перейти к анализу основных характеристик производственных отношений социализма, не лишним было бы, по-видимому, определить используемые понятия, т.е. то, что в данном случае понимается под *социализмом и коллективом*. Ввиду бушующих сегодня дискуссий о том, был ли у нас социализм, а если был, то “настоящий” ли, утверждение, что первый определить проще, чем второй, покажется, пожалуй, парадоксальным. Но дело в том, что в данной статье под социализмом просто понимается тот общественный строй, при котором мы жили несколько десятилетий, и который *исторически* получил такое наименование. Попытки поверять его наличие или “истинность” какими бы то ни было *a priori* определениями представляются чисто сколастическими и в на-

учном отношении абсолютно бесплодными, ибо уже давно, говоря словами Ленина, "прошли... те времена, когда спорили о социалистических программах по книжкам. Ныне о социализме можно говорить только по опыту" (ПСС, т.36, с.499).

Иное дело — понятие коллектива, которое, несмотря на свою привычность (а может быть, именно вследствие ее), требует достаточно точного определения. Дело в том, что группа, в которую объединяются индивиды для достижения своих целей, недостижимых порознь, в этом смысле обеспечивающая синергетический эффект их действий, еще не является коллективом, как некоторое количество даже органически соединенных клеток еще не является организмом. Коллектив возникает тогда, когда вследствие качественного скачка данное объединение выходит за рамки узко утилитарных целей.

С социально-психологической точки зрения классовое общество (тем более в его высшей стадии общества буржуазного) является конгломератом "атомизированных" индивидов. По словам Маркса, "в "гражданском обществе" различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость" (Соч., т.12, с.710). Живя в антагонистическом обществе, эти индивиды, ввиду общественной сущности человека, не могут не включаться в различные структурные образования, но, тем не менее, остаются все же "атомами", не вступающими в "химическую реакцию" с образованием нового качества. В противоположность этому коммунизм есть, по Марксу, общество "ассоциированных индивидов" — целостный организм, каждый член которого выполняет роль органического элемента этого целого.

Переход от одного к другому представляет собой качественный скачок высшего порядка, неосуществимый эволюционным путем постепенного нарастания всеобщей агрегации упомянутых "атомов". Это может и должно произойти (и прежде всего — в области материального производства) через этап локальной организации, первичной агрегации с формированием из "атомов" тех "молекул", которыми являются производственные коллективы. Но настоящий производственный коллектив появляется не тогда, когда какое-то количество людей внешней силой или по собственному почину объединяется для более успешного выполнения определенных функций (это необходимая подготовительная стадия, которую в массовом порядке осуществляет капитализм посредством укрупнения производства), а когда данное объединение приобретает функциональное единство, базирующееся на этих функциях, но не сводящееся к ним, когда связанная производственным процессом группа людей приобретает существенные признаки целостности как социальный "квазиорганизм". Вот тогда из собранных вместе в едином производственном цикле работников возникает производственный коллектив. Это происходит при социализме.

Образование коллектива требует определенных общественных условий, и они-то как раз и появляются со становлением социалистического строя. Будучи коллективистским по своей сути, социализм, в свою очередь, создает и саму возможность образования коллективов, те условия их образования, которых до социализма просто не могло быть. Образование коллектива предполагает определенный характер взаимосвязей в цепочке "индивиду-коллектив-общество", т.е. такое положение в производственных отношениях, когда эта группа — не самостоятельное объединение индивидов,

а элемент, впаянный в целостную общественную систему, через который индивид в своих главных социальных функциях включается в общество.

Таким образом, чтобы производственная группа превратилась в коллектив, т.е. составляла не простой конгломерат, а некоторое (относительное) целое, требуется наличие по крайней мере двух моментов, отражающих необходимые внутренние и внешние связи этого образования. Нужно иметь в виду, что:

1. Люди всегда объединяются ради совместного достижения некоторой цели, для удовлетворения какой-то потребности. Но в определенных условиях это объединение позволяет эффективно удовлетворять также другие потребности кроме тех, ради которых оно было создано, в том числе, что еще более существенно, и просто посредством самого вхождения в данную группу. В последнем случае коллектив для человека из средства превращается также и в цель, что и является характерной особенностью его как коллектива.

2. Коллектив есть именно *относительное* целое, не замкнутое само на себя, но представляющее органическую часть действительного целого — общества. Другими словами, это не самостоятельный организм, но орган общественного организма (клеткой которого является отдельный индивид), без него и вне его теряющий свою качественную определенность (в невозможности соблюдения этого условия — причина неудачи "идеальной промышленной общине" Оуэна). Человек может входить во многие коллективы, но принципиальное значение имеет коллектив производственный.

Первый момент создает условия для трансформации характера удовлетворения основных общественных потребностей человека, освобождая его от порой антиобщественной формы, которую он имеет в классовом обществе. Второй включает коллектив в общество и способствует постепенному расширению границ коллектива до границ всего общества в целом. Только совместное осуществление этих двух функций обеспечивает формирование человека коммунистического общества, т.е. выполнение основной социально-психологической задачи социализма.

Таким образом, в обществе, которое при социализме еще не охватывает все человечество в качестве единого целостного организма и имеет внутреннюю социальную дифференциацию, между индивидом и обществом располагается особая социальная группа с непосредственными (здесь уже действительно непосредственными!) технологическими, экономическими и социальными связями — производственный коллектив.

Производственные отношения, в которые вступают субъекты производственной деятельности, всегда в качестве важнейшего компонента включают в себя определенные отношения собственности на средства производства, специфические для каждой общественно-экономической формации. Специфическими они являются и для социализма, и в соответствии с изложенным выше в этом случае можно было бы говорить о коллективной форме собственности, если бы не та пустаница, которая сегодня связана с этим понятием.

Достаточно сказать, что коллективной собственностью иногда называют собственность акционерную или кооперативную. Это действительно особые формы собственности, но они представляют собой не более чем виды частной собственности, и коллективными в собственном смысле слова не являются — ибо коллективы не являются их субъектами. Ведь если собственником выступает капиталист, то, по Марксу, "безразлично, выступает ли он как отдельный капиталист или

капиталист комбинированный, как в акционерных обществах" (Соч., т.23, с.345). Что касается кооперации, то она также имеет вполне буржуазный характер, если в ней, по словам Ленина, "выделяется слой пайщиков", которым она "дает выгоды (дивиденды на пай и т.п.)" (ПСС, т.37, с.441). Во всех этих случаях капитал имеет адресный, индивидуальный характер, что сказывается на характере и производства, и распределения. Говоря же здесь о коллективистском характере производства (или коллективных формах собственности) мы имеем в виду, что субъектом экономической деятельности, в том числе и субъектом отношений собственности, является не индивид (или группа индивидов со своими индивидуальными "паями"), а производственный коллектив как нерасчлененное (в этом отношении) целое (подробнее об отношениях собственности при социализме см. статью автора в "МиС", №1 за 1995 г.).

Хотя производственный коллектив появляется только со становлением социалистических производственных отношений, он не возникает, тем не менее, "из ничего": все предшествующее развитие производства подготавливает его появление. Как отмечалось выше, при капитализме создается крупное производство, в котором его участники связаны технологическим процессом и только совместно способны обеспечить достижение конечного результата производства — выпуска продукции. Это создает материальную основу колlettivизма, но не приводит еще к образованию коллектива, т.к. личные цели каждого работника только внешне здесь связаны с целями других. И объединяются они только извне капиталистом, также преследующим личные цели, обычно противоположные целям наемных работников. Но уже это совместное противопоставление капиталисту объединяет работников предприятия в стремлении к некоторым общим целям, что создает еще одну предпосылку образования коллектива.

В кооперативных предприятиях при отсутствии наемной рабочей силы появляются элементы колlettivизма уже в производственной деятельности, но они не могут полностью развиться, поскольку распределение определяется здесь отнюдь не только трудовым вкладом, вносимым каждым в общее дело, но и индивидуальным паем (т.е. потребление частично идет — или может идти — за счет того, что создается "живым" трудом других членов кооператива). И только при социализме, где (по крайней мере, в принципе) нет других критериев распределения, кроме трудового вклада, создаются условия для образования подлинного трудового, производственного коллектива.

3. Специфичность экономических отношений при социализме

Колlettivизм существенно меняет характер производства, обращения и распределения. Прежде всего, конечно, играют роль те изменения, которые происходят в сфере производства. Наиболее существенным здесь является изменение стимулов к труду. Во всех случаях базой стимулов к труду являются потребности. Но рассматривать их как нечто единое можно только по отношению к прежним производственным отношениям, имеющим индивидуалистический характер. Для анализа производственных отношений социализма этого уже недостаточно.

Необходимо принять в расчет то, что совокупность потребностей человека отражает нужды сразу двух связанных, но относительно самостоятельных целостностей — индивида как биологического существа и об-

щества как некоей высшей целостности. И складывается она соответственно из двух достаточно различных типов потребностей, одинаково являющихся личными жизненными потребностями каждого человека. Первые включают в себя те группы потребностей, которые отражают жизненные нужды индивида как биологического существа, а именно: связанные с обменом веществ, т.е. собственно потреблением; параметрические потребности, отражающие необходимые условия существования; и, наконец, те, что связаны с психической и физиологической активностью индивида. Вторые выражают нужды общества как высшей целостности: условия этой целостности (эстетическое отношение); необходимые общественные связи (потребность в общении); способ регулирования обществом поведения индивида (потребность в самоутверждении).*

При индивидуалистическом характере производственных отношений производство является только источником средств удовлетворения указанных потребностей, само же их удовлетворение в основном осуществляется вне его. Таковым оно остается и при коллективистском характере производственных отношений — но уже только для индивидуальных потребностей. Что же касается потребностей общественных (также, повторим, являющихся личными потребностями каждого человека), то с возникновением коллектива одновременно возникает возможность все более полного их удовлетворения *непосредственно в самом процессе производства*, т.е. производительный труд сам по себе способен превращаться в средство удовлетворения этих потребностей, сам все больше становясь, таким образом, жизненной потребностью человека.

Естественно, это происходит не вдруг, а является результатом развития социализма как общественно-экономической формации. Но по мере этого развития именно сам производственный процесс приобретает эстетические качества как процесс реализации жизненных потенций индивида и раскрытия его неповторимой индивидуальности, служит содержанием и средством общения, а эффективность этой реализации — средством самоутверждения, приобретая таким образом истинно человеческую, соответствующую своей общественной сущности форму. При коммунизме выполнение необходимых для общества функций (к тому времени далеко перешагнувших рамки собственно материального производства) будет в значительной мере удовлетворять общественные потребности человека. Естественно, что при социализме как обществе, непосредственно вышедшем из общества классово-антагонистического, индивидуалистического, еще достаточно большая часть общественных потребностей продолжает удовлетворяться, так сказать, старым способом, т.е. через распределение между индивидами предметов потребления, но понять его сущность и функционирование только на этой основе уже невозможно.

Что же касается той части потребностей человека, которые определены выше как индивидуальные, то они и при социализме полностью удовлетворяются посредством индивидуального потребления продуктов производства — предметов потребления. Уже капитализм подготовил производительные силы, способные полностью удовлетворять данные потребности, но только изменение характера распределения при социализме

* Несмотря на исключительную важность вопроса о потребностях как движущей силе поведения человека, мы не можем здесь более подробно останавливаться на данном вопросе, и отсылаем читателя к работе автора "Диалектика общественного развития (опыт современного марксизма)"(Киев, Наукова думка, Изд.2-е, 1994).

создает условия реализации этой возможности. Реальное развитие социализма не позволило по ряду причин осуществить это на предыдущих его этапах в полной мере, однако, пока он развивался на своей собственной основе, сохранялось стремление выполнить эту функцию с максимально возможным соблюдением требований социальной справедливости. На предстоящем этапе развития социализма выполнение данной задачи будет полностью завершено. Решение указанных вопросов как раньше, так и в дальнейшем определяется отношениями распределения, и обеспечивается посредством системы обращения, которым коллектivistский характер производственных отношений также придает и соответствующее содержание, и соответствующую форму.

Что касается распределения, то общие черты, свойственные социализму на любом этапе его развития, сводятся к формированию системы распределения в соответствии с *трудовым вкладом*. Благодаря производственному колlettиву впервые в истории обеспечиваются условия подлинного равенства индивидов в экономическом отношении, ибо их экономическое положение как членов коллектива определяется только трудовым вкладом. Другое дело — положение социальное, которое определяется также прошлыми (и не только производственными) заслугами — но опять же собственными, в принципе ничем иным, кроме собственного вклада, не определямыми. Но, тем не менее, именно потому, что критерий распределения — трудовой вклад, каждый член производственного коллектива экономически свободен. Он не привязан к данному производственному коллективу овеществленным трудом, так как не имеет пая в средствах производства (ими владеет не трудовой коллектив, а государство в лице Советов), а свой “живой” труд, если это почему-либо покажется ему целесообразным, может влить в труд другого коллектива, свободно выбирая его (как и коллектив — своего нового члена). Это — более или менее свойственные вообще социализму черты. Однако они существенно модифицируются теми специфическими моментами, которые определяют особенности производственных отношений, характерные для отдельных этапов данного общественного строя.

Коллективистский характер производственных отношений существенно модифицирует также характер обращения. При их индивидуалистическом характере, когда субъектом экономической деятельности выступают индивиды (безразлично, по отдельности или в группе), когда эта их деятельность направлена на удовлетворение собственных потребностей каждого из них, субъект экономической деятельности совпадает с субъектом потребностей, ради удовлетворения которых экономическая деятельность и ведется. Для удовлетворения потребностей при общественном разделении труда посредством обмена его продуктами (по выражению Маркса, “общественного обмена веществ”) и необходима сфера обращения, в которой действуют субъекты экономической деятельности. При любых возможных модификациях и дроблениях сферы обращения, тем не менее, при этом представляет собой некое единое образование.

Но, как показывает исторический опыт, это не единственный возможный принцип организации обмена при разделении труда. Возможна его организация с иными субъектами — коллективными. И должны различаться случаи, когда “продукты обмениваются друг на друга отдельными людьми или первобытными общинами”, когда, по словам Энгельса, “заязывается *отношение между двумя лицами или общинами*”

(Соч., т.13, с.498). Именно последнее и имеет место (теперь уже на другом, более высоком этапе общественного развития) при коллектivistском характере производственных отношений. В этом случае *субъектом экономической деятельности выступает производственный коллектив как целостное (в этом отношении) образование*.

Что касается потребностей, то их субъектом, естественно, по-прежнему выступает все тот же индивид. Но раз совпадение указанных субъектов здесь уже не имеет места, то в сферу обращения неизбежно должен быть введен еще один контур, охватывающий, с одной стороны, производственные коллективы (производящие предметы потребления), и составляющих их индивидов (потребляющих эти предметы) — с другой. Таким образом, при социализме формируется *совершенно особая — двухконтурная* — система обращения, где первый контур, связанный в основном с производственным потреблением, главным образом включает средства производства, охватывая производственные коллективы, а второй, обеспечивающий обращение предметов потребления, в качестве субъектов включает также составляющих эти коллективы индивидов. Являясь следствием коллектivistского характера производственных отношений, такая система — характернейший признак социализма независимо от его “моделей” и этапов развития. А вот конкретный ее характер, как и характер других социально-экономических явлений, самым существенным образом определяется этими этапами.

4. Этапы развития социализма. Становление коллектivistских отношений

Социализм — переходный общественно-экономический строй между обществом классовым, состоящим из “атомарных” индивидов, и обществом бесклассовым, обществом “ассоциированных индивидов”. Переход между ними, осуществляемый через коллектivistские отношения социализма, включает в себя формирование производственных коллективов как субъектов экономической и социальной деятельности и их расширение до уровня всего общества, т.е. представляет собой не однократный (пусть даже растянутый во времени, как строительство средневекового собора) “акт творения”, а процесс с последовательными стадиями (как метаморфоз насекомого). Другими словами, при всей своей качественной определенности, социализм не является строем с относительно неизменными общественно-экономическими характеристиками (как не является таковым классовое общество в целом), но принципиально проходит в своем развитии ряд достаточно существенно различающихся в основных социальных и экономических характеристиках этапов.

Фактически вся история общества при его классовой организации представляет собой формирование в конечном счете общественных отношений между “атомизированными” индивидами — вплоть до того, что в “обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей и т.д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата” (Соч., т.12, с.709). Выходя из первобытного племени, представляющего собой целостный организм, где в полной мере “производящий индивидуум выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому” (там же, с.710), общество последовательно проходило ряд этапов, объективно направленных к достижению данной цели. Перед социализмом стоит аналогичная, но обратная

задача смены субъектов общественно-экономических отношений, т.е. формирования из “атомизированных” субъектов коллектivistских. Понятно поэтому, что между этапами развития в обоих случаях можно ожидать наличия определенной аналогии (естественно, весьма существенно ограниченной как этими различиями, так и направлением движения).

В обоих случаях достаточно четко выделяются три основных этапа развития. Первый этап связан с коренной сменой всей общественной ситуации (осуществляемой вследствие этого, исключительно насилиственным путем), устанавливающей вооруженное господство одной социальной группы над другой. Различие же состоит в том, что в первом случае это относится к племенным (т.е. первоначально практически полностью разделенным) образованиям, а в другом — к классам (т.е. социальным образованиям, сложившимся внутри некоторой целостности). Второй этап наступает в результате внутренней дифференциации возникшего в результате упомянутых процессов нового социального образования с установлением иерархической системы управления, обеспечивающей эту целостность. И, наконец, третий этап, завершающий данный цикл, на котором ранее начавшиеся процессы доводятся до логического завершения (в первом случае — окончательная “атомизация” общества, во втором — его “коллективизация”), характеризуется тем, что в основу общественно-экономических отношений ложится самоорганизация субъектов экономической и социальной жизни. В первом случае (на этапе буржуазного общества) это взаимодействие экономически самостоятельных индивидов, во втором (на еще предстоящем третьем этапе развития социализма) — самоорганизация производственных коллективов.

Таким образом, тем, что объединяет на всех этапах социализм как единый общественно-экономический строй, является коллектivistский характер производства. Что же касается основных экономических характеристик, то фактически в условиях социализма приходится говорить, по крайней мере о трех существенно различных экономических механизмах функционирования (и соответственно о трех достаточно различных политэкономиях). Каждый этап развития социализма выполнял свою собственную задачу в дальнейшем обобществлении производства, и как таковой являлся необходимым этапом этого процесса. Однако необходимым и эффективным он был только в определенных условиях и до определенного момента, а именно до тех пор, пока в основном не выполнял свою историческую миссию.

Объективно задачей первого этапа социализма было становление коллектivistского характера производства, осуществляемого посредством самоорганизации отдельных трудовых коллективов. Поэтому на данном этапе, непосредственно после “экспроприации экспроприаторов”, заводы и фабрики переходят пролетариату как некоторой целостной социальной группе только名义上, когда, по выражению Энгельса, средства производства от имени общества берет во владение государство (которое в это время представляют, по Ленину, “вооруженные рабочие”). Реальное же распоряжение предприятиями осуществляется отдельными трудовыми коллективами, которые “в наследство от капитализма... получили неумение, непривычку к общей солидарной работе” (ПСС, т.42, с.5). Но на начальном этапе иначе и быть не могло — “исторически показано, что рабочие не могут объединяться иначе, как по производствам” (ПСС, т.42, с.257).

По ряду причин первый этап оказался весьма крат-

ковременным (насколько это вообще возможно применительно к общественным этапам, его окончание можно датировать достаточно точно — 1921 годом, а точнее — Х съездом РКП(б)). Среди этих причин следует отметить не только упомянутый “синдикализм” рабочих, но и отсутствие у них опыта управления, саботаж буржуазных специалистов, противодействие (в том числе вооруженное) теряющих свое господствующее положение общественных групп, внешнее давление и, что чрезвычайно важно, то обстоятельство, что в число производственных коллективов не входили те, которые обеспечивали бы производство продуктов питания — сельское хозяйство оставалось индивидуалистическим и мелкобуржуазным. Все это неизбежно вело к дезорганизации экономических отношений, препятствовало организации той инфраструктуры на основе всеобщей самоорганизации “вооруженных рабочих”, той диктатуры пролетариата, на которую рассчитывали классики марксизма, — жизнь показала, что “нельзя осуществлять диктатуру пролетариата через поголовно организованный пролетариат” (ПСС, т.42, с.205). Единственным результатом движения в том же направлении было бы торжество синдикализма, “советы без коммунистов”, вырождающиеся в органы парламентаризма и, наконец, неизбежная реставрация капитализма.

И тогда по необходимости (своевременно осознанной Лениным, но далеко не всеми его соратниками) начинается организация управляемой инфраструктуры, через которую “авангард пролетариата, коммунистическая партия, руководит беспартийной массой рабочих...”, а затем и крестьян, для того, чтобы она могла прийти и пришла бы к сосредоточению в своих руках управления всем народным хозяйством” (ПСС, т.42, с.241). Имея поначалу технологический характер координации, процесс этот, будучи связанным с распоряжением средствами производства, т.е. с отношениями собственности, не мог не принять формы социальной дифференциации, классового расслоения — прежде всего в рядах пролетариата. Начинает формироваться занимающая господствующее положение и противопоставляющая себя большинству трудящихся специфическая социальная группа, позднее названная номенклатурой. Дальше все последующие процессы в нашем обществе теснейшим образом были связаны с судьбой этой социальной группы — “номенклатурного класса”. Прежде всего это касается новых производственных отношений.

Для создания эффективной народнохозяйственной инфраструктуры господствующий класс осуществляет соответствующее структурирование производителей, организуя колективные субъекты производственных отношений. Как сказано выше, в промышленности уже капитализмом подготовлены материальные основы такого структурирования путем организации достаточно больших производственных предприятий — фабрик и заводов. Нужно было только придать им некоторые дополнительные функции и включить их в единую народнохозяйственную систему. Для последнего, в частности, их руководство необходимо было сделать низовым звеном номенклатурной иерархии, что и было осуществлено.

Иначе дело обстояло в сельском хозяйстве, где развитие капитализма еще не успело привести к полному социальному расслоению и организации крупных предприятий. А потому в этой важнейшей отрасли народного хозяйства уже при социализме пришлось проводить соответствующие мероприятия с целью формирования и здесь коллектivistских субъектов производственных отношений, причем также включенных в

общую систему. Для этого поначалу действительно добросовестно предпринимались попытки кооперирования крестьян. Но так задача не решалась, а потому в конечном счете была выбрана форма колхозов с "неделимым фондом", ликвидировавшим всякие там индивидуальные "пай" (т.е. саму основу кооперативной организации в ее классическом понимании). Сохраняя внешнюю форму самостоятельных коллективных хозяйств, колхозы по существу стали такими же производственными предприятиями, управляемыми теми же ставленниками номенклатуры в соответствии с общим порядком (хотя декорация "выборов" председателей сохранилась).

Формирование коллективных субъектов производственных отношений в сельском хозяйстве полностью завершило процесс. Теперь, в отличие от предшествующей формации, и господствующий класс, и трудающиеся массы представляли собой не конгломерат индивидов, действующих самостоятельно и объединенных только общим классовым интересом, но определенные социальные образования, в составе которых только и мог функционировать отдельный индивид. Социализм получил возможность дальнейшего развития на своей собственной основе.

5. "Номенклатурный социализм"

Экономику длительного периода нашей истории, начиная с двадцатых годов, сторонники социализма называют плановой, а противники — командно-административной. Последнее определение вряд ли стоит рассматривать всерьез: противникам все равно ничего словами не докажешь, а марксисты, казалось бы, должны и без того понимать, что любая экономическая система строится не на командах и администрировании, а на действиях объективных экономических законов, специфических для каждой общественно-экономической формации, в том числе и для социализма. Вопрос только в том, что собой представляют эти законы.

Со времени выхода знаменитой сталинской работы одним из главных таких законов социализма считался закон планомерного и пропорционального развития. Таким образом, утверждение о плановом характере нашей экономики в указанный период как бы опирается на объективный экономический закон. Но была ли она действительно плановой?

По самому своему существу планомерность предполагает установление по тем или иным соображениям (скажем, в соответствии с научным расчетом) желательного уровня производства необходимых продуктов и такого управления им производством, которое позволило бы его достичь. Ничего подобного у нас не было. Имел место стремление всемерно расширять производство — и только. Больше, больше, больше — вот идеология того периода. А потому и многократно высмеянное "планирование от достигнутого" было не результатом чьей-то тупости или злой воли, а объективным выражением реального процесса, естественной необходимостью определенного этапа общественного развития.

Капиталист стремится к выколачиванию прибавочной стоимости главным образом не для увеличения собственного потребления, в общем-то достаточно ограниченного. Прежде всего он жаждет таким образом удовлетворять свою потребность в самоутверждении (в том числе через обретаемую власть). И здесь он ненасытен, ибо данная потребность пределов не имеет. Равно и в условиях минувшего этапа социализма тот, кто попадал в номенклатуру, стремился не столько к "пайкам" и аналогичным благам, сколько к самоутверждению, ко-

торое обеспечивалось как самим вхождением в номенклатурную иерархию, так и занимаемым в ней местом. А потому стремление каждого члена этой иерархии к сохранению и упрочению своего в ней положения, к повышению статуса — столь же фундаментальный стимул к действию в условиях данного этапа социализма, как и жажда прибыли (прибавочной стоимости) в условиях капитализма. Поэтому централизованное управление при государственном владении средствами производства однозначно предполагает наличие номенклатурной иерархии, положение в которой является единственным стимулом к деятельности для каждого ее члена (все остальные стимулы существенно уступают данному и сами по себе эффективного управления централизованной экономикой не обеспечивают).

Но указанный статус определялся (при всех издержках) в конечном счете эффективностью функционирования данного элемента системы. А оценивалась эта эффективность неизбежно по количественным критериям (иначе их формализовать в качестве критериев просто невозможно). Поэтому-то и "планировали от достигнутого". Неудивительно также, что при попытках реформирования системы в области управления именно этим критериям уделялось основное внимание. Однако найти идеальный критерий, адекватно отражающий общественные нужды, вследствие его количественного характера принципиально невозможно, а следовательно, система оказывается практически нереформируемой — что и доказали неудачи многочисленных попыток.

Но речь пока шла о функционировании не всей экономики, а только самой системы управления, которое имеет смысл лишь в том случае, если в его результате удается соответствующим образом воздействовать на производство, в данном случае — через производственные коллективы. Здесь уж одними "командами" задачи не решишь, внеэкономическим принуждением (что в прошлом также практиковалось) этого сделать в нужных объемах и с необходимой эффективностью также не удается. Нужны соответствующие экономические механизмы. И они, естественно, использовались. Упомянем здесь один из таких важнейших механизмов, используемый для воздействия на производственный коллектив, как звено, соединяющее индивида и общество, т.е. узел пересечения двухконтурной системы обращения.

Известно, что в системе обращения, характерной для минувшего этапа социализма, одновременно функционировали два вида денег — "наличные" и "безналичные". Это и были совершенно различные их виды, а вовсе не разные формы существования одних и тех же денег (как, например, различные системы безналичных расчетов в капиталистическом обществе), ибо преимущественно предназначались для обслуживания разных контуров обращения — отдельно средств производства и предметов потребления. Но, будучи раздельными, они состояли в нерасторжимой связи. И как раз в месте их соприкосновения вершилось таинство взаимного превращения этих денег, обеспечивавшего связь производства с потреблением. Происходило это по правилам и под контролем номенклатуры — но на этот раз уже не отдельных, хотя и включенных в систему, ее представителей (как в "командном" управлении), а именно как целостной социальной группы, которая имеет для этого специальные органы, реализующие функцию распоряжения средствами производства. Не рассматривая его конкретно, отметим, что это был важнейший механизм управления экономическими процессами в нашем обществе.* Его нарушение с началом

“перестройки” немедленно вызвало нарушение работы всей экономической системы социализма и положило начало ее разрушению.

Возможность распоряжения средствами производства и определялась тем, что номенклатура как господствующая социальная группа, хотя и представляла собой иерархическую пирамиду с достаточно четко определенными слоями, но тем не менее составляла не конгломерат субъектов хозяйственной и политической деятельности, объединенных только общим классовым интересом (как, например, иерархия феодального общества), а действительно единое образование, функционирующее как целостная система взаимосвязанных элементов, т.е. также представляла собой определенного рода “коллектив”.

Как социальная группа, распоряжающаяся (хотя и не владеющая) средствами производства, в отношениях производства номенклатура, выступая как единое целое, обеспечила целостное функционирование народного хозяйства. Соответственно и в распределении она участвовала в качестве такого целостного образования. Именно она определяла “правила игры” в этой сфере, она же через централизованное установление уровней оплаты и ценообразование обеспечивала их практическую реализацию. Она же определяла уровень и характер собственного потребления.

Все так называемые привилегии номенклатуры были не чем иным, как формой распределения в соответствии с трудовым вкладом между членами данной группы (всебобщего “коллектива”) распорядителей, точнее, в соответствии с занимаемым иерархическим уровнем. В соответствии со своим господствующим положением данная группа выделяла себе при распределении относительно большую долю, но при этом стремилась создать видимость равенства в оплате труда с другими социальными группами, особенно с трудящимися в сфере материального производства. “Недобор” компенсировался соответствующими “довесками”, для затушевывания истинного положения данной группы маскируемыми, в первую очередь, под пользование общественными фондами потребления, которые в нашем обществе получали все расширяющееся значение. Поэтому, кстати, эти фонды имели как бы “перекошенный” вид: в них, например, не были введены такие важные моменты, как бесплатное питание на производстве, бесплатный городской транспорт и т.п. Но главное, - это отсутствие такого важнейшего момента, как содержание всех детей за государственный счет, всегда считавшегося классиками марксизма имеющим принципиальное значение и долженствующим быть реализованным при социализме в первую очередь. Но для камуфляжа своего “усиленного” потребления номенклатуре все это не требовалось, а следовательно, и не реализовалось.

Система управления экономикой, обеспечивающая ее функционирование в качестве единого целостного образования, давала поразительные результаты. Наша экономика развивалась исключительно быстрыми темпами, невиданными в истории. А вместе с экономикой укреплялся колlettivistский характер производственных отношений. Резко возрастал уровень производительных сил, и не только их материального, но и, глав-

ным образом, личностного компонента, повышалась квалификация работников, менялась их психология. Отмеченная Лениным “непривычка к солидарной работе” заменялась прочными колlettivistскими навыками. Соответственно менялась и роль трудовых коллективов, им все более тесными становились те рамки, в которые их ставила номенклатура. Новые производительные силы, вызванные к жизни социализмом, все больше приходили в противоречие с наличными производственными отношениями данного этапа социализма, давно выполнившего свою историческую задачу. Это неизбежно приводило к снижению эффективности общественного производства, падению темпов экономического роста, к возрастанию напряженности в обществе. Неотвратимо надвигалось время перемен.

Таким образом, усилия номенклатуры по организации производства были высокоеффективными, но до тех пор, пока ее цели объективно совпадали с целями общества как целого. Эффективность производства начала снижаться по мере того, как эти цели стали все сильнее расходиться. Общество нуждалось в переходе к следующему этапу развития социализма, а номенклатура хотела сохранить предыдущий, поскольку в следующем для нее как господствующей социальной группы места уже не было. Ее попытки приспособиться к меняющейся ситуации путем изменения организации производства в конечном счете сводились к поискам методов более успешного воздействия номенклатурной иерархии на производственные коллективы. Они были более или менее успешными, но кардинально решить назревшую задачу не могли, ибо не затрагивали главного — положения господствующего класса. А потому раньше или позже, но непременно номенклатура должна была стать “жертвой” ею же разбуженных социальных сил, ею же выпестованного колlettivism. Только отказ от всебобщего централизованного управления со стороны *особой социальной группы* (а в классовом обществе иного не дано), переход к самоорганизации производственных коллективов мог радикально изменить ситуацию.

Но, как сказано выше, это требование жизни никак не устраивало номенклатуру, ибо угрожало не только ее господству, но и самому существованию именно как особой социальной группы. И она в конце концов предприняла попытку, изменив общественный строй, сохранить свое господствующее положение в качестве теперь уже класса буржуазии. В этом — глубинный смысл происходящих у нас сейчас социальных процессов. Но их конечным результатом, что бы там ни говорили о “необратимости реформ”, может быть только переход к следующему этапу развития социализма, характеризующемуся самоорганизацией субъектов экономической деятельности, которыми при социализме являются производственные коллективы.

6. Социализм и рынок

В спорах о том, каким быть будущему социализму, немалое внимание уделяют теме “социализм и рынок”, но при этом редко дают себе труд достаточно четко определить, что же понимают под рынком. А ведь если под ним, как нередко и делается, понимать наличие любого обмена продуктами деятельности индивидов, неизбежного при любом разделении труда в обществе (даже поло-возрастном в обществе первобытном), то это понятие приобретает столь расширительное значение, что рынок становится неизменным атрибутом едва ли не любого общественно-экономического строя. Тогда нет и предмета для обсуждения.

Однако марксизм под рынком понимает механизм

*Интересно, как понимание специфики “двухконтурной” системы обращения для социализма пробивает себе дорогу. Даже некоторые зарубежные теоретики-утописты в своих проектах “новой модели” социализма отводят своеобразному двухсистемному денежному обращению важнейшую роль (см., например, Roemer J.E. Future for Socialism. Cambridge: Harvard University Press, 1994.- 178pp.).

отнюдь не любого обмена, но стихийно складывающееся эквивалентного обмена продуктами производства между самостоятельными товаропроизводителями, который по своей общественной функции в качестве такого является *средством обобществления и регулирования производства*. Другими словами, рынок — экономический механизм саморегулирования производственной деятельности общества в отсутствие внешнего (по отношению к отдельным товаропроизводителям) управляющего центра, обеспечивающий целостность общества как общественно-экономического организма в его отношениях с окружающей средой. А его характер определяется характером производственных отношений, и стало быть, может быть различным. Другое дело, что реально нам пока известен только один вид такого экономического механизма — применительно к буржуазному обществу, где в качестве субъектов экономической деятельности выступают отдельные индивиды.

Этот экономический механизм давно уже стал объектом идеологических и политических спекуляций. Его усиленно отождествляют вообще с капиталистической общественно-экономической системой — на том основании, что на определенном этапе ее развития (особенно в домонополистический период) рынок действительно был основным механизмом обобществления и регулирования производства. Но с вхождением капитализма в стадию империализма положение начало качественно меняться. Образование транснациональных корпораций, сращивание монополистического капитала с государственными структурами, разделение капиталистических государств на эксплуатирующие (“цивилизованные”) и эксплуатируемые (все прочие), истощение природных ресурсов — все эти факторы неизбежно ведут к усилению олигархического управления мировой капиталистической системой (непосредственно или через государственные органы и межгосударственные образования) за счет систематического снижения роли и значения рыночных механизмов, которые в настоящее время в капиталистическом мире стремительно теряют свою ведущую роль как в обобществлении производства, так и в регулировании экономики.

И наоборот, социализм неизбежно войдет в следующий этап своего развития, где жесткое управление со стороны номенклатуры — особой социальной группы, организованной в иерархическую систему, — закономерно сменится самоорганизацией экономики, но уже построенной на коллективистских началах. При желании такую экономику также можно назвать “рыночной” — при условии, что учитывается ее специфический характер.

Тем, кто стремится изобрести “новую модель” социализма, обращаясь к рыночным механизмам и заимствуя буржуазный опыт, приходится учитывать существенные трансформации этого механизма в последнее время, возрастание роли внешних по отношению к нему факторов, не только оказывающих все большее влияние на его функционирование, но и все сильнее ограничивающих сферу его действия. Согласовать надежду и опыт пытаются в концепции так называемого “регулируемого рынка”. Просто поразительно, как при этом не замечают бессмыслицы и внутренней противоречивости самой этой конструкции. Коль уж рынок — это тот регулятор экономики, на который возлагается столько надежд именно как на “естественный” механизм саморегулирования, то как же они могут оправдаться, если этот регулятор еще нуждается в каком-то дополнительном регулировании? Происходящая сей-

час смена экономических механизмов капиталистической экономики, замена одного из них (рыночного саморегулирования) другим (управлением со стороны постепенно организующейся в мировую систему олигархии) принимается за некий “новый” механизм — “регулируемый рынок”. И вот на этого-то мифического кентавра возлагают надежды не только приверженцы капитализма, но и некоторые сторонники социализма.

Когда понимание существа происходящих процессов подменяется простой их констатацией, всегда возникает искушение избежать “односторонности”, прибегнув к эклектике. Тут открывается широчайший простор для манипулирования (вспомним гоголевскую Агафью Тихоновну: если бы нос одного жениха приставить к губам второго, да еще взять кое-что от третьего...). И создают “экономические программы” с эклектическим сочетанием приглянувшихся элементов, тщась соединить “преимущества” капитализма и социализма, отбросив их “недостатки”. А ведь это не кубики детского “конструктора”, а *органические элементы разнородных общественно-экономических систем*, в рамках которых они *взаимосвязаны и взаимообусловлены* и существовать друг без друга не могут. Их механическое соединение никогда не образует органической целостности. Вот что действительно возможно, так это временное существование их рядом друг с другом — с неизменным стремлением каждого решить в свою пользу вопрос “кто кого?” Что обычно и происходит в переходные периоды (да и то чаще всего в рамках одной и той же общественно-экономической системы).

На предстоящем этапе социализма будет совсем другой “рынок”, и сходство его с “рынком” буржуазным будет ограничиваться, главным образом, тем, что в обоих случаях имеет место саморегулирование экономики. Однако уже то, что субъектом экономических отношений выступит не индивид, а производственный коллектив, приведет к существенным отличиям. Первое из них заключается в том, что государство здесь, в отличие от капиталистического “регулируемого рынка”, играет роль не внешнего по отношению к данному экономическому механизму фактора, а входит в него органической составляющей, ибо включено в отношения собственности на средства производства. Влияние государства (в лице Советов) как владельца средств производства приводит к тому, что несмотря на наличие товарных отношений, “продукт социалистической фабрики... не есть товар в политico-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром” (ПСС, т.43, с.267). Посредством ренты (а не налога!), госзаказа, инвестиций и других экономических механизмов государство будет в данном своем качестве иметь возможность действительного планового согласования интересов отдельных коллективов с общегосударственными интересами, но в то же время оно не сможет вмешиваться в непосредственное распоряжение средствами производства, целиком и полностью находящимися в компетенции производственных коллективов. Последнее не только развязывает инициативу производственных коллективов, но впервые действительно создает их глубокую заинтересованность в результатах своего хозяйствования.

При этом, как и на предыдущем этапе социализма, обращение будет осуществляться в виде двухконтурной системы с разделением сфер обращения средств производства и предметов потребления. Производственное предприятие все так же останется узлом пересечения этих контуров, но контроль над происходя-

щими в нем процессами возьмет его трудовой коллектив. "Рыночные отношения" при этом будут действовать во внешнем контуре, в отношениях между предприятиями (коллективами), но не внутри коллективов — функции распределения примет на себя коллектив.

Указанный характер рыночного механизма существенным образом изменит положение трудающегося как владельца рабочей силы. В данных условиях рабочая сила потеряет характер товара, возможность ее продажи исключается, а следовательно, исключается возможность эксплуатации. Действительно, не являясь экономическим субъектом в сфере производства, индивид не может с этим товаром производственного назначения выходить на рынок. Да и кто был бы покупателем? Не может же работник, становясь членом экономически самостоятельного производственного коллектива, сам быть покупателем своей же рабочей силы. Иначе придется прийти к высмеянному еще в свое время Марксом выводу, что "рабочий, ссужающий самого себя не только жизненными средствами, но и средствами труда, является в действительности своим собственным наемным рабочим" (Соч., т.23, с.526). Труд окончательно перестанет быть наемным, совершившись очередной и чрезвычайно важный шаг к его *полному освобождению*.

Таким образом, споры на тему "план или рынок" бесперспективны: ни тот, ни другой в известном нам виде на будущем этапе социализма реализованы быть не могут. Возврат к номенклатурной "плановой экономике" (если бы он вообще был возможен) мог бы только возродить ситуацию, имевшую место до начала "перестройки", — с теми же вытекающими из нее последствиями. "Нормальная рыночная экономика" как свободное взаимодействие индивидуальных товаропроизводителей невозможна не только потому, что ничего общего с социализмом не имеет, но и по причине окончания соответствующего периода в мировой истории, вследствие чего она и в капиталистическом мире все больше уступает позиции другому экономическому механизму — всемирному олигархическому управлению. Как по указанным причинам, так и в силу их принципиальной ублюдочности бесперспективны всяческие коктейли вроде "регулируемого рынка" или "планово-рыночной системы", равно как и связанные с ними "многоукладные", "смешанные", "двухсекторные" и прочие такого же рода экономики.

Грядущий путь социализма один — самоуправление производственных коллективов, распоряжающихся средствами производства своих предприятий при интегрирующей роли владеющих ими Советов (что, кстати, не помешает какое-то время рядом с ними существовать предприятиям так называемых "других форм собственности"). И этот путь будет выбран не потому, что кому-то удастся убедить сомневающихся в преимуществах такой "модели" социализма. Никто никого ни в чем не убедит, ибо дело не в логических выкладках, а в интересах. Соответственно еще будут долго вестись бесплодные дискуссии сторонников "плана" и "рынка", сражения "товарников" и "бестоварников". Конец этим дискуссиям положат трудовые коллективы,

которые, когда окончательно станет невмоготу и просто не останется иного выхода, явочным порядком возьмут в свои руки распоряжение собственными предприятиями, а для защиты установят двоевластие, интегрируя политическую власть снизу вверх путем делегирования полномочий Советам высших уровней. Вот тогда и начнется возрождение социализма.

* * *

Но это не значит, что возродится он именно так, в виде описанного "социалистического рынка". Отдачу новый хозяйственный механизм даст не сразу. Не будучи еще сформированным и отработанным, он не сможет обеспечить эффективный и быстрый выход из нынешней разрухи. Здесь не обойтись без своего рода "нэпа". У нас много говорилось о конкретных механизмах этого периода в двадцатые годы, гораздо меньше внимания уделялось сути данного явления. А заключалась она в том, что на переходный период временно и частично использовались старые, привычные, способные прямо немедленно начать реально функционировать экономические механизмы. Да, свое они уже отжили и, будучи неспособными обеспечить интенсивное развитие, нуждаются в замене новыми, но незаменимы для первоначального восстановления. Тогда это были "рыночные" механизмы буржуазного общества. В наше время такой необходимый "откат назад" будет связан уже с другими механизмами — с частичным и времененным восстановлением жесткого государственного управления экономикой. Но суть останется та же — отступление для разбега.

Нельзя, однако, забывать, что такой "откат" связан с опасностью реставрации — тогда буржуазии, сейчас —номенклатуры. Стараниями тех, кто его использует, временное средство имеет тенденцию превращаться в постоянный механизм. Гарантом недопущения реставрации как в том давнем, так и в теперешнем случае является политическая власть Советов. Только восстановление Советской власти в ее ленинском понимании (т.е. опора на местные Советы, формирование местных структур снизу вверх с непрямыми выборами высших эшелонов при действенной возможности отзыва избранных с любых постов в любое время) дает необходимые гарантии, позволяя в полной мере реализовать колlettivistский потенциал нашего общества.

В последние годы мы понесли (и продолжаем нести) колоссальные потери в производительных силах. К сожалению, это касается не только материальных, но и личностных их факторов. Однако, благодаря достигнутому предыдущим этапом социализма, их уровень все еще остается исключительно высоким. А главное — при всех имеющих место деформациях пока что глубинные основы *коллективизма советских людей* остаются незатронутыми. И это дает уверенность, что когда социализм у нас войдет в новый, завершающий этап своего развития, т.е. производственные отношения в нашем обществе снова будут приведены в соответствие с достигнутым уровнем производительных сил, не только будет быстро восстановлен имевшийся потенциал, но и обеспечены доселе невиданные темпы развития — и не только в экономике.

О простом и сложном труде

Е.Б. Сахонько

Одно из самых "туманных мест" в "Капитале" Маркса - это там, где он говорит о простом и сложном труде (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд., т.23, с.53). Причина такого "тумана" тут (да и в других местах) кроется не в невозможности решения этих проблем или в нашем непонимании буквы классика, а в том, что многие из описываемых Марксом явлений имели в его время неразвитый зачаточный характер, и поэтому он, контурно наметив их, предпочел просто от них абстрагироваться. В данном случае Маркс пишет: "... Мы избежим излишней операции и упростим анализ, если предположим, что рабочий, применяемый капиталом, выполняет простой, средний общественный труд" (Там же, с.209). Такой подход для науки естественен и необходим. Совершенно подобным образом абстрагируется от пространственных размеров объекта физик, пользуясь в своих теоретических построениях понятием "материальная точка". Но когда условия исследования изменяются, тогда становится невозможным игнорировать те параметры явлений, от которых ранее отвлекались. Невнимание Маркса и даже некоторая противоречивость в высказываниях по поводу соотношения простого и сложного труда легко объяснимы: *различие между простым и сложным трудом в прошлом веке было относительно невелико в силу недостаточной развитости производительных сил*. О чем он четко пишет: "Ради простоты в дальнейшем изложении мы будем рассматривать всякий вид рабочей силы непосредственно как простую рабочую силу, - это избавит нас от необходимости сведения в каждом частном случае сложного труда к простому" (Там же, с.53). Сегодня, через полтораста лет, когда произошел грандиозный скачок в производительных силах, резко выросла разница между простым и сложным трудом как в качественном, так и в количественном отношении. Поэтому абстрагироваться дальше от этой разницы стало невозможно. Надо здесь же отметить, что подобное изменение в анализе необходимо сделать и по ряду других принципиальных положений марксизма. Это, по нашему мнению, также касается таких "темных" мест, как:

- потребительная стоимость и сфера потребления;
- проблема сбыта прибавочной стоимости;
- рост стоимости рабочей силы относительно производимой этой силой стоимости;
- и т.д.

Это сделать необходимо в максимально сжатые сроки, поскольку после непродолжительного относительного затишья начали нарастать (с лавинообразной скоростью) социальные сдвиги мирового масштаба. К сожалению, теория (в том состоянии, в котором она сейчас находится) объяснить их природу и предсказать последствия просто не способна. Одна из основных причин этого в том, что марксистский официоз замыкался только на пережевывании, толковании общих мест, увлекался популяризаторством и упрощенчеством. При этом нагло были перекрыты все возможности для обсуждения тех положений марксизма, которые могли вызвать сомнения и дискуссии. Этим реально заниматься можно было только порвав с марксизмом. То есть сколько-нибудь талантливые мысли-

тели выталкивались из марксизма и начинали талантливо его критиковать. Это явилось одной из причин того, что появилась достаточно глубоко обоснованная, но, по сути, антинаучная теория (причем в недрах советской общественной науки), которая стала идеологическим обоснованием капитализации нашей страны. С этой теорией будет бороться исключительно трудно, так как ее сторонники уже давно и систематически оттачивают свою антикоммунистическую аргументацию именно в тех областях, где у Маркса наибольшие неясности. При этом их позиция исключительно проста: поскольку в обществе произошли грандиозные изменения, которые не могут быть описаны простейшими формулами из арсенала популяризаторов марксизма, то и весь марксизм устарел и не верен в принципе для современных условий.

Итак, попытаемся разобраться в проблеме простого и сложного труда. Основным в определении этих видов труда является то, что *рабочник в процессе сложного труда за одно и то же время при одинаковой интенсивности производит большее количество новой стоимости, чем работник в процессе простого труда*: "...В каждом процессе образования стоимости высший (сложный - Е.С.) труд всегда должен сводиться к среднему общественному труду, например, один день высшего труда к x дням простого труда" (Там же, с.209). К сожалению, в силу описанных выше причин Маркс не оставил политэкономической методики определения соотношения между простым и сложным трудом, ограничившись лишь одним замечанием: "Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленными обычаем" (Там же, с.53). Здесь Карл Маркс утверждает объективность и независимость от субъекта установления этих пропорций, но не описывает при этом материальных законов, по которым такие пропорции устанавливаются. Ему не было необходимости углубленно исследовать эти закономерности потому, что он свел весь труд, и простой, и сложный к некоторому усредненному. Это было возможным, поскольку основная масса труда в XIX веке была относительно мало дифференцирована по сложности. Существовавшие области труда высокой сложности имели узкий, локальный характер. Кроме того, часть работников сложного труда нельзя было никак причислить к proletariat, это либо мелкая буржуазия (высокосложные кустарные производства: ювелиры и т.п.), либо рабочая аристократия, подкупаемая капиталом. В современных условиях произошло резкое усиление разрыва между простым и сложным трудом, кроме того, области труда высшей сложности, ранее бывшие прерогативой мелкой городской разночинной буржуазии, все более заполняются работниками наемного труда. Разрыв этот настолько велик, что стоимость, произведенная работником сложного труда, на несколько порядков выше стоимости, произведенной за то же время неквалифицированным работником (простым трудом). Простое механическое усреднение или абстрагирование от различия простого и сложного труда станов-

вится в современных условиях полностью неприемлемым. Необходимо выявить закономерности взаимоотношения и разработать методику приведения сложного труда к простому. Это важно потому, что в противном случае ставится под сомнение закон стоимости, в рамках которого стоимость товара трактуется как общественно необходимые трудозатраты. Концы с концами не сходятся, когда оказывается, что работник сложного труда при равных затратах физической, психической и умственной энергии за равное время производит значительно больше стоимости (порой на несколько порядков), чем работник простого труда. Неспособность привести сложный труд к простому - это та брешь, через которую по нам бьют наши противники, утверждая, что закон стоимости устарел, а вместе с ним и весь марксизм.

Качественное отличие любого сложного труда **заключается в наличии у работника специфических знаний и навыков, присущих только этому труду**. Это означает, во-первых, что сложный труд - всегда конкретный труд, которым занимается конкретный работник. Если же абстрагироваться от конкретных характеристик работника и его труда, мы придем к выводу, что такой "абстрактный" работник обладает, элементарной способностью к труду, хотя бы в его простейшей форме (простому труду). Ясно, что такие абстрактные работники за равное время при равных общественно необходимых трудозатратах (расходовании своей умственной и физической энергии) производят равное количество новых стоимостей. Надо сказать, что и конкретный работник, выполняющий простой или сложный труд (все равно), производит как минимум такое же количество стоимости плюс некоторое добавочное количество стоимости, которое тем больше, чем более сложный труд совершается. При этом, так как мы условились, что конкретный работник расходует то же количество физической и психической энергии (интенсивность одинаковая), не совсем ясно, откуда берется эта добавочная новая стоимость при сложном труде? Здесь возможны два вывода: либо трудовая теория стоимости неверна, что нам и подсовывают классовые противники, либо необходимо создать такую теоретическую модель, которая показала бы нам, какой труд порождает дополнительную стоимость при сложном труде. Ясно, что первое для нас однозначно не приемлемо. Вторая же модель у Маркса явно не описана, однако если воспользоваться методологией "Капитала" и основными принципами марксистской теории трудовой стоимости, то можно в самых общих чертах решить эту проблему.

Как известно, рабочая сила обладает двумя основными свойствами: способностью создавать в процессе труда новые стоимости и переносить запасенную ранее в предметах средствах и орудиях труда стоимость на вновь создаваемый продукт. Мы считаем, что производит новую стоимость за равное время при равной интенсивности расходования физической и "психической" энергии рабочая сила всегда **равную**. В этой ситуации нам остается предположить одно: что дополнительная стоимость, происхождение которой мы пытаемся выяснить, - это стоимость, перенесенная с каких-то, пока не выясненных предметов, средств, орудий труда (то есть это вовсе не новая, вновь созданная стоимость, хотя видимость у нее таковой). Но кроме специальных знаний, навыков и умений, полученных

в процессе специального профессионального образования, работник сложного труда от работника простого не отличается. Вывод - **специальные знания и навыки обладают стоимостью, которая в процессе труда постепенно расходуется и переходит с работника (рабочей силы), в котором она запасена, на продукт труда, являясь той неуловимой добавочной стоимостью, которая отличает результат сложного труда от продукта простого труда**. Рассмотрим пример. Квалифицированный работник с высшим образованием должен учиться пять лет, то есть:

- в течение этого срока расходовать свою физическую и "психическую" энергию, проще говоря, должен быть занят (как минимум) простым трудом (в данном случае учебным, "непроизводительным");

- этот (учебный) труд, по нашему мнению, во-первых, создает новую стоимость, эквивалентную его рабочему (учебному) времени, которая как потребительная стоимость выступает в виде навыков и знаний, применяемых работником в дальнейшей его производственной деятельности;

- во-вторых, в процессе учебного труда он расходует и переносит на продукт этого труда стоимость (точнее, ее определенную часть) материальных средств, применяемых в учебном процессе;

- а также этот учебный труд оплодотворяется (суммируется) непосредственно трудом преподавателей специальных дисциплин, одним из самых сложных видов трудовой деятельности.

Таким образом, трудозатраты на создание стоимости специальных знаний и навыков дипломированного работника составляют $Tu(tu) + U$ человеко-часов, где Tu - трудозатраты обучаемого за время tu , в данном случае 5 человеко-лет (при сорокачасовой - для простоты - учебно-рабочей неделе); U - трудозатраты на средства обучения плюс трудозатраты преподавательского и обслуживающего персонала. Составляющая U по мере развития научно-технической революции постоянно растет.

Кроме предварительного специального образования, каждый высококвалифицированный работник по мере развития НТР и усложнения труда все большую и большую часть своего рабочего времени затрачивает на повышение квалификации, то есть, увеличивая, "восстанавливая" стоимость своих навыков и умений. Структура трудозатрат здесь такая же, как и при предварительном обучении $Tr + U'$, где: Tr - трудозатраты обучаемого, а U' - трудозатраты на производство материальных средств обучения и трудозатраты преподавательского состава. Важно обратить внимание на то, что в отличие от предварительного образования, при повышении квалификации tr (время, затраченное обучаемым на повышение квалификации) в большинстве случаев скрыто или не выделено из времени производственного труда. То есть занятия по повышению квалификации, как правило, проводятся в рабочее время (tr'), уменьшая тем самым время на производственный труд. Либо самостоятельное изучение учебного материала происходит в нерабочее время (tr''), которое по этой причине исключается из баланса рабочего времени. И тогда общее время, затрачиваемое работником на повышение своей квалификации - $tr = tr' + tr''$. Соответственно трудозатраты за это время будут иметь вид $Tr(tr) = Tr'(tr') + Tr''(tr'')$. Эта скрытость затрат на повышение квалификации порождает иллюзию, что специфи-

ческие профессиональные умения и навыки не расходуются в процессе их употребления, а наоборот, в большинстве случаев возрастают, из чего делается вывод, что их стоимость не присоединяется к стоимости продукта производства.

Поскольку многие из параметров приведенных выше формул могут изменяться со временем, то попробуем рассмотреть весь период трудовой деятельности отдельного работника, за который трудозатраты (создающие новую стоимость) равны $T(t)$, где t - общее время производительного труда рабочего. Соответственно простым трудом за это время создается новой стоимости - $C(T)$. Этой же величине будет равна и "простая" составляющая сложного труда, но кроме нее, будет в общую стоимость сложного труда входить и дополнительная стоимость, перенесенная со стоимостью умений и навыков, которая равна: $C\{(Tu + U) + (Tr + U')\}$. Таким образом, общая стоимость, производимая сложным трудом (за трудовую жизнь работника), равна $C(T) + C\{(Tu + U) + (Tr + U')\}$. Это означает, что за время t трудовой жизни (напомню - здесь под трудовой жизнью понимается совокупное время производительного неучебного труда) одного работника сложный труд производит столько же, сколько и простой за время равное $t + \{(tu + tr) + t'(U + U')\}$, где $t'(U + U')$ - время, затраченное другими работниками на обучение данного и производство средств обучения. Эти формулы дают нам методику приведения сложного труда к простому. Однако реальное отношение простого и сложного труда, разных видов сложного, которое отражают эти формулы и методики, устанавливаются на рынке в процессе обмена продуктов этих видов труда, на чем и настаивал К.Маркс в приведенной выше цитате.

Становится ясным, почему Маркс абстрагировался от количественного различия простого и сложного труда. Фабрично-заводской рабочий в середине прошлого века тратил на специальное образование, приобретение и совершенствование навыков за всю жизнь от силы год - полтора при средней продолжительности общего рабочего времени 15 - 20 лет. Это значит, что простой труд от сложного отличался приблизительно на 10%, чем вполне можно было пренебречь. Кроме того, в прошлом веке система профессионального образования была совершенно не развита, то есть материальные затраты на нее равнялись практически нулю ($U + U' = 0$). Профобучение шло в большинстве случаев через ученичество, наставничество и происходило в рабочее время ученика и наставника (в которое они не освобождались от основного производительного труда, и таким образом совершилась дополнительная эксплуатация). Напротив, в современном мире создана целая индустрия начального, среднего и высшего специального образования, которая обладает исключительно большой совокупной стоимостью. Действует она по тем же принципам, что и материальное производство, производя продукт, который потребляется (и при этом пользуется огромным спросом) в материальном производстве. В буржуазном обществе эта индустрия функционирует внутри себя и при взаимодействии с другими сферами производства в соответствии с открытым Марксом законом стоимости.

В современной жизни можно привести примеры колоссально сложного труда, к производству которого готовятся чуть ли не полжизни с привлечением исклю-

чительно дорогих средств обучения, а время такого труда составляет всего десятки часов - это космонавты. Соответственно продукты их труда (например, сверхчистые кристаллы) обладают огромной стоимостью (даже без учета стоимости, перенесенной на них с космической техники и оборудования).

Используя такой подход, можно исследовать и сферу научного производства, поскольку появляется возможность приводить стоимость, получаемую в процессе сложнейшей научной работы к стоимостям-результатам простого труда, и выяснить, в какой пропорции они должны обмениваться на рынке в соответствии с законом стоимости. Не исключено, что подобным образом можно исследовать также сферы услуг и управления.

Теперь есть необходимость обратиться к тому, для чего было предпринято это исследование. Оно было вызвано необходимостью показать, что **за равное время при равных условиях интенсивности работник создает равное количество новых стоимостей независимо от того, какой сложности труд при этом совершается - простой или в высшей степени сложный**. Естественно, при условии, что продукты этого труда выступают на едином рынке. Это принципиальное марксистское положение, доказательству которого был посвящен "Капитал", стало подвергаться ревизии под предлогом того, что изменились условия: появился сложный труд, в результате которого работник создает значительно больше новой стоимости, чем при простом труде. Последнее утверждение нужно прислужникам капитала для того, чтобы доказать необходимость и естественность эксплуатации развивающихся стран: поскольку работники в этих странах производят меньше стоимости за единицу времени, они и получать должны меньше, чем работники в развитых странах.

В действительности, при продолжительности трудовой деятельности в 35 лет (при равной интенсивности и продолжительности рабочего дня) работники сложного, и простого труда создают равное количество новых стоимостей, однако структура расходования рабочего времени у них разная. Работник простого труда на протяжении всех 35 лет работает на производстве и каждый день создает равное количество стоимостей, эквивалентное величине затрат простого труда за это время. Работник же высокой квалификации на протяжении тех лет, которые он учится ($tu + tr$), никаких стоимостей не создает (предположим, 10 лет), то есть он занимается специфическим трудом, который видимых материальных продуктов не создает. Но затем в течение оставшихся лет (20) занимается производительным трудом, создавая материальные ценности и новые стоимости для рынка. Таким образом, новой стоимости создается за единицу времени на одну треть больше, но это не означает, что его труд более производительный, просто эта одна треть добавляется из фонда учебного времени. Кроме создания новых стоимостей, работник сложного труда переносит стоимости со средств обучения и стоимость, созданную преподавателями. Вот эта дополнительная стоимость $C\{(Tu + U) + (Tr + U')\}$, являясь скрытой в умениях и навыках работника и, как по волшебству, появляющаяся только в момент производительного труда, создает иллюзию, что эта стоимость вновь создана работником сложного труда, а это противоречит фундаментальным положениям марксизма.

Умения и навыки, "производящие" дополнитель-

ную стоимость, поскольку они включены в процесс производства капитала и товарного обращения, сами являются специфическими стоимостями (как всякий продукт в товарном производстве). В процессе материального производства они частями переносятся на материальный продукт. При этом исключительно важно то, что принадлежат эти стоимости работнику. Да и кому им принадлежать, если они сконцентрированы в мозгу работника и практически не могут быть от него отчуждены? Таким образом, эти стоимости находятся у работника в интеллектуальной собственности, при этом они являются средствами, орудиями интеллектуального производства. Но, как известно, орудия производства, находящиеся в собственности, по мере своего преумножения приобретают все усиливающуюся тенденцию к капитализации. Собственник стремится получить прибыль на нарождающийся капитал, то есть работник сложного труда начинает склоняться к мелкобуржуазной психологии и при удобном случае норовит перейти в разряд мелких буржуа. По этой причине во времена Маркса сложным трудом занималась мелкая буржуазия, получавшая прибыль не только на материальный капитал, но и на интеллектуальный. Когда сложный труд стал массовым, эта мелкобуржуазная тенденция у работника стала постоянно пресекаться, подавляться крупным капиталом и сильнейшей конкуренцией между владельцами этой интеллектуальной собственности. Это естественно, поскольку крупный капитал уже не в состоянии делиться своими прибылями с массой работников сложного труда (точнее, буржуазия способна делиться только с определенной

небольшой частью работников, которая постоянно распределяет по мере вовлечения в капиталистическую эксплуатацию все большей и большей массы пролетариата в развивающихся странах). Такой подход позволяет нам описать новые черты рабочего класса. Современный рабочий класс, обладающий сложными интеллектуальными средствами труда, даже находясь в положении эксплуатируемого класса, обладает значительно меньшей классовой устойчивостью, сильнее подвержен влиянию буржуазной психологии. По этой причине затруднена его пролетаризация. Собственно, это мы и наблюдаем в современной России.

Не менее важно рассмотреть взаимоотношения между сложным трудом и стоимостью рабочей силы. Те страны, в промышленности которых преобладает высокосложный труд, может быть, даже вопреки желанию буржуазии, должны иметь дорогую рабочую силу. Во-первых, для того, чтобы обеспечить высокий уровень разнообразной специальной подготовки, работники, приступающие к ней, уже должны иметь высокие физические, интеллектуальные, образовательные кондиции, что само по себе недешево. Во-вторых, достижение этих кондиций с необходимостью генерирует массу новых "материальноёмких" потребностей. В-третьих, эти потребности сохраняются и приумножаются у работника на протяжении всей его жизни. В общем виде эту закономерность можно сформулировать так: с ростом уровня производительных сил растет стоимость рабочей силы. Эта закономерность существовала и в социалистическом обществе и имела свое выражение в законе возвышания потребностей.

Предреволюционная ситуация

Б.П.Курашвили

Тотальный штурм советского социализма, его чрезмерное разрушение (излишне радикальное даже с точки зрения действительных интересов заменяющего его строя) приходится на период с августа 1991 по декабрь 1993 года,— от подавления бесхарактерного августовского "путча" до успеха решительно проведенного президентского государственного переворота в России. Начиная с декабря 1993 года, когда едва-едва удалось протащить на референдуме новую, нелегитимную Конституцию РФ, за которую было подано менее третьей части голосов от общего числа избирателей, и когда на выборах в Государственную Думу партия власти по существу потерпела первое, еще не смертельное поражение, мы являемся свидетелями того, что реакционный социальный переворот утрачивает стартовую энергию и капиталистическая контрреволюция начинает свой большой откат.

Какими были основные моменты продолжавшегося в этот период тотального штурма советского социализма? Они таковы.

1. Массированная приватизация государственных предприятий. Власти действовали так, будто вправе распоряжаться народным достоянием по своему усмотрению, а народ, подвергшийся циничному ограблению, смириенно опустил перед ним голову. Столь же позорно и легковерно большинство граждан приняло свой ваучерный подкуп, на который власти затратили не-

значительную (до десяти процентов) долю народного имущества и которым прикрыли распродажу за бесценок примерно половины основных фондов собственным чиновникам и вчера еще теневым дельцам. По замыслу властей, так началось формирование слоя "эффективных", "стратегических" частных собственников.

2. Установление свободы любой частнопредпринимательской деятельности. Практически никак не направляемая государством деловая активность привела не к решению проблем технического перевооружения и структурной перестройки производства, а к бегству капиталов из производства в сферу обращения, деградации производства и резкому падению его уровня, к возникновению множества коммерческих банков и посреднических фирм, бурной активизации ростовщической и спекулятивной деятельности, гиперинфляции, депопуляции, общей деградации общественной жизни.

3. Развал СССР, дезинтеграция России. Как бы ни прикрывались эти акции, идиотские с точки зрения государственного разума, общенародных интересов, тысячелетней логики геополитического развития, рассуждениями о праве на национальное самоопределение и о вреде чрезмерной централизации, они, эти акции, имели и имеют в качестве своей действительной подосновы говор "новых" якобы русских, национальных и региональных групп капиталистических хищников о

разделе страны на территориальные ареалы, в которых каждая группа получила преимущественные возможности для расхищения народного имущества. Единство страны, могущество государства были принесены в жертву своекорыстию национальных и региональных клик, создавших для себя условия "наибольшего благоприятствования", боявшихся упустить момент для немедленного фантастического обогащения. Народы, нации, территориальные общности позорно дали улечь себя националистическими, демагогическими, религиозными лозунгами и пошли на поводу у этих клик.

4. Открытие границ под флагом интеграции в мировое хозяйство. Наряду со скупкой за бесценок народного имущества и спекулятивно-ростовщиками операциями, постсоветская буржуазия, почти сплошь компрадорская, нашла в практически бесконтрольных экспортно-импортных операциях еще один мощный источник фантастического обогащения. Экспорт топлива, сырья, материалов подрывал собственное производство не только в материальном, но и в финансовом отношении, так как сопровождался утечкой за границу капиталов, сравнимых по размерам с доходной частью государственного бюджета. Импорт позволил иностранному капиталу подавлять конкурентов и захватывать рынок, в частности продовольственный, в доле, несомненно с независимостью страны, ее национальной безопасностью. Огромные, еще более трудно восполнимые потери страна понесла и продолжает нести в связи с "утечкой мозгов".

5. Ликвидация Советов народных депутатов, установление административного всевластия. Несмотря на то, что Советы, начиная с Верховных Советов, с усердием ренегатов принимали приватизационное и иное законодательство, обеспечивавшее капитализацию страны, им не простили даже элементарной осторожности, попыток постепенно, не вызывая острого социального напряжения, не рискуя вызвать взрыв народного недовольства, "ползучим" образом провести смешну общественного строя. "Постепеновцы" были выброшены "штурмовиками", как старый хлам. Административная "вертикаль" практически все взяла в свои руки, у граждан нет от нее никакой защиты. Расстрел Верховного Совета РФ из танковых орудий 4 октября 1993 г. при ликвидации "нового класса" стал в высшей степени показательным проявлением политической несостоятельности и новой власти, и этого класса.

Достигнутым результатом тотального штурма советского социализма, штурма, который "демократы" назвали "шоковой терапией", а их оппоненты "шоком без терапии", явилось уничтожение этого общественного строя. Правда, еще остались некоторые его "пережитки" в виде поверхностно преобразованных колхозов и совхозов, акционерных обществ, состоящих главным образом из работников предприятий, еще не продавших своих акций хищникам-директорам и хищникам со стороны, и, наконец, в виде предприятий, значительный пакет акций которых государство намерено продавать за бесценок своим людям на "втором этапе приватизации". Но главный "пережиток социализма" устраним. Это — социальная память. Память об относительно благополучной жизни, социальном порядке. Трудовой народ задается вопросом, ради чего, в конечном счете, были проведены капиталистические "реформы", и видит, что, оказывается, не ради экономического подъема и большего народного благополучия, как уверяла его свора "демократических" дурачков и негодяев, а ради разграбления страны вчерашней партийно-государствен-

ной бюрократией, теневыми дельцами, старым и новым криминалом, "отечественными" и иностранными хищниками, что ради собственного обогащения вся эта свора разорила и растоптала страну, бросила ее в бездну небывалого кризиса.

Масштабы кризиса убедительно характеризуются двумя показателями. К середине 1995 года производство упало до 48 процентов от уровня "дореформенного" 1990 года, причем в высоко-технологичных областях до 10 — 40 процентов. Даже в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны падение, точнее, вынужденное роковыми обстоятельствами снижение, остановилось на 64 процентах от довоенного уровня, чтобы — в условиях войны! — опять пойти вверх. И не было ничего похожего в тогдашние времена на нынешнюю научно-техническую и структурную деградацию производства. Второй показатель: уровень жизни большинства народа снизился до 20 — 30 процентов от "дореформенного", а третью населения оказалась за чертой бедности. Не будем уж говорить о таких "мелочах", как деградация науки, образования, здравоохранения.

Впрочем, есть и "отрадная" сторона во всем происходящем: страна усеивается коттеджами, расцвечивается рекламой и огнями развлекательных заведений. Пир во время чумы.

"Новый класс" богатеет с той же стремительностью, с какой страна погружается в горести и бедствия. Богатеет не на развитии производства, а в сфере обращения — на ростовщических и спекулятивных операциях, на разграблении и скупке за бесценок экспроприированного народного (якобы "государственного") имущества. Богатеет и в животном страхе перед ответственностью переводит награбленные и мошеннически присвоенные капиталы за границу. По оценке, скорее всего значительно заниженной, их уже больше 100 миллиардов долларов. Это всего лишь малая доля того, что вообще разграблено в процессе "первоначального накопления капитала". В государстве грабителей политика неотделима от преступности. После смены власти мы узнаем истинные размеры понесенного народом ущерба. Речь пойдет о сотнях триллионов долларов.

Государства, образовавшиеся на территории СССР, не только разграблены и разграбляются дальше, но и издевательски унижены. Они клянчат кредиты и подачки у развитых стран, пресмыкаются перед ними, погружаются в беспространную зависимость от них. Но это именно та почва, на которой произрастает фашизм.

"Демократические реформы", то есть капитализация и колонизация страны, порождают фашизм, на деле способствуют его появлению.

Такой вселенский пир устроили совместно компрадорский, якобы национальный, и иностранный капиталы на развалинах преданного верхушкой КПСС советского социализма. И спор сейчас идет не о том, тотален ли кризис или только частичен, например, только финансовый. О частичности кризиса и легкости выхода из него могут говорить только циничные демагоги: вот, мол, создадим на втором, денежном этапе приватизации "стратегических собственников" — и все устроится. Спор идет о том, грозит ли стране катастрофа или она уже началась. К счастью — и в аду есть место для счастья! — катастрофа еще не наступила. Не наступила, если понимать под ней агонию общества, распад государства на множество "суверенных" областей, полную примитивизацию и натурализацию производства, отдачу себя под власть "благодетелям"-колонизаторам — все это для выживания хотя бы полови-

ны населения. Такой катастрофы еще нет, но контуры ее уже видны.

Как уже говорилось, результаты референдума и выборов в декабре 1993 г. в России стали первым грозным предвестием того, что власти лишаются былого слепого доверия людей, что преобладающим массовым настроением уже определенно является не надежда на реформы, а сомнения в них, что у многих эти грабительские "реформы" уже вызывают активное неприятие. Как ни бездарны нынешние власти, но они все это прекрасно понимают. И вносят в политику некоторые изменения, вписывающиеся в фазу отката. Однако, откат только начал и производится пока еще теми же властями, которые бросили страну в общенациональный кризис, и это объясняет поверхностный характер проведенных изменений.

Призывы властей к общественному согласию ради стабилизации остались пустым звуком. Россия в этом смысле особенно показательна. Перехват у оппозиции патриотических лозунгов, подкрепленный показной независимостью от США и других ведущих держав в вопросе о неприближении, точнее, о некоторой отсрочке приближения НАТО к границе России, несколько сгладил стыд от прежнего пресмыкательства, но не больше. Общественность приветствовала попытки хотя бы отчасти восстановить государственное регулирование народного хозяйства и внешних экономических связей, но реальных перемен так и не дождалась. Только в одном вопросе, в вопросе о предотвращении дезинтеграции России, власти проявили если не ум, то упорство — на примере Чечни. Если раньше они поощряли сепаратизм (в историю вошла глупейшая фраза: "Берите суверенитета столько, сколько проглотите"), то теперь схватились за оружие, развязали полномасштабные военные действия против одного из российских народов. И встретили жесткое сопротивление, вызванное отнюдь не только военными качествами чеченцев, воюющих под лозунгами национального освобождения. Дело прежде всего в том, что межнациональные конфликты в России могут быть радикально преодолены только на социалистической почве — на почве общности коренных интересов трудящихся, интернациональных традиций.

Как и любой в основе своей объективный, стихийный процесс, начавшийся откат реакционного социального переворота, откат контрреволюции может как блокироваться или тормозиться властью, так и направляться ею в нужное ей русло, чтобы ценой несущественных уступок или с помощью отвлекающего радикализма (прежде всего националистического) сохранить самое важное. Этим самым важным для данного переворота является экспроприация народной собственности, грабительская приватизация. В сравнении с сохранением результатов приватизации (пусть даже и поступившихся некоторыми из них) все осталось не столь уж существенно. Можно, к примеру, пожертвовать даже президентской формой правления и даже восстановить Советскую власть (лишь бы не социалистическую).

Нынешняя власть и внешние поводы видят ту главную опасность начавшегося отката, что он может приобрести непреодолимую инерцию и превратиться в оползень или камнепад, который похоронит мертворожденный постсоциалистический капитализм. Внешние руководители контрреволюции (как впрочем, и контрреволюции в других государствах) в поисках ответа на вопрос, поддерживать ли и дальше ельцинский

режим, даже благословив его на новый переворот, или сделать ставку на другой режим. И давно уже изучают действительные стремления и возможности других, выстроившихся в затылок за ельцинским режимом претендентов на власть: радикальных либералов, угощающих всем аморфных центристов, социал-демократов, именующих себя коммунистами, умеренных и радикальных националистов.

Принципиальной, практически неустранимой, рожкой слабостью всех этих политических течений, ориентированных на сохранение основных итогов осуществленного реакционного переворота, является несостоятельность ядра их социальной базы — "нового класса" (новых якобы "русских", "украинцев", "казахов" и т.п.), того номенклатурно-ростовщическо-криминального слоя, который стал господствующим "классом" капитализирующихся "постсоветских" стран.

Этот слой остается механическим сборищем различных групп грабителей, далеких от превращения из "класса" негодяев в класс граждан, из потенциального в функционирующий, политически господствующий класс; в класс, созидающий свои классовые интересы в их неотделимости от жизни и интересов общества; в класс, имущественное господство которого его к чему-то обязывает; в класс, реально выполняющий свою руководящую социальную функцию, а не просто промышляющий награбленное, грабящий дальше, пока можно, и наслаждающийся жизнью. Налицо бесхозяйное общество.

Хуже того: налицо общество, пожиравшее паразитами. Даже правительенная "Российская газета" (29 июля 1995 г.) бессильно возмущается тем, что спекулятивные "посреднические" фирмы втрое-четверо вздувают цены на широко применяемые лекарства, делая их все менее доступными для нищающего большинства населения, и оно, особенно в старших возрастах, вымирает (уже число смертей в России на миллион превышает число рождений, в Украине — на четыреста тысяч). Чем не людоедство? В свое время — и, возможно, скоро — социализму придется проявить огромную сдержанность, чтобы не броситься уничтожать всех этих "коммерсантов" сплошь — как клопов или как вшей, не только сосущих кровь, но и разносящих заразу.

Если капитализм не будет сброшен, сколько времени потребуется для того, чтобы преуспевшие грабители, все еще поглощенные дальнейшим разграблением народного имущества и грызущие друг с другом за жирные куски и передел награбленного, превратились сначала в "эффективных" собственников своих предприятий, а потом и в действительный господствующий класс? В социально значимой доле, хотя бы процентов на десять, превращение грабителей страны в ее рачительных хозяев, даже учитывая корыстное попечительство мирового капитала, могло бы произойти не раньше чем в следующем поколении.

А что народ? Пожалуй, процентов 10 — 15 трудящихся кормится обедками на пиршестве победителей. Остальные нищают и терпят. Необходимо какое-то уважительное объяснение того факта, что великий, героический в недавно ушедшем и отчасти еще живущем старшем поколении народ выглядит ни на что не способным, что он, вопреки своей хваленой "соборности", разобщен, побивает все рекорды рабского долготерпения, погружен в апатию и лишь местами вяло протестует. Вероятнее всего, копит гнев. Поживем — увидим.

Сейчас страна представляет собой, в своих самых

крупных социальных компонентах, сожительство двух бессильных в конструктивном отношении групп людей — легальных и нелегальных грабителей и апатичного нищающего трудового народа. Над народом возвышаются, охраняя грабителей и соучаствуя в грабеже, криминально-бюрократические государства, тоже лишенные конструктивного потенциала и целиком зависимые от США и других развитых стран. Общий фон — хроническая разруха. Такова социальная панорама.

Казалось бы, есть достаточные основания для такого вывода: антисоциалистический переворот, уничтожение уже утверждавшегося социализма могут иметь лишь кратковременный успех, после которого восстановление социализма неизбежно. Но это было бы принятие желаемого за действительное. С уверенностью можно сказать только то, что в стране сложилась предреволюционная ситуация. Для ее превращения в революционную ситуацию и победы восстановительной социалистической революции необходимы, в дополнение к объективным факторам, еще и субъективные: с одной стороны, кризис власти, а с другой — взрыв народного возмущения и организация массовых действий.

Предреволюционная ситуация приобрела хронический характер. Социально-экономическая обстановка остается остро критической. Скорее всего, такое положение будет сохраняться на протяжении всего периода отката, и при нынешней власти ("штурмовиках"), и при ее преемниках. Видимо, даже имеющим наибольшие шансы на успех социал-демократам, именующим себя коммунистами, не удастся перевести процесс капитализации России из фазы большого отката в фазу стабилизации и эволюционного развития. Вероятнее всего, откат капиталистической контрреволюции превратится в ее поражение.

Субъективные предпосылки революционной ситуации могут дозреть или "проснуться" быстро и неожиданно. Когда взрыв объективно назрел, он может произойти в любую минуту и по любому поводу. И приобрести разные формы, мирные и немирные. Массовые беспорядки, вооруженное восстание, общенациональная забастовка, массовое ненасильственное гражданское сопротивление, бескомпромиссная поддержка оппозиции на выборах — все это возможные формы социального взрыва. Могут появиться и другие.

Назревающий на наших глазах социальный взрыв, очевидно, не будет, как во времена Пугачева, "бунтом, бессмысленным и беспощадным", которого опасался Пушкин. Народ уже не тот. Невелика вероятность и того, что народ, хотя и до крайней степени ограбленный и униженный, будет в массе увлечен на путь воинствующего шовинизма, национализма, фашизма. Наиболее вероятно то, что направленность назревающего социального взрыва будет заключаться в восстановлении социализма. И эту направленность он приобретет независимо от того, будет ли носить стихийный или относительно организованный характер.

Марксистско-ленинское представление о революции как в основе своей стихийном, естественно-историческом процессе, который постепенно вызревает в недрах старого общества, когда его устройство, начиная с экономического строя, перестает соответствовать уровню развития производительных сил (включающих не только орудия и другие средства производства, но и работников производства, их свойства, потребности, интересы, устремления), а в определенный момент и в определенных условиях приобретает форму сознательной борьбы революционных сил за власть для смены

общественного устройства, для утверждения нового общественного строя, — это представление было и остается истиной, подлежащей каждый раз исторической конкретизации: "Нет истины абстрактной, истина всегда конкретна".

Видимо, в отличие от первой социалистической революции, вторая, восстановительная социалистическая революция не требует в качестве своей непременной субъективной предпосылки того высочайшего уровня сознательности и организованности революционных сил, какой был обеспечен тогда гением Ленина и созданной им партией. Сейчас трудовой народ знает по своему недавнему жизненному опыту и, что не менее важно, по нынешним "демократическим" университетам, какой строй на деле соответствует его коренным интересам, чего ему добиваться, за что бороться.

"Будем жить так, как жили совсем недавно, а если учтем прежние ошибки, то будем жить еще лучше" — такая мысль разливается в обществе. Если, по Марксу, теория становится материальной силой, как только она овладевает массами, то еще большей материальной силой, необоримой мощью становится живой опыт масс, пронесенный через великие достижения и горькие испытания и подтвержденный ими.

В высшей степени показательны цифры, полученные ВЦИОМ — социологами, которые служат нынешним властям, стараясь по возможности не забывать и о научной чести. Если в начале 1993 г. к доперестроечному социализму хотели бы вернуться 45 процентов российских граждан, то в начале 1995 г. их число составило уже 58 процентов ("Известия", 21 июня 1995 г.). Как показывают многие опросы, примерно третья еще не определилась. Куда бы она ни качнулась, процентов 10 сторонников капитализма уже утратили даже теоретическую возможность на большинство. Появились даже "демократические" рассуждения о том, что меньшинство имеет право сопротивляться "диктатуре большинства"...

Вторая восстановительная социалистическая революция у нас возможна и без коммунистов, если они будут пребывать и дальше в своем нынешнем жалком состоянии, в своей курьезной коммунистической монопартийности. Самая крупная из компартий, Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), имеет в большинстве своем действительно коммунистический членский состав, но позорно подчинилась своему социал-демократическому, национал-меньшинствскому руководству, откладывавшему на неопределенно далекое будущее борьбу за восстановление социализма, да к тому же многоукладного. Это является на деле маскировкой капитализаторского курса. Самая смелая, боевая, решительная из компартий, Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), не может расстаться с некоторыми догмами, в частности с антирыночным донкихотством. Многие компартии влачат существование кружков или клубов, ждущих, что трудовой народ, умилившись по поводу их платонической верности марксизму-ленинизму, пошлет к ним, как к варягам, послов с приглашением прийти и возглавить его в борьбе за социализм. Такого они, конечно, не дождутся.

Время властно вызывает на историческую арену новых коммунистов. Новые коммунисты — это не только те, кто формально входит в партию, объявившую новый социализм своей программной целью. Новый коммунист — это человек, занимающий определенную социально-политическую позицию независимо от при-

надлежности к той или иной партии. Фактически новых коммунистов много во всех общественных группах и слоях и в разных компартиях.

Было бы в высшей степени желательно, чтобы существовала и активно действовала массовая, миллионная партия. Но, допустим, такая партия не организуется. Следует ли из этого, что без нее социализм в принципе возникнуть не может? Нет, не следует. Он является велением общественной жизни, его суть проста и понятна, он, как дыхание для живого существа, естествен для народа, имеющего практический опыт жизни при социализме. Если не будет, к стыду коммунистов, дееспособной партии, социализм возникнет под руководством органов самоуправления трудящихся — советов трудовых коллективов, стачкомов, некарманых профсоюзов, советов рабочих городов, областей, республик, страны, координационных советов по организации той всероссийской политической стачки, о которой уже говорят со страхом "демократические" временщики.

Социализм есть тот общественный строй, на почве которого трудящиеся сами, своими руками и своим умом лучше, чем при другом общественном строе, неизмеримо лучше, чем при капитализме, могут создать для себя обеспеченную достойную жизнь. Коммунисты и призывают их взять для этого власть в свои руки. При минимально демократическом режиме для взятия власти этим подавляющим большинством общества достаточно его сознательного участия в демократических процедурах.

При проведении приватизации трудящиеся понапацу растерялись. Их ввели в заблуждение "варианты приватизации". Работники вообразили, что "второй вариант", предусматривающий право коллектива выкупить по номиналу 51 процент акций, обеспечивает им контроль над предприятием. Более трех четвертей трудовых коллективов избрали этот вариант и теперь видят, что обмануты. Новоявленные "собственники", нуждающиеся и нищающие, стали для прокорма продавать свои акции как "своей" администрации, так и посторонним хищникам. В те же руки попадают или попадут акции, до времени оставшиеся у государства: это ведь государство, принадлежащее тем же хищникам. Сейчас полным ходом идет перераспределение акций, и хозяевами предприятий оказываются новые баре, которым они нередко нужны не для производства, а для торгово-ростовщических операций.

Эти обстоятельства ограбления трудовых коллективов рано или поздно, но совершенно неизбежно приведут их к идеи явочного овладения своими предприятиями, и тогда бунт на коленях сменится более решительной кампанией, настоящим народным движением, не только отрицательным в отношении всей политики капитализации общества, но, главным образом, созидательным в отношении срочного восстановления производства и строительства его новых основ. Это и будут настоящие, а не обманные радикальные демократические реформы.

Таким образом, если в сложившейся ситуации будет достигнуто понимание того, что "постсоциалистический капитализм" убедительнейшим образом доказал свою полную несостоятельность и бесперспективность, что есть все основания заменить приватизацию овладением трудовыми коллективами своими предприятиями, что юридически правомерна не капитализация страны, а восстановление социализма, что последнее может быть поддержано решительными массовы-

ми мирными действиями, не выливающимися в гражданскую войну, что действительными руководителями движения за восстановление социализма могут стать не ренегаты, а истинные коммунисты, — если все это будет понято, социализм может быть воссоздан немедленно.

Новый этап социализма назрел и исторически, и политически — это значит, он возникнет и утвердится с партией в качестве авангарда политической армии или без нее. Лучше — с ней как преданной трудящимся организацией политических профессионалов, способных противостоять изощренным политиканам. Говорят, что народ и, прежде всего, рабочие не верят коммунистам, так как с горьким смехом наблюдали рождение партийных сановников и неспособность рядовых коммунистов поставить их на место, робкое примиренчество партийной массы с ренегатством руководителей, партийной бюрократии. Да, этот позор коммунисты пережили. Им не просто вернуть доверие к себе, доказать, что далеко не все такие. И единственный способ вновь завоевать доверие — делать, несмотря ни на что, свое дело. Иначе политического доверия не заслуживают.

Зовя батальоны, полки, дивизии, корпуса великой гражданской армии на законное сражение за установление народной власти, мы не считаем, что людям нужно действовать с той самоотверженностью, которая была проявлена нашими дедами и отцами при завоевании Советской власти, при строительстве и отстаивании социализма. То была другая эпоха. Подобно нашим великим предшественникам, большевикам ленинского призыва, перед историческими подвигами которых, и видя их ошибки, мы преклоняемся, мы требуем самоотверженности только от себя, авангарда народной армии. От основных сил народной армии, от составляющих ее отрядов достойных, благородных граждан мы ожидаем просто спокойных законных действий, обеспечивающих их собственные коренные интересы.

Действительной опасности полномасштабной гражданской войны сейчас нет, так как у властей и правящих клик не имеется массовой опоры, возможности привлечь под свои знамена легионы граждан-воителей. Они могут рассчитывать только на наемников и криминальные банды. Наемники разбегутся, как только армия перейдет на сторону народа, а с криминальными бандами, организованной преступностью будет покончено — это и так, и без восстановления социализма делать нужно.

Наибольшую активность в выступлениях за восстановление социализма проявляют сейчас трудящиеся старшего и среднего поколений. Молодое поколение в значительной доле пассивно, многие тешат себя иллюзией, что смогут обогатиться и пробиться наверх. Для властей это служит источником больших надежд.

"Реформаторы" рассчитывают продержаться до того времени, когда живые носители опыта социализма вымрут или состарятся. Но они напрасно надеются на то, что социальное наследование пресечется. Молодое поколение взрослеет. На собственном опыте оно видит, что обогащаются и пробиваются наверх лишь единицы и, как правило, негодяи. Молодежь не пойдет за негодяями. Рано или поздно, в свои зрелые годы нынешняя молодежь в массе своей воспримет умом и сердцем благородные заветы отцов и дедов. Социалистическая революция имеет огромную социальную базу сейчас, и если нужно, будет иметь ее и через двадцать лет.

В.И.Ленин и национальный вопрос

В.В.Шлеёв

В настоящее время, когда после распада Советского Союза на его территории существует ряд самостоятельных, независимых государств, в которых с большей или меньшей остротой на повестку дня встает т.н. национальный вопрос, хочется обратиться к неумирающему наследию великого вождя трудящихся Владимира Ильича Ленина и попытаться понять, какое теоретическое и практическое значение имеют ленинские положения и уроки для нашей современности.

Это тем более важно, что авторы той последней, новой редакции Программы КПСС, которая была принята XXVII съездом, не только необоснованно высоко оценили прочность всестороннего сотрудничества с государствами мировой социалистической системы, в том числе и Организации Варшавского договора, но и явно поторопились объявить, что "сформировалась новая социальная и интернациональная общность людей — советский народ", что "национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен" (см. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 125-126, 156).

Правда, на XIX Всесоюзной партконференции в 1988 году, справедливо была высказана обеспокоенность состоянием национальных отношений в Советском Союзе, и в специально принятой резолюции "О межнациональных отношениях" отмечалось, что "динамизм, присущий начальному этапу формирования многонационального государства Советов, был существенно утрачен и подорван отходом от ленинских принципов национальной политики, нарушениями законности в период культа личности, идеологией и психологией застоя. Абсолютизировались достигнутые результаты в решении национального вопроса, утверждалась представления о беспроблемности национальных отношений". (см. XIX Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. Т.2.М., 1988, с.156). В этой же резолюции предусматривались и некоторые конкретные мероприятия по улучшению положения в данной сфере, но, к сожалению, в силу известных исторических событий и некоторых явно ошибочных непродуманных шагов государственного руководства СССР, как в центре, так и на местах (события в Карабахе и Баку, в Тбилиси и Вильнюсе и др.) эти предложения в своем большинстве не были осуществлены, а напротив, национальный вопрос еще более обострился.

Действительность нашего времени реально показывает совершенно неудовлетворительное состояние (если не сказать резче) национального вопроса не только в отдельных республиках, объявивших о своей независимости, но даже и в Российской Федерации. Он нуждается во взвешенном, всесторонне продуманном решении, и подходить к нему нужно, как не раз отмечал В.И.Ленин, не абстрактно, а конкретно в каждом отдельном случае, с учетом самых разных факторов, а не только своеокрыстных интересов того или иного отдельного государства, тех или иных наций, особенно живущих в рамках многонациональных государств. Более того, В.И.Ленин отмечал, что национальные и государственные различия, пока они существуют между народами и странами, будут держаться еще очень и очень долго, и потому единство интернациональной

тактики коммунистического рабочего движения всех стран "требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это — вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения обоснованных принципов коммунизма... которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям" (ПСС, т.41, с.77).

Именно поэтому, несмотря на то, что прошло уже немало десятилетий с тех пор, как В.И.Ленин и руководимая им партия еще до исторических событий 1917 года выдвинули принцип "права наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств", этот основополагающий принцип и поныне, в конце XX века, не утратил своего значения, хотя его применение в каждом отдельном случае должно быть предельно конкретным.

Уже тогда, когда в первые десятилетия нынешнего века этот принцип обсуждался, в том числе и применительно к народам многонациональной Российской империи, главным образом в теоретическом плане, В.И.Ленин, твердо отстаивавший его, утверждал, что "признание права нации на отделение уменьшает опасность распада государства" (ПСС, т.25, с.285).

Но как здесь, так и позже В.И. Ленин твердо заявлял, что не является сторонником мелких государств, а стоит за тесный, добровольный союз рабочих всех стран против капиталистов как у себя, так и в других местах.

После падения в России царского самодержавия, при котором она была "тюрьмой народов", едва вернувшись из эмиграции, в апреле 1917 года на Седьмой Всероссийской конференции РСДРП Ленин произносит "Речь по национальному вопросу", в которой заявляет: "Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ, должны отказаться от признания права на отделение Польши?" (ПСС, т.31, с.433).

"Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, и в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист. Надо сойти с ума, чтобы продолжать политику царя Николая".

Все это говорилось тогда, когда буржуазное Временное правительство, продолжая политику царизма, отказывало ряду народов, входивших в то время в состав Российской государства, не только в самоопределении и независимости, но даже и в элементарной автономии.

Но были ли эти программные ленинские положения только голословными тактическими обещаниями или твердыми убеждениями, подтвержденными практикой в то время, когда большевики пришли к власти? Вот в чем главный вопрос! История показывает, что Советское правительство во главе с Лениным, буквально в первые месяцы своего существования начало практически осуществлять свою программу по национальному вопросу, реализовывать свои обещания, зафиксированные и в "Декларации прав народов России", принятой Советским правительством 2(15) ноября 1917 года.

Не видя ничего дальше своего хутора, украинские

националисты забывают либо сознательно замалчивают, то, что уже в первые месяцы после Великой Октябрьской социалистической революции Советское государство во главе с В.И.Лениным признало независимость Финляндии и Польши, а в начале 1920-х годов, еще при жизни В.И.Ленина, независимость прибалтийских республик — Литвы, Латвии и Эстонии, а затем, в известной мере, Азербайджана, Армении, Грузии. На Украине же Третьим Универсалом Центральной Рады 7(20) ноября 1917 г. также была провозглашена Украинская Народная Республика, но в этом Универсале, где речь шла практически о поддержании власти уже свергнутого в России Временного правительства, об отделении Украины от России не говорилось. Лишь в 1918 году, 9(22) января в Четвертом Универсале было объявлено о полной “независимости” Украины, об окончательном разрыве отношений с Российской Советской Республикой. Однако в это время в Харькове уже состоялся Первый Всеукраинский съезд Советов, провозгласивший Советскую власть на Украине (11-12(24-25) декабря 1917 г.).

И В.И.Ленин, не забывая о международной пролетарской солидарности, немедленно поддержал впервые установленную на Украине Советскую власть. С конца 1917 года на Украине шла гражданская война, и этим объясняются действия Советской власти, как в России, так и в Украине.

В.И.Ленин, будучи последовательным марксистом и вообще образованным человеком, никогда и нигде не подменял понятие “народ” понятием “класс”, а вот зараженному националистическими предрассудками и желанием во что бы то ни стало “разоблачить” Ленина вероятно, представляется, что в то время, когда Ленин в июне 1917 года опубликовал свою известную статью “Украина” существовали только неклассовые народы России и Украины, а не было там российских и украинских рабочих, крестьян и буржуазии со своими собственными экономическими и политическими интересами.

Но обратимся к самому В.И.Ленину. В апреле 1917 года он четко заявил: “Мы хотим братского союза всех народов. Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия” (ПСС, т.31, с.436). А затем в ноябре, когда уже в России победила Советская власть, а Центральной Радой была провозглашена Украинская Народная Республика, он заявил: “Сейчас мы наблюдаем национальное движение на Украине и мы говорим: мы безусловно стоим за полную и неограниченную свободу украинского народа. Мы должны сломить то старое, кровавое и грязное прошлое, когда Россия капиталистов-угнетателей играла роль палача над другими народами. Это прошлое мы сметаем, на этом прошлом мы не оставим камня на камне... Мы скажем украинцам, как украинцы, вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем братскую руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии. Только социалистический союз трудящихся всех стран устранит всякую почву для национальной травли и грызни” (ПСС, т.35, с.116).

Иным стало положение тогда, когда в Украине начало складываться двоевластие: с одной стороны, в ряде промышленных городов и некоторых сельских районов возникали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а с другой - в Киеве действовала

Центральная Рада, не только разгонявшая местные Советы, но и поддержавшая кадетско-калевинский заговор и восстание против Советской власти на Дону, на территории, входящей в состав Советской России. Именно тогда, в конце 1917 года был подготовлен и подписан В.И.Лениным “Манифест к украинскому народу”, в котором по-прежнему заявлялось, что СНК признает “народную Украинскую республику, ее право совершенно отделяться от России или вступить в договор с Российской Республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними”.

Но вместе с тем в этом манифесте совершенно четко и определенно было выражено отношение В.И.Ленина к контрреволюционной политике тогдашнего правительства УНР. “Становясь на этот путь неслыханной измени революции, на путь поддержки злых врагов как национальной независимости народов России, так и Советской власти, врагов трудящейся и эксплуатируемой массы, кадетов и калевинцев, Рада вынудила бы нас, объявить без всяких колебаний, войну ей, даже если бы она была уже вполне формально признанным и бесспорным органом высшей государственной власти независимой буржуазной республики украинской” (ПСС, т.35, с.143-144).

Когда же в Харькове по решению Первого Всеукраинского съезда Советов 11-12(24-25) декабря 1917 г. была провозглашена Советская власть, то СНК во главе с В.И.Лениным, установив самые тесные связи с ее руководящим органом — Народным Секретариатом, стал оказывать ему всемерную поддержку, в том числе и военную. Практически это была поддержка движения трудовых народных масс Украины против Центральной Рады, и прав был один из ее лидеров В.Винниченко, писавший позднее, что “если бы против нас не было восстаний нашего собственного крестьянства и рабочих, то российское Советское правительство не смогло бы ничего сделать против нас... И не российско-советское правительство выгнало нас с Украины, а наш собственный народ, без которого и против которого, скажу еще раз, российские советские войска не могли бы занять ни одного уезда нашей территории” (В.Винниченко. Відродження нації. Ч. 3, К., 1990, с.204). Примечательно, что В.И.Ленин в ряде телеграмм В.А.Антонову-Овсеенко, командующему советскими войсками, ведшими борьбу против белогвардейцев на Дону, а также отчасти и против Центральной Рады, призывал его избегать каких бы то ни было трений с ЦИК Советской Украины и Народным Секретариатом, требовал признавать их “всяческий суверенитет”, проявлять “архитектурный национальный” (ПСС, т.50. с.35). Все это способствовало укреплению авторитета Советской власти на Украине.

В националистических кругах Украины распространяются безосновательные утверждения, что будто бы вооруженными силами, действовавшими против Центральной Рады, руководили лишь лица, присланные из Москвы и Петрограда, и особый упор делается на бывшего подполковника царской армии, левого эсера М.А.Муравьева, якобы посланного лично Лениным на Украину. Однако исторические факты свидетельствуют об ином. По постановлению СНК от 7(20) ноября 1917 г., подписанному В.И.Лениным, за допущенные самосуды Муравьев был отстранен от должности командующего Петроградским военным округом, а несколько позднее Владимир Ильич высказывал боль-

шие сомнения в целесообразности использования его в качестве начальника штаба советских войск на Украине и согласился лишь на то, чтобы эту должность он занял под личную ответственность В.А.Антонова-Овсеенко. Позднее, когда Муравьев оказался на Восточном фронте, он изменил Советской власти.

Между тем достаточно прочесть воспоминания В.А.Антонова-Овсеенко "Записки о гражданской войне" (М., 1924, т.1, с.52 и др.), а также и М.Н.Скрыпника "Воспоминания об Ильиче" (М., 1965, с. 62-64) и станет ясным, как относился В.И.Ленин к "палачу Украины" Муравьеву и каким образом тот в начале 1918 года попал в Киев.

Отметим, что видную роль в годы гражданской войны на Украине играли боровшиеся за Советскую власть украинцы В.А.Антонов-Овсеенко и Ю.Коцюбинский (сын выдающегося украинского писателя-демократа), лично хорошо известные В.И.Ленину, а также создатель Червонного казачества В.М.Примаков, а позднее, в 1919 г. народные герои, украинцы Н.А.Щорс и В.Н.Боженко. Да и первым Верховным главнокомандующим вооруженными силами Российской Советской республики, как известно, был бывший воспитанник Харьковского университета, прaporщик Н.В.Крыленко, тоже украинец, лично хорошо знакомый В.И.Ленину. К сожалению, некоторые из этих представителей старой ленинской гвардии погибли в годы сталинских репрессий.

Если украинские и иные националисты, а также прочие антикоммунисты в бывших республиках Советского Союза всячески тщатся извратить всегда отстаиваемый В.И. Лениным и в теории, и на практике принцип права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, всячески очернить его имя, закрывают его музеи, сносят памятники, переименовывают города и улицы, а кое-кто посягает даже на находящийся под охраной ЮНЕСКО Мавзолей В.И.Ленина, то в цивилизованных, даже буржуазных, странах, по-настоящему хранящих историческую память, таких, например, как небольшая Финляндия, к памяти Ленина относятся с должным уважением.

В финском городе Тампере (Таммерфорс) уже ряд десятилетий существует и пользуется большой популярностью музей В.И.Ленина, а различные финские правительственные делегации в Москве и Ленинграде не раз отдавали долг его памяти. Так, например, совсем не коммунист Президент Финляндской Республики Урхо Калева Кекконен, выступая 29 января 1969 г. в Ленинграде, в Смольном, на церемонии открытия мемориальной доски с барельефом В.И.Ленина, отмечал: "Великая Октябрьская революция играет исключительно большую роль в истории финского народа. Эта роль была решающей, поскольку Великая Октябрьская революция создала предпосылки для образования независимого Финляндского государства. По этой причине мы, финны, питаем чувство глубокой благодарности к Великой Октябрьской революции и к величайшему Ленину, возглавившему ее" (Кекконен У.К. Финляндия и Советский Союз. М., 1975, с.52)

В память пребывания В.И.Ленина в гостях у А.М.Горького на острове Капри, в тоже буржуазной Италии по проекту крупнейшего скульптора этой страны Дж.Манцу сооружен памятник Ленину, и никто, насколько известно, сносить его не собирается. Подобные примеры можно было бы умножить.

Не раз обращался В.И.Ленин к различным сторонам национального вопроса в связи с национальным строительством как в годы гражданской войны, так и после ее завершения. Так в написанной им в конце 1919 года резолюции ЦК РКП (б) "О Советской власти на Украине" говорилось: "Ввиду того, что украинская культура (язык, школа и т.д.) в течение веков подавлялась царизмом и эксплуататорскими классами России, ЦК РКП вменяет в обязанность всем членам партии всеми средствами содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры. Поскольку на почве многовекового угнетения в среде отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, члены РКП обязаны относиться к ним с величайшей терпимостью и осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения тождественности интересов трудящихся масс Украины и России. Члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план, стремясь, наоборот, превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс" (ПСС, т.39, с.334-335).

Особенно большое значение для понимания ленинской позиции в национальном вопросе имело его письмо от 26.09.1922 г., адресованное членам Политбюро, в котором был подвергнут решительной критике выработанный под руководством И.В.Сталина проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками (Украина, Белоруссия, ЗСФСР), принятый специальной комиссией Оргбюро ЦК РКП(б).

Еще 22.09.1922 г. В.И.Ленин, находясь на лечении и отдыхе в Горках, в записках И.Сталину просит сообщить, как решается в ЦК РКП(б) вопрос о взаимоотношениях между советскими республиками (см. В.И.Ленин. Биохроника, т.12, с.384), а через пару дней, знакомясь с этими материалами, выясняет, что предусматривается вступление Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в Российскую Федерацию на правах автономных республик (См. В.И.Ленин. Биохроника, т.12, с. 387-388; ПСС, т.45, с.211).

После обстоятельных бесед с членом комиссии Г.Я.Сокольниковым, а затем и И.В.Сталиным появляется упомянутое выше написанное В.И.Лениным письмо членам Политбюро, в котором подчеркивается, что объединение республик — вопрос архиважный, не допускающий торопливости при его решении, и предлагаются принципиально новая основа создания союзного государства — добровольного объединения независимых республик, в том числе и РСФСР, с сохранением равноправия для каждой из них. "Мы признаем себя равноправными с Укр. ССР и другими и вместе и равнаве с ними входим в новый союз, в новую федерацию "Союз Советских республик Европы и Азии... важно, — указывал В.И.Ленин, — чтобы мы не давали пищи "независимцам", не уничтожали их независимость, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик" (ПСС, т.45, с.211-213).

После этого В.И.Ленин, беседует с некоторыми причастными к данному вопросу партийными и государственными деятелями (П.Г.Мдивани, Г.К.Орджоникидзе, А.Ф.Мясникяном, Г.И.Петровским), и в ре-

зультате всей этой длительной работы проект комиссии Оргбюро был переработан в соответствии с ленинскими предложениями.

Хотя по состоянию здоровья В.И.Ленин не смог присутствовать на заседании Пленума ЦК РКП(б), где обсуждался этот архиважный вопрос, он внимательно следит за работой Пленума, получает подробную о нем информацию и пишет записку Л.Б.Каменеву: "Великорусскому шовинизму объявило бой не на жизнь, а на смерть... Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди русский, украинец, грузин и т.д. Абсолютно!" (ПСС, т.45, с.211-213, 214).

Пленум полностью поддержал позицию В.И.Ленина и принял резолюцию о создании СССР на базе добровольного объединения равноправных независимых советских республик.

Примечательно, что в созданном после 1-го Всеобщего съезда ЦИКа СССР по очереди председательствовали: М.И.Калинин (РСФСР), Г.И.Петровский (Украина), А.Г.Червяков (Белоруссия), Н.К.Нариманов (ЗСФСР).

На протяжении последних месяцев 1922 года В.И.Ленин знакомился и со многими другими материалами, касающимися национального вопроса и конфликтов в Закавказье. Когда из Грузии вернулся Ф.Э.Дзержинский, явившийся председателем комиссии Политбюро по разбору конфликта между Закавказским крайкомом партии и некоторыми членами ЦК Компартии Грузии, В.И.Ленин вскоре встретился с ним и, получив от него соответствующую информацию, в своих известных записках "К вопросу о национальностях или об "автономизации" высказался следующим образом: "Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия, о чем мне сообщил тов.Дзержинский, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея "автономизации" в корне была неверна и несвоевременна" (ПСС, т.45, с.356-362).

И далее Владимир Ильич ставит вопрос о том, что при несовершенстве самого российского аппарата, заимствованного "от царизма и только чуть-чуть подмазанного советским мирром", "очень естественно, что "свобода выхода из союза", которой мы оправдываем себя, окажется пустой бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ" (ПСС, т.45, с.356-362). И далее: "Приняли ли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды? Я думаю, что мы этих мер не приняли, хотя могли и должны были принять.

Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма". Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль" (ПСС, т.45, с.356-362).

Обратившись затем вновь к ошибкам позиции Ф.Дзержинского и С.Орджоникидзе, В.И.Ленин заметил, что "ведь в сущности говоря, социал-националы это были граждане, обвиняемые в политическом преступлении, и вся обстановка этого обвинения только так и могла его квалифицировать.

Тут встает уже важный принципиальный вопрос:

как понимать интернационализм?" (Там же, с.358).

И затем во второй и третьей части этих своих записок В.И.Ленин ставит вопрос о том, что "необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой" (ПСС, т.45, с.356-362).

Поэтому интернационализм со стороны большой нации должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации большой то неравенство, которое фактически существовало ранее в царское время и отчасти сохранилось и в советские годы.

Для того, чтобы обеспечить максимальное доверие в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев, для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно восместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу, то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством "великодержавной" нации... в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости к национальным меньшинствам, чем недосолить (ПСС, т.45, с.356-362).

И в заключение этих своих записок, говоря о необходимых практических мерах для исправления сдавшегося ненормального положения, В.И.Ленин отмечал, что "следует оставить и укрепить союз социалистических республик", что "надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно", что в ряде случаев, в результате всей этой работы, нельзя зарекаться от того, что, быть может, придется вернуться несколько назад, т.е. "оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов" (ПСС, т.45, с.356-362).

Еще до того времени, когда В.И.Ленин диктовал эти свои записи и началась непосредственная подготовка Первого Всеобщего съезда Советов, на протяжении декабря 1922 года были проведены VII Всеукраинский, IV Всебелорусский и I Закавказский съезд Советов, а позднее 23 декабря и X Всеукраинский съезд Советов. Инициатива создания общего союзного государства на равноправных, добровольных началах, поддержанная не только В.И.Лениным, но и партийными организациями в национальных республиках, шла снизу.

17 декабря 1922 года председатель Всероссийского ЦИК М.Калинин в газете "Известия" заявил: "Многих интересует вопрос об объединении советских республик. Вопрос этот поднят союзными с нами республиками. Там он дебатируется и обсуждается на их съездах Советов; от них идет инициатива. Мне кажется, в РСФСР она встретит живой отклик, и съезд Советов, вероятнее всего, это предложение примет с восторгом, но по вполне понятным причинам правительство РСФСР до решающего момента официально не высказывалось, пока не поступит конкретное предложение от союзных с нами республик".

Не лишне также напомнить, что уже тогда тяжело больной В.И.Ленин 10.XII.1922 г. направляет приветствие VII Всеукраинскому съезду Советов, а в ознаменование

нование огромной роли Владимира Ильича в революционном движении и разработке национального вопроса его избирают на республиканских съездах Советов почетным членом Всеукраинского ЦИК Советов, почетным председателем I-го Закавказского Съезда, членом Президиума X-го Всероссийского съезда, а также и почетным председателем I-го Всесоюзного съезда Советов.

К большому сожалению, некоторые из мудрых ленинских советов и уроков по национальному вопросу, в годы после смерти Владимира Ильича не были должным образом учтены и использованы последующим руководством страны, хотя они и декларативно не раз объявляли, что проводят ленинскую национальную политику. Так, например, право наций на самоопределение подчас оставалось только формальной фразой, включенной в ряд основополагающих документов, в том числе и в тексты Конституций Союза, а право на отделение согласно всем Конституциям СССР представлялось только и исключительно союзным республикам. Различные даже весьма крупные автономные образования (Абхазия в Грузии, Башкирия, Татарстан и некоторые другие автономии в РСФСР), где уже сложились современные нации со своей территорией, языком и особенностями культуры, этого права даже в принципе были лишены.

Более того, особенно в годы руководства страной И.В.Сталиным имели место и не только явные отклонения от принципа добровольности при перераспределении тех или иных территорий. В годы Великой Отечественной войны предпринимались не в полной мере обоснованные насильственные действия по отношению к тем или иным нациям, вроде чуть ли не поголовного выселения чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, крымских татар, немцев Поволжья и др. с их исконных территорий, а также переселения в 1940-е годы отдельных категорий местного населения без тщательного рассмотрения с Украины и из республик Прибалтики в восточные и северные районы России. Все это создавало и создает заметную сложность в национальных отношениях, особенно в период раз渲ла и распада Советского Союза в начале 1990-х годов.

Особенно сложным и острым оказался национальный вопрос в последние годы в таком пестром по своему национальному составу регионе, как Кавказ, где из-за некомпетентности как центральных, союзных властей, так и местных, забывших о принципах ленинской национальной политики, принесшей положительные результаты и в годы гражданской войны (1917-1921), и позднее, дело обернулось не только конфликтами, но и прямыми военными действиями (Нагорный Карабах, Абхазия, Чечня).

Президент России Б.Н.Ельцин в обычных для него демагогических целях сначала, стремясь найти себе поддержку в автономиях Российской Федерации в деле раз渲ла Советского Союза, призвал их брать себе столько суверенитета, сколько они сумеют проглотить, тем самым породив и дудаевщину, а затем развязал кровавую войну в Чечне даже без объявления чрезвычайного или военного положения и во всей Федерации, и в Чеченской республике.

Примечательно, что, оправдываясь в военных неудачах на самом первом этапе войны в Чечне на заседании Совета безопасности России 21 декабря 1994 года, даже бездарный и сверхусердный исполнитель высочайшей воли министр обороны П.Грачев вынужден был признать, что ряды дудаевцев состоят не только из "бандформирований" и террористов, но и из простых ополченцев разных национальностей коренного населения Чечни. "Позиция режима Дудаева, — заявил он, по сообщению московской "Независимой газеты", — находит широкую поддержку у населения Чечни" (см. "Независимая газета" от 29.XII.1994).

Игнорирование ленинских заветов, в национальной политике Б.Ельциным, В.Черномырдиным, П.Грачевым, полностью порвавших с В.И.Лениным и его учением, понятно. Они никогда, даже в прошлое время, держа в карманах партбилеты, не придерживались ленинских позиций, а были и остаются, также как и открытый антикоммунист и "супергосударственник" В.Жириновский, обычными великодержавными российскими шовинистами, рядящимися в тоги "государственников", сторонников "единой и неделимой", подобных тем, которые потерпели сокрушительное поражение на многонациональном Кавказе в годы гражданской войны (1918-1920).

Таким образом, не усваивают они и обычные исторические уроки. Но в чём-то с этими теоретически несостоятельными и исторически невежественными позициями смыкаются и некоторые обновленные коммунисты, если исходить из некоторых их высказываний относительно войны в Чечне. А им-то уже совсем не пристало забывать ленинские заповеди и уроки в национальном вопросе, о которых у нас речь шла выше.

Однако, развернутый анализ современного состояния национального вопроса в бывших республиках Советского Союза — дело будущего. Но очевидно, что без выяснения существа и состояния национального вопроса во всей его конкретности и многообразии трудно рассчитывать при многонациональном составе населения "независимых" республик на сколько-нибудь благоприятный успех в деле борьбы за возрождение социализма и союзного федеративного социалистического государства.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Настоящей публикацией мы начинаем анализ программных документов коммунистических партий.

Коммунистическая многопартийность в разрушенном СССР, вызванная, в первую очередь, объективными причинами, ослабляет как само коммунистическое движение, так и общий фронт борьбы против реакционных буржуазно-компрадорских режимов. Наличие множества программ является, с одной стороны, отражением идеино-теоретического разброда в коммунистической среде, а с другой - одной из немаловажных причин слабости коммунистического движения. Известно, какое огромное значение придавал Ленин разработке Программы партии, подчеркивая, что она определяет "те основные воззрения нашего движения, которые служат знаменем борющейся партии". Сопоставляя важнейшие положения программных документов различных партий, коммунисты будут "воспитывать единство взглядов", сближать позиции, подниматься над расхождениями по частностям. Если же такой анализ обнажит принципиальные расхождения, то это может означать только одно: в коммунистическом движении формируется два течения - революционное, последовательно коммунистическое, и оппортунистическое, прикрывающееся марксистской фразеологией, размежевание которых неизбежно.

Редакция выражает надежду, что материалы этой рубрики вызовут заинтересованный разговор на страницах журнала и послужат воссозданию подлинно революционной, основанной на ленинских принципах, единой коммунистической партии.

Веха справа

(позиция Российской коммунистической рабочей партии).

В.А.ТЮЛЬКИН

Современное состояние коммунистического движения на территории СССР не вызывает особого оптимизма, наоборот - внушает серьезную озабоченность. Причем речь идет не о слабости практического движения как такового - организованных сил явно еще мало-вато, - речь идет о потере теоретических целевых ориентиров, о рецидаивах старых болезней. Не надо успокаиваться и думать, что все болезни КПСС остались где-то там, за августом 1991, что мы очистились, оздоровились и теперь все дело в разумной тактике. Это не так. Вирус оппортунизма, несопротивления и лености марксистской мысли, развившийся в КПСС и приведший ее в конечном счете к политическому краху, продолжает жить и "работать". И свидетельство тому - принятие XXX съездом СКП-КПСС программы по духу, и по сути далеко не революционной и даже гораздо более правой (т.е. некоммунистической), чем предыдущая, принятая на XXIX съезде. Сей факт, по нашему мнению, объясняется вступлением в СКП-КПСС Коммунистической партии Российской Федерации, - партии, по нашим оценкам, еще более близкой к социал-реформизму, чем КПСС. Это событие закрепило и усилило правый крен во всем Союзе компартий.

Мы всегда говорили об опасности вялотекущего оппортунизма в рядах СКП-КПСС и не скрывали своей позиции ни от руководства, ни от рядовых членов братских партий, входящих в СКП-КПСС, всегда говорили прямо и откровенно. И даже если с нашей точкой зрения не все были согласны, она принималась к сведению и учитывалась в практической деятельности Союза. Однако в последнее время нельзя не заметить, что наша позиция начала кое-кого ставить в неловкое положение, мягко говоря, раздражать. На одном из заседаний Политисполкома СКП-КПСС представитель Коммунистической партии Украины в пылу полемики воскликнул, мол, как могут и могут ли вообще находиться в СКП-КПСС партии, не принимающие программу Союза и голосовавшие против нее на съезде? Надо с этим разобраться.

Вопрос поставлен прямо и откровенно. Мы должны так же прямо на него ответить.

Действительно, делегации РКРП, РПК, Союза коммунистов Украины и некоторые другие не поддержали программу СКП-КПСС в варианте, предложенном XXX съезду редакционной комиссией, руководимой Е.Лигачевым. Мы заявили, что приводить программу СКП-КПСС в соответствие с программой КП РФ, как это сделала комиссия (Егор Кузьмич, к его чести сказать, этого и не скрывал), не только не правильно, но и опасно для коммунистического движения.

Мы считаем, что программа КП РФ - это программа партии, интегрировавшейся в систему в виде легитимно-легальной, цивилизованной оппозиции. Партии, критикующей режим, защищающей слабого, оппозиционной режиму, но не замахивающейся на слом системы, в большей степени оправдывающей деятельность своей парламентской фракции, нежели выражающей мнение партийных низов. Именно поэтому мы не можем принять столь однобокую трактовку стратегии и тактики для всего коммунистического движения Союза. А многие положения, которые сумели-таки "протащить" голосованием, нами просто не принимаются по принципиальным соображениям. Потому что, во-первых, они не проясняют ситуации, в которой оказалось коммунистическое движение, а во-вторых, не дают четкого направления борьбы коммунистов (хуже того, порой дают, да не то).

Нельзя двигаться вперед, не поняв причин того, что произошло с партией и страной в недалеком прошлом. Естественно, программа СКП-КПСС также пытается дать объяснение этому. Возьмем только один, самый первый абзац программы. В нем, как в капле воды, отражается вся качественная суть предложенного документа и наших расхождений.

"Начавшееся в конце 80-х годов при прямом содействии группы политической измены Горбачева-Яковлева-Шеварднадзе открытое наступление реакции завершилось контрреволюционным переворотом в 1991-

1993 годы. КПСС и ее республиканские организации потерпели тяжелое поражение, предательски был разрушен Союз Советских Социалистических Республик, Верховный Совет России расстрелян, Советы распущены. Власть перешла в руки сил, реставрирующих капитализм".

Прочитав эту хорошо, с чувством построенную фразу, мы должны отметить следующее:

Первое. Надо понимать, что реакция не просто начала наступление в конце 80-х "во главе с предателями", а сначала она созревала в благоприятной среде. События рубежа 80-90-х годов явились уже следствием тех причин, которые подспудно давно развивались в КПСС. Внутри коммунистического движения всегда шла борьба между коммунистическим и мелкобуржуазным началом. Иногда эта борьба приобретала характер смертельной схватки двух противостоящих друг другу идеологий. Но пока при этом в партии сохранялся некий положительный баланс сил, он позволялвести государственный корабль в штормовом море по социалистическому курсу. Потому что и для капитана, и для его команды на первом месте находились интересы трудового народа и государства трудящихся, а не просто народа и государства.

Разбалансировка же началась с приходом к власти Н.С.Хрущева. При нем партия отказалась от формулы "диктатура пролетариата" и декларировала общенародный характер таких сугубо классовых институтов, как партия и государство. В народное хозяйство стали исподволь внедряться элементы рыночно-капиталистической экономики, ориентирующие предприятия на погоню за прибылью, разрушительно действующие на социалистическую экономику, имевшую нацеленность на производство потребительных стоимостей. В выработке политической линии руководство партии и страны все больше ориентировалось на так называемый здравый смысл, все меньше интересовалось наукой марксизма. Поэтому появление в партии группы изменины "Горбачева-Яковleva-Шеварднадзе" явилось уже объективным и, более того, закономерным результатом мелкобуржуазного перерождения основной массы членов КПСС. К 1991 г. КПСС уже не была вполне коммунистической партией.

Второе. Неправильно контрреволюционный переворот привязывать только к известным событиям августа 91 и сентября-октября 93 годов. Точкой перелома, перехода количественных изменений в новое качество явился XXVIII съезд КПСС. Именно он взял курс на "гуманный и демократический" уход от социализма, на рынок, фактически на капитализацию страны. Именно на XXVIII съезде представители Движения коммунистической инициативы предупреждали, что лечение социализма капитализмом кончится крахом и для страны, и для партии, но коммунисты остались на съезде в меньшинстве (см. заявление меньшинства в стенограмме XXVIII съезда КПСС).

А уже в развитие курса на рынок Апрельский (1991 г.) Пленум ЦК КПСС взял курс на приватизацию, т.е. по большому счету можно сказать, что Ельцин до сих пор выполняет решения партии! В Программе об этом ни слова. Но именно те, кто сегодня обвиняют нас в экстремизме, в нетерпимости и в непонимании сегодняшних реалий, тогда, на XXVIII съезде сделали все, чтобы отсечь любую критику "рыночного курса".

Третье. Говорят, что партия потерпела тяжелое

поражение. Но поражение терпит тот, кто борется. КПСС же прекратила свое существование практически без сопротивления, без каких-либо самозащитных действий, словно так и было запланировано. Аппарат разбежался мгновенно. Секретари ЦК КПСС, КП РСФСР, обкомов, горкомов и т.д. вместо организации коммунистов на борьбу занимались, в лучшем случае, трудоустройством аппарата и подачей петиций в судебном порядке, мол, "разрешите бороться!..". А этот самый аппарат в большинстве своем ушел в бизнес, образовав основу для формирования буржуазного класса. Так что правильнее сказать – не поражение потерпели, а на другую сторону перебежали.

Четвертое. В абзаце дается констатация, что "Предательски был разрушен Советский Союз...". Но где причины? Ведь не Беловежский сговор трех мерзавцев развалил великую страну. СССР разрушил курс на капитализацию – через разгосударствление, приватизацию, возвращение суверенитетов и собственников. А этот курс был принят XXVIII съездом КПСС и Апрельским (1991 г.) Пленумом ЦК КПСС. Поэтому, когда нам сегодня говорят, желая защитить рыночные реалии и тезис необходимости (именно необходимости) многоукладности: "Посмотрите на улицу", РКРП советует этим, в очередной раз перестроившимся, товарищам: "Надо добавлять - это наделали мы". Так что по вопросу, кто разрушил и кто предал, у нас есть вполне определенное мнение.

Пятое. В тексте абзаца с горечью отмечено, что "Был расстрелян Верховный Совет России ...". Но к 1993 году это уже был не советский Верховный Совет, под этим названием, как минимум с 1990 года, действовал обыкновенный (даже реакционный) буржуазный парламент, который изменил общественный строй в государстве, спустил красный флаг, благословил Беловежский сговор, который и породил Ельцина, в свою очередь разогнавшего этот парламент "к чертовой матери". И распускались после октября 1993 года уже не те Советы, которые (хотя и в урезанном виде) являлись органами трудового народа, а местные парламентики буржуазного толка, наиболее "демократические" из которых внесли солидную лепту в развал государства. Так что власть перешла в руки сил, реставрирующих капитализм, задолго до октября 1993 года - просто эти силы были прикрыты партийным стягом. В октябре же власть никому не переходила, достаточно посмотреть на лица большинства президентов, мэров, губернаторов ... они все знакомые и родные – "партийные".

Вот какие мысли приходят по прочтении всего лишь одного первого абзаца.

Чтобы коротко изложить наше несогласие по всему тексту программы, приведем выдержки из записи, поданной нами в Совет СКП-КПСС и Е.Лигачеву как председателю программной комиссии перед XXX съездом.

"Центральный Комитет Российской коммунистической рабочей партии, ознакомившись с проектом новой редакции программы СКП-КПСС, считает, что в данном виде он не может быть принят за основу."

По сути проект ухудшает имеющийся документ, является производным от программы КП РФ, выражает одну, вполне определенную точку зрения, которая рядом компартий, в т.ч. РКРП, не может быть принята как коммунистическая.

Проект программы поражение социализма объясняет предательством части бывшего руководства КПСС, идеейной и организационной рыхлостью КПСС, а также образованием в ней платформ и фракций (на упоминание платформ - обратите внимание - авт.)

Однако, проект документа абсолютно замалчивает ход борьбы внутри КПСС с Горбачевым и горбачевщиной. Замалчивается, в частности, борьба коммунистической платформы (Инициативного съезда), замалчивается зафиксированное XXVIII Съездом КПСС мнение меньшинства о пагубности курса реформ. Соответственно документ уходит от фиксации суповой правды – об оппортунистическом перерождении большей части многомиллионной КПСС.

Наличие определенности в этих принципиальных моментах жизненно важно сегодня, т.к. на политической арене во многом борются те же тенденции.

Введенная в проект документа формула о том, что "борьба против антисоциалистических сил подменилась устранением ложной опасности – консервативных сил, представляющих на самом деле здоровые силы...", не верна, более того – вредна, т.к. эти силы, по сути дела, представляли собой оппортунистическую, соглашательскую, пассивную часть партии, сковывающую борьбу коммунистов с горбачевщиной. (Они никогда не выступали против Горбачева, они все время пытались его подправить. В этом наше отличие от Егора Кузьмича Лигачева – авт.).

Проектом документа походя даются оценки ошибкам и даже преступлениям руководителей партии 30-40 годов, что с нашей точки зрения без детального классового, конкретно-исторического анализа абсолютно недопустимо.

Проект документа представляет реформы 50-60 годов как попытки совершенствования производственных отношений.

Наши оценки данных явлений считают эти реформы началом отхода от принципов социалистической плановой экономики в сторону так называемого рынка, к развитию группового, а затем и частного эгоизма.

Проект обосновывает, оправдывает и преподносит как положительное явление начало перестройки. Преподносится, что были вполне определенные, благие цели, несомненные успехи первых лет и возрождение авторитета КПСС.

С нашей точки зрения, само использование термина "перестройка" в отрыве от ленинского "... не рестраивать нужно, а помочь исправить... от перестройки случается такое бедствие, что я худшего бедствия в своей жизни не знал" было несвоевременно и недопустимо. Суть необходимых стране преобразований заключалась прежде всего в возврате классового, Советского характера системе власти, в возрождении классовой природы самой КПСС.

И только затем могли быть решены задачи экономики, социальной справедливости, культуры и т.п. Практика показала неизбежность перехода иной перестройки в перемены строя.

Аналогичные расхождения в оценках имеются относительно роли XXVIII Съезда, идей социального реформаторства, событий 1991-1993 годов.

Естественно, что из разных оценок и разных позиций вытекает разный подход к постановке задач и определению тактики борьбы.

Нет необходимости вводить тезис о сохранении

многоукладности в экономике на некоем втором восстановительном (?) этапе и, тем более, о положительной роли национальной буржуазии как возможном союзнике.

Данные тезисы в настоящее время вредны, т.к. так называемая национальная буржуазия на 99% носит реакционный, компрадорский характер, а ссылки на необходимость сохранения многоукладности служат подоплекой (антинародной) идеологии стабилизации существующего порядка.

Неверно изложен тезис об образовании и возможности сотрудничества с социал-демократическими партиями. В настоящее время имеющиеся в России партии, называющие себя социал-демократическими, по сути дела таковыми не являются. Их деятельность носит реакционный характер и сводится к разрушению социалистического строя и развитию процесса капитализации.

Тезис о взаимодействии с религиозными конфессиями ошибочен. Его надо, по крайней мере, опустить, т.к. церковь в основном уже заняла реакционные позиции сотрудничества с режимом.

Оценка проектом причин коммунистического многообразия как результата предательского разрушения общего партийного руководства неверна. Причины, в т.ч. сегодня, носят объективный характер, объясняются разностью подходов к оценке явлений (о чем говорилось выше), а главное, сохранением и сегодня мощных оппортунистических, прогорбачевских социал-реформаторских тенденций в нашем движении. О необходимости борьбы с оппортунизмом и ревизионизмом всех мастей в проекте ничего не сказано."

Несмотря на наши возражения, большинство перечисленных моментов из проекта перекочевали в утвержденную программу. Но нельзя обходить все эти моменты, нельзя проскакивать их, отдававшись несколькими общими фразами. Нельзя серьезный научный анализ подменять набором субъективных оценок и представлений. Нам, например, по-человечески понятно желание многих товарищ уйти от прямых ответов на неприятные вопросы: не вы ли утверждали, что иного не дано, что альтернативы рынку нет? Вы не знали, к чему это может привести?! Но тогда вы ничего и никогда не понимали в марксизме. И это, кстати, тоже результат сорокалетнего сползания КПСС в болото ревизионизма - игнорирование теории, цитирование вместо изучения.

Но желание лидеров не беспокоить себя болезненными воспоминаниями не должно определять программные положения организации, призванной консолидировать коммунистическое движение страны. А отвечая на вопрос, как же мы живем-миримся с этой программой, мы говорим: пока для нас программа СКП-КПСС – это своеобразная веха, поставленная по ходу справа. Это тот знак, за который движение вправо заходить не должно. Там коммунизм кончается. Влево – пожалуйста. На этом пространстве мы и работаем.

А что касается предложений с нами разобраться, то мы согласны. Это будет полезно. Заодно мы предлагаем разобраться и с тем, могут ли в Союзе компартий быть организации, изъявшие из своих программ итоговый вывод Манифеста компартии – призыв, указывающий путь к победе: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

КОММУНИСТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

На 15-ом съезде Коммунистической партии Греции Вступительное слово Генерального секретаря ЦК КПГ Алеки Папариги

Дорогие гости!

Товарищи!

С радостью приветствую Вас на 15-ом съезде КПГ. Приветствуем представителей коммунистических, рабочих и прогрессивных партий и движений. Участие международных делегаций в 15-ом съезде активнее, чем во всех предыдущих съездах нашей партии. Мы объясняем это массовое участие созреванием необходимости обмена мнениями и взаимоинформированности, и не только этим, но и созреванием необходимости в общей деятельности, координации, практической солидарности. Лидирующие империалистические силы, международные капиталистические организации, несмотря на свои внутренние антагонизмы и споры, действуют как единая реакционная сила против народов, их движений. Единым должен быть и ответ народов, коммунистических и рабочих партий, антиимпериалистических сил и движений.

Благодарим представителей дипломатического корпуса за их участие. Приветствуем представителей политических партий нашей страны, трудящихся, общественных организаций, городского и областного самоуправления, представителей науки и культуры, присутствующих на открытии съезда.

С этой трибуны, от имени ЦК, делегатов и членов партии, выражаем нашу благодарность государственным, общественным организациям, органам местного самоуправления, людям всех возрастов, профессий и политических взглядов, которые помогли нам в титанической работе по спасению ценного АРХИВА КПГ от катастрофического наводнения, в восстановлении здания ЦК, партийного радио, телевидения и газеты "Ризоспастис", пострадавших от стихийной катастрофы.

Благодарим всех, кто работал день и ночь в очень трудных условиях для того, чтобы высушить страницу за страницей ценного исторического документального материала о рабочем, народном движении нашей страны.

Нам удалось!

Товарищи делегаты!

Наш съезд должен принять новую Программу партии, новый Устав, а также подвести итоги за особенно значительный четырехлетний период деятельности КПГ после 14-го съезда. ЦК поставил первоочередную цель — предсъездовская работа должна иметь коллективный характер, чтобы таким образом все окончательные документы отражали желание и опыт членов, друзей и сторонников партии.

Кажется, это нам удалось. Огромное большинство членов партии имело возможность ознакомиться с документами, задать вопросы, потребовать обоснованного объяснения по той или иной позиции, выраженной ЦК. Наконец, высказать свое мнение разными способами:

устно, письменно, голосованием. Мы не заявляем о внутрипартийной демократии, а стараемся реализовать ее на практике, с более высокой бдительностью и заботой, когда обсуждаются центральные позиции партии.

Хотя предсъездовская работа по своей природе требует энергичной внутренней жизни, нам удалось не закрыться в партийных офисах. В этот же период мы достойно участвовали в массовых выступлениях за решение проблем и нужд нашего народа.

С этой трибуны мы приветствуем борьбу трудающихся г.Перама, уволенных рабочих завода Пирайки-Патрайки, пенсионеров, моряков, учителей, учеников и студентов, строителей, скотоводов, медицинских работников.

Приветствуем участников марафонского маршрута за мир, активное участие молодежи в этом недавнем выступлении от Марафона до Афин; решение солдат служить родине, а не преступным планам НАТО.

Мы верим, что сделали шаг к тому, чтобы все члены партии, друзья и наши сторонники энергично участвовали в формировании решений и великого стратегического выбора партии; сознательно, опираясь на знания и опыт; свободно, открыто высказывая свое мнение; ответственно реализуя право критики и самокритики в товарищеском духе.

Сделали шаг к коллективности и коммунистической ответственности, но многое еще предстоит сделать.

Абсолютное большинство членов и кадровых работников согласились с документами предсъездовской работы. ЦК не ограничился положительным одобрением документов, но сделал попытку изучить разные мнения по некоторым вопросам, чтобы в конечных проектах, предложениях съезду, нашли отражение аргументированные мысли большого количества членов партии.

Многие предложения и указания могут быть использованы новым ЦК и руководящими органами, так как все их невозможно включить в общие документы съезда.

Собрания провели 95% первичных партийных организаций. Проведены все конференции. В первичных партийных организациях в голосованиях по предсъездовским документам члены партии высказались таким образом:

Собрания первичных партийных организаций

	За %	Против %	Воздерж. %
Проект Программы	96,55	1,28	2,13
Проект Устава	97,93	0,53	1,50
Отчет ЦК	97,35	0,94	1,70

	Конференции		
	За %	Против %	Воздерж. %
Проект Программы	96,63	1,70	1,66
Проект Устава	97,68	0,95	1,36
Отчет ЦК	98,03	0,51	1,44

Дорогие друзья и товарищи!

Общим для нашей страны является недовольство и возмущение народа экономической ситуацией, увеличивающимся ростом безработицы, распространением наркотиков, ухудшением положения молодежи и женщин, снижением всех качественных и количественных показателей уровня жизни. Никогда прежде не было такого сомнения в политике, которую проводили послевоенные правительства. Возмущение полностью оправдано не только потому, что обещания и громкие слова списываются в архив очень быстро, но и потому, что греческий народ не информируется о межгосударственных соглашениях, которые подписываются за его спиной. Так произошло с решениями в рамках ЕС, НАТО, соглашением с ГАТТ, с директивами МВФ и Всемирного Банка.

Общим является страх перед опасностями, которые угрожают нашей стране, находящейся в регионе, в котором стратегия империалистических сил приводит к пограничным спорам, к открытым военным вмешательствам, к разжиганию националистических и религиозных распрай. Организованная преступность и насилие, загнивание и коррупция, душок экономических скандалов, систематическое манипулирование сознанием — это ежедневные явления, невероятно ухудшающие условия нашей жизни. У большей части нашего народа, особенно среди рабочих и работниц, самых бедных и эксплуатируемых частей крестьянства, мелких и средних слоев города, зреет идея о радикальных изменениях в нашем обществе. Это показатель нового многообещающего сознания, начинающего формироваться в нашей стране. Это то, что характеризует нынешний момент, в который проводится 15-ый съезд.

Наша партия все годы по всем вопросам имела разработанные позиции, предложения, цели и требования. Она не оставляла без рассмотрения ни одно политическое событие, ни одну проблему без заявления своей аргументированной позиции, которая, конечно, была противоположна той, которую проводили правительства и другие партии, действуя с той же логикой.

Мы предупреждали

Коротко напомним.

КПГ заранее был дан прогноз о готовящейся войне на Балканах, в то время как другие политические силы нашей страны заявляли, что закончились холодные и горячие войны и что сейчас можем идти по пути демократии и мира.

Были даны конкретные и очень реалистические патриотические предложения КПГ о том, что наша страна не должна никоим образом вмешиваться в войну в Боснии. Была заявлена наша позиция о мире и сотрудничестве с соседними странами, особенно на северных границах.

КПГ предупреждала, что придет время, когда так называемые союзники в рамках ЕС и НАТО, не будут поддерживать Грецию, когда будут оспаривать суверен-

ные права нашей страны. Так и произошло. Генсек НАТО г. Солана, позавчера прибывший в Афины, разыграл роль Понтия Пилата, хотя знает, что началось оспаривание режима в Эгейском море со стороны Турции. Наша партия еще раз предупреждает, что НАТО и участие в нем представляет опасность №1 для территориальной целостности и суверенных прав Греции. К сожалению, мы единственная партия, которая говорит с греческим народом на этом языке.

Летом 1992 года мы предупредили греческий народ, что новые беды принесет подписание Маастрихтского договора другими политическими партиями. Вовремя предупредили, что означает "Белая" и "Зеленая" книги для прав и завоеваний трудящихся, о катастрофических последствиях известных программ "ближения".

Мы можем напомнить наши предупреждения о том, что смена правительства ничего не изменит в политической жизни, что продолжится политика приватизации и замораживания доходов трудящихся.

Напомним о нашем своевременном предупреждении, что безработица примет массовый характер и будет использоваться как повод для ликвидации завоеваний трудящихся за последние 80 лет. Мы раскрыли методы, используемые для установления новых форм эксплуатации и для разоружения профсоюзного движения по линии "классового сотрудничества" и подчинения.

Были наши предупреждения о том, что развалятся государственные системы образования и здравоохранения, ускорится процесс общей приватизации сферы общественных услуг.

В прямом смысле слова нигде наши предупреждения не опровергались. Было доказано, что КПГ — это партия, находящаяся внутри действительности и событий.

Кто-то может спросить, чему тут радоваться — это само собой разумеется для компартии. Говорим об этом по одной причине: последние 5 лет были необычными для коммунистов, были годами трудными, со многими опасностями и ловушками.

5 лет тому назад наша партия была в центре тайфуна кризиса международного коммунистического движения, на краю пропасти, и едва была спасена от идеологического перерождения и маразма. Мы выдержали и устояли на ногах, проявили себя в борьбе и в политической жизни страны.

Наша партия всеми средствами борется против политической пассивности и социального пессимизма, который распространяется систематически всеми современными психологическими и социальными средствами. Мы дали настоящий бой, чтобы показать народу, что существует не политическая свобода, а манипулирование сознанием. К политической и духовной свободе можно стремиться и завоевывать ее через опыт, который приобретается в классовой борьбе.

Мы во весь голос осудили попытку контролировать политическую мысль трудящихся и уничтожить антиимпериалистическое сознание народа, развившееся в предыдущие годы. Осудили попытку кастрации настоящей памяти героических лет Национального Сопротивления; попытку широко распространить в нашем народе тщеславие, чтобы он не боролся за радикальные изменения.

Так мы и продолжим: более решительно, во весь голос.

В чем секрет жизнестойкости КПГ, которой скоро 80 лет? Это твердость и настойчивость в выражении интересов рабочего класса, народных сил, бескомпромиссное противостояние крупному капиталу, олигархии богачей, наше радикальное сопротивление империализму, капиталистической системе. Мы стараемся постоянно чувствовать рабочего и работницу, служащего и пенсионера, крестьянина и крестьянку, мелких предпринимателей и торговцев, которые борются за выживание. Стараемся видеть, куда ведут события, куда ведет народ и страну нынешняя политика.

В последние годы, насыщенные международными и внутренними событиями, мы осознаем, что недостаточно иметь только позиции, цели, требования, предложения и мечты для решения важных проблем народа. Разрозненная борьба в разных местах, рассеянные выступления, отдельные требования не дают существенных решений, не дают выхода из нынешней ситуации. Наш народ должен поставить перед собой более высокие цели, выходящие за рамки непосредственных решений. Ежедневная борьба должна быть осмысленной, должна иметь стратегический план и мечту.

Программа КПГ призвана ответить на насущные вопросы, которые наш народ ставит для выхода из нынешней ситуации. Кстати, эта идея созрела уже на 12-ом съезде (в 1987 г.), который и поставил вопрос о программных изменениях.

В нашем лозунге: **ФРОНТ ПРОТИВ МОНОПОЛИЙ И ИМПЕРИАЛИЗМА, ЗА СОЦИАЛИЗМ** — концентрируется политический ответ КПГ.

Для нашего народа существует выбор одного из двух противоположных путей развития греческого общества:

А. Первый — это путь, обслуживающий интересы международных монополий и империализма, то есть управление капиталистической системой. Путь дикой эксплуатации, жестких обязанностей и порабощающих соглашений за спиной народа.

Б. Второй — это путь, обслуживающий интересы народа, путь формирования антиимпериалистического, antimонополистического, демократического фронта борьбы, который ведет к социализму. Путь сопротивления, контрнаступления и перспективы.

Не существует внеклассового, или третьего пути развития.

В нашей стране испробованы разные методы управления системой: от самых диких и реакционных, до мягких, но антисоциальных. Все вместе они сконцентрировали проблемы, привели к нынешней критической ситуации. Народ переживает последствия не только сегодняшней политики. Он переживает сегодня и тяжелое наследие послевоенного периода, и не только. Чтобы не распространяться об историческом прошлом с момента формирования современной греческой нации, приведу пример: Управление системой за 20-летний период после освобождения от немецкой оккупации.

Тогда было заявлено об экономическом возрождении Греции, ее индустриализации. Развилась промыш-

ленность, относительно увеличился национальный доход, как и национальное производство. Все эти достижения стали возможными за счет порабощения экономики страны иностранным капиталом, американским и натовскими военными стремлениями. Олигархия разбогатела. Трудовые завоевания были незначительными по сравнению с настоящими нуждами нашего народа. Что касается демократии, то речь об этом даже не шла, так как была запрещена деятельность КПГ, убивали коммунистов, пытали в тюрьмах и лагерях, а на улицах и в университетах топили в крови демонстрации трудящихся и молодежи.

Мы пережили порыв первых лет после падения военной хунты, когда народ требовал настоящей демократизации и национальной независимости. Народные завоевания были, но они не только не выходили за узкие рамки формальной буржуазной демократии, которая функционировала в Западной Европе, но даже уступали соответствующим завоеваниям трудящихся этих стран.

Мы знаем, что из себя представляло знаменитое огосударствление предприятий сферы общественных услуг и банков, которую провело вначале правительство НД и продолжило правительство ПАСОК. Сами эти предприятия превратились в механизмы подкупа голосов через прием на работу вне закона. С помощью огосударствления, между тем, дали возможность избавиться от предприятий-должников капиталистам, которые сами их обанкротили, причем получая компенсацию в два и три раза больше от греческого государства. Получив прибыль, они уехали в буквальном смысле, так как большинство их, этих бывших владельцев, перевело свои капиталы в предприятия или спекулятивную деятельность за рубежом.

Мы хорошо знакомы сегодня с другой формой управления, так называемым разгосударствлением, возвращением государственных предприятий в частные руки, межнациональному капиталу. Знаем о договорах колониального типа, заключаемых в Греции для выполнения строительных проектов, некоторые из них дают сомнительную выгоду.

Мы переживаем не только открытый террор и грубое насилие, но и современное закамуфлированное насилие, идеологический террор и манипуляции, рождающие политическую пассивность и социальный пессимизм.

Знаем о многообразных методах подкупа и манипуляции сознанием: от приемов на работу через "знакомого" до политики передачи отдельных пособий и льгот избранным. В последние годы появились новые формы "подкупа" — растранижирование денег, поступающих в Грецию из ЕС, которые теряются в исследовательских комитетах, в семинарах, при переобучении и переквалификации, даже при организации путешествий за рубеж.

Знакомы с опытом Греции, имеющей тысячи свалок, где крестьяне хоронят результаты своего труда и за это получают компенсацию. Сейчас дают крошечную компенсацию, для того чтобы крестьянин отказался от нужных продуктов, приносящих валюту. Вместо этого их вынуждают сажать цветы, деревья, зелень.

Только чтобы они не производили, чтобы таким образом реализовывались в Греции решения знаменитого ГАТТА, стремления Германии, существующие свыше 50 лет. То, что не удалось сделать Германия в кровавой второй мировой войне, она реализует сегодня через навязанные международные соглашения.

За последние годы в нашей стране все чаще, один за другим рождаются скандалы. Конечно, они существуют, но это еще пустяки сравнительно с огромным числом узаконенных или не узаконенных преступлений, в ущерб народу и производственной базе. И все начинают говорить о "морали в политике", о гнилости и упадке. И тогда речь заходит о якобы революционных, а на самом деле рекламных предложениях, об исследовательских комитетах, межпарламентских органах, проверяющих договоры.

Само раскрытие экономического скандала является частью крупной политической игры в ущерб народу. Выходит наружу запланированная часть грязи, ссор между межнациональными монополиями, политическими, экономическими силами, владельцами СМИ, в момент смены лагеря союзниками. Это признаки грязной войны интересов. Запрограммированные разоблачения после их использования снова закрываются. Это продукты и субпродукты рыночной экономики, законов капитализма, наконец. Общество, опирающееся на эксплуатацию человека человеком, на капиталистическую прибыль, на монополистическую сверхприбыль, не может защититься от беззакония.

Народ не должен чувствовать себя бессильным в этой ситуации, он должен осознать, что "скальпель нужно вонзить глубоко".

Но и на политическом уровне начали готовиться разные решения. Ушел в прошлое 10-летний опыт правления одной партии. Мы пережили опыт двухпартийной системы. Выиграли от этого только предприниматели, судовладельцы, банкиры, крупные торговцы, конструкторские фирмы, доморощенный и иностранный капитал, межнациональные монополии.

Смена одного правительства другим между НД и ПАСОК начинает считаться неэффективной и устаревшей. Экономический и политический режим ищет и другие формы политического управления, чтобы создать иллюзию изменений, не меняя при этом ничего. В последнее время представляется новая схема "правоцентризм-левоцентризм" для организации коалиций основных партий. Две крупные партии нуждаются в дополнении мелкими, желающими играть роль резерва, бруствера, опоры.

Результаты разных форм управления одни и те же: замораживание доходов трудящихся и массовая безработица, сужение и продажа производительной базы страны, приспособление и подчинение.

Несмотря на это, резервы системы далеко не исчерпаны. И мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы помешать их осуществлению.

Наш путь

Дорогие гости, товарищи!

Мы переживаем период, имеющий два элемента: катастрофический и объявленный как созидательный. Какое содержание мы вкладываем в эти два понятия?

Катастрофический элемент касается прав и завоеваний народа, которые отбираются обратно варварским образом.

Объявленный как созидательный элемент касается реорганизации и переструктурирования в пользу монополистического капитала, с главной целью — полного приспособления Греции к условиям подчинения в международном распределении труда через ЕС и НАТО.

Народ сталкивается не только с политикой жесткого замораживания своих доходов, но и с долгосрочной стратегией, охватывающей все сферы жизни в ущерб народу, утверждаемой новыми законодательными оковами.

Наш вывод:

Утопией является ожидание решения в пользу народа в рамках управления этой системы, в рамках ЕС и НАТО. Условия этих организаций не меняются в пользу народов. Только с их свержением и разрывом с ними можно успешно бороться.

В наши дни проблемы не решаются обычными средствами и формами борьбы, выработанными профсоюзным и вообще народным движением в первые годы после падения хунты или в другие важные моменты борьбы.

Настоящий путь борьбы за интересы народа — это формирование антиимпериалистического, антимонополистического фронта в авангарде с лидирующей силой — рабочим классом и КПГ. Это будет вклад нашего народа в мировую попытку изменения международного соотношения сил в пользу прогресса и социализма.

Может быть, КПГ, выдвигая необходимость социализма сегодня, подвергается опасности оторваться от неотложных и обостренных проблем нашего народа?

Категорическим образом отвечаем: НЕТ. Многолетняя история КПГ, с 1918 г., является неопровергнутым тому доказательством. Мы заявляли о необходимости социализма и защищали те движения, которые вели и облегчали путь к социализму. Одновременно мы были во главе борьбы за 8-часовой рабочий день, зарплату, пенсию, за равенство женщин, за демократические и профсоюзные свободы. Искусство ежедневной борьбы — значительное, но это искусство имеет ценность и смысл тогда, когда, с одной стороны, опирается на опыт прошлого, а с другой — обслуживает решительным образом конечную цель.

Актуальность и необходимость социализма

Не скрываем, что много раз от простых людей слышали вопрос: "Насколько реалистично после победы контрреволюции и свержения социалистических режимов в Европе говорить о необходимости социализма".

ОТВЕЧАЕМ:

Наоборот, эти свержения делают более яркой необходимость социализма в мировом масштабе и, конечно, в Греции, следовательно подтверждают его актуальность.

Зададим только один простой вопрос: "После драматических событий 1989-1991 гг. обстановка для человечества стала лучше или хуже?"

Ответ ясен — все идет к худшему, потому что отступили силы социализма и мира, социального прогресса и антиимпериалистической борьбы. Это проис-

ходит в период, когда мировое богатство достигло небывалого в прошлом размера, это происходит как результат эксплуатации трудящихся силами капитала.

Дикое контрнаступление сил капитала, ведущих империалистических сил началось с первыми симптомами кризиса в социалистических странах Европы, и стало еще более жестким после распада СССР и Варшавского Договора.

Война в Персидском заливе, ставшая первой тренировкой новой стратегии империализма, обрушилась после того, как появились предсмертные признаки у Советского Союза. Чуть позже произошло позорное вторжение на Балканы и преступный развал Югославии.

Отрицательные изменения развивались по цепочке и охватили весь мир. Свержение сандинистов в Никарагуа при прямом вмешательстве США, блокада Кубы, вмешательство американских войск в странах Африки под маской гуманитарной помощи. Подписанные соглашения в Осло по палестинскому вопросу, — всем известно, насколько далеко находятся они от справедливого решения вопроса о независимом палестинском государстве.

Соглашения, подписанные ранее под давлением социалистических стран, такие, как Хельсинское или другие международные и местные соглашения, бросаются в мусорное ведро, а прорабами в этом деле являются, с одной стороны, США и НАТО и, с другой — ЕС. Не соблюдаются даже формальности, ограждающие от политического и военного вмешательства.

НАТО не скрывает и открыто реализует свою новую роль. Этот блок формирует многонациональные военные силы, целью которых является не только так называемая охрана международного порядка и безопасности, но и якобы защита внутренней безопасности стран, имеющих разные проблемы развития и демократии. Дошли таким образом до такой ситуации, которую в послевоенный период нельзя было представить, даже когда речь шла об известных "банановых республиках". НАТО превращается в признанную международную силу контрреволюции.

На вопрос: "Откуда вытекает необходимость и актуальность социализма?", можно дать многосторонние ответы. Разрешите мне остановиться на четырех моментах, широко раскрывающих необходимость и, следовательно, актуальность социализма. Это 1) международное разделение труда, 2) новые технологии, 3) вопрос о демократии, 4) ситуация, складывающаяся в Балканском регионе, Эгейском море, Средиземноморье и Ближнем Востоке и, касающаяся прямо и косвенно событий в Греции.

Международное разделение труда

Равноправное разделение труда не может существовать в рамках мировой капиталистической системы, империалистического господства, деятельности межнациональных монополий.

Конечно, и до 1989-1991 гг. международное капиталистическое разделение труда было несправедливым и болезненным. В 1960 году соотношение ВВП между развитыми и бедными странами было 30 к 1 в пользу первых. В 1989 году с известными переструктурирующими программами и планами помощи это соотноше-

ние стало 60 к 1, а для доходов 140 к 1.

Мы говорим о сравнении общих показателей для стран, но если посмотреть показатели внутри этих стран, то эксплуатация, дискриминация рабочего класса и других народных слоев являются обостренными и давящими.

Сейчас, с захватом империализмом большей части социалистического пространства, международное капиталистическое разделение труда стало более опасным, так как в конце 20-го века порабощение принимает невероятные формы. Вне антиимпериалистической борьбы и социалистической перспективы невозможно найти альтернативное решение. Даже простое сопротивление нейтрализуется и вырождается.

Технологический взрыв

В сущности взрыв характеризует события в области современной научно-технической революции. Никто не сомневается в этом, никто не недооценивает новые возникающие проблемы и опыт. Преувеличенным и иррациональным является мнение, что скачкообразное развитие новых технологий изменяет основательно все сегодняшнее положение. Только одно прочтение Маркса и Энгельса, как и других мыслителей показывает, что и в тот период соответствующим образом понимались промышленная революция, появление машин и далее автоматизации. Это бурное развитие производительных сил, превращает науку в основную производительную силу, и об этом превращении говорилось с конца прошлого века.

Технологический взрыв неоспоримо подтверждает, что еще больше созрела необходимость организации нового общества на национальном и мировом уровне. Вопрос, кто владеет новыми технологиями, является главным и критическим. Мы в полном масштабе переживаем трагическое, но объяснимое противоречие. Вместо того, чтобы обеспечивать народное благосостояние, свободу, демократию, всестороннее развитие человеческой личности, международные связи между народами, новые технологии, научно-технический прогресс становятся самым современным орудием самой мрачной эксплуатации и порабощения. Новые технологии в руках сил капитала связывают человека по рукам и ногам.

Общество, базирующееся на прибыли, всесторонне демонстрирует свой тупик, свои безнадежно узкие рамки. Только власть рабочего класса и его союзников может поставить цель: достижения науки и техники — для всестороннего развития производительности труда и общественного производства.

Конечно, ничего этого не может обеспечить капиталистическая собственность, крупные межнациональные монополии, которые кладут все на алтарь сверхприбыли.

Демократия

Вместо демократии, усиливается поворот к реакции. Все институты, которые были сформированы в рамках капитализма, особенно в Европе, под влиянием Великой Отечественной войны, потеряли немногие имевшиеся у них народные элементы и любую возможность компромисса в рамках системы. Подтвержда-

ется, что сила института имеет прямое отношение к подъему и результативности классовой борьбы. Новые институты формируются с благословения и при вмешательстве ЕС и других международных организаций, которые ставят своей целью оставить народы за рамками решений, превратить их в послушную, управляемую массу, без мечты, идеалов, духа и моши.

Капиталистическая система обескровливает и сужает свои же институты, превращая буржуазную демократию в железные тиски.

Ситуация в регионе

Известно, что наша страна находится на стыке трех континентов, в кипящем регионе. Греческий народ, как и все народы региона, переживает прямые последствия остройшей конкуренции между ЕС и США, последствия деятельности таких региональных жандармов империалистических сил, как Турция и Израиль.

Нейтральная позиция при империалистическом "новом мировом порядке" равнозначна катастрофе. В этом регионе существует только один выбор — последовательная антимонополистическая, антиимпериалистическая борьба с социалистической перспективой.

Антиимпериалистический, антимонополистический фронт борьбы и переход к социализму

КПГ обращается к греческому народу, особенно к рабочему классу и к самым бедным и угнетенным слоям с призывом: принять на себя обязанность формирования всенародного социально-политического фронта борьбы, эпицентром которого будет противостояние и разрыв с интересами монополий и империалистического господства. Создать самостоятельный полюс, противоположный социальным и политическим силам, поддерживающим и управляющим капиталистической системой, открывающим дорогу директивам ЕС и НАТО.

Не первый раз КПГ ставит вопрос о фронте антиимпериалистических, антимонополистических сил. Остановимся на послевоенном периоде, напомним, что разными способами наша партия ставила этот вопрос перед греческим народом на 9-ом и 10-ом съездах. Наше сегодняшнее политическое предложение развивалось и приспосабливалось к новым фактам.

1. Греция, особенно после превращения ЕЭС в ЕС, формирования новой структуры НАТО, находится на пути к включению в эти империалистические организации с новыми более подавляющими условиями зависимости и подчинения. Вмешательство империалистических центров в дела Греции узаконивается не только в сфере экономики, но и в политической, военной областях, во внешней политике, в так называемой внутренней безопасности.

2. Международные изменения в капиталистическом разделении труда после свержения социалистических режимов в Европе и распада Варшавского Договора.

Сегодня объективно нет возможности для народа потеснить режим монополий и зависимости не отрицая в корне саму капиталистическую систему, без свержения капитализма и перехода к социализму.

Это не означает, что ничего нельзя сделать в капиталистическом обществе. Антиимпериалистический,

антимонополистический, демократический фронт в самой решительной и бескомпромиссной борьбе может добиться только временных, неглубоких и неполных уступок и решений, если борьба не будет ставить под сомнение устои капиталистической системы.

Предпосылкой для создания фронта не может быть согласование с социалистической перспективой. Тем более нельзя требовать от остальных сил согласия с нашим пониманием вопроса о социальной социалистической революции и вопроса о власти.

Его программные направления и цели обязательно, сами по себе, должны быть противоположны и сталкиваться с основными планами монополистического капитала, они должны быть открытыми для радикальных изменений.

КПГ не скрывает свои общие цели и мечты, она будет бороться, чтобы убедить рабочий класс и другие бедные народные слои не останавливаться на полпути. Мы уверены, что уроки борьбы вооружат опытом и желанием всех тех, кто понимает необходимость сопротивления, но еще не убежден в необходимости радикальных изменений.

Мы знаем, что фронт будет включать не только тенденцию к единству, но и тенденцию к противоречию. Рабочий класс — это класс, имеющий самое глубокое противоречие к капиталистической системе. Поэтому он с помощью КПГ находит способы для постоянной активной поддержки интересов других слоев, и в то же время защищает фронт от ущербных и необоснованных отступлений и компромиссов. Главной задачей рабочего класса является убеждение его союзников на каждом повороте борьбы, что от радикальных изменений, от перехода к социализму выиграет не только он как класс. Огромное большинство народа также освободится от угнетения, зависимости, разнообразной эксплуатации.

Исход борьбы за социализм будет определяться желанием народных масс, их убеждением, что сохранение старого — в ущерб их интересам.

Фундаментом Фронта, его силой является социальный союз рабочего класса, трудового крестьянства, средних слоев города, общественных движений молодежи и женщин, движений в защиту окружающей среды, за образование и здравоохранение, всех тех, кто борется за демократические права, за поражение империалистических планов, направленных против народов и мира. Фронт будет объединить трудящихся в области культуры, науки, сопротивляющихся коммерциализации, манипуляции, массовой культуре.

В проекте программы мы подробно представляем наши позиции по программным направлениям и целям борьбы Фронта.

Политика КПГ относительно Фронта является глубоко объединяющей, потому что ставит вопрос о союзе антиимпериалистических антимонополистических сил. Она единственная способна объединить народ и держать его в "изоляции" от раскольнических планов господствующего класса, от ловушек и маневров его сценариев.

Эта политика КПГ является глубоко интернациональной, так как способствует единству антиимпериалистических антимонополистических сил вне наци-

нальных границ. Фронт по своей природе призван координировать свои действия с движениями Европы, Балканского региона. Средиземноморья, Ближнего Востока. Политика КПГ в отношении Фронта глубоко демократична, так как опирается на напор классовой народной борьбы, на более широкое, сознательное, организованное народное участие.

КПГ и сегодняшние политические силы

Ясно, что в рядах Фронта нет места политическим силам, политика которых направлена на управление этой системой. Нет места политическим силам, видящим единственный путь в участии Греции в ЕС и приспособлении к его директивам, узаконивающим деятельность НАТО и других капиталистических, империалистических организаций. Нет места силам, пропагандирующими "классовое сотрудничество" и "общественный мир".

Не мы характеризуем другие политические силы. Они сами определяются как силы управления этой системой. Их политика поддерживает прибыль монополий и директивы империалистических организаций.

Подавляющее большинство членов партии одобрило наши оценки характера и роли других политических сил, и согласилось с тактикой, которую определила партия в период после 14-го съезда. По этому пути и продолжим идти. Наша критика должна стать более острой, обоснованной и обличительной, то есть убедительной.

В рядах этих партий, у их избирателей имеются народные силы и общественные лидеры, которые обеспокоены политической ситуацией, задают вопросы, выказывают стремление к сопротивлению. Жаль, что эти живые народные силы массовым образом не оставили еще эти партии, в которые когда-то поверили и поддержали. Жаль, что люди с опытом, боровшиеся многие годы, надеются, что политика их партий может измениться, в то время как эти партии выбрали в качестве своих целей, то, чего желает начальство в Брюсселе, в НАТО и в Вашингтоне, и интересы разбогатевшего меньшинства.

Но посмотрим, насколько близко и насколько правильно связаны мы с народными слоями, которые попадают в ловушки обещаний и верят, что их жертвы принесут результаты. Насколько убедительно и решительно раскрываем то, что является действительно разделяющими линиями "правый-неправый", "правые-демократические силы", "правоцентрист-левоцентрист". Насколько мы убедительны и открыты к тем простым людям, которые путаются в фразеологизмах так называемой "модернизации", "превышения" и "обновления"?

Наша обязанность — убедить эти силы решительно встать в ряды борьбы, пойти вместе с коммунистами, независимо от того, во всем ли они с нами согласны. Правительственная политика, общие политические рамки, господствующие в нашей стране, ежедневно принимая антнародные меры, рождают новые проблемы, которые могут и должны стать очагами сплочения, сопротивления и борьбы.

В народ

Сразу после съезда первой нашей задачей является широкий выход в народ, прежде всего на места ра-

боты рабочего класса и молодежи. Нужно встать в авангарде новых фронтов борьбы, быть вместе с народными силами, чувствующими новые изменения и желающими бороться.

Сегодняшнее реакционное и соглашательское политическое соотношение сил не останется неподвижным и неизменным, оно несомненно будет меняться. Его изменит не борьба вообще, абстрактная борьба, а новое политическое сознание, которое будет возникать и развиваться в этой борьбе, в классовых политических противостояниях.

Представление КПГ о политическом сотрудничестве:

КПГ будет стремиться к общей деятельности с политическими силами и группами, разделяющими антиимпериалистические, антимонополистические цели, поддерживающими борьбу народа и Фронта. Будет стремиться к общей или параллельной деятельности по конкретным целям, одновременно сохраняя свою самостоятельность — идеологическую, политическую и организационную. Вопрос о союзах будет рассмотрен тогда, когда будет существовать конкретная возможность, исходя из принципиальных позиций, рассматривать этот вопрос как политику со стратегическим значением, а не как самоцель, не как "единство ради единства". Любой отрицательный опыт прошлого в вопросе о союзах в нашей стране или в международном масштабе не отвратит нас от этой политики. Сделаем выводы, мы в состоянии быть бдительными.

Почему наша основная работа должна быть направлена на рабочий класс и на молодежь:

ЦК во всех своих документах выделяет и подчеркивает как основную и первостепенную обязанность КПГ развитие широких и действенных связей с рабочим классом и молодежью. Эту обязанность мы не противопоставляем защите и других народных слоев крестьянства, мелких и средних производителей. Мы знаем очень хорошо из нашего опыта, что народное движение не перейдет в новую fazu прорыва, фронт не начнет делать своих первых шагов, если не будет более явным и решительным присутствие рабочего и молодежного движения, если партия не будет пополнять свои ряды новыми силами из рабочего класса, молодежи.

Представление КПГ о социалистическом обществе:

В проекте Программы ЦК попытался дать в общих чертах наше представление о социализме в Греции. Некоторые товарищи хотели услышать больше подробностей, описаний, больше конкретных направлений и ответов. Мы сознательно этого не сделали. В нашей проблематике нет места "планам по карте", далеким от конкретной внутренней и внешней действительности, которая будет сформирована завтра. Мы решили подробнее рассмотреть, каким будет подход к нашей конечной цели, как будет решен ключевой вопрос, то есть проблема завоевания власти рабочим классом и его союзниками.

Для нас ясно, что рабочее народное движение нашей страны, его авангард должны делать все от них зависящее для реализации всех появившихся возможностей, внутренних и внешних, для перехода к социализму. Принять на себя ответственность, не ожидая пассивно решения откуда-то из-за рубежа. Дело не в

том, что мы недооцениваем сегодня значение международного фактора, а в том, что международный фактор формируется в результате прогресса борьбы в каждой отдельной стране.

Новая власть — диктатура пролетариата, с первых ее шагов столкнется с проблемами антиимпериалистического, антимонополистического характера, с тяжелым капиталистическим наследием. Одновременно она будет решать вопросы обобществления основных средств производства, социалистического планирования в экономике. В это время мы лицом к лицу столкнемся с контрнаступлением внутренней и внешней реакции. Новая власть должна будет обеспечить материальную и моральную поддержку международного рабочего класса, движений соседних стран.

В проекте Программы мы приняли во внимание как положительный, так и отрицательный опыт построения социализма в 20-ом веке. Любые ошибки, сделанные в трудных условиях, не являются для нас поводом, чтобы отказаться от дела социализма. Не помогает логика приукрашивания и безошибочности; но мы исключаем и логику аннулирования и отказа от великого вклада социалистической системы, которая совершила величайший подвиг, ликвидировала эксплуатацию человека человеком.

Наш опыт до сегодняшнего дня дает основание и стимул быть более решительными и умелыми борцами за настоящее и радикальное решение огромных проблем нашего народа, проблем, объединяющих рабочий класс и народы всех стран.

Дорогие гости!

Самый трудный, но одновременно самый необходимый и правильный путь для народа — это прямой путь. Путь, который начинается с последовательного сопротивления и не отступающий от защиты интересов нашего народа — это путь, который ведет к социализму.

По этому прямому пути мы пойдем последовательно и решительно, несмотря на время, усилия и жертвы. Их будет меньше, чем бесполезных жертв, требуемых сейчас от народов, от которых выигрывают только их угнетатели.

Наше будущее принесет нам много неожиданностей, не обязательно отрицательных, как предполагают постоянные пессимисты. Соотношение сил в Греции и в мире не может оставаться без изменений. Уже формируются предпосылки для нового пробуждения народов. Народы начинают искать что-то новое.

Революционный процесс нельзя, конечно, прогно-

зировать с точностью природного явления. Мы хорошо знаем, что нужно еще много сделать, чтобы изменить мир, сочетая многие качества: гнев и настойчивость, быстрое принятие решения и глубокое размышление, понимание частностей и общего.

Это не означает, что коммунистическая партия будет ожидать, как лиса в басне Эзопа. Она ежедневно все более энергично и решительно будет участвовать в борьбе, исходя из проблем и нужд народа нашей страны, страданий, которые накапливаются из-за империалистического мирового порядка, более решительно будет связывать ежедневную борьбу со строительством фронта с социалистической перспективой. У нас нет другого выхода.

Век контрнаступления

С этой трибуны с реализмом борцов, прошедших не раз через многие испытания, мы заявляем, что: 21 век будет веком перегруппировки, отражения нападения сил капитала, веком контрнаступления. Внутри процесса, и непредсмотренного, случайного, с необходимостью возникает новый круг революционных движений и социалистических революций.

Даем слово, что греческие коммунисты будут в рядах передовых борцов тех великих движений, которые готовятся. Одновременно и параллельно будем представлять нашу интернациональную помощь народу, который страдает, жертвам антикоммунистических гонений, национализма и расизма, империалистического вмешательства и эмбарго, внося наш вклад в укрепление принципа пролетарского интернационализма. Примем и поддержим инициативы, направленные на общую антиимпериалистическую борьбу народов, на появление сильного международного коммунистического движения. Примем и поддержим инициативы, направленные на отражение координированного нападения на рабочий класс, реваншистского контрнападения сил капитала.

Иго империализма объединяет страны и народные движения.

Для этого единства мы не пожалеем сил.

С коммунистическим оптимизмом и ответственностью мы открываем работу нашего съезда.

С большой боевойностью и готовностью начнем 27 мая.

Плечом к плечу с Коммунистической молодежью Греции, достойной надежд партии.

Вместе с народом и всегда в его рядах.

Продолжим героическую историю нашей партии.

КПГ в политической истории и жизни Греции

(Краткая историческая справка)

Э. Вагенас

Образование КПГ 17-23 ноября 1918 г. было зрелым плодом развития рабочего движения нашей страны и его соединения с теорией научного социализма. Создание КПГ было ускорено Великой Октябрьской социалистической революцией.

КПГ — авангард, сознательная и организованная часть рабочего класса Греции, с момента ее образования отстаивает интересы трудящихся. Ее конечная цель — революционное преобразование греческого общества через свержение капитализма и строительство социализма и коммунизма.

КПГ руководствуется мировоззрением марксизма-ленинизма, усваивает и творчески развивает теорию, обобщая мировой опыт коммунистического и рабочего движения, изучая социальные и политические процессы.

Греческие коммунисты гордятся тем, что завоевания народного движения Греции, такие, как 8-часовой рабочий день, избирательное право женщин, трудовые и социальные права трудящихся, связаны с борьбой КПГ, с ее неисчислимymi жертвами.

КПГ во время гитлеровской оккупации организовала Национальное Сопротивление греческого народа, создавая "Национально Освободительный Фронт" (ЭАМ) и "Греческую Народную Освободительную Армию" (ЭЛАС). ЭАМ и ЭЛАС под руководством КПГ освободили ряд районов страны, в которых установили режим народной республики. До окончания войны, 12.10.1944 ЭЛАС освободил столицу Греции — Афины. Но последовало империалистическое вмешательство, вначале английских, а позднее американских войск, с целью сохранить Грецию в мировой капиталистической системе. Это вмешательство вызвало гражданскую войну. КПГ продолжила вооруженную борьбу против империалистов с созданием "Демократической Армии Греции" (ДЭС). Борьба была неравной и закончилась поражением ДЭС в 1949 г. Начался новый период гонений против коммунистов, который закончился только с падением "диктатуры черных полковников" в 1974 г.

КПГ с момента ее образования преследовалась буржуазным государством. Не случайно большинство лет своей истории КПГ существовала в подполье. И сегодня, при буржуазной демократии, существует дискриминация: так, например, для избрания депутата-коммуниста необходимо 40000 голосов, а для одного депутата социал-демократа или из правой партии достаточно 18000 голосов.

КПГ удалось успешно дать отпор опасности идеологического перерождения партии, избежать маразма и развала во время кризиса 1989-1990 г.г., когда первая оппортунистическая группа попыталась распустить КПГ. Партия выстояла, сохранила свой коммунистический характер. Это удалось сделать благодаря борьбе

тысяч ее членов и руководителей, помощи друзей и сторонников, а также прогрессивных людей, понимающих, что политической жизни Греции сегодня и завтра нужна коммунистическая партия.

В национальных выборах октября 1993 г. КПГ набрала 4,5% голосов и получила 9 депутатов. На выборах в Европарламент в июне 1993 г. КПГ получила 6,2%, и 2 евро-депутата, а на местных и губернаторских выборах октября 1994 г. — 7,5% и больше чем 20 мэров и одного губернатора.

КПГ борется против концепций классового "сотрудничества" и общественного "согласия" между эксплуататорами, систематически выдвигаемых буржуазными, реформаторскими и оппортунистическими партиями. Движущей силой общественного процесса она считает классовую борьбу, где главную роль играет рабочий класс. КПГ действует в тесной связи с людьми труда, черпает свои силы и энергию из контактов с трудящимися. Основной для КПГ является не парламентская борьба, а работа в массах. Партия играет авангардную роль в выступлениях рабочих, крестьян, мелких и средних предпринимателей Греции. Таким образом, КПГ — вторая по влиянию сила в рабочем профсоюзном движении, на последнем съезде Всегреческой Конфедерации Рабочих Греции (ГСЭЭ) фракция КПГ в профсоюзах — ЭСАК получила 23% делегатов и, следовательно, завоевала место Генсека в ГСЭЭ.

Под политическим руководством КПГ действует в Греции Коммунистическая молодежь Греции (КНЭ) — самая организованная политическая организация молодежи страны, имеющая сильные позиции у рабочей, студенческой и учащейся молодежи.

КПГ издает ежедневную газету, орган ЦК — "Ризоспастис" ("Радикал"), двухмесячный теоретико-политический журнал "Коммунистики Эпитеориси" ("Коммунистическое Обозрение"), а также имеет свою радиостанцию и телевизионную станцию под названием "902 налево".

Состоявшийся 22-26 мая 15-ый съезд КПГ принял новую Программу (за — проголосовало 566 из 575 делегатов), Устав (за 571), Политическое Решение Съезда (за 567). В съезде приняли участие представители 65 коммунистических и рабочих партий со всего мира, а 17 партий направили приветствие.

Новая Программа определяет характер революции в Греции как социалистический и упраздняет прошлое понимание стадий перехода к социализму.

Она ставит в качестве очередной задачи формирование всенародного социально-политического антиимпериалистического, антимонополистического демократического фронта борьбы, в эпицентре которого будет противостояние и разрыв с интересами монополий, борьба против империалистического господства, за социализм.

Борьба великих держав в районе Средиземного моря и задачи наших партий в деле противостояния "новому мировому порядку"

M.Саада

После крушения мировой социалистической системы, распада Советского Союза империалистические державы, и прежде всего США, стремятся утвердить так называемый "новый мировой порядок", который по своей сути представляет огромную опасность будущему и самому существованию многих народов.

При "новом мировом порядке" резко возрастут индустриальные мощности и военный потенциал империалистических государств (в отсутствие силы, способной обуздать их), стремящихся заграбастать все большую прибыль и природные богатства других народов, не считаясь ни с какими "человеческими ценностями", ибо капитал не признает никаких ценностей за исключением свободы торговли и получения прибыли.

Если, с одной стороны, отличительной чертой "нового мирового порядка" является все углубляющаяся пропасть между богатым, дающим субсидии Севером и бедным, берущим постоянно взаймы Югом, то, с другой стороны, его характеризует наличие группировок капиталистических стран, преследующих общие интересы. Однако, то, что было общим сегодня, не обязательно будет общим для них завтра. После развода Советского Союза обострилась борьба между капиталистическими странами за передел рынков сбыта, сфер влияния и источников прибыли. Идет новый передел мира, и капиталистические страны, обладающие более слабой технологией и более низким научным потенциалом, оказываются под угрозой быть поглощеными более развитыми соперниками.

Район Средиземноморья, и Ближний Восток в частности, всегда были сферой приложения сил великих государств ввиду их стратегического расположения и наличия источников нефти. Этот регион является по своей сути ключом к рынкам и сырью Азии и Африки, что делает его поприщем схватки великих держав, хотя они сами стараются и не высказываться, а выставляют на поверхность своих региональных союзников, снабжая их деньгами и оружием.

Если США заняли откровенно произраильскую позицию в отношении агрессии сионистов против Ливана, то ряд европейских государств, за исключением Великобритании, заняли прямо противоположную позицию. Особенно резко выступила против израильской агрессии Франция.

Еще более открыто проявились противоречия в отношении Ливии между позицией США, призвавших применить силовой вариант под предлогом обнаружения в этой стране заводов по изготовлению химического оружия, и большинством европейских государств, занявших более умеренную позицию в отношении ливийского режима. Различные позиции заняли США и страны Западной Европы в отношении Израиля, отказавшегося подписать договор о нераспространении ядерного оружия.

Продолжающаяся оккупация Турцией части территории Кипра и постоянные угрозы турецкого режима по адресу Греции — яркий пример применения од-

ной из региональных сил в интересах великих держав, соперничающих в районе Средиземного моря.

То же самое относится и к Израилю, проводящему расистскую агрессивную политику. Израиль играет не только роль наймита американского империализма, но и является младшим партнером Америки, обладающим сильной промышленностью, развитыми технологиями и мощным ядерным оружием, способным снести все живое с лица земли несколько раз.

Если мaaстрихтские соглашения стали отражением новой экономической политики высокоразвитых стран по отношению к своим менее развитым партнерам в Европе с целью установления своей гегемонии, то проект "общего ближневосточного рынка", выдвинутый США и Израилем, является попыткой навязать господство этих двух государств над нашим регионом, не останавливаясь перед откровенным шантажом и угрозой применения военной силы. Вот она, истинная сущность "нового мирового порядка"!

Борьба с "новым мировым порядком" является прямой обязанностью и первостепенной задачей всех коммунистов в мире. Но нанести поражение мировой контрреволюции можно только активными действиями, а не рассуждениями об "исторической неизбежности" нашей общей победы. С нашей точки зрения, в настоящее время одним из самых острых вопросов является вопрос противостояния политики Израиля и Турции в бассейне Средиземного моря, учитывая какую опасность представляет эта политика для народов данного региона и дела мира во всем мире. Здесь хотел бы напомнить об агрессивном союзе, втихую начавшем складываться после подписания договора о мире между Израилем и Иорданией. В этот союз вошли США, Израиль, Турция и Иордания (на правах младшего партнера). Цель этого блока — подготовка необходимых условий для установления "нового мирового порядка" в районе Ближнего Востока и создания "ближневосточного рынка", полностью контролируемого США и его израильским союзником. Отнюдь не случайно мы наблюдаем, как схожи в своих действиях в нашем регионе Турция и Израиль. В то время как Израиль продолжает оккупировать арабские территории, Турция продолжает удерживать часть Кипра. Оба эти государства в открытую игнорируют все резолюции ООН, требующие их ухода без каких-либо условий с захваченных территорий. Израиль продолжает свои агрессивные действия против Ливана, в то время как Турция продолжает вести провокационную политику в отношении Греции. Израиль продолжает проводить политику расистского подавления палестинского народа, держа его в блокаде и заставляя умирать палестинцев от голода, в то время как Турция продолжает геноцид курдского народа, лишая его права на самоопределение своей судьбы. И все это происходит с благословения США, этого главного союзника обоих вышеупомянутых государств.

В свете всего сказанного мы осуждаем политику Израиля по отношению к народу Палестины с требованием немедленно снять блокаду с палестинских территорий и подтвердить право палестинского народа на ос-

Доктор Махмуд Саада, член Политбюро Палестинской коммунистической партии

вобождение от оккупации и создание своего независимого государства на земле нашей Родины со столицей в Иерусалиме. Мы должны потребовать от Израиля безоговорочного вывода его войск со всех арабских земель, захваченных в июне 1967 г. Мы должны осудить турецкую оккупацию части Кипра и потребовать немедленного вывода турецких войск с острова, предоставив тем самым киприотам право самим решать свои проблемы без какого-либо вмешательства извне. Мы должны осудить турецкие провокации против Греции. Это должно стать началом широкомасштабной массовой акции в мире в поддержку народов Кипра и Палестины с целью мобилизации общественного мнения, способного оказать давление на правящие круги Турции и Израиля, дабы положить конец их агрессивным устремлениям.

Для этого необходимо создать центры по координации действий коммунистических партий на региональном уровне, а затем организовать единый центр (или несколько) в мировом масштабе. Мы считаем необходимым создание подобных центров в Греции или на Кипре, которые бы быстро осуществляли связь и взаимодействие между коммунистическими партиями в районе Средиземноморья. Эти центры могли бы оперативно организовывать периодические встречи членов наших компартий для обсуждения проблем, представляющих взаимный интерес.

Необходимо создать политico-идеологические аналитические центры силами и финансами всех коммунистических партий, которые бы занимались теоретическими разработками в области идеологии и политики, организовывали диспуты между компартиями по различным проблемам и обобщали аналитические данные и результаты диспутов и семинаров, что несомненно послужило бы делу развития и углубления марксистско-

ленинской борьбы против реакции и оппортунизма, работе коммунистов среди народных масс, без чего, как мы знаем по собственному опыту, невозможно достичь победы.

Необходимо укреплять связи и сотрудничество со всеми силами и партиями некоммунистической ориентации, ведущими борьбу с "новым мировым порядком", профсоюзами, другими массовыми организациями, такими, как федерации и союзы женщин, студентов, правозащитные организации, с целью создания единого мирового фронта против сил зла, ярко воплотившихся в "новом мировом порядке".

Вот ряд тех предложений, которые должны стать переходом от стадии обсуждения к стадии практической деятельности. Главное — это сделать первые шаги в правильном направлении, а именно в направлении возрождения принципа пролетарской солидарности на основе равенства и равноправия всех наших партий. Это является целью большинства наших коммунистических партий. Мы убеждены, что принципы пролетарского интернационализма живы и действуют. Наша партия стремится к укреплению связей со всеми братскими коммунистическими партиями, видя в этом первый шаг к достижению наших общих целей.

Новый подъем коммунистического движения — это возвращение доверия к нам. Победы на парламентских выборах наших товарищ в Непале, России, Индии, Италии и других странах вселяют в нас гордость и чувство оптимизма, дают нам новый импульс в нашей борьбе на нашем национальном поприще, несмотря на тяжелейшую ситуацию, в которой мы находимся, и сложность задач, перед которыми мы стоим. Давайте объединим нашу волю и наши усилия в борьбе за интересы всего прогрессивного человечества.

В борьбе за интересы трудящихся Венгрии Иоахим Вашаш

В конце 1980-х — начале 1990-х годов в Венгрии произведена контрреволюционная смена режима. Проблем Венгрии смена режима не решила, и на основании фактов, опыта и действительности можно с полной уверенностью утверждать, что продолжение капиталистической "перестройки" не решит проблем, стоящих перед нашей страной. Венгерский капитализм не стал и в будущем не станет для большинства населения, для людей труда обществом благосостояния. Большинство населения Венгрии после смены режима живет гораздо хуже, чем раньше.

Пятая часть населения Венгрии, составляющего 10,3 миллиона, то есть более двух миллионов человек, оказались на периферии общества. Почти миллион из них остался без работы. Многие из их детей начинают взрослую жизнь на улице, безработными. Доходы все большей части 3,1 миллиона пенсионеров, составляющих более 30 процентов всего населения, не достигают прожиточного минимума. Среди пенсионеров растет доля тех, кто находится в безвыходном, безнадежном положении. Немало среди них и тех, кто чувствует себя не нужными обществу, семье.

Иоахим Вашаш, член Президиума Венгерской Рабочей партии, профессор, кандидат исторических наук.

Было закрыто большое число яслей, детских садов, выше стала плата за пребывание детей в этих заведениях. Все больше родителей не могут платить за дорогие учебники, за общежитие. В области культуры законы диктует рынок. Наука не получает ни денег, ни необходимого морального признания. Лучшие представители науки и культуры вынуждены покидать страну, чтобы обеспечить свое существование.

Повезло лишь некоторым десяткам тысяч людей, которые обогатились за счет раздела, разграбления венгерского национального богатства. В Венгрии — в невиданных ранее масштабах — распространились коррупция, преступность, ухудшилась общественная безопасность, нередки случаи, когда люди боятся выйти на улицу.

После смены власти производство в Венгрии не модернизировалось. Более того, узкая группа, находящаяся у власти, распродала промышленность, разгромила сельское хозяйство, находившееся на мировом уровне.

Ухудшились и международные позиции Венгрии. Не улучшились торговые, экономические, политические отношения с соседними странами. Снова в нашей стране расквартированы солдаты иностранных

держав. Венгрию, не спросив ее граждан, стремятся как можно скорее загнать в НАТО. Наша страна во всех отношениях оказалась более беззащитной, объективно превратилась в военную цель и в целом попала в более опасное положение.

Вот что принесла Венгрии капиталистическая смена режима, таковы основные характеристики венгерской действительности. Вот в каких условиях работает самая крупная в Венгрии внепарламентская партия, современная марксистская, коммунистическая партия — Венгерская Рабочая партия.

Рабочая партия не отказывается от веры в общество, основанное на колlettivistских началах. В то же время мы понимаем, что при нынешнем соотношении сил в Венгрии и в мире не представляется возможным в ближайшем будущем переход действительной власти в соответствии с интересами трудящихся в руки трудового народа.

Рабочая партия выступает против любого вида возврата к прошлому. Мы не хотим того, что было в нашей стране до 1945 года. Не хотим мы возвращаться и к прошедшем десятилетиям.

Рабочая партия, не копируя прошлое, хотела бы оберегать, защищать, обогащать, развивать все то, что в период после Освобождения было хорошим и ценным, что было близко чувству справедливости людей труда. В частности, речь идет о праве на труд, на образование, на бесплатное медицинское обслуживание. Партия выступает за то, чтобы сохранить признанное во всем мире современное сельскохозяйственное производство, общественное спокойствие, мировую внешнюю политику, все то, что венгерский народ ценит как плод своего труда, своих усилий.

Рабочая партия считает, что для счастья Венгрии,

наряду с созидательной деятельностью трудового народа, необходима честная и активная политика мира. Поэтому мы считаем неотложным восстановление нормальных отношений с соседними странами. Мы за то, чтобы Конституция провозгласила нейтралитет Венгрии, заявила, что Венгрия не желает быть ни членом НАТО, ни членом любого другого военного союза. Рабочая партия против того, чтобы Венгрия на невыгодных условиях вступила в Европейское Сообщество.

Мы хотим добиться того, чтобы Государственное Собрание и общество осуществляли действительный контроль над внешней политикой. Вопросы же, определяющие судьбу страны, ее будущее, должен решать всенародный референдум.

Рабочая партия, будучи последовательной левой партией, в своей политике представляет интересы большинства населения: наемных работников, молодежи, пенсионеров. Она представляет рабочих, которым капиталистическая смена режима принесла безработицу, эксплуатацию, беззащитность.

Партия представляет работающих в сельском хозяйстве крестьян, инженеров, служащих, которые с развалом сельскохозяйственного производства оказались в безвыходном, безнадежном положении. Она встает на защиту интересов интеллигенции — ученых, инженеров, педагогов, врачей, которых смена режима толкнула к принудительному труду. Мы защищаем интересы служащих, которых стремятся превратить в подданных режима. Мы выступаем в защиту мелких товаропроизводителей, которых разоряют иностранный и отечественный крупный капитал, практика исключительных прав и протекционизм. Политика Рабочей партии направлена против капитализма в контексте современной международной и венгерской действительности.

Этот процесс — заказное политическое "убийство"! Последнее слово А.Рубикса на суде 29 июня 1995 года.

Я не стану анализировать и сопоставлять буквально все приписываемые мне антиконституционные действия. Согласно ст. 19-1 ч. 2 УПК, я не обязан доказывать свою невиновность. Сопоставлять мои действия с законом, а не со своими политическими взглядами и требованиями политических сил, заказавших этот политический процесс; вести доказывание (а не доказать! Как заявил в своей речи прокурор Шабанскас) моей вины в строгом соответствии с законом — это обязанность обвинения.

Я категорически отвергаю "изобретение" прокуратуры, что существовал Рубикс-депутат и Рубикс-не депутат. Я был всегда депутатом, об этом всегда помнил и действовал в соответствии с законом.

В начале своей обвинительной речи в суде государственный обвинитель по делу прокурор Шабанскас произнес следующую фразу: "Конечно, у любого преступления против государства есть известный политический оттенок, но очень важно отделить нормальную политическую деятельность, даже самую резкую оппозицию, критику правительства от преступных действий".

Теоретически совершенно верная трактовка. Только жаль, что прокуратура демократической и независимой ЛР не сумела с этой задачей справиться. Вернее, она и не стремилась к этому.

Делалось все наоборот: каждое мое политическое действие и деятельность как гражданина и законно избранного народом депутата, деятельность именно политическая, ис-

толковывалась и продолжает истолковываться как преступная, насилиственная деятельность против независимости ЛР.

Советскому Союзу в свое время хватило 1418 дней и ночей, чтобы разобраться с фашистской Германией и вместе со странами антигитлеровской коалиции одержать победу в Великой Отечественной войне. Это была великая и справедливая Победа, 50-летие которой в этом году отметил весь мир.

Прокуратуре и правосудию ЛР не хватает, видимо, 1418 дней и ночей, чтобы разобраться с одним коммунистом Рубиксом. Была ли практическая необходимость в столь долгом изучении и разбирательстве по делу, вышедшему не только за рамки законов, но и приличия правосудия?

Прокурор постоянно напоминал, что подсудимый и его защита постоянно затягивают процесс. Это не соответствует действительности. Если отбросить время, ушедшее на болезнь участников процесса, то других "затяжек" процесса со стороны обвиняемого-подсудимого и его защиты нет. А вот прокурор, особенно первое время, просил у суда по любому вопросу, связанному с его мнением по обсуждаемому вопросу, от нескольких суток до нескольких недель и даже месяцев.

Однако затягивал рассмотрение дела и сам суд.

А где были при этом Генеральный прокурор и ему подчиненные прокуроры, на которых ст. 21 УПК Латвии возлагает надзор за соблюдением законов в уголовно-процессуальном производстве?

Мне доподлинно известно, что происходило в это время. Искали судью и прокуроров, которые взялись бы за проведение этого политического процесса по сфабрикованному делу. Но желающих не было. Мне известны конкретные

Окончание. Начало в №№3,4 за 1995 г.

лица, кто "давил" на судей и прокуроров, кто отказывался. Фамилии "действующих лиц" называть не буду, что мне позволяет делать ст. 31 Сатверсме как депутату Сейма ЛР.

Такие действия суда я расцениваю не только как незаконные в принципе, но и как повлекшие при этом тяжелые последствия - незаконное содержание меня в тюрьме. Ответственность за это предусмотрена ст. 170 УК Латвии.

То, что на сегодня эта статья еще не "сработала", лишь подтверждает существование сговора между прокуратурой, судом и законодателями. Все друг другу прощают нарушения законов с целью подольше подержать Рубикса в тюрьме. В руках вышеперечисленных инстанций - все правосудие Латвии. Инстанций, в которые можно было бы обращаться по поводу нарушений ими законов, в Латвии нет. Суд Сатверсме не создан, а ст. 9 Закона о судебной власти и судебном разбирательстве по вопросам конституционного надзора не вступила в силу. Налицо благоприятная обстановка, которая порождает безнаказанность нарушителей законов в органах судебной и других властей.

Другая причина затягивания процесса прокуратурой заключается в подготовке общественного мнения. Рассчитывали на то, что со временем против Рубикса восстанет весь народ. И тогда... "именем народа" и можно будет осудить. Получилось все наоборот. Шло время, и сторонников Рубикса становилось все больше, их голос звучал громче. В этом вопросе все закончилось полным поражением прокуратуры и обвинителей, стоящих за ними политиков.

На выборах в V Сейм ЛР находящийся к тому времени уже почти два года в тюрьме Рубикс был избран народом в депутаты Сейма. И не просто так, а по количеству поданных за него дополнительных голосов занял 15-е место из 100. А ведь народ всегда прав.

Затягивая время, прокуратура рассчитывала на то, что жизнь сама вскроет какие-то события и факты преступной деятельности ненавистного Рубикса. Но шло время, и ничего не появлялось. Не появлялось потому, что нечemu было появляться. Преступной деятельности Рубикса не существует в природе. Я был бы не прав, обвиняя всех бывших и настоящих работников Прокуратуры ЛР в подобных действиях. Я сразу ограничил круг лишь теми, кто взялся за это дело. Их меньшинство. Мне известны фамилии очень многих, кто категорически отказался от участия в этом политическом процессе, не пошел на сделку с совестью. И если не было другого выхода — даже менял место работы и должность.

Наконец, расчет был и на то, что Рубикс не выдержит, станет просить и умолять, чтобы отпустили на волю. На это намекали руководители следственной группы Р.Аксенока и Э.Звейниекс, требуя "чистосердечного" признания вины. Об этом открыто говорили руководители Сейма А.Горбунов и А.Крастиньш. Видимо, много таких деятелей, которые сами совершив подлости, нарушение законов и предательство, ждут, что на такое способны все. Это ошибочное мнение. Для меня предательство неприемлемо в принципе. Я из тех, кто умирает стоя, если суждено умереть в борьбе.

Публикация в газете — органе НФЛ статьи "Тайна, несущая смерть" была рассчитана на то, что меня уничтожат сами заключенные. Об этом говорят и заглавие статьи, и ее сюжет, который сводился к тому, что из-за меня был убит один заключенный. Не случайно один из соавторов статьи — бывший заключенный, хорошо знавший, как надо писать, чтобы заключенные поверили и судили меня своим самосудом. Однако — и этого не получилось. Рубикс выстоял. Пока, во всяком случае.

При помощи каких нарушений законов, по чьему личному желанию я оказался в тюрьме?

Под "политическими силами", сделавшими такой заказ, о влиянии которых на свою судьбу я постоянно говорю, я имею в виду своих политических оппонентов из крайне правого крыла национал-экстремистов. Это — ДННЛ, Конгресс граждан ЛР, "Темземей ун Бривибай". В разное время они по-разному назывались, объединялись и разъединялись, но не в этом дело. К ним примкнули и некоторые личности из правого крыла НФЛ. Не буду все это детализировать, а перейду к конкретным фактам, доказывающим то, о чем я сейчас сказал.

Рубикс — депутат и лидер Компартии Латвии — был опасен как политический оппонент, по крайней мере, по двум факторам.

Во-первых, коммунист Рубикс, не изменивший свои политические убеждения, открыто их пропагандировавший и отстаивавший, победил на всех выборах 1990-1991 гг. В борьбе с кандидатами от НФЛ и ДННЛ был избран народным депутатом СССР по 290-му Ленинградскому национальному избирательному округу г. Риги. А в последующем на I Съезде народных депутатов СССР — членом ВС СССР. Был избран народным депутатом в городской Совет г. Риги на выборах 21.01.90 г. Тоже в конкурентной борьбе с кандидатом от НФЛ и ДННЛ. Был избран народным депутатом ЛССР на выборах 18.03.90 г., также в борьбе с кандидатами от НФЛ и ДННЛ. На всех выборах — победа в первом туре голосования.

Как говорится, невероятно, но факт.

Да и избирался, находясь на очень сложной должности председателя горсовета г. Риги. Это была высокая оценка, данная народом. И этим Рубикс был опасен.

Во-вторых, Рубикс, находясь на должностях, на которых доступны огромные материальные ценности и денежные средства, не воровал. По нынешним меркам, это тоже невероятно. Министр, председатель горсовета — и ничего не "прихватизирует", не путает свой карман с государственным. Это люди знали, и этим я тоже был опасен как политический оппонент.

Руководством НФЛ, ДННЛ было принято решение компрометировать меня в средствах массовой информации. Что бы я ни делал — все преподносилось в искаженном виде. В этом особенно преуспевало Латвийское радио, и в частности автор передач, которые вел бывший секретарь партбюро г-н Табунс.

Все это время идет активное выступление в средствах массовой информации Звейниекса, Скрастиньша, Анцанса, Земрибо, цель которых — формировать общественное мнение, угодное обвинителям и политическим оппонентам: Рубикс — враг латышского народа. В ответ на это латышский народ (уже только граждане ЛР, а не все взрослое население Латвии) на выборах в V Сейм избирает Рубикса депутатом Сейма.

Но до этого было еще одно событие, достойное внимания. Ради того, чтобы в тюрьме сидел не депутат Верховного Совета ЛР Рубикс, а просто "враг народа Латвии Рубикс", Верховный Совет ЛР 30 июня 1992 г. вносит изменения в Закон ЛР "О статусе народного депутата ЛР" и придает ему обратную силу действия — с 04.05.90 г.

Вообще приданье законам обратной силы у политических сил, составляющих большинство в ВС ЛР, а теперь в Сейме, стало не просто традицией, а закономерностью. Забыта ст. 1 Декларации от 04.05.90 г., определившая верховенство международных правовых норм над собственными, национальными. И делается это всегда исключительно в политических целях. Это — тоже примета новой, демократической Латвии.

Что же это все, если не преследование оппонента по политическим мотивам, а вовсе не за уголовно наказуемые действия.

Правда, Верховный Совет ЛР отметил, что он принимает политическое решение, а уголовную ответственность определяет суд (делай как я! — это задание суду).

Не странно ли? Решения суда нет, преступником не признан, а депутатского мандата уже лишен как уголовный преступник. Руководители Прокуратуры ЛР Я.Скрастиньш и Я.Анцанс присутствуют на заседании Верховного Совета ЛР и ни слова не говорят о нарушителях закона.

Через год, 06.07.93 г., я был избран депутатом V Сейма. 17.06.93 г. был опубликован список избранных депутатов Сейма. Среди них и я. Но 21 и 22.06.93 г. меня принудительно из тюрьмы приводят в суд. В постановлении о принудительном приводе не указано, что речь идет о депутате Сейма ЛР.

07.07.93 г. Сейм на своем первом заседании без всяких на то оснований и вопреки закону по докладу М.Будовского (ДННЛ) просто не утверждает мой мандат временно.

Уже сама формулировка принятого решения несет в

себе отпечаток беззакония и произвола: нет ссылки на Сатверсме! А ведь речь идет о народном избраннике. Попытки товарищей по фракции и мои лично убедить руководителей Сейма — Горбунова и Крастиныша, председателей комиссий Сейма — Эндзиньша и Будовскиса в незаконности решения ничего не дают. Сейм, вопреки ст. 5 Сатверсме, поправ волю народа — ст. 2 Сатверсме, работает в составе 99 депутатов, 100-й не утвержден. Фактически Сейм не соответствует закону (по ст. 5 Сатверсме — Сейм состоит из 100 народных представителей).

Тем временем судебный процесс продолжается. Все яснее становится, что криминала в деятельности Рубикса нет. 02.07.94 г. Сейм признает свою ошибку по вопросу неутверждения моего депутатского мандата. Исправляет “юридическую ошибку” и утверждает мои депутатские полномочия в полном объеме, выдает мне депутатский мандат.

Странно, но ни для прокуратуры, ни для суда решение не оказалось обязательным. И суд, и прокуратура делают вид, что ничего не произошло. С такой оценкой происходящего я не согласен, это противоправно.

Если Сейм 02.07.94 г. признал, что он 07.07.93 г. совершил ошибку и принял не просто неверное, а юридически неверное решение, то из этого следует, что все решения, принятые на его основе, — неверны и подлежат пересмотру. Для меня это означает, что с момента избрания депутатом Сейма ЛР и утверждения полномочий депутата Сейма согласно ст. 18. Сатверсме, т.е. с 07.07.93 г., мое пребывание в тюрьме без разрешения на то Сейма, согласно ст. 29 Сатверсме, есть незаконное действие Прокуратуры ЛР и суда.

Вот как у нас в государстве соблюдаются законы органами правосудия и самими законодателями. Сплошная круговая порука и политическая коррупция в части, касающейся меня.

Я ведь не добивался и не добиваюсь непременного и обязательного освобождения из-под стражи. Я требовал и требую поступать по закону — рассмотреть этот вопрос в Сейме, как это предусмотрено ст. 29 Сатверсме.

Моим политическим оппонентам — заказчикам процесса — нужно другое. Они ждут, что я стану перед ними на колени, буду их о чем-то просить. Это откровенно сформулировал А.Крастиныш — товарищ А.Горбунова, Председателя Сейма ЛР, 03.02.95 г., выступая на заседании Сейма: “Если г-н Рубикс как депутат Сейма, мандат которого Сейм признал, обратится к уважаемому Сейму с заявлением изменить ему меру пресечения, пока он находится в статусе подсудимого и находится в распоряжении Верховного суда Латвийской Республики, нашей святой обязанностью будет рассмотреть заявление коллеги Рубикса об изменении ему меры пресечения. ... Если вы внимательно прочтете письмо, то не найдете ни одной строчки с просьбой г-на Рубикса изменить ему меру пресечения. Он в этом письме только просит разъяснить, когда и каким образом, кто рассматривал и кто давал указания и т.п. Он не просит изменить ему меру пресечения”.

Суд, рассматривающий мое уголовное дело, оказался заложником политических игр, игр опасных и с далеко идущими последствиями. Если принять решение о содержании под стражей, значит признать, что до сих пор содержание под стражей было незаконным. Если принять решение об освобождении из-под стражи, значит тоже подтвердить, что содержание под стражей было незаконным, и более того: для кое-кого произойдет самое страшное — Рубикс появится в зале заседаний Сейма. О существовании этой опасности и нежелании этого допустить проговорился на суде прокурор Шабанскас 06.03.95 г., заявив: “Так он же сразу появится в зале заседаний Сейма”. Вот и раскрылась официальная версия, во имя которой все эти четыре года Верховным судом, прокуратурой, судебной коллегией и Сеймом по моему делу нарушаются все законы — не пустить Рубикса к народу, не пустить его в зал Сейма.

Об имеющем место в ЛР преследовании инакомыслящих и политических оппонентов со стороны законодателей и находящихся с ними в створе и подчинении государственных правоохранительных органов свидетельствует и недавний факт внесения поправки в Закон ЛР “О выборах в

Сейм”. Иначе, как дискриминационной, ущемляющей политические права части граждан, ее не назовешь. Она опять внесена в закон ради Рубикса и, может, еще нескольких человек, а коснется многих. Эта поправка к ст. 5 закона отлучает от права быть избранным в Сейм оставшихся после 13 января 1991 г. в рядах КПСС (КПЛ), Интернационального фронта трудящихся Латвийской ССР, Объединенного совета трудовых коллективов, организации ветеранов войны и труда, Всеслатвийского комитета общественного спасения.

Протестуя против нарушения законов и издевательства надо мной, я с 22.02.92 г. отказался от дачи показаний, имея в виду, что смогу все сказать и защитить себя на суде.

Я понимал, что Э.Звейниекс как бывший член бюро лимбажского РК КПЛ, взывшись за расследование моего дела и получив в награду пост первого заместителя прокурора г. Риги, будет делать все — нарушать законы, чтобы на моих “костях” оправдать доверие нового правительства. Так оно и случилось. Сдав сфабрикованное им дело в суд, он получил повышение — стал главным прокурором г. Риги.

Нарушение закона, в том числе и чиновниками следственных органов прокуратуры, есть не только аморальный, неблаговидный, но и наказуемый законом поступок.

Разъяснить “такое” обвинение невозможно, ибо разъяснить — значит признать его юридическую несостоятельность. Обошел этот вопрос и прокурор Шабанскас в своей обвинительной речи, обошел, голословно и бездоказательно, демагогически утверждая: Рубикс виновен, совершив преступление, предусмотренное ст. 59 УК ЛР. А чтобы вроде бы подтвердить это, Дробышевскис просто перечислил все, что происходило в 1990 — 1991 гг. в Латвии, и все приписал Рубиксу.

Поясняю, что я понимаю под демагогией, чтобы не было недоразумений по этой части. Демагогия — преднамеренное извращение фактов с целью достижения определенной цели. В конкретном случае — посадить Рубикса надолго в тюрьму.

Шабанскас идет еще дальше — возвращается в 1918 г., 1939 — 40 гг., перечисляет сказанное Сталиным, Лениным и А.Пельше и утверждает, что Рубикс такой же. Он говорит о том, чего нет в обвинительном заключении, и таким образом выходит за его пределы, что запрещено законом (ст. 255, ч. 1 УПК).

Между тем, в ходе предварительного следствия обвинение менялось 4 раза: 23.08.91 г. при аресте инкриминировалось участие в ГКЧП (ст. 59, ч. 1 УК ЛССР); 26.08.91 г. — ГКЧП и попытка захвата власти в Латвии (ст. 59, ч. 1 УК ЛССР); 20.02.92 г. ГКЧП нет и обвинение предъявлено по ст. 59 УК ЛР. В то же время нет постановления о снятии обвинения по ст. 59, ч. 1 УК ЛССР; 19.11.92 г. — обвинение по ст. 59 УК ЛР.

По причине их неясности и лживости, несоответствия требованиям закона я три последних обвинения не подписал, не признал и не признаю.

Не стану продолжать перечень других нарушений законов и норм УПК, которые были допущены как во время предварительного следствия, так и на суде. Скажу лишь, что к сегодняшнему дню нарушена была каждая третья статья УПК.

Происходящее в этом зале на протяжении более двух лет — с 14 июня 1993 г. — вынуждает меня особо остановиться на вопросе личного поведения государственного обвинителя по делу — прокурора Ольгерта Шабанскаса. Считаю, что его поведение на протяжении всего процесса не соответствовало требованиям, предъявляемым к деятельности и поведению государственного обвинителя по делу, и прокурора вообще, а прокурора, занимающего руководящую должность в прокуратуре ЛР, — тем более. Оно противоречит Закону о прокуратуре ЛР.

Я не профессиональный юрист и не собираюсь своим выступлением утверждать истину в последней инстанции. Однако исходя из своего опыта работы в законодательных и исполнительных органах власти на руководящих должностях, имея большой практический опыт применения законов и правовых актов, считаю возможным выступить и по

вопросу квалификации моих действий. Сразу скажу, что я с такой квалификацией не согласен. Не согласен не только потому, что преступных действий не совершал, но и, так сказать, в теоретическом плане.

На чем основано мое несогласие? Не признаю себя виновным в совершении преступных действий. Из обвинительного заключения и речи прокурора на суде выходит, что в период деятельности мои действия не были преступными, а стали таковыми лишь в момент ареста, а точнее – за сутки до ареста. А до этого с 04.05.90 г. по 22.08.91 г. мои действия не были и не могли быть преступными, ибо не существовало закона, считающего или определяющего их преступными.

При аресте 23.08.91 г. и в обвинении от 26.08.91 г. я обвинялся в действиях против интересов СССР – за измену родине по ст. 59 ч. 1 УК ЛССР. В последующем ст. 59 УК ЛССР была заменена на ст. 59 УК ЛР, но она действовала лишь с 22.08.91 г., т.е. за сутки до моего ареста. Материалами дела показано, что 23.08.91 г. я был арестован по подозрению в действиях против СССР. Вопреки Декларации ВС ЛССР от 04.05.90 г. я привлекался незаконно к ответственности за действия против интересов СССР, т.е. прокуратура ЛР защищала интересы СССР и ЛССР в ущерб интересам ЛР с момента моего ареста 23.08.91 г. до 20.02.92 г.

Меня обвиняли в действиях против СССР и измене родине по ст. 59 ч. 1 УК ЛССР до тех пор, пока надеялись, что СССР меня приобщит к ГКЧП и увезет в Москву. Когда стало ясно, что я не совершал преступлений, которые могут квалифицироваться по ст. 59 УК ЛССР, прокуратура и политики стали думать, что же делать дальше. Не помог и телефонный разговор Горбунова с Ельциным.

Через полгода пребывания Рубикса в тюрьме дальше обвинять его по ст. 59 ч.1 УК ЛССР было нельзя. И без этого видно, что прокуратура ЛР незаконно защищала интересы СССР вопреки не только Декларации от 04.05.90 г. (ее ст. 1), но и Конституционному закону ЛР от 21.08.91 г. "О государственном статусе ЛР". Пока другие думали, прокуратура, как суду свидетельствовал прокурор Шабанскас, не медлила и 20.02.92 г. вынесла новое постановление о привлечении меня к ответственности по ст. 59 УК ЛР (в ред. от 22.08.91 г.) В обвинении же период моей якобы "преступной" деятельности был расширен уже с мая 1990 по 23.08.91 г.

Так, статье закона, действовавшего всего одни сутки до моего ареста, была придана сила обратного действия. Это был незаконный акт со стороны прокуратуры ЛР.

Тот же УК ЛР (в ред. от 22.08.91 г.), в котором помещена новая редакция ст. 59, содержит и ст. 6, где в ч. 3 запрещается придавать обратную силу закону.

Такой же запрет применять закон с приданием ему обратной силы содержат Всеобщая декларация прав человека – ст. 11 п.2 и Международный пакт о гражданских и политических правах – ст. 15 п.1. Соблюдать требования этих документов Верховный Совет ЛР обязался принимая Декларацию от 04.05.90 г. Выходит, подписать-то подписал, а соблюдать – вовсе не обязательно.

И все же страх и неуверенность у прокуратуры были, оттого что они действовали незаконно.

После недолгих переговоров Я.Скрапиньша и Я.Анцанса с А.Горбуновым последний согласился рассмотреть вопрос об "узаконивании" придания обратной силы ст. 59 УК ЛССР. Я обращаю внимание на то, что постановление Президиума Верховного Совета ЛР придало обратную силу юридически не существующему и фактически не применяемому закону ст. 59 УК ЛССР, а не ст.59 УК ЛР.

Это происходило 26.03.92 г., через месяц и пять дней после того, как прокуратура в новом обвинении от 20.02.92 г. уже не ссылалась на ст. 59 УК ЛССР. Она ее вообще "потеряла". А прокурор, руководитель следственной группы Э.Звейниекс, 22.02.92 г. предъявляя мне новое обвинение в присутствии моего адвоката, договорился до того, что я по ст. 59, ч.1 УК ЛССР вовсе не обвинялся в действиях против СССР. Отказался и показать постановление о прекращении преследования меня по ст. 59 ч.1 УК ЛССР, как того требует ст. 156 ч.2 УПК, т. к. такого постановления им не принималось. Стало ясно, что прокуратура уничтожает следы и факты уголовного преследования меня по ст. 59 ч.1 УК ЛССР

– за измену родине, за действия против СССР.

Я согласен с юридическим анализом, который сделал адвокат г-н Рукманис, дав правовую оценку деятельности О.Потреки. Свидетельствовал уже суду и подтверждают свои показания. Я не просто считаю, а знаю, что Ояр Потреки не виновен. Ничего о его преступной якобы деятельности мне не известно. Ни в какие организации я его не вовлекал. Знаю его как умного и честного человека, преданного своему народу и хорошо знающего вопросы экономики и банковское дело.

У меня есть все основания заявить, что он в данном сфабрикованном деле появился по задуманному прокуратурой сценарию, чтобы более "солидно" выглядел вымысел обвинения – создание и существование группировки, ставящей цель – захват власти насилиственным путем. Утверждал и утверждал – это вымысел обвинения, не нашедший никакого подтверждения ни во время предварительного следствия, ни в ходе судебного разбирательства.

В своей речи прокурор Шабанскас произнес следующие слова: "Оба подсудимых обвиняются по конкретной статье за конкретные действия. Они не отданы под суд Линча, не осуждены по их же собственному методу на скорую руку по решениям "троек". Как любому другому обвиняемому, и им была дана возможность воспользоваться защитой, их дело рассматривал независимый и высокопрофессиональный суд".

Как депутат Сейма ЛР знаю, что нет пока закона о суде Сатверсме, т. е. конституционном суде. Знаю, почему его нет, почему фракции правящего большинства в Сейме его не принимают, хотя он обещан народу еще в ст. 6.2 Декларации от 04.05.90 г. "О восстановлении независимости ЛР".

Но мне до этого не было ничего известно о существовании в Латвии суда Линча.

Если же это шутка, то обвинительная речь на суде – это не выступление в КВНе. Что касается квалифицированности судей, то определение ее не входит в обязанности и компетенцию прокурора. На этот счет есть закон. Как и кто определяет квалификацию и проводит аттестацию судей, регулирует раздел 15 Закона о судебной власти ЛР.

А вот по поводу независимости и законности состава суда у меня есть что сказать.

Суд зависим от прокуратуры ЛР и, в частности, от прокурора Шабанскаса – прокурора-обвинителя по делу, чьи "заключения", даже самые нелепые, суд принимал безоговорочно.

Считаю, что суд проявил беспринципность и зависимость от Прокуратуры ЛР, своих вышестоящих руководителей – председателя Верховного суда Г.Земрибо и председателя Коллегии по уголовным делам Верховного суда ЛР П.Грузиньша, взявшись вести судебное разбирательство и предав суду обвиняемого по закону, которому придана обратная сила действия. Такое применение законов, как я уже говорил, запрещено международными правовыми актами и внутренним законодательством ЛР.

Суд был пристрастным. Суд всегда занимал позицию и точку зрения обвинения, особенно в случаях нарушений статей УПК со стороны обвинения – неодинаковое отношение к сторонам. Эти факты подтверждают многочисленные замечания (мои и моего адвоката) по адресу председательствующего согласно ст. 246 ч.3 УПК Латвии: устные и письменные отводы, заявленные мною и моим адвокатом председательствующему на суде Яунбелзейсу, заседателям Валтерсу, Чепуксу, Скудре на основании права, предоставленного ст. 247 ч.3 УПК, с соответствующими конкретными мотивировками отводов. Все это имеется в протоколе судебного заседания.

Суд (за исключением председательствующего господина Яунбелзейса) был откровенно политизирован. Особенно это проявляли заседатели Валтерс и Чепукс. Даже во время судебных прений заседатель г-н Чепукс устроил допрос адвокату. Заседателя г-на Чепукса часто интересовали именно политические вопросы (свидетель Р.Витолиня 04.04.94 г.: если вас интересуют мои политические взгляды, то об этом можно поговорить вне заседания).

Суд не соответствует закону и требованиям ст. 24 УПК

Латвии. Никто из состава суда не утвержден Сеймом, как этого требует ст. 84 Сатверсме. Странно, но факт: Сейм утверждал десятки других судей, а судью, председательствующего по уголовному делу депутата Сейма ЛР, не утверждает.

В этом я усматриваю прямую зависимость судьи от политических сил в Сейме, которые при рассмотрении вопроса об утверждении судьи Яунбелзайса судьей Верховного суда ЛР, в зависимости от того, чем кончится дело Рубикса, поднятием большого пальца руки при голосовании в Сейме дадут знак всем депутатам правящей политической фракции, как голосовать: "за" или "против". Дальнейшая карьера председательствующего на суде Я.Яунбелзайса полностью в их руках. Она зависит от исхода этого процесса. Это обстоятельство, на мой взгляд, и заставило господина судью слишком доверяться заключениям прокурора вопреки закону.

Вот вам и законный суд, господин прокурор. А ведь следить за соблюдением законов – это обязанность прокурора (ст. 21 УПК Латвии).

Прокурор говорил, что "подсудимым было дано право на защиту".

Хочу возразить и уточнить, что право на защиту дает не прокурор и не суд, а закон: ст. 18 ч.1 УПК Латвии. Прокурор, суд обязаны обеспечить реализацию этого права (ст. 18 ч.2 УПК Латвии).

Однако использование права на защиту прокуратурой, прокурорами Звейниексом, Анцансом, Шабанскасом как раз и не было обеспечено. Это подтверждают установленные в ходе служебного расследования нарушения ст. 150, 156, 203, 131 УПК Латвии и многих других.

Как можно использовать и реализовать право на защиту, если обвиняемому не могут разъяснить суть предъявленного обвинения; если обвиняемый не ознакомлен со всеми материалами дела; если обвиняемого вынуждают прямо в зале суда участвовать в ознакомлении с материалами, не имеющими установленного законом оформления самого факта их появления на суде; какое же это обеспечение осуществления права на защиту, если каждое выступление по возникающему в ходе судебного разбирательства вопросу приходилось в буквальном смысле выпрашивать, а иногда и требовать; нарушалось мое право присутствовать на каждом заседании суда (то меня привозили в суд в принудительном порядке, как это было 21 и 22 июня 1993 г.), то проводились заседания без моего участия (такое имело место 7 сентября и 15 ноября 1994 года, хотя я был здоров и мог в них участвовать).

Это лишь часть тех ограничений, которые я испытывал при реализации своего права на защиту. Все помнят, что из-за чинимых препятствий для защиты, нарушения законов мой защитник на суде присяжный адвокат г-н Огурцов Александр Николаевич 23.09.93 г. обратился ко мне и суду с просьбой освободить его от роли защитника на суде из-за невозможности реализовать защиту в соответствии с законом.

Подводя итог сказанному мною в этом выступлении, я делаю следующие выводы.

1. Судебное следствие и материалы дела, проверенные на суде, свидетельские показания подтвердили, что уголовное дело сфабриковано по политическим мотивам.

2. Не существует и не подтверждена судебным расследованием причинно-следственная связь моей деятельности как члена ВС СССР и ЛР, как первого секретаря ЦК КП Латвии, как председателя Комитета защиты Конституции СССР и ЛССР и прав граждан, как сопредседателя Всеславийского Комитета общественного спасения с деятельностью ОМОНа и войск ПриБВО ни в событиях января 1991 г., ни в событиях на таможнях, ни в событиях августа 1991 г. Не добыто, не установлено ни одного факта, подтверждающего конкретную связь в какой бы то ни было форме.

Но расправа свершилась. Исполненный достоинства несгибаемый коммунист, депутат Сейма Альфред Рубикс не дрогнув выслушал составленный по сценарию латвийских "демократов" вердикт – восемь лет тюремного заключения.

3. Судебным расследованием не подтверждено существование какой-то организованной "единой группировки" под моим руководством. Группировка, которая в формулировках обвинения фигурирует более чем в десяти вариантах, есть чистый вымысел обвинения.

4. Судебное расследование не подтвердило и не установило ни единого факта насильственных действий со стороны кого бы то ни было, которые были бы совершены при моем участии или по моему личному указанию. Не существует и таких коллективных решений, призывающих к насильственным действиям, которые были бы приняты по моему указанию, настоящию или с моей подсказки.

5. Не нашла подтверждения версия прокуратуры о том, что я кого-то вовлекал в какую-то "враждебно настроенную по отношению к независимости Латвии" группировку.

6. Не установлено ни одного факта нарушения мною ни одного закона ЛР. Этого не содержит ни обвинительное заключение, ни обвинительная речь прокурора на суде.

7. Никакой группировки я не создавал и г-на О.Петреки никаку не вовлекал.

8. Никаких преступных действий я не совершил и таких намерений не имел.

Обвинение меня в преступных и антиконституционных действиях – это вымысел обвинения, выполняющего заказ политиков: устраниТЬ меня с политической арены путем уголовного преследования по надуманному, а потому и сфабрикованному делу.

Я не преступник и таким никогда не был. Хочу обратить внимание суда на тот факт, что по всем основным группам вопросов, содержащихся в обвинении, в свое время проводились проверки Прокуратуры ЛР и МВД ЛР по заданию Верховного Совета ЛР, а также специальными, созданными Верховным Советом ЛР и Сеймом комиссиями. О них я подробно говорил в своем выступлении. Ни одна комиссия и ни одна проверка Прокуратуры ЛР и МВД ЛР не установили ни одного факта нарушения законов или антиконституционной деятельности со стороны меня лично или организаций, в которых я состоял и работал. На меня не было заведено ни одного уголовного дела. Я не предупреждался прокуратурой, не привлекался в качестве свидетеля или обвиняемого.

"Преступником" я был сделан путем придания закону обратной силы действия по надуманному обвинению, несостоительность которого доказало судебное расследование, дляющееся уже третий год.

Высокий суд!

Я завершаю свое выступление на судебном процессе. Завершаю с сознанием того, что законы я не нарушал и уголовных преступлений не совершал. Это я знал и до суда, и до ареста. Надеюсь, теперь в этом убедился и суд.

Высоко ценю то доверие, которое мне оказал народ избранием в депутаты Сейма ЛР. Это была сильная поддержка. И, будь наша Латвия действительно демократическим и правовым государством, я уже давно был бы среди своих избирателей.

Высоко ценю сказанное прокурором Шабанскасом, государственным обвинителем по уголовному делу, в заключительной части его речи на суде:

"Рубикс остался верен своим коммунистическим идеям". Благодарю за столь высокую оценку! Да, я был и осталось коммунистом! Эти слова прокурора не только констатируют факт, но и подтверждают истину: судят коммуниста за то, что он не отказался от своих убеждений, а не уголовного преступника.

Я требую восстановить законность и признать меня невиновным.

Нарастание забастовочной борьбы

А.Ю. Андреев, Б.М. Гунько

Сегодня нередко можно услышать, что пролетариата, в классическом марксовом смысле этого слова, пролетариата как наиболее революционного класса больше нет, что современные рабочие не осознают свои классовые интересы, и, следовательно, надежды на революционное выступление пролетариата (даже в отдаленном будущем) беспочвенны. При этом утверждается, что рабочее движение в России это якобы миф, существующий только в воображении ортодоксальных коммунистов, а, стало быть, каких-либо положительных социальных преобразований в нашей стране можно достичь исключительно парламентским путем и т.д.

Однако даже из официальной информации (материалов министерств экономики и труда, оперативных сводок МВД), а также из информации профсоюзов очевидно, что в России продолжает ухудшаться социально-экономическое положение трудящихся, и, как следствие этого, непрерывно нарастает размах забастовочного движения.

В журнале "Вести ФНРП" (Спецвыпуск, 1995г., январь, с.11) приводилась статистика забастовочного движения.

Забастовки в России

Год.	Количество пред- приятий, охвачен- ных забастовками	Число участников (тыс.чел.)	Потери времени (тыс.чел./дн.)
1990	260	99,9	207,7
1991	1755	237,7	2314,2
1992	6273	357,6	1893,2
1993	264	120,2	236,8
1994	400	125,0	540,0
(9 месяцев)			

Спад в 1993 году обусловлен сокращением забастовок в здравоохранении, образовании и науке.

Однако уже с 1995 года положение резко меняется. Только в I квартале 1995 г. состоялось 515 забастовок (за три квартала 1994г. "всего лишь" — 400), при этом бастовало 163 тыс.человек (против 125 тыс. за три квартала 1994г.), а потери времени составили 669 тыс. человеко-дней (против 540 тыс.). Наибольшее количество забастовок было отмечено в учреждениях образования и топливной промышленности.

Еще более сильный скачок забастовочного движения происходит в 1996г. По сведениям Министерства труда РФ, в течение первого квартала 1996 года состоялось 2862 забастовки против 515 в первом квартале прошлого года. В 5,6 раза больше! Бастовали рабочие машиностроительных заводов, строители, автомобилисты, горняки.

Наиболее крупные выступления промышленных рабочих — забастовки 8000 рабочих Чебоксарского тракторного завода, рабочих машиностроительного завода (3000 человек) в г. Юрье, рабочих моторного завода (3000 человек) в г.Тугаеве Ярославской области.

В начале февраля 1996 года обострилась ситуация в угольной промышленности. В забастовке шахтеров, организованной 1 февраля независимым профсоюзом работников угольной промышленности России, бастовало 118 шахт из 206 имеющихся в стране и 27 угольных разрезов из 63 (оперативные данные Росугля). Бастовали и другие категории трудящихся — летчики и учителя, врачи и работники коммунальных хозяйств.

За последний год число территорий, где состоялись забастовки, увеличилось в два раза. Наибольшее число забастовок состоялось в Кемеровской (317) и Курганской (297) областях, Республике Удмуртия (299), Саратовской (228), Читинской (216) областях.

Основные требования большинства забастовок сводятся пока к выплате задолженности по заработной плате. Однако начинают выдвигаться и требования отмены приватизации. Например, водители АО "Ленинское" автотранспортного предприятия "Автомобилист" в г.Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области требуют возвращения предприятия в госсобственность. Появляются и требования чисто политического характера. Действия трудящихся становятся все более решительными. Все чаще в сводках МВД, наряду со сведениями о забастовках, митингах и пикетах, появляется термин "блокирование" — когда отчаявшиеся люди перекрывают транспортные магистрали.

Особого внимания заслуживает многотысячная забастовка рабочих Чебоксарского завода промышленных тракторов. Вспыхнувшая в декабре прошлого года, она бесспорно представляет собой явление важнейшее, выдающееся, рубежное. Среди волны забастовок, вызванных невыплатой в срок заработной платы (этой новейшей, "неоклассической" формы капиталистической эксплуатации), данная отличается своим боевым пролетарским характером, большой численностью участников, продолжительностью и тем, что ею руководят члены Российской коммунистической рабочей партии. Организация стачкома 25 октября 1995 года и регистрация его в Министерстве юстиции явились результатом нескольких лет предварительной работы РКРП на ЧЗПТ, создания партийцами одного из первых в стране Совета Чебоксарского завода промышленных тракторов (председатель — Ю.Трофимов). 6 декабря 1995 года рабочие арматурного цеха не приступили к работе. Они провели собрание трудового коллектива на основании нового Дополнения к Закону о порядке разрешения трудовых конфликтов. Все пункты этого Закона были четко соблюдены. В течение двух дней такие же собрания прошли по всему производству. Было проведено пикетирование администрации завода, затем — одночасовая забастовка на территории завода. Действия инициаторов были поддержаны большинством рабочих завода.

13 февраля Конференция трудового коллектива ЧЗПТ постановила провести общезаводской митинг,

на котором было принято решение о бессрочной забастовке. Председатель стачечного комитета Г.А.Шашкий, секретарь Чувашского реекома РКРП по рабочему движению, сказал: "Мы сейчас видим возрождение рабочего класса России. Наша перспектива — борьба, и рабочие организуются для нее снизу".

16 марта в Чебоксарах на конференции рабочих Чебоксар был создан городской стачком. Республиканские профсоюзы поддержали стачечников в дальнейших действиях, 19 февраля была проведена манифестация рабочих города Чебоксар. Вышел не только Тракторный, но рабочие других заводов, врачи, учителя, ученики. Люди приехали из деревень, из других городов. Но во главе колонны шел Стажком Тракторного, колонна строилась по производствам, и те подразделения завода, которые поддержали требования стачкома, шли под Красными знаменами "Трудовой России".

Двадцатитысячным митингом рабочие вырвали у президента Чувашии подачку — два миллиона беспроцентного кредита на 4 месяца, а также обещание администрации полностью рассчитаться с рабочими. После чего было принято решение приостановить (а не прекратить!) забастовочные действия и условно выйти на работу до 31 марта, чтобы дать возможность правительству и администрации выполнить принятые обязательства.

Однако администрация завода не выполнила свои обещания по выплате зарплаты. Поэтому, по решению стачкома, с 13 мая забастовка была возобновлена. 27 мая под красными знаменами состоялся очередной марш рабочих завода "Промтрактор" по улицам горо-

да. В резолюции состоявшегося митинга содержались яркие политические моменты: недоверие президентам и правительствам России и Чувашии, требование отставки Ельцина и снятия им своей кандидатуры на пост президента, обращение ко всем труженикам России с призывом организовать Всероссийскую манифестацию и митинг с поддержкой кандидатов народно-патриотического блока... Решено стоять до конца.

Какие выводы мы можем сделать? Во-первых, — рабочее движение в России действительно существует, и постепенно становится все более грозной силой. Во-вторых, и эта истина стара, как мир, — ведя борьбу только на своем отдельном заводе или фабрике, выдвигая только экономические лозунги, рабочие никогда не смогут коренным образом улучшить свое положение. Очень важно то, что истина эта становится все более ясной для все большего числа рабочих.

Конечно, возможность организовать "всеобщую политическую стачку" в настоящее время представляется достаточно отдаленной. Однако без опоры на рабочее движение, структурированное в стачкомы, советы трудовых коллективов, без рабочего движения, достигшего высшей формы классовой организации пролетариата — без коммунистической партии ленинского типа, возглавляющей борьбу рабочих, — никаких серьезных преобразований в обществе осуществить невозможно. Чем скорее нарастающее рабочее движение поведет борьбу не только за своевременную выплату зарплаты, но и за полное освобождение от капиталистической эксплуатации, за социализм — тем скорее будет достигнута победа.

У НАС НА УКРАИНЕ

Бюрократия и власть в Украине

В.И.Тарасенко

После буржуазно-националистического переворота в августе 1991 года и раз渲ла СССР Украина, как и другие страны СНГ, переживает пришествие новой, "демократической" бюрократии, теперь уже бюрократии разрушителей и копировальщиков, рьяно взявшимся за переконструирование общества и экономики по копиям, снятым непосредственно с западных моделей хозяйствования, властования и управления.

Хотя новая бюрократия рядится в тогу демократизма, постоянно разлагольствуя о народе, но больше всего о государстве "для свободной личности", все же это очень опасная для общества и того же народа бюрократия, потому что она строит государство не для народа и не для свободной личности, а для себя. Кроме того, эта бюрократия, за редким исключением, предавна, мафиозна, к тому же мыслит крайне несамостоятельно — по рецептам западных консультантов и советников, особенно из международных валютных организаций, без которых не может ступить на шагу. Далее, новая бюрократия страшно жадна на личное бо-

гатство, аристократический комфорт, что заставляет ее одновременно грабить общество и отдаваться коррупции. К тому же ограниченные возможности её совокупного интеллекта обусловливают еще более разрушительный характер антисоциальных, катастрофических самих по себе, реформ. Вот почему правящая верхушка, несмотря на армию обслуживающих ее посредственостей- "интеллектуалов", ведет их бездарно, в стиле исторической авантюры, которой не видно конца-края и которая не обещает успеха.

Реформаторы действуют методом управляемой катастрофы — сначала все рушат, а затем думают, как из сотворенного ими раз渲ла и хаоса выбраться. Кстати, неперспективность подобного варварского способа ведения реформ, по-видимому, начинает понимать и сама бюрократия, когда она устами своего Президента Л.Кучмы деликатно заявляет о необходимости "социальных реформ, не меняя их курса", нареченного им же самим "безальтернативным", то бишь единственным и, следовательно, абсолютно правильным.

Не удивительно, что деятельность "демократической" бюрократии по осуществлению "абсолютно правильного" курса привела к тому, что ситуация в обществе и разрушающейся экономике сложилась не в пользу большинства народа, жизнь которого непрерывно ухудшается. Уже который год подряд смертность превышает рождаемость, следовательно, нация вымирает. В стране царствует беспредел разбойной власти, теневых мафиозно-криминальных структур, регионально-политических кланов. Однако, судя по всему, многие слои населения еще не осознали гнусной роли в этих процессах "демократической" бюрократии, которая навязывает обществу свой вариант его развития, не спрашивая у него согласия. Мечтая о "заботливом хозяине" в стране, люди все еще ждут поворота к лучшему, они наивно верят в способность Кучмы и его исполнительной вертикали навести порядок в государстве и их осчастливить. При этом далеко не всеми замечается и учитывается суть исповедываемой Кучмой и его администрацией государственной философии: мол, не государство заботится о каждом, а каждый должен заботиться о себе сам. Государство же якобы должно только создавать для этого равные возможности для всех.

В свое время, воюя с горбачевским политическим "центром" и идеологически перекрашиваясь, номенклатура "второго эшелона" (республиканская) неустанно искала пути своей легитимации, найдя их через посредство реализации идеи сепаратной независимости Украины, перераспределения союзной собственности, раздачи государственной собственности, учреждения в республике института президентства как ядра режима разделенных властей. Этот институт, как, впрочем, и в бывшем Союзе, когда был учрежден пост Президента СССР, сразу же поставил под вопрос полноту осуществления народовластия и прежде всего — существования Советской власти. Бюрократия, возглавляемая Президентом, власть которого стремится к авторитаризму, не может терпеть народовластия в своей политической "вотчине" — системе государственного властевования, и поэтому она ловко использует принцип разделения власти с целью вытеснения Советов за пределы государственного властевования и подмены представительной власти народа в государстве чистым парламентаризмом.

В сфере властевования современных обществ борются две тенденции. Одна из них состоит в возрастиании роли все той же бюрократии как корпорации специалистов — управленцев, которых в сфере государственного и производственного управления невозможно пока никем и ничем заменить. Следовательно, без них сегодня не обойтись. Но, претендующая на монополию государственного управления, бюрократия претендует и на монополию властевования и господства. Особую потребность в бюрократии ощущает индустриальное общество, массовым порождением которого являются государственное чиновничество и промышленный менеджмент. Вторая тенденция порождена процессом исторического созревания готовности народа к управлению государством, что превращает его в инструмент решения проблем народной жизни, реализации воли народа. Эта готовность требует предоставления народу — суверену и властелину — возможностей и условий самому осуществлять свою волю и власть.

Борьба двух названных тенденций на протяжении двух последних столетий происходила таким образом, что бюрократия обычно не допускала народ к государственным браздам правления, государственной власти, хотя он и был признан сувереном и единственным источником власти, о чем даже записывалось и ныне за-

писывалось в конституциях демократических стран. Другими словами, конституционные декларации о власти народа еще никогда не совпадали с действительностью, ибо народ реальной власти никогда не имел.

Если взять, скажем, феодально-абсолютистскую модель властевования, то для нее характерно непризнание народа в качестве суверена, а потому и как носителя общей воли, источника власти. Поэтому не может быть и речи о каком-либо сочетании в этой модели "бюрократовластия" и народовластия, ибо власть выступала как господствующее отношение воли короля к воле подданных.

Буржуазно-демократические концепции властевования предусматривают сочетание "бюрократовластия" с элементами демократии через провозглашение принципа юридического равенства и социального партнерства власти и народа. Народ признается сувереном и источником власти, более того, по конституции он даже осуществляет государственную власть в условиях прямой и непрямой демократии. Но стоит лишь спросить: много ли в буржуазном парламенте представителей трудового народа — рабочих, крестьян, интеллигенции? Таких там фактически нет, а если и есть, то единицы, поскольку парламент считается "фабрикой законов", а не органом, пропорционально представляющим все слои населения.

Считается, что работниками этой "фабрики" могут быть только специалисты (юристы, политики, экономисты и др.), которые умеют "делать" законы (причем в пользу тех, кто их заказывает). Политика и политическая деятельность, таким образом, профессионализируются. Все становится профессиональным — суд, парламент, государственное управление, создание законов и т.д. Простые же люди подобных профессий, естественно, не имеют. Так народ отлучается от политики и власти, а его властевование, декларируемое конституцией, но опосредованное корпорациями специалистов, становится фикцией. Отсюда вытекают учения об элите и толпе, властелинах и быдле: одни, мол, предназначены управлять и властевовать, другие — быть только объектом управления. Вот откуда тянется след той недавней кампании в либеральной прессе, которая издательски ревизировалась, высмеивая способность кухарки управлять государством (трактуя этот тезис буквально и гротескно).

Конечно же, кухарка не должна управлять государством (в прямом смысле). Для этого имеются специалисты — бюрократы-управленцы. Разумеется, кухарка не может и не должна разрабатывать проекты законов, подменяя специалиста-ученого. И первое, и второе не ее дело! Но кухарка вместе со своим трудовым коллективом способна и должна поставить под свой контроль деятельность управленца и разработчика законов. Для нее важно прежде всего то, в чьих интересах и как бюрократ управляет, а ученый "делает" законы. Для определения всего этого специальных знаний не требуется, нужен просто жизненный опыт и классовое чутье. Но поставив всю эту политическую "кухню" под контроль трудовых коллективов, а через них — народа, "кухарка" разблокирует профессиональные барьеры и тайны политики, дополнит, обогатит и поверит чистый профессионализм специалистов опытом народа.

У общества, если оно демократично, неизбежно возникает проблема защиты от государственной бюрократии, правительства, парламента, всей исполнительной власти. В частности, Запад пошел по пути "дрессировки" бюрократии, воспитания ее в духе законоисполнения и противопоставления ей противовесов-

сдерживателей: независимого суда, института местного самоуправления, свободной прессы, общественного мнения и т.д. Но это все равно не спасает общество и личность от государственного произвола, который в той или иной форме и степени неизбежно проявляется. Кроме того, и провозглашенные права для многих граждан в этом обществе остаются недостижимыми и незащищенными. Наконец, бюрократия для ревизии, выхолащивания и ограничения принципа народовластия искусно использует режим разделенных властей, дробящий систему властвования на независимые, относительно самостоятельные сферы — государственное властвование и самоуправление на местах. В свою очередь, система государственного властвования делится на три самостоятельные власти — законодательную, исполнительную и судебную. Декларируемый смысл такого деления — рассредоточение власти у разных субъектов во избежание ее концентрации в одних руках, что чревато деспотизмом.

Нередко принцип и институт разделенных властей нынешние демократы-“правники” с восторгом трактуют в духе наивысшего достижения демократии “цивилизованного” Запада и демократии вообще. Но это не полностью соответствует действительности. Если взять буржуазную демократию, то для нее данный принцип — высшее достижение, ибо позволяет раздробить все-властие и могущество бюрократии, уравновесить корпоративную волю одной ее части такой же волей другой части. Применительно же к социалистическому обществу, которое провозглашает и реализует полновластие народа, главенство его воли в системе властвования, этот принцип в том виде, в каком он применяется в буржуазном демократическом обществе, — вчерашний день. В этом обществе он ведь разделяет власть не бюрократии, а народа, точнее, функции этой власти, причем социалистическое общество слепо не копирует данную доктрину. Более того, многие западные нормы (международные правовые стандарты, образование и т.д.), которые нынешние законодатели-копировальщики выдают за идеал, до уровня которого под контролем МВФ и ПАСЕ они стремятся подтягивать законодательство Украины, могут быть признаны, с точки зрения принципа народовластия, лишь минимумом, некоей исходной нормой, от которой социалистическое общество уходит значительно дальше вперед.

Но сказанное — не вся правда о режиме разделенных властей. Сегодня в Украине его роль особая. В частности, он не просто ограничивает, а едва ли не полностью упраздняет народовластие, увековечивая бюрократовладение через создание системы не народной, а буржуазно-бюрократической демократии в стране.

Для народа важно далеко не всякое разделение властей, а такое, при котором в системе властвования оставался бы для него опорой тот класс (или классы), диктатура которого способна превратить государство в орган политического управления обществом в интересах трудящихся. Безусловно, это может быть только рабочий класс, организованный в Советы, как институт власти трудящихся, которые позволяют им определять политику государства и контролировать всю сферу профессиональной политической и управлеченческой деятельности, осуществляющей бюрократией. “Советы, — подчеркивал В.И.Ленин, — будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления трудящихся” (ПСС, т.38, с.170). Как известно, они рождены революционным творчеством масс в 1905 и 1917 годах и на относительно длительный период социалистического строительства превратились в особую форму государ-

ственности, полностью соответствующую социалистическим основам общества. Причем опыт их деятельности (управление, планирование, контроль, социальное обеспечение и т.д.) во многом использовался немалым числом стран Запада и Востока.

Однако Советам как органам народовластия в бывшем СССР не совсем повезло, поскольку, во-первых, их властные и самоуправленческие функции были значительно заблокированы исполнительным аппаратом, диктовавшим свою волю депутатам и предписывавшим принимаемые ими решения. Во-вторых, Советы не имели прочной экономической базы. Их скучные финансовые средства пополнялись главным образом из госбюджета и местной торговли, а не от деятельности расположенных на соответствующей территории производств, управляемых строго по ведомственной вертикали. В-третьих, Советы не распоряжались собственностью. Это делал государственный аппарат управления. Вследствие этих причин Советы превратились в некое “декоративное” прикрытие технологии иной власти — комитетов КПСС, не сумев полностью проявить свой демократический потенциал, хотя они и доказали свою жизнеспособность. Трудящиеся, тем не менее, считали и считают их своей, народной властью.

Теперь уже ясно, что в своих отношениях с Советами и бюрократией КПСС допустила стратегический просчет, оказавшийся для нее роковым. В частности, “огосударствив” Советы, она безоговорочно отдала пальму первенства их аппарату. А вырастив на базе государственной собственности гигантский корпус чиновников-управленцев — “номенклатурный класс”* как свою опору в государстве и включив его едва ли не целиком в свои структуры, свое “тело”, она тем самым вырастила собственного могильщика. Именно высшая горбачевская бюрократия, переродившись и озверев в “демократическом” раже перестройщиков, вонзила ей нож в спину, а до этого она вела партию к исторической гибели. Досадно, что при этом никто обюрократившуюся, всеми избиваемую партию не посчитал нужным защитить — ни Советы, ни трудящиеся, ни сами же партийцы. По сути, она получила то, что заслужила, проигнорировав предостережение многих, в том числе и Ленина, о смертельной опасности бюрократизма, коварстве бюрократии, которая ради своего спасения и выживания способна на всё, в том числе на тотальную измену и убийство.

Целый ряд исторических фактов, свидетельствующих о подчиненном существовании Советов, говорит лишь об одном: полновластие Советов снизу доверху в бывшем СССР было в значительной мере лишь про-декларировано.

К идее полновластия Советов заставила возвратиться так называемая перестройка, когда встал вопрос о разграничении функций партии и Советов (в результате такого разграничения у партии должна была остаться только единственная роль — быть политическим лидером общества). Но горбачевская верхушка, сориентировавшись на развал всего и вся, повела дело таким образом, чтобы как можно больше принести вреда и партии, и Советам. Упразднение после XIX партийной конференции отраслевых отделов партийных комитетов на всех уровнях резко подорвало их возможности и авторитет в местных структурах управления, а партию устранило от прямого влияния на хозяйственную жизнь общества, которая стремительно ухудшалась. После

*О формировании и роли “номенклатурного класса” в СССР смотрите в интересной статье Л.А.Гриффена “Классовый анализ в теории социализма” (“МиС”, 1995, №3)

такой диверсии горбачевцев ход экономических и социально-политических процессов начал быстро ускользать от оперативного контроля со стороны партии, а сама она стала все больше отставать от динамики изменений в обезумевшем обществе.

КПСС от управления хозяйствованием ушла, но Советы оказались не готовыми к перехвату этой функции, что повлекло за собой разбалансированность и сбой в народном хозяйстве. Стремительно надвигались хаос в экономике и развал потребительского рынка. Ситуация усугублялась групповым эгоизмом трудовых коллективов, которые по "Закону о социалистическом предприятии" получили самостоятельность и, по сути, вышли из сферы влияния исполкомов. Возникли благоприятные условия для подчинения себе Советов политическими противниками КПСС, перехвата у партии социальной инициативы.

Таким образом, разграничение власти между КПСС и Советами не привело к всевластию последних, а партию — к политическому лидерству. Следует при этом вспомнить еще одно обстоятельство, которое существенно повлияло на перераспределение функций хозяйствования и самоуправления Советов. Это — введение института местного самоуправления и превращение местных Советов в его главное звено, наделенное собственной компетенцией. Этот шаг лишил Советы правомочий в качестве представительных органов государственной власти на местах. Другими словами, система самоуправления выделилась в негосударственную структуру, которая, следовательно, властвовать не может. А после того как в союзных республиках, в том числе и на Украине, учредили модные посты президентов, начался процесс десоветизации государства и разгосударствления Советов, то есть упразднение Советской власти.

Национал-демократы, прийдя на Украине к власти, сразу же взяли курс на десоветизацию. Будучи западниками и продемонстрировав во всем блеске подражательный ум, они ринулись утверждать западную модель хозяйствования и управления. Казалось бы, более логичной для них должна была быть попытка выработать свою собственную систему демократии, для которой Советы могли бы послужить надежной основой. К тому же опять было бы вполне логично для них исправить ошибки КПСС, не сумевшей обеспечить полновластия Советам. Но не тут-то было. Украинцы "демократы" вообще не приемлют идею народовластия, потому что они не народные, а либерально-буржуазные демократы. Их привлекает элитарный ореол парламента, оставляющего за своими стенами трудящихся, и высших органов исполнительной власти, дающих власть и средства на барский жизненный комфорт.

Все аргументы национал-демократов против Советов можно свести к таким постулатам.

Первый: Советы не приспособлены к управлению государством и вообще к управлению, где требуется персонифицированная ответственность. Об этом пишет, например, Е. Кушнарев, глава харьковской городской администрации: "По собственному опыту могу сделать однозначный вывод: Советы для функции управления государством не готовы. Не могут и никогда не смогут ее исполнять" (Голос Украины, 1995, 9 февраля). То же самое говорит о Советах Президент Л. Кучма, который столь же категоричен и в отношении Верховного Совета: "По своей природе парламент не может исполнять управленческие функции" (Голос Украины, 1994, 24 декабря).

Спрашивается: о каком управлении идет речь — прямом или косвенном. Как известно, государством применяется прямое (непосредственными командами)

и непрямое (через указы, решения, постановления, законы, инструкции и т. п.) управление. Ясно, что Советы, как коллективные представительные разноуровневые органы, приспособлены именно ко второй форме — косвенному управлению, поэтому нечего им противопоставлять прямое да еще персонифицированное управление. Но Президента беспокоит даже способность ВС к косвенному управлению государством. В частности, он не может терпеть попытки высшего законодательного органа напрямую контролировать работу правительства. Были, например, случаи, когда Кабмин так невнятно вел дело, что под угрозой срыва оказывалась посевная или уборка урожая. В таких случаях ВС с тревогой принимал соответствующие постановления, подстегивающие правительство, и таким образом страна уходила от катастрофы. Эти случаи показывают, что ВС очень даже способен (причем по своей природе, а не вопреки ей) к оперативному управлению — только уточним еще раз, не к прямому, а косвенному — с помощью своего контроля за ситуацией и своевременного принятия соответствующих законов или постановлений как правообязывающих актов.

Следует также заметить, что Советы Советам рознь. Особенно это касается нынешних Советов народных депутатов, которые перестали быть Советами депутатов трудящихся: ведь закон позволил избрать в них далеко не трудящихся — теневиков, буржуа, криминальные элементы, перекрасившуюся номенклатуру. Ясно, что такого рода Советы (к тому же политически разношерстные) не могут управлять даже косвенно, поскольку им трудно, а во многом и невозможно прийти к единому мнению и решению.

Противники Советской власти стремятся использовать сложившуюся ситуацию с Советами в качестве аргумента для доказательства того, будто Советы выродились и исчерили себя. Для буржуазии, которой служит нынешняя кучмовская бюрократия, Советы словно нож к горлу, они прямая угроза для ее диктатуры. Трудящиеся же должны не только отстоять Советы, но и коренным образом изменить их состав и сущность. Для этого нужно добиться, чтобы выборы в Советы проходили не от "уличной демократии", которая посыпает в них кого угодно, а по производственно-территориальному принципу — от трудовых коллективов. Став Советами депутатов трудящихся, они возьмут в свои руки всю полноту законодательной и исполнительной власти, поставят под контроль народа бюрократию, которая ныне стоит над ним. Тогда и их функции управления неизмеримо усилятся. Отсюда — лозунги текущего момента: "Отстоим Советы!", "Советы — трудящимся!", "Трудящиеся — в Советы!".

Второй постулат национал-демократов: Советы как форма власти несовместимы с принципом ее разделения. Они-де предполагают концентрирование власти под одной "крышей", что грозит обществу их деспотическим всевластием. Этот постулат начисто игнорирует тот факт, что именно по принципу разделения власти (в смысле разделения функций) Советы как раз и строятся. Кто станет отрицать, что у них имеется законодательная и судебная ветви власти? Правда, следует признать определенную специфику режима разделения власти в системе хозяйствования Советов бывшего СССР. В этой системе разделение власти шло по вертикали: Совет нижнего уровня был в определенной мере самостоятелен, но он же подчинялся Совету более высокой ступени, а все они вместе — власти высшего уровня. Кроме того, существовали институты партийного, государственного и народного контроля, вносящие определенный порядок в отношения между ветвями. Такую

реализацию доктрины разделения власти в системе властвования Советов, на наш взгляд, можно назвать слабой изначально, ибо многое в режиме разделенных властей подменялось "посторонней" властью КПСС. Несомненно, развитие Советской демократии должно было продвигаться по пути усиления этого разделения в направлении предоставления большей самостоятельности всем властям, не противоречащей принципу подчинения, касающегося власти исполнительной и представительной, а судебной власти — по своей линии. Кстати, вопрос о подобном усилении возник еще на заре Советской власти, в конце 1917 года, в период сотрудничества большевиков с левыми эсерами. Тогда Ленин, исходя из тактических соображений, отклонил соответствующее предложение эсеров. А с утверждением власти одной партии этот вопрос отпал сам собой (см.: Волобуев Павел. Советы либо диктатура. Третьего не дано. — Правда, 1993, 14 апреля).

Итак, Советы вполне подводимы под принцип разделения власти, но со своей спецификой, вытекающей из наличия принципа подчинения властей. Главное — достижение оптимума в соотношении самостоятельности и подчиненности разделенных властей, закрепленного конституционно как круг прав, обязанностей и ответственности каждой из них.

Третий постулат национал-демократов: система "вложенных" друг в друга Советов (вертикаль) создает на одной и той же территории несколько (до пяти) полновластных хозяев, унифицируя в то же время структуру всех уровней власти для различных регионов и населенных пунктов. Ясно, что он направлен против вертикали Советов, называемой "советской матрешкой" (см.: Рубцов Валерий. Г знову "декоративні" Ради? — Урядовий кур'єр, 1994, 9 червня). Что ж, этот упрек справедлив. Подмеченный недостаток вертикали Советов имел место как следствие того же слабого разделения власти также и по вертикали разноуровневых Советов, непродуманности в вопросах структуры управления применительно к региональной и поселенческой специфике.

Можно также согласиться с теми критиками Советской системы власти, которые указывают и на такой её недостаток, как нарушение преемственности в передаче наработанного опыта и профессионализма новому поколению депутатов от предыдущего, которое имеет место всякий раз после очередных выборов в Советы. Но этот недостаток, как, впрочем, и предыдущий, опять же касается не сути Советской власти, а ее технологии, которая может быть отработанной — с предусмотрением механизма преемственности, в том числе и краткосрочного обучения новых депутатов.

Таким образом, нет у антисоветчиков основательных аргументов, доказывающих нежизнеспособность Советов. Напротив, этот универсальный институт народной власти обладает огромным, далеко не использованным демократическим потенциалом, причем в обеих своих ипостасях — и как орган властвования, и как орган самоуправления. Выступая против Советов, враги Советской власти просто выполняют классовый заказ международной и "домашней" буржуазии, которая не может господствовать в Украине до тех пор, пока существуют Советы как органы государственной власти.

К сожалению, у левых сил оказалось недостаточно возможностей для того, чтобы защитить Советы именно в ипостаси органов государственной власти, когда "правые" повели на них лобовую атаку. Так, в 1990 г. был принят закон "О местных Советах и местном самоуправлении", который упразднил подчиненность Советов по вертикали. В 1992 г. соответству-

ющим законом местные Советы были "разгосударствлены", то есть превращены исключительно в органы местного самоуправления. В том же году Законом "О представителе Президента Украины" был введен институт местных государственных администраций. Эти структуры должны были обеспечить вертикаль государственной исполнительной власти и действовать параллельно с местными Советами в пределах своей компетенции. Однако в силу различных причин, особенно неотрегулированного законодательства, "стыковки" государственной политики, осуществляющей администрациями, с региональной политикой, проводимой местными Советами, не получилось. Возникли очаги конфронтации между ними, и институт президентских "наместников" стал проблематичен. Он получил "отставку" после принятия закона "О формировании местных органов власти и самоуправления" (3 февраля 1994 г.). Но проблема президентской вертикали вновь всплыла на поверхность в связи с принятием так называемого конституционного закона "О государственной власти и местном самоуправлении" (март 1995 г.), инициированного Президентом, в подписании Конституционного договора между Президентом и ВС (июнь 1995 г.), в который был включен и закон "О государственной власти и местном самоуправлении". Эти акты еще раз упразднили Советы как органы государственной власти, что означает следующее: две власти — законодательная и исполнительная — осуществили "тихий" конституционный переворот. Он удался, народ его, кажется, не заметил. Бюрократия празднует триумф — она вновь получила в свои руки государственные администрации, то есть государство.

Никуда не уйти от факта, что Конституционный договор — закон и "малая Конституция" — вынужденный временный компромисс (даже говоря) между властями. Народ не является его субъектом, поэтому он может его признавать либо не признавать. В обществе и СМИ сам договор получил противоречивые оценки, из которых можно извлечь следующие важные в русле нашей темы акценты.

1. Президент одержал победу над ВС, который оказался бессилен, да еще без Конституционного суда, удержать исполнительную власть строго в рамках наличного конституционного поля, то есть действующей Конституции, быть гарантом которой и неукоснительно исполнять которую Президент клялся при своей инаугурации. Вся тактика борьбы за проталкивание проекта закона о власти со стороны Президента свидетельствует, что президентская власть и в Украине, а не только, скажем, в России, Беларуси есть конфронтационная, а в проекции — откровенно диктаторская, опасная власть. Президент сработал, как "мягкий Ельцин", достигнув задуманного не танками, как его российский коллега, а лишь только намеками на них. И большинство депутатов парламента дрогнуло. Затем Президент добил дрогнувших Указом о плебисците — и 240 депутатов подписали Конституционный договор, хотя процедура предусматривает в таких случаях именно конституционное большинство Верховного Совета. Нечего и говорить, Президентом проявлено искусство наступательного и психологического давления за законодательную власть. С его помощью исполнительная власть принуждает ВС создавать для нее то конституционное и правовое поле, которое ей выгодно. В результате корпоративная воля этой власти превращается во всеобщую волю, а сам парламент — в ее карманное, трусливое орудие.

2. Договор-закон вносит в политическую жизнь общества и государства элемент президентской дикта-

туры, основанной на попытках Президента самостоятельно интерпретировать его статьи и положения. Пример тому — судьба генпрокурора В.Дацюка, которому за провал в работе ВС высказал недоверие и снял его с высокого поста. Но глава государства, ссылаясь на Конституционный договор — закон, тут же восстановил генпрокурора на прежнем месте. Подписав договор, Президент Л.Кучма получил для своей власти исполнительную вертикаль, но теперь уже он утратил и определенный козырь — за свои реформаторские неудачи сетовать на “сопротивление” ВС.

3. В договоре-законе полномочия между президентской и законодательной властями распределены с нарушением баланса в пользу первой, которая значительно усиливается тем, что вытесняет народовластие в лице Советов за пределы системы государственного властовождания. Все это открывает для исполнительной власти как власти бюрократической, стремящейся к авторитаризму, перспективу незаметно, но верно и опасно нависать над обществом.

4. Договор-закон о власти несовершенен, внутренне противоречив и носит во многом экспериментальный характер. Но несмотря на это, он дает Президенту шанс закрепить перекос баланса сил в свою пользу в новой Конституции, в проект которой именно такое закрепление закладывается разработчиками.

Однако же в чем состоит “гвоздь” Конституционного договора-закона, его главный смысл и главное противоречие? Отнюдь не в перекосах в полномочиях двух властей, а в неравенстве соотношения между “бюрократовластием” и народовластием.

Что же, ларчик открывается просто: вертикаль исполнительной власти как “бюрократовластия” в государстве договором-законом предусмотрена, вертикаль же Советов как народовластия — нет (ибо каким образом народ может осуществить государственную власть, если вертикаль заполняют не его представители, а назначаемые Президентом государственные чиновники?). Попросту говоря, народ не допускается (если не считать референдум) в систему государственного властовождания, где бюрократии обеспечено полное разделье. Но зачем?

Затем, что Президент на основе закона о государственной службе создает “однолинейную” модель системы государственного властовождания и управления, опирающуюся на профессиональную, подготовленную бюрократию, которую он хочет вывести из-под контроля народа. Именно ей договор-закон предоставил возможность сделать “прыжок тигра”, добычей которого становится государство, отобранное у Советов. Прицел стратегически ясен: структуры исполнительной власти готовятся полностью завладеть системой властовождания в обществе, присвоив себе государство как корпоративную собственность и инструмент прямого давления на общество.

Как и во всяком современном государстве, нынешняя власть в Украине — таинственная и хитрая “штука” со сложной внутренней структурой, механикой и борьбой. Разумеется, ей присуще все, что вообще присуще бюрократической власти: концентрирование в себе общественного интеллекта, стремление к авторитаризму, управленческой исключительности и господству, умение прикрывать сущность видимостью, манипулировать массовым сознанием, избегать прямой ответственности и уводить от ответственности высших функционеров, выдавать свой корпоративный интерес за государственный, а государственный — за национальный, народный, общественный...

Словом, власть как власть, носящая антинародной, бюрократический характер. Если ее качества вы-

строить по ранжуру, то далеко не замыкающим окажется такое выпуклое свойство власти, как неудержимая страсть к размножению. Причем размножается она, словно простейшая кишечнополостная гидра, весьма примитивно — делением. При этом прирастает силовыми структурами, аппаратным и статусным чиновничеством. Говорят, последнего развелось столько, что оно уже не меньше чем в два раза превышает бюрократию бывшей УССР, “пожирая” немалые средства из бюджета. Так, административные расходы в 1995 году возросли по сравнению с 1994 годом с 4,7 до 7,1%. Правда, больше половины этих расходов пошло на содержание правоохранительной, налоговой и таможенной служб (напомним, что Украина располагает одной из самых многочисленных милицейских армий — более четверти миллиона сотрудников, то есть на 1000 жителей — 5,3 милиционера, тогда как, например, в США этот показатель равен 3,2).

Вот что такая власть в бюрократическом измерении.

Декларативно она, разумеется, “служит” народу, на самом деле — тем общественным слоям и группам, в преимущественных интересах которых, повторим это еще раз, установлен порядок в государстве, распределяются собственность, богатство и экономическая власть. Это — представители индустриального, посреднического, торгового и криминального капитала, а также орава обслуживающих их политиков, “элитарной” интеллигенции и челяди как в центре, так и на местах, в регионах. Следовательно, реальная власть принадлежит буржуазии, которую она осуществляет фактически через два правительства (администрацию Л.Кучмы и Кабмин) и действия правых да правоцентристских сил в ВС, выступающих прямым лобби Президента и Кабмина.

Отсюда вытекает одна из главных социально-политических задач для народа — защита от разбойной буржуазной власти, если не хватает сил сменить ее. Защита от власти — непременное условие демократии. Если в XIX веке Гегель учил, что каждый народ достоин своего правительства, то практика бюрократического властовождания в XX веке обогатила эту мысль другим выводом: каждый народ должен быть защищен от своего правительства, шире — от корпоративной власти, в том числе и по тому же самому закону, который известен в технике, как “защита от дураков”. Народ не должен страдать от действий власти, особенно от управленческого произвола и идиотизма, которого у нас больше чем достаточно. На этой же основе может быть защищена и каждая личность. Самый надежный принцип такой защиты — подчинение бюрократии народовластию.

Предлагаемый национал-демократами “метод противовесов” (свободная пресса, независимый суд, общественное мнение и т.д.), долженствующий “урезонить” государственную бюрократию, — не про нас.

У нас бюрократия далеко не классического западного покроя, при котором малейший нравственный промах сразу же влечет отставку. Наша же бюрократия, даже все развалив и испоганив, в отставку самостоятельно никогда не попросится. Ее, не только неуязвимую перед законом, но и склонную его самостоятельно трактовать (обычно в свою пользу) и ни за что не несущую персональной ответственности, вряд ли можно остановить противовесами западных образцов. Нужны наши собственные ограничители, исторически выработанные и отвечающие общественному менталитету. Без опоры на крепкие Советы, построенные от трудовых коллективов, и на сами трудовые коллективы буржуазно-бюрократическую блокаду нам не прорвать.

Конституционный процесс как зеркало украинской контрреволюции

С.П. Гмыря

4 июня нынешнего года Верховный Совет Украины проголосовал в первом чтении проект Основного Закона, представленный большинством Временной специальной комиссии по разработке Конституции. Из 417 депутатов за это решение высказались 258, в т.ч. более 50 "народных избранников", которые в нарушение закона и т.н. "Конституционного договора" продолжают работать в правительстве, президентских и других структурах исполнительной власти. Против голосовали 106 членов Верховного Совета (коммунисты, социалисты, часть "селян", "незалежных", представителей Межрегиональной депутатской группы, а также внефракционных). Альтернативный проект, предложенный 8-ю членами Комиссии, даже не рассматривался.

Итак, на наших глазах параллельно (и ускоренно) развертываются два процесса: конституционный процесс и процесс катастрофического обнищания народа Украины. Есть ли здесь взаимосвязь? Почему власть предержащие беспардонно форсируют принятие Основного Закона? Откуда столь лихорадочная спешка? Кому и зачем нужен этот так широко разрекламированный проект Конституции? Какие социально-политические силы за ними стоят? И главное: что делать левым силам в сложившихся обстоятельствах?

Для того, чтобы ответить, необходимо учесть ряд фактов, существенно влияющих на развитие конституционного процесса в Украине.

Первое. Буржуазный переворот в нашей стране уже практически завершен. Мы имеем не разваленный социализм, как считают некоторые отдельные представители левого движения, а самый настоящий капитализм, правда, не европейского, а латиноамериканского образца. Соответственно и ныне действующая Конституция Украины вовсе не является кастрированным Основным Законом социалистического государства. Количество поправок, которыми "улучшали" ее в течение последних лет, переросло в качество. Сегодня у нас буржуазная Конституция. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть, что осталось от ее разделов, определяющих социально-экономическую и политическую основу нашего общества. Рудименты социализма, сохранившиеся в документе, совершенно несущественны и погоды, как говорится, не делают.

Поэтому всякие надежды на возвращение послеоктябрьских завоеваний народа без революционной смены общественно-политического строя, а также его конституционного оформления (путем совершенствования действующего законодательства и т.п.) — не более чем иллюзия.

Причем иллюзия исключительно опасная, поскольку она является психологическим обоснованием бездействия левых сил, их фактической капитуляции перед наступающей реакцией.

Второе. Социальная база победившей контрреволюции крайне слаба. Власть не хочет, да не и может проводить курс, который обеспечил бы ей твердую и безусловную поддержку хотя бы четверти населения

Украины (по данным беспристрастных социологических опросов, этот курс одобряют лишь 15% наших граждан). Без этого говорить о какой-то политической стабильности правящего режима просто неприлично.

С другой стороны, организованная оппозиция капиталистам тоже пока весьма слаба. Не секрет, что отдельные слои трудящихся (например, шахтеры в ходе печально знаменитых забастовок конца 80-х годов) были использованы реакцией как таран для достижения своих целей. Частичное прорезвление наступило. Эти люди уже перестали быть опорой контрреволюции. Но и оплотом социализма они еще не стали. Их настроения выражаются пока формулой "не верим никому".

Однако поддержка левых сил населением ежечасно будет становиться сильнее, ибо все больше социальных слоев и профессиональных групп попадает в безжалостные жернова т.н. "радикальных рыночных реформ". Власть уже не в состоянии подкормить даже силовые структуры — армию, милицию, органы национальной безопасности. А ведь всякая контрреволюция только тогда чего-то стоит, когда она умеет себя защищать...

Конституционный процесс в Украине идет, таким образом, в условиях жестокого цейтнота для капиталистов: с каждым днем перспективы его благополучного, с их точки зрения, завершения становятся все призрачнее. Отсюда такая спешка с принятием Основного Закона. Отсюда та бесцеремонность, с которой он буквально продавливается через Верховный Совет. Отсюда назойливое размахивание дубиной референдума. В ход при этом идут и шантаж, и различного рода посулы, и откровенная фальсификация. Вспомним хотя бы, что на "историческом" заседании Верховного Совета 4 июня сего года, когда проект реакционной Конституции был принят за основу, оказался зарегистрированным... Ефим Звягильский, давно уже подвизающийся на Ближнем Востоке. Цинично попирается и действующее законодательство. Так, Временная специальная комиссия по разработке Конституции нарушила сразу три (!) закона ("О постоянных комиссиях Верховного Совета", "О статусе народного депутата Украины" и Регламент Верховного Совета) для того, чтобы предоставить шести своим членам-коммунистам столько же голосов, сколько и двум представителям любой другой фракции и группы, насчитывающей 25-30 депутатов. Тогда левым пришлось отказаться от совместной работы со своими оппонентами в Комиссии, дабы не участвовать в фарсе "одобряма".

Третье. Стоящая у власти компрадорская буржуазия (а другой у нас просто нет и, по-видимому, не будет), а также ее союзник — перекрасившаяся бюрократия — заинтересованы не только в стабилизации победившего в нашей стране капитализма, сколько в его постоянном в "подвешенном" состоянии, ибо это позволяет им баснословно обогащаться в рекордно короткие сроки. Они стремятся сформировать правовую базу бур-

жуазного общества в ущербном виде, с наличием множества лазеек и брешей, в которые можно прорваться, чтобы отхватить кусок пожирнее. Жажда наживы вступает в данном случае в конфликт с чувством классового самосохранения, причем первая оказывается сильнее. Это и понятно, если учесть, что компрадоры несравненно меньше, чем, скажем, национальная буржуазия, боятся социального взрыва, так как большая часть их неправедно нажитых капиталов давно уже находится в полной безопасности за границей. Парадоксально, но факт: силы, прорвавшиеся к власти под буржуазно-демократическими знаменами, не хотят принятия действительно буржуазно-демократической Конституции.

Приведу некоторые примеры. Проект, принятый за основу Верховным Советом, не содержит положения о равноправии всех форм собственности, являющегося азбучным для законодательства любой уважающей себя капиталистической страны. В его 13-й статье предлагается торговать не только землей, но и воздушным пространством, континентальным шельфом, водными ресурсами. Этого не было даже при царе-батюшке. Напомню читателю, что А.С.Пушкин назвал своего Евгения Онегина именно потому, что сия фамилия была невозможна в дворянской России — реки там не могли находиться в частной собственности помещика. После предложений, подобных тем, что сформулированы в ст.13 конституционного проекта, любой законодатель на Западе сидел бы в сумасшедшем доме, а не пытался двигать вперед “радикальные рыночные реформы”.

Кстати, о сумасшедших домах. Ст. 34 проекта предусматривает возможность при определенных обстоятельствах (интересно, каких?) ограничивать свободу мысли. На горизонте, таким образом, явственно маячат психушки и психотропные средства.

О полномочиях Президента и говорить не приходится. В Европе о подобных и не слыхивали. Они приличествуют скорее какому-нибудь полутизатору из банановой республики. Президент в течение трех лет после принятия Конституции (срок полномочий Леонида Кучмы) имеет право издавать указы по экономическим вопросам, фактически приравненные к законам. Он выпускает некие универсалы, имеющие, очевидно, не меньшую, если не большую силу. Президент формирует весь бюрократический аппарат — от Премьер-министра до главы районной администрации включительно. Он может распустить парламент, тогда как последнему не позволено даже налагать вето на президентские правовые акты. Граждане Украины лишены возможности отозвать “всенародно избранного”, как бы тот ни надругался над своей предвыборной программой. И прочая, и прочая, и прочая...

Характерно, что проект Конституции Украины на чисто игнорирует многие положения международно-правовых актов, имеющих обязательную силу для нашей страны. Речь идет о Декларации Организации Объединенных Наций “О правах национальных и языковых меньшинств”, “Европейской хартии о местном самоуправлении” и других основополагающих документах. А уж о “Декларации о государственном суверените Украине”, подтвержденной референдумом 1 декабря 1991 г., и вспоминать стало как-то неприлично.

Четвертое. Расклад политических сил в Украине более сложен, чем, например, в соседней России. Общество расколото у нас по двум признакам: социальному и языковому. Точно так же расколот и Верховный Совет, ответственный за принятие Конституции. В нем есть два большинства: первое, цельное и стабильное, состоит из капитализаторов всяческих мастей

и оттенков; второе, разнородное и непрочное, представляют депутаты от русскоязычных регионов.

О том, насколько призрачно это второе большинство, на которое продажные средства массовой информации наклеили ярлык “левого” и даже “коммунистического”, свидетельствует хотя бы такой факт. Из 26 членов депутатской группы “Социально-рыночный выбор”, ядро которой составляют члены Либеральной партии из Донецкой области, 22 подписались под требованием о признании русского языка официальным. Однако во Временную специальную комиссию по разработке Конституции указанная группа послала двух своих представителей, проголосовавших против двуязычия. Это ли не образчик лицемерия! И чего теперь будут стоять голоса либералов, поданные за поправку об официальном статусе русского языка, которая заведомо не пройдет при голосовании проекта Конституции во втором чтении 300 голосами? Я уже не говорю о том, что капитализаторы из восточных и южных регионов бес совестно сдали своих избирателей, и пальцем не пошевельнув ради законодательного закрепления исторических связей Украины с Россией, другими странами СНГ. По вопросам же освящения частной собственности и ликвидации социально-экономических прав трудающихся они дружно голосовали вместе с представителями “Руха”, “Державности” и прочими националистами. Такие вот “союзники” у левых.

Пятое. Отцам контрреволюции так и не удалось выработать пусть лживое, но хотя бы сколько-нибудь внешне логичное и привлекательное для народа обоснование замены социализма капитализмом.

Идеологическое обеспечение “реформ” целиком основано на самой примитивной и наглой подмене понятий. Вспомним хотя бы, как нам сказали, что без демократии нет социализма. Сказали, кстати, совершенно правильно. Затем было объявлено: демократия невозможна без рынка (содержание последнего термина предусмотрительно не расшифровывалось). А в итоге выяснилось, и об этом уже без стеснения говорят, что переход к рынку, т.е. к капитализму, возможен только в условиях авторитарной формы правления, и Президент (а фактически его окружение) сосредоточил в своих руках необъятную власть. Средство, таким образом, незаметно превратилось в цель на глазах у изумленной публики. Порочный круг замкнулся.

Диалектические чудеса такого рода легко совершаются. Куда труднее убедить людей в том, что они — результат божьего промысла, а не тривиального шулера. Вот здесь-то господам капитализаторам и может помочь новый Основной Закон, который прикроет по склонное руло реакционной диктатуры сладенькой болтовней о “конституционных гарантиях” и “социальному государствству”. Авось дымовая завеса этих красивых слов хотя бы на время скроет от народа ту простую истину, что его фактически лишают прав на труд, отдых, обеспеченную старость, бесплатное образование и медицинское обслуживание.

Наконец, шестое. Сегодня стало модным и, заметим, небезвыгодным обвинять левых в том, что те якобы мешают конституционному процессу. Депутатствующие вице-премьеры, политиканствующие поэты-эксоцреалисты и хулиганствующие телекомментаторы непускают случая лягнуть за это “красно-коричневых”. Самое смешное, что обвинения идут в двух противоположных направлениях: а) коммунисты и социалисты блокируют принятие нового Основного Закона, не идут ни на какие компромиссы; б) восемь левых депутатов — членов Временной специальной комиссии по разработке Конституции Украины чуть ли не дословно

списали свой альтернативный проект у коллег по Комиссии. Это весьма напоминает обросший бородой анекдот о женщине, которая, случайно разбив взятый у соседки взаймы горшок, мотивировала невозвращение тем, что она его, во-первых, не брала, а во-вторых, давно отдала.

Полярность обвинений как раз и свидетельствуют о том, что левые пошли на серьезный компромисс в ходе конституционного процесса. Суть компромисса состоит в том, что после отклонения буржуазным Верховным Советом чисто социалистического проекта, внесенного 125-ю депутатами, мы предложили принять неидеологизированный демократический Основной Закон, в рамках которого гражданы Украины посредством референдума и выборов сами смогут решить, какой социально-политический строй хотят видеть в своей стране, должна ли та входить в межгосударственные объединения и союзы и пр. Мы пошли на этот шаг, ибо не сомневаемся в том, какова будет воля народа, если ему позволят свободно ее высказать.

Стоящим же у власти силам демократия не только не нужна, но и крайне опасна. Вернее, им нужна квазидемократия, при которой за парадным подъездом "правового государства" скрывается самая отвратительная и безжалостная диктатура компрадоров, бюрократии и криминальных кланов. Они сделают все для того, чтобы не допустить действительно свободного волеизъявления наших граждан.

Этим силам не нужен и реальный суверенитет Украины, а только его жалкий суррогат — "независимость", в первую голову от своего народа, так навязчиво декларируемая в принятом за основу проекте Основного Закона. Она нужна им для того, чтобы окончательно превратить еще недавно процветавшую страну в аграрно-сырьевую придаток Запада, рынок сбыта его залежальных товаров, поставщика рабочей силы и, главное, — в потенциальный плацдарм против нашего великого восточного соседа, если события там начнут развиваться не по сценарию ЦРУ. Беспристрастный аналитик неизбежно приходит к однозначному выводу: нынешняя власть и ее опора — т.н. национал-демократы — не любят Украину. За любовь к Украине они выдают патологическую ненависть к России, что,

согласитесь, далеко не одно и то же.

Не хотят эти силы и компромиссов, в том числе в ходе конституционного процесса. Более того, им жизненно необходим постоянный конфликт вокруг вопроса нового Основного Закона. Им нужно срочно найти врага, который "мешает" успеху "радикальных рыночных реформ", отбросивших подавляющее большинство трудящихся далеко за грань физического выживания. Сказки об отсутствии у нас Конституции, о кознях коммунистов, препятствующих ее принятию, — тот последний клапан, через который капитализаторы пытаются выпускать пар из закипающего котла народного гнева.

В заключение скажу несколько слов о том, что же, на мой взгляд, следует делать левым силам в ходе борьбы, развернувшейся вокруг принятия Основного Закона.

Им нужно ясно осознать, что поддержка народом их линии растет и будет расти в дальнейшем. Свидетельство тому — 3,5 млн. подписей, собранных за проведение упреждающего референдума по основным вопросам конституционного строительства. Поэтому ослабить сопротивление режиму из-за боязни запретов, которыми тот угрожает, было бы сегодня не только ошибкой, но и преступлением. Мы не нарушаем законы. Это систематически делают наши политические противники.

Нужно разъяснить народу, что навязываемый ему сегодня конституционный проект страдает не только антисоциалистичностью, но и антидемократичностью. На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание, ибо в Украине, как и в других республиках преступно разрушенного Советского Союза, нет сегодня иных демократов, кроме левых.

В сентябре, видимо, будет объявлен референдум по принятию Конституции. Необходимо сделать все, чтобы превратить этот запланированный реакционной властью фарс в судебный процесс общественности над обанкротившимся режимом. И если последнему шантажом, обманом и фальсификацией все же удастся протащить через референдум антинародный проект — не стоит опускать руки. Законы общественного развития действуют так же неумолимо, как и законы природы. После сентября никогда не приходит второй август. Вслед за ним неизбежно наступает октябрь.

От редакции

Когда номер был уже сверстан, пришло известие, что правым силам вопреки интересам большинства трудящихся удалось добиться желанной цели — законодательного закрепления смены в Украине общественно-политического строя, право выбора которого принадлежит только народу как единственному субъекту этого права путем прямого волеизъявления.

Продолжавшийся более пяти лет конституционный процесс фактически прикрывал реальное становление реакционного буржуазно-националистического режима, начало которому положил контрреволюционный переворот в августе 1991 г.

Принятие 28 июня 1996 г. Верховным Советом Украины буржуазной Конституции проходило в условиях беспрецедентного шантажа и давления, а также не имевшего в истории примера утаивания окончательного текста Основного Закона не только от народа, но и от депутатов.

Данная Конституция, провозгласив неприкосновенным право частной собственности, закрепила ограбление трудящихся и присвоение мафиозно-компрадорской буржуазией и иностранным капиталом народного достояния, созданного самоотверженным трудом нескольких поколений советских людей. Тем самым она узаконила социальное неравенство и несправедливость в обществе, лишила широкие трудящиеся массы гарантированных прав на труд, отдых, жилье, медицинское обслуживание, образование и т.д.

Никакими юридическими ухищрениями правящему режиму не удастся оправдать и защитить от нарастающего гнева широких народных масс курс на превращение Украины в зависимое третьеразрядное государство.

Принятие новой Конституции не приведет ни к решению экономических проблем, ни к стабилизации общественно-политической ситуации. Поэтому ликование в стане "победителей" преждевременно. Это пиррова победа! В конечном счете она непременно обернется поражением буржуазно-националистического режима.

Конституционный процесс обнаружил позорный факт предательства интересов трудящихся значительной частью депутатов фракций СПУ и КПУ, зараженных "парламентским кретинизмом" и допустивших протаскивание антинародной Конституции. Поистине жалкое зрелище — "жовтоблакитный коммунист", голосующий за ненавистную большинству народа символику... Этот горький опыт должен стать уроком для трудового народа, помочь ему избавиться от "демократических" иллюзий, оценивать деятельность политических сил по результатам их дел, а не по словам и обещаниям.

В дальнейшем редакция предполагает вернуться к анализу самой Конституции, условий и последствий ее принятия.

Беловежские соглашения: мифы и реальность

В.Г.ВИШНЯКОВ

Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 15 марта 1996 года "Об углублении интеграции народов, объединившихся в Союз ССР, и отмене Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года" вновь привлекло внимание к событиям в Беловежской пуще, в основе которых лежали по крайней мере два фактора. Первый — безответственное отношение к истории и судьбе великого государства только что прорвавшихся к власти партийных "командиров" с их привычкой решать вопросы на загородных дачах, чаще всего ночью и нередко за столами, несостоявшихся завлабов, провинциальных преподавателей "марксизма-ленинизма", заштатных чиновников захудальных бюрократических структур. Второй фактор — въевшаяся в процессе постоянной борьбы за власть привычка решать вопросы силовыми методами, первичность самонаделенной воли по отношению к правовым институтам, к Праву, к Закону, к Конституции. Наличие этих факторов сыграло немаловажную роль в том, что мощь государства обернулась его полным и внезапным развалом.

Впрочем, внезапным этот развал не был. Беловежские соглашения стали заключительным актом в азартной политической игре амбициозных лидеров, ставкой в которой было будущее страны. И только сейчас мы пытаемся осознать всю чудовищную нелепость случившегося, разобраться в причинах катастрофы, окончательные последствия которой нам еще предстоит испытать. И только через четыре года начинаем поражаться тому, как в помраченном сознании миллионов людей могла встремить живой отклик сумасбродная идея "свободы" России от Украины, Белоруссии, Средней Азии и Закавказья, Прибалтики и наоборот, свободы от портов и теплых морей, от природных ресурсов и экономических связей, от единой исторической общности.

Запоздалая, компромиссная, юридически безграмотная, обернувшаяся поражением попытка фракции КП РФ в Государственной Думе признать "утратившим силу" Постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года "О денонсации Договора об образовании СССР" и переломить ситуацию ничего уже не могла изменить. Более того, бурбулисы, шахрай, явлинские и гайдары в очередной раз весьма активно использовали в широкомасштабной пропаганде свой козырь: мол, развал Союза ССР был исторически неизбежным, и только благодаря Беловежским соглашениям Россия стала выбираться из тупика, возвращаться в русло "цивилизации". А поскольку эти соглашения были ратифицированы коммунистами, составлявшими большинство в тогдашних Верховных Советах России, Украины и Белоруссии, то и ответственность за развал Советского Союза, злорадствуют "демократы", лежит не только на лидерах республик, но и в не меньшей степени на коммунистах.

По этим, а также по другим причинам, речь о которых впереди, неясным остался замысел фракции КП РФ в Государственной Думе добиться признания утратившим силу Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года "О денонсации Договора об образовании СССР".

И что же в итоге? Постановление от 15 марта 1996 года вызвало резкую, искусственно обостренную, недекватную реакцию со стороны официальных властей. Им было выгодно в предвыборной борьбе использо-

вать это постановление для шумной компании против КП РФ. Фракция КП РФ явно не ожидала такой реакции и пошла на попятную. Уже через несколько дней в обращении к членам Совета Федерации Федерального Собрания и в других заявлениях поспешили заявить о том, что постановление от 15 марта было вызвано стремлением открыть больший простор для последовательной добровольной интеграции братских народов, что соответствует воле населения России, выраженной на всесоюзном референдуме 17 марта 1991 года. При этом "мы учитывали, — говорилось в Обращении, — что Президент Российской Федерации и исполнительная власть неоднократно делали заявления, в которых также выражалось намерение углублять сотрудничество между государствами СНГ".

Постановление, — пишут далее авторы Обращения, — носит прежде всего политический характер, дает оценку ситуации, сложившейся после развода Советского Союза. Более того, именно постановление Государственной Думы способствовало, — полагают авторы, — заключению четырехстороннего договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях между Россией, Казахстаном, Киргизией и Белоруссией. Правомерность инициативы Думы, — продолжают они, — юридически подтверждена 2 апреля 1996 года заключением полномасштабного Договора об образовании Сообщества между Республикой Белоруссия и Российской Федерацией. Договор включает в себя положение о создании наднациональных органов, имеющих право принимать модельные законодательные акты. Оказывается, события, последовавшие после 15 марта, фактически привели к реализации положений постановления Думы.

На всех уровнях последовали разъяснения, что постановления Государственной Думы не ликвидируют и не могут ликвидировать СНГ, которое в нынешних условиях фактически является реально существующим институтом и который необходимо максимально использовать для углубления интеграционных процессов, и что содержащееся в документах Государственной Думы положение о том, что постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года следует считать утратившим силу, никак не влияет на судьбу государственных органов Российской Федерации, образованных в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Принимая постановление от 15 марта 1996 года, Государственная Дума лишь выразила свою "правовую позицию" по отношению к постановлению Верховного Совета РСФСР "О денонсации Договора об образовании СССР" как противоправному, антиконституционному акту, принятому с грубым нарушением Конституции РСФСР и действующему в то время законодательству.

Возникает в таком случае вопрос: а для чего, собственно говоря, затевался весь сыр-бор? Чтобы выразить правовую позицию? Но как сочетать тогда эту позицию с пунктом 1 Постановления, в котором говорится о признании утратившим силу Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года? Это ведь не правовая позиция, а конкретное правовое действие по отмене правового акта Верховного Совета РСФСР.

Вопрос об отмене Беловежских соглашений стоялся в Государственной Думе еще прежнего созыва, причем неоднократно. Так, в сентябре 1995 года в по-

вестке дня Государственной Думы было предложено внести проект постановления Государственной Думы “О создании парламентской комиссии по изучению обстоятельств подготовки и подписания Беловежских соглашений”. В нем говорилось: “Учитывая, что развитие событий на территории бывшего Союза ССР за истекшие с момента подписания Беловежских соглашений не решило ни единой задачи, поставленной ими, более того, породило крайне негативные последствия — развал экономики на бывшем пространстве Союза, разрушение хозяйственных связей, гражданские войны и другие — Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации постановляет: 1. Создать парламентскую комиссию по изучению обстоятельств подготовки и подписания Беловежских соглашений. 2. Парламентской комиссии представить на рассмотрение Государственной Думы доклад о результатах своей работы к 15 октября 1995 года”. Однако данный проект не набрал требуемого большинства голосов депутатов, хотя положительной его стороной является то, что он, фиксируя крайне негативные последствия подписания Беловежских соглашений, выбивал почву из-под ног “демократов”, считающих развал Советского Союза исторически неизбежным событием и тем самым стремящихся снять с себя ответственность за этот развал.

Известно, что Договор об образовании СССР, который Верховный Совет РСФСР денонсировал 12 декабря 1991 года, не существовал в качестве самостоятельного юридического документа. Первоначальный вариант этого Договора в переработанном виде вошел в Конституцию СССР 1924 года. В 1936 году была принята новая Конституция СССР, с вступлением в силу которой прекратила действовать Конституция 1924 года, включая и Договор об образовании СССР 1922 года. Конституция СССР 1977 года даже не намекала на этот Союзный Договор. Таким образом, Постановлением Верховного Совета от 12 декабря 1991 года был денонсирован документ, который давно уже утратил свою юридическую силу и в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 1969 года вообще не подлежал денонсации.

Чем же тогда объяснить такой шаг? Ведь был более прямой, эффективный с популистской точки зрения и юридически сильный ход — поставить на обсуждение Государственной Думы вопрос о признании антиконституционными сами Беловежские соглашения. И, не ставя вопроса об отмене этих соглашений (бессмысличество такой постановки с точки зрения здравого смысла очевидна), но опираясь на негативные последствия принятия этих соглашений, перевести проблему в плоскость юридической ответственности за свои действия тех, кто готовил и подписывал документы в Беловежской пуще. И рассмотреть вопрос еще шире — кто сделал возможным сам факт их подписания. Тем более, что такой альтернативный вариант постановления был внесен на рассмотрение Государственной Думы 15 марта 1996 года.

Настойчивые попытки части депутатов Государственной Думы преодолеть сопротивление “демократов” и включить в повестку дня ее работы вопрос о денонсации беловежских соглашений повысили интерес к правовым основам этих соглашений.

Некоторые юристы из числа “демократов” пытались доказать конституционность беловежских соглашений. Их доводы сводились к следующему.

Первый. Бывшие союзные республики были суверенными государствами и имели право свободного выхода из состава СССР. Такое право, по логике этих

юристов, могло быть реализовано в одностороннем порядке. А раз так, то Закон СССР от 3 апреля 1991 года “О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР”, в соответствии с которым решения по этому вопросу должны были приниматься союзными органами власти, был антиконституционным и ни к чему не обязывал.

Действительно, статья 72 Конституции 1977 года сохраняла за каждой союзной республикой право свободного выхода из СССР. Но порядок решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР, устанавливался (и это подчеркивалось в статье 1 Закона от 3 апреля 1991 года) в соответствии со статьей 72 Конституции СССР. Речь шла лишь о конкретных правовых механизмах реализации права свободного выхода из Союза ССР. Решение о выходе союзной республики из СССР должно было приниматься свободным волеизъявлением народов союзной республики, в частности, путем референдума на ее территории. При этом — решение о проведении референдума принималось Верховным Советом союзной республики по собственной инициативе. И если референдум был проведен в соответствии с законом, Верховный Совет СССР был обязан внести вопрос на рассмотрение Съезда народных депутатов СССР для установления переходного периода в целях обеспечения прав и интересов Союза ССР, выходящей республики и других союзных республик.

В чем же тогда антиконституционность Закона от 3 апреля 1991 года, определяющего только демократическую процедуру выхода союзной республики из состава СССР? И почему он не должен был ни к чему обязывать?

Второй довод. Право союзных республик на отделение от Союза ССР соответствовало якобы международным актам о праве наций на самоопределение. Явная ложь. Право наций на самоопределение вплоть до отделения в СССР было уникальным правом в мировой конституционной практике и теории и закреплялось только в Конституции СССР и союзных республик. К сожалению, это право было использовано теми, кто поставил задачу разрушить Союз ССР путем “мирного” разрыва единой государственной системы.

И третье утверждение: Беловежские соглашения носят международно-правовой характер. Делается такой вывод с определенной целью доказать, что денонсация этого соглашения в одностороннем порядке только Россией станет нарушением международного договора. И этот вывод безграмотен в своей основе. Хотя Белоруссия, Российская Федерация и Украина назывались, в каждом пункте соглашения о создании СНГ, именовали себя “Высокие Договаривающиеся Стороны”, содержание Соглашения не имеет ничего общего с международным договором. Оно касается в основном вопросов внутреннего устройства в некоем диковинном государственном образовании, каким являлось с самого начала так называемое “Содружество”.

Правда, статья 11 Соглашения гласила, что с момента его подписания на территории подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР. Но в постановлении Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года данный пункт, как абсолютно невежественный, был изложен в другой редакции: нормы бывшего Союза ССР применяются в части, не противоречащей Конституции и законодательству РСФСР.

Был создан (несколько позже, на совещании в Алма-Ате 23 декабря 1991 года) высший орган содру-

жества — Совет глав государств, а также Совет глав правительства. На Совете глав государств 30 декабря 1991 года “полномочными представительствами” “содружества” были внесены предложения об упразднении структур бывшего Союза ССР. Они еще, оказывается, существовали на момент подписания “международного договора” (Верховный Совет СРСР, Президент СССР и др.).

Этот и другие юридические доводы защитников Беловежских соглашений не стоило бы вообще рассматривать, если бы не стремление тех, кто несет ответственность за развал Союза ССР, во что бы то ни стало оправдать себя. Одно дело, когда совершенные антиконституционные действия могут быть “оправданы” позитивными результатами, а другое — когда они повлекли за собой тяжелые негативные политические, экономические, социальные последствия для страны и когда речь уже идет об ответственности конкретных лиц за сознательный развал СССР, которую не скроешь за демагогическими суждениями об “историческойineизбежности” этого развода.

Важно поэтому изучить все последствия подписания Беловежских соглашений. Четыре с лишним года дают обширный материал для такого анализа и изучения. Не претендую на полноту этого анализа, остановимся только на некоторых, в основном, юридических аспектах этой проблемы.

Юридическое содержание понятия “Содружество Независимых Государств” все еще остается туманным. Правда, в ст. 7 Соглашения о создании СНГ, подписанного 8 декабря 1991 г., под “Содружеством” понималась совместная деятельность “Высоких Договаривающихся Сторон”, реализуемая на равноправной основе через общие координирующие институты Содружества. Были определены и общие для всех государств Содружества направления правового регулирования — координация внешнеполитической деятельности; сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, систем транспорта, связи и другие.

Согласно Уставу СНГ содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями. Сфера совместной деятельности реализуются через общие координирующие институты. Решения Совета глав государств и Совета глав правительства принимаются с общего согласия — консенсусом.

Нет оснований, следовательно, относить СНГ к межгосударственным объединениям, в которых Российская Федерация может участвовать в соответствии со статьей 79 Конституции Российской Федерации. Дело в том, что данная статья предусматривает возможность передачи этим объединениям части полномочий Российской Федерации (под полномочиями имеются в виду государственные полномочия).

Координирующие, консультативные и рекомендательные органы СНГ не обладают, однако, такими полномочиями. И не случайно мифы о “совместной деятельности” через “координирующие институты” быстро рухнули, когда дело дошло до разработки конкретных правовых механизмов сотрудничества. Независимость, суверенитет государства в понимании некоторых руководителей государств-членов СНГ, означали только одно — их личную свободу от всяких обязательств. Даже механизмы экономического сотрудничества в рамках “содружества” воспринимались ими как возврат к “имперскому диктату” и “державному центру”. В результате общее “экономическое пространство” не только не получило дальнейшего развития, но и стало, напротив, ускоренно разрушаться, распа-

лось фактически и единое правовое пространство. Государства-члены Содружества стали нагромождать барьеры во взаимоотношениях между собой, самостоятельно определяли, какие и с кем заключать двусторонние соглашения по отдельным вопросам.

Примитивное отождествление межгосударственных координирующих механизмов с нарушением суверенитета независимого государства давно уже опровергнуты мировой практикой создания и функционирования межгосударственных организаций. В частности, Европейское сообщество выработало взаимоприемлемую для всех сторон форму государственного образования, в котором успешно функционируют такие органы, как Европейский Парламент, Совет Министров. Эти органы выступают как наднациональные государственные образования, что не влечет за собой, с точки зрения государств-членов сообщества, утраты или ущемления их суверенитета. Интересно отметить, что органы европейского сообщества принимают решения даже не консенсусом, а квалифицированным большинством. Нормативные акты, подписанные органами сообщества, воспринимаются его членами как обязательные для исполнения.

Государства-члены Содружества, и в первую очередь Украина, взяли курс на ускоренное обособление “своей” экономики и формирование “своей системы управления этой экономикой”. Анализ двусторонних соглашений, подписанных Россией с государствами “Содружества”, показывает, что по отношению к ней сохранился прежний подход как к поставщику по низким ценам топливно-сырьевых ресурсов, товаров народного потребления и т.д., к рынку сбыта своей, как правило, неконкурентоспособной на мировом рынке готовой продукции. Многие руководители этих государств продолжали рассматривать Россию как донора, который должен помочь им выбраться из тяжелого экономического кризиса.

Попытки коллективного регулирования экономических связей стран-членов СНГ остались, как и следовало ожидать, декларациями о намерениях. Такое регулирование было невозможно без полномочных и постоянно функционирующих межгосударственных органов. В тех же случаях, когда органы создавались, они были не в состоянии предотвратить распад хозяйственных и других связей между странами-членами СНГ, прогрессирующий развал экономики. Попытки же возложить координирующие функции на федеральные органы Российской Федерации порождали подозрения и недоверие.

Договор о создании Экономического союза, подписанный 24 сентября 1993 года главами девяти государств, не имел прямого действия и требовал для практической реализации заключения многочисленных соглашений (о платежном союзе, о координации политики в области цен и налогов, о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности и др.).

Межреспубликанские двусторонние договоры практически полностью игнорировали факт вхождения республики в состав СССР. В этих договорах республиканские руководители, именовавшие себя Высокими Договаривающимися Сторонами, открыто объявили о своем стремлении стать полноправными субъектами международного права, заявляли о себе как о сторонах развития европейского и евроазиатского рынков, приверженцах соблюдения норм международного права. Такие договоры стали заключаться Россией уже с сентября 1990 года с Молдавией, Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Республиками Прибалтики. Именно эти договоры в конечном итоге и привели к декаб-

рю 1991 года. Совсем не случайно при заключении Соглашения о создании СНГ указывалось, что отношения между подписавшими Соглашение республиками строятся и будут строиться на основе норм международного права, на базе уже заключенных двусторонних договоров.

В чем основная причина срыва самих Беловежских соглашений?

В многочисленных Соглашениях и протоколах, подписанных в Минске и Алма-Ате, ни слова не говорилось о судьбе собственности Союза ССР на территории стран-членов СНГ. И это не случайно. Общесоюзная собственность была объявлена еще ранее, в ходе принятия союзными республиками Деклараций о независимости и государственном суверенитете, собственностью этих республик. "Содружество" их стало идеальной организационно-правовой формой, закрепляющей антиконституционный раздел имущества Союза ССР. Экономические интересы националистических мафиозных и корумпированных структур стали основной причиной как раз渲ала Союза, так и срыва Беловежских соглашений.

С целью уйти от ответственности за катастрофические последствия разграбления общесоюзной собственности в ход и пустили мифы о неизбежности раз渲ала "тоталитарного" государства, "имперского центра". Одновременно стали рассуждать о воссоздании некой "новой" государственности. Были сделаны попытки наладить экономическое сотрудничество, в частности, были подготовлены (к концу 1991 года) Положения об Арбитражном сообществе, о Банковском союзе, об урегулировании прав собственности в Экономическом сообществе, согласованной политике в области налогов, бюджете сообщества, разделении и юридическом переоформлении государственного долга Союза ССР и др. Но последующие события показали, что у руководителей новоявленных суверенных государств не было никакого желания заниматься "общим экономическим пространством". Собственность была поделена, все внимание переключалось на передел власти.

Еще накануне подписания беловежских соглашений — в конце ноября 1991 года — на закрытом заседании депутатов Верховного Совета СССР, представляющих Россию, Г.Бурбулис и Е.Гайдар призвали их блокировать утверждение на заседании Верховного Совета СССР чрезвычайного бюджета последних трех месяцев 1991 года до той поры, пока он не будет обсужден в российском парламенте. Более того: Е.Гайдар заявил, что если Верховный Совет СССР одобрят бюджет, Правительство России обратится в Верховный Совет РСФСР с требованием отозвать из союзного парламента российскую депутатацию. Судьба Верховного Совета СССР была предрешена. С 1 декабря 1991 года Министерство финансов СССР перешло под юрисдикцию России, союзный бюджет так и не был утвержден.

Разумеется, Г.Бурбулис и Е.Гайдар были лишь послушными марионетками в руках определенных кругов, а последние — орудием более мощных сил. 9 декабря 1991 года на пресс-конференции Государственный секретарь РСФСР Г.Бурбулис заявил, что идея создания содружества независимых государств родилась в ходе дискуссий в Беловежской пуще. Но он явно преувеличивал свои способности. Еще 3 сентября 1991 года "Независимая газета" опубликовала заявление, подписанное Афанасьевым Ю., Баткиным Л., Батлером В., Боннэр Е., Буртиным Ю., Ивановым Вяч.Вс., Тимофеевым Л. В нем говорилось: "Мы, российские демократы, хотим воссоздания после раз渲ала СССР

содружества республик, и путь к этому лежит только через безсловный мирный распуск СССР" (в качестве "особого мнения" Е.Боннэр сделала в конце заявления приписку, в которой она настаивала на немедленном предоставлении автономиям права на свободный выход из РСФСР; Е.Боннэр подкидывала господам бурбулисам, козыревым, шахрайм и гайдарам еще одну "идею" — идею мирного разрушения не только СССР, но и России). Авторы указанного заявления выступали даже против идеи конфедерации, которая, с их точки зрения, вряд ли получит со стороны союзных республик поддержку.

За этим первым эшелоном наступали "политологи" и социологи калибром помельче. В этом же номере "Независимой газеты" политолог Андраник Мигранян в статье "Почему опасно сохранить старый центр?" ратовал за распуск "империи", "вычленение" демократической России из имперских структур, пугал "широкомасштабными столкновениями" между республиками в случае сохранения союзного центра, требовал "решительного перемещения" армии, КГБ и МВД под контроль российского руководства.

Ничего хорошего из всех этих безграмотных, цинично подрывных действий против Союза ССР получиться не могло. В лице "содружества государств" возникло незаконное, уродливое и искусственное образование. Но результат — раз渲ал Союза — был достигнут.

Приверженцами "демократии" и "уважения к закону" были допущены грубейшие нарушения Конституции СССР. Без предварительного изменения Конституции СССР ни один орган РСФСР, а тем более должностное лицо не имели права подписывать какой-либо документ о прекращении действия Договора об образовании СССР. Да и сам этот Договор, как уже говорилось, был поглощен принятыми после него Конституциями СССР и давно уже утратил самостоятельное значение.

Верховный Совет РСФСР не имел права денонсировать Договор об образовании Союза ССР. Договор 1922 года об образовании СССР вообще не предусматривал его денонсации республиками, входившими в его состав. Утверждение, изменение и дополнение Союзного договора подлежали исключительному ведению Съезда Советов СССР.

Верховный Совет РСФСР, ратифицируя Беловежские соглашения, превысил свои полномочия и, вопреки ст.104 Конституции РСФСР, рассмотрел и решил вопросы, относящиеся к компетенции Съезда народных депутатов РСФСР. В общей же сложности Верховный Совет РСФСР нарушил более 30 статей действовавший в то время Конституции РСФСР, в которых содержалось упоминание Союза ССР или его органов. Более того, 21 апреля 1992 года Съезд народных депутатов РСФСР в статьях 4, 7, 30 Конституции РСФСР подтвердил, что на территории РСФСР действуют Конституция и законы СССР, а сама Российская Федерация является частью Союза ССР.

Сторонники сохранения СНГ призывают воздерживаться от действий, направленных на денонсацию Беловежских соглашений, пугая прямым ущербом от такой денонсации долговременным интересам "постсоветских" государств, процессу интеграции всего "постсоветского пространства". Разумеется, бессмысленно призывать к возвращению страны в состояние, в котором она была в декабре 1991 года. Но и дальнейшее развитие "содружества" на основе принципов, заложенных Беловежскими соглашением, невозможно по причине губительности этих принципов для стран — членов СНГ.

Вывод может быть только один: дело идет не об отмене Беловежских соглашений, а о признании их антиконституционными с последующей оценкой действий всех тех, кто участвовал в подготовке и подписании этих соглашений. В зависимости от правовой и политической оценки действий соответствующих конкретных лиц и должна быть определена степень их ответственности.

Должна быть выявлена вина не только тех, кто непосредственно участвовал в подготовке и подписании Беловежских соглашений, но и тех, кто фактически уже разрушил Союз к моменту их подписания. Разрушение СССР началось принятием в июне 1990 года Декларации о суверенитете Российской Федерации. Она закрепила приоритет республиканских законов над законами Союза ССР, открыв тем самым легальную возможность борьбы с союзовым центром. В октябре 1990 года в России принимается Закон "О действиях актов Союза ССР на территории РСФСР". Им устанавливались наказания для граждан и должностных лиц, которые посмеют исполнять союзные законы, не ратифицированные Россией. Правонарушением объявлялось соблюдение законов! А как среагировал М.Горбачев? Ответ был один: надо искать компромисс, предупреждать об ответственности.

Началом официального конца Союза следует считать дату 22 ноября 1990 года, когда Президент СССР Горбачев М.С. направил подготовленный проект Союзного договора Верховным Советам союзных и автономных республик. Именно с этого времени союзные структуры оказались связанными теми положениями, которые были заложены в проекте, и которые предполагали формирование нового союзного государства снизу вверх, а не реформирование уже существующего союзного государства. И главное было не в существовании особого положения отдельных республик, а в демонстрации возможности решать проблемы собственности, бюджета, налогов, гражданства, суверенитета и других вопросов снизу, самими республиками.

Чувствуя, что у союзных представительных органов поддержки не получить, Горбачев начинает действовать единолично, в обход Парламента и вопреки его воле. В апреле 1991 года созывается так называемое Ново-Огаревское совещание глав республик, которое полностью извращает результаты Всенародного референдума 17 марта 1991 года. Ново-Огаревский проект Союзного договора предусматривает превращение союзного государства в союз государств, хотя "союзное государство" и "союз государств" — вещи принципиально разные: в первом речь идет о единой федерации, во втором — об аморфной конфедерации. По сути дела это был проект ликвидации Союза ССР.

29 июля 1991 года в Ново-Огареве состоялась секретная встреча Горбачева, Ельцина и Назарбаева. На ней практически была решена судьба Союза, его высших органов власти и управления. Понимая, что проект Договора в последней редакции может не получить поддержки в Верховном Совете СССР и на Съезде народных депутатов СССР, три президента договорились начать подписание Договора не в сентябре-октябре, как это было условлено раньше, а 20 августа 1991 года.

В обмен на такую договоренность Горбачев согласился с требованием Ельцина о включении в проект союзного Договора формулировки об одноканальной системе поступления средств в бюджет республики, и взял на себя обязательство подписать указ о переводе под юрисдикцию России всех предприятий союзного значения, расположенных на ее территории. Тем самым была сознательно подорвана самостоятельная ма-

териальная база существования государства, закрепленная в Конституции СССР.

Фактическое отстранение высших органов власти и управления СССР от решения коренных вопросов союзного государства вынудило Верховный Совет СССР принять 22 мая 1991 года постановление, требующее привести проект Договора в соответствие с итогами референдума. 12 июля 1991 года на сессии Верховного Совета создается полномочная союзная делегация. Верховный Совет обязал ее добиться отражения в проекте Договора "наличия в СССР единого экономического пространства, единой банковской системы и функционирования как федеративного государства".

5 сентября 1991 года М.Горбачев подписал Закон СССР "Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходной период". Согласно Закону, высшие органы государственной власти союзных республик могли теперь приостановить на территории республик действие законов, принимаемых Верховным Советом СССР, в случае их противоречия Конституции союзной республики. Положения Конституции СССР действовали теперь только в части, не противоречащей названному Закону. Изменения Конституции СССР, принятые Верховным Советом СССР, вступали в действие после их ратификации высшими законодательными органами всех союзных республик. Все эти правовые нормы наносили разрушительные удары по основам Конституции СССР. Но Горбачев не унимается.

6 сентября 1991 года он подписывает постановление Государственного Совета о признании независимости Латвии, Литвы и Эстонии, что было грубейшим нарушением Конституции СССР и Союзного закона "О порядке решения вопросов, связанных с выходом республики из СССР". Это был уже по существу реальный государственный переворот, прямое посягательство на конституционный строй, территориальную целостность, безопасность и обороноспособность страны.

Кульминацией этого переворота и стал беловежский створ. Недаром его участники тайно сошлись недалеко от польской границы. Они с тревогой ждали, как поступит Горбачев. Он оставался Верховным главнокомандующим, и было достаточно одного его слова, чтобы пресечь антиконституционную деятельность заговорщиков. Но Горбачев оставался верен себе до конца.

К развалу страны привела не историческая неизбежность распада "империи", а патологический страх М.Горбачева потерять власть. Своей беспрерывной болтовней об обновлении Союза, бесконечными уступками в процессе подготовки все новых и новых проектов Союзного договора он подорвал доверие к Союзу ССР, к Конституции СССР, к союзовым структурам власти. А это, в свою очередь, породило сначала "войну" законов, а затем и безнаказанное принятие союзными республиками антиконституционных деклараций о независимости и государственном суверенитете.

Никакой исторической неизбежности в развале страны не было. Не могло быть исторически неизбежным то, что не только не решило ни единой проблемы, но и породило сотни новых (развал экономики на всем бывшем пространстве Союза, разрушение хозяйственных связей, миллионы беженцев, гражданские войны, тысячи убитых и т.д.). Только циничный недоброжелатель может расценивать их как прогрессивное движение вперед.

Для разрушения Союза ССР не было, таким образом, никаких объективных предпосылок. Его разрушили не народы, не трудящиеся разных национальностей. Советский Союз был развален в результате ожесточенной борьбы за власть безответственных политиков.

Закончилась ли "холодная война"?

Г.М.Корниенко

Ответить на этот вопрос, я думаю, не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Как свидетельствуют факты, первые проблески понимания опасностей, сопряженных с "холодной войной", и желания повернуть развитие событий в обратную сторону появились давно, еще тогда, когда она только набирала силу.

На советской стороне Сталин в 1951 году вспомнил о ленинском принципе мирного сосуществования государств с разным социальным строем. Сталин заявил во всеуслышание (в интервью американскому журналисту Кингсбери Смиту) о готовности строить отношения СССР с Западом на основе этого принципа. Практическим проявлением этой готовности при Сталине был созыв в 1952 году в Москве Международного экономического совещания.

На американской стороне признаки понимания пагубности "холодной войны" наблюдались уже у Эйзенхауэра. Даже такой рыцарь "холодной войны", как Джон Фостер Даллес, к концу своих дней стал осознавать реальную опасность ее перерастания в настоящую в случае продолжения бесконтрольной гонки вооружения.

Существенно возросло это понимание на обеих сторонах после берлинского кризиса 1961 года. За этим последовали и некоторые практические шаги по притормаживанию гонки вооружений. Однако они не приобрели необходимой последовательности и масштабности.

В ту пору, пожалуй, не было еще соответствующих условий для того, чтобы возникшее на интеллектуальном уровне общее понимание опасностей, которыми была чревата "холодная война", материализировалось в готовности обеих сторон искать практические пути к ее прекращению на основе равенства. Слишком большой была тогда разница в мощи США и СССР. Отсюда — готовность США искать только такой модус vivendi в отношениях с СССР, при котором у США сохранялся бы многократный перевес сил. А это, естественно, не могло быть приемлемым для СССР.

Качественно новая в этом отношении ситуация, более многообещающая, начала складываться к концу 60-х годов, когда стал вырисовываться примерный ядерный паритет между США и СССР. Поскольку складывающийся паритет сил делал возможным перерастание "холодной войны" в ядерную, причем в одинаковой степени опасную для обеих сторон, возникла и их одинаковая заинтересованность в исключении такой возможности и, соответственно, в поисках практических путей свертывания "холодной войны" на взаимоприемлемой основе.

Иными словами, то, что раньше считалось тео-

ретически предпочтительным, теперь становилось настоящей необходимостью для обеих сторон. Отсюда и важные практические результаты совместных усилий СССР и США в начале 70-х годов: принятие своего рода кодекса мирного сосуществования в виде "Основ взаимоотношений между СССР и США", заключение бессрочного договора о взаимном отказе СССР и США от создания систем противоракетной обороны и временного соглашения о первых шагах по ограничению стратегических наступательных вооружений.

По моему убеждению, это был переломный момент, когда открылась реальная возможность для постепенного прекращения "холодной войны" и перестройки международных отношений на иных началах. В силу ряда причин начавшийся тогда процесс свертывания "холодной войны" был неровным, прерывистым, с нередкими новыми ее вспышками и обострениями (Ангола, Эфиопия, Афганистан, южнокорейский самолет — это лишь некоторые наиболее яркие эпизоды). Но поскольку фундаментальный фактор, породивший в начале 70-х годов необходимость прекращения "холодной войны", сохранился, то процесс ее свертывания в целом продолжался, хотя и с перебоями.

Даже Рейган, пришедший к власти в 1980 году под лозунгом бескомпромиссной борьбы с "империей зла" в лице Советского Союза, уже к концу своего первого президентского срока в 1984 году осознал объективную необходимость поиска компромисса в отношениях с Советским Союзом и, соответственно, необходимость приступить к переговорам с целью прекращения гонки вооружений на Земле и недопущения ее в космосе. Конкретная договоренность между СССР и США на этот счет как и насчет того, что конечной целью их совместных усилий должна быть полная ликвидация ядерного оружия, была зафиксирована при встрече министров иностранных дел двух стран в январе 1985 года, то есть еще до смены руководства в СССР.

Приход вскоре к власти в СССР Горбачева поначалу, казалось, существенно улучшил перспективы продвижения по пути прекращения "холодной войны" на взаимоприемлемых условиях, без победителей и побежденных.

Рациональное зерно провозглашенного Горбачевым "нового мышления" в международных делах, если его очистить от словесной шелухи, фактически заключается в возвращении к тем постулатам и принципам международных отношений, которые были заложены в Уставе Организации Объединенных Наций при ее создании, но оказались, к сожалению, нереализованными из-за начавшейся вскоре "холодной войны". Попросту говоря, в данном случае подтвердилась истина, гласящая, что все новое —

Заключительная глава из книги "Холодная война": свидетельство ее участника. — М.: Международные отношения, 1994. — 276 с.

это хорошо забытое старое. Тот факт, что истинно новое мышление в международных делах возникло вовсе не в 1985 году, а на сорок лет раньше, в свое время признал и такой сподвижник Горбачева, как Шеварднадзе. “Уже в самом факте создания ООН, — резонно заявил он в 1987 году, — был заключен зародыш нового политического мышления. Уже тогда его принципы вылились в статьи Устава ООН, безусловно одного из величайших нормативных актов всех времен и народов... По существу, все послевоенные десятилетия есть не что иное, как история борьбы косных политических воззрений с народившимся в муках войны новым политическим мышлением”. (Вестник МИД СССР. — 1987. — №5. — С.17).

Однако, к большой нашей беде, “новое мышление” в редакции Горбачева — Шеварднадзе (как и “перестройка” в наших внутренних делах) очень скоро стало превращаться в концептуальном плане в нечто, лишенное всякой логики, а в практическом — в фактическое предательство государственных интересов Советского Союза на завершающем этапе “холодной войны”, что серьезно исказило к односторонней выгоде Запада ход этого этапа и во многом извратило ее общий итог.

Увлеквшись рассуждениями о примате общечеловеческих ценностей и интересов, Горбачев и Шеварднадзе перестали видеть и принимать в расчет все другие интересы, в том числе и прежде всего национальные. Выдавая желаемое за действительное, они повели себя так, будто весь мир, за исключением нас (и уж, во всяком случае, Запад), живет по общечеловеческим заповедям.

Вытекавшая из этой иллюзии их поразительная покладистость, мягко говоря, при решении практических вопросов, в том числе затрагивающих коренные интересы Советского государства, была “по достоинству” оценена в Вашингтоне. Государственный секретарь США Бейкер после первой же встречи с Шеварднадзе говорил своим коллегам, что “советский министр казался почти “просителем” и “Советы нуждаются лишь в небольшом поощрении, чтобы вести дела по существу на западных условиях”. (Beschloss M. and Talbot S. At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War. — Boston, 1993. — P.45). И неудивительно поэтому, что тот же Бейкер, не соглашаясь с мнением Тетчер о необходимости в порядке поддержки Горбачева “встретить его на полпути”, цинично заявил своему британскому коллеге Хау: “Он идет по пути к нам. Так пусть же идет и дальше”. (*Ibid.* — P.31). Это были не только словесные упражнения Бейкера. В официальном документе Совета национальной безопасности США от 13 марта 1989г. было тоже зафиксировано, что американская политика должна быть нацелена на то, чтобы не “помогать” Горбачеву, а обращаться с Советским Союзом так, чтобы “толкать его в желательном для нас направлении” (*Ibid.* — P. 44).

В практическом плане пагубность для интересов Советского Союза проводившейся Горбачевым и Шеварднадзе линии во внешних делах наиболее ярко проявилась в том, как решались вопросы разоружения, как произошло объединение Германии и какой карт-бланш был дан Соединенным Штатам для действий в “третьем мире”.

В области разоружения помимо истории с раке-

той “Ока” не менее нелепо выглядит линия Горбачева и Шеварднадзе и в истории с Красноярской РЛС. А было это так: в соответствии с Договором по ПРО от 1972 года радиолокационные станции системы предупреждения о ракетном нападении (РЛС СПРН) могли развертываться каждой стороной по периферии ее национальной территории с ориентацией антенн вовне. С этой точки зрения размещение указанной РЛС в районе Красноярска (а не, скажем, в районе Норильска), если бы ее строительство было завершено и она была бы задействована, действительно явилось бы нарушением Договора по ПРО, независимо от того, что она не могла быть использована в целях ПРО. При принятии в 1979 году этого опрометчивого решения руководство страны исходило из соображений экономии средств на ее строительство и эксплуатацию, проигнорировав при этом предостережения специалистов насчет международно-правовых последствий такого шага. Одним из важных аргументов сторонников принятия такого решения было и то, что США тоже действовали в нарушение Договора по ПРО, развертывая аналогичные РЛС СПРН в Гренландии и Великобритании, то есть вне своей национальной территории. В этой связи между представителями военных ведомств СССР и США на переговорах по ограничению стратегических вооружений в Женеве было даже достигнуто сугубо неофициальное, джентельменское взаимопонимание “закрыть глаза” на эти об юдные формально-юридические нарушения Договора по ПРО, как не затрагивающие его сути.

Оставляя в стороне вопрос о том, было ли разумно в свое время принимать решение о строительстве Красноярской РЛС, основываясь на столь зыбкой почве, несомненным представляется то, что когда США стали возражать против строительства Красноярской РЛС, решать вопрос о ее судьбе необходимо было только в совокупности с вопросом о судьбе аналогичных американских РЛС в Гренландии и Великобритании, первая из которых уже вступила в строй.

При достаточной настойчивости с нашей стороны, думается, можно было найти такое решение этой двуединой проблемы, которое позволило бы сторонам получить уверенность в том, что все упомянутые РЛС не будут иметь потенциала, несовместимого с целями Договора по ПРО, и будут действовать исключительно в интересах системы предупреждения о ракетном нападении. Основанием рассчитывать на возможность взаимоприемлемого решения служило то, что при отсутствии агрессивных намерений каждая сторона была объективно заинтересована в том, чтобы у другой стороны была максимально эффективно действующая система предупреждения о ракетном нападении. В противном случае существенно повышалась бы возможность возникновения неясных ситуаций, способных спровоцировать одну из сторон на опрометчивые действия с тяжелыми последствиями для обеих... Именно этим грозит отсутствие Красноярской РЛС, предназначавшейся для “просматривания” северо-восточного сектора, не перекрываемого другими нашими РЛС.

Однако в поисках наиболее легкого решения Горбачев и Шеварднадзе опять-таки просто пожертвовали Красноярской РЛС, пообещав демонтировать ее и не обусловив этого аналогичными действиями США

в отношении их РЛС в Гренландии и Великобритании.

В Вашингтоне так привыкли к односторонним уступкам советских руководителей в вопросах разоружения, что когда перед одним из приездов Шеварднадзе в США кое у кого там возник вопрос, не стоит ли пойти на некоторые компромиссы ради завершения работы над Договором СНВ-1, Бейкер решительно воспротивился этому. “Он, — писали известные американские политологи Бешлосс и Тэлбот, — надеялся, что Договор СНВ-1 может быть подписан без каких-либо серьезных компромиссов со стороны США. Он указал на то, что на все недавние встречи Советы прибывали со своими собственными уступками в области контроля над вооружениями, — так почему не позволить им сделать то же самое снова? Бейкер оказался прав. Когда Шеварднадзе приземлился в Вашингтоне для встречи в Белом доме с Бушем, он привез девяностстраничное письмо Горбачева, свидетельствовавшее о готовности Советов сделать новые уступки”. (*Ibid.* — Р.117).

Неудивительно поэтому, что Договор СНВ-1 получился, во всяком случае чисто с военной точки зрения, более выгодным для США, чем для СССР. А главное — он оказался фактически оторванным от проблемы соблюдения сторонами Договора по ПРО. Горбачев и Шеварднадзе не добились включения соответствующей увязки в текст Договора СНВ-1; более того, при его подписании не было даже сделано, как первоначально намечалось, нашего одностороннего заявления на высшем уровне о том, что в случае выхода США из Договора по ПРО или серьезного нарушения ими этого договора, СССР будет считать себя свободным от обязательств по Договору СНВ-1. Дело ограничилось тем, что подобное заявление было сделано лишь на уровне рабочей делегации, причем в довольно слабой форме.

Весьма меткая суммарная оценка линии поведения Шеварднадзе в вопросах разоружения была дана газетой “Нью-Йорк таймс” вскоре после его ухода в декабре 1990 года с поста министра иностранных дел. “Американские переговорщики, — писала газета, — признают, что их избаловали в те дни, когда очень успешный г-н Шеварднадзе был министром иностранных дел и каждый спорный вопрос, похоже, решался так, что Советы уступали 80%, а американцы — 20”. (*The New York Times*. — 1991. — March 31). На деле, как мы видели, были случаи, когда это соотношение доходило и до 100:0.

Пагубность такой бесхребетной линии в вопросах разоружения заключалась в том, что она не только приводила к неоправданным перекосам в решении конкретных вопросов в ущерб интересам СССР, но и деформировала саму основу равенства, которая была создана усилиями советского народа и позволяла закончить “холодную войну” достойно, к обоюдной выгоде сторон.

Это же можно сказать и о том, как произошло объединение двух германских государств — ФРГ и ГДР, или, точнее говоря, включение второго в состав первого, что юридически состоялось 3 октября 1990 года.

Я не ставил и не ставлю под сомнение право немецкого народа жить в едином государстве, если такова его воля. Это так или иначе должно было когда-

то произойти. Но Советское государство имело и исторические, и моральные, и международно-правовые основания сказать свое весомое слово в том, что касается путей объединения двух германских государств и военно-политического статуса объединенной Германии. Это его право применительно к Германии вытекало не только из Потсдамских соглашений, но и из ст.107 Устава ООН. Была здесь определенная почва и для политического взаимодействия СССР с Англией и Францией в плане более полного учета законных интересов трех стран при объединении Германии.

К несчастью, когда к концу 1989 года этот вопрос встал в повестку дня международной жизни, Горбачев и Шеварднадзе оказались абсолютно неспособными правильно оценить складывающуюся ситуацию, своевременно разработать с помощью профессионалов и последовательно осуществлять нашу линию в германских делах. У Горбачева не было позиции по Германии ни при встрече с Миттераном в ноябре 1989 года в Киеве, куда тот прилетел специально обсудить этот вопрос, ни при встрече с Бушем в декабре 1989 года на Мальте. В изложении Горбачева советская позиция по вопросу объединения Германии в ту пору сводилась к общим фразам насчет того, что при этом должны учитываться интересы безопасности других государств. Каким образом они должны учитываться, не расшифровывалось. Не говорилось, что вхождение объединенной Германии в НАТО было несовместимо с интересами Советского Союза.

И уж совсем непростительно, что даже к встрече с канцлером ФРГ Колем в начале февраля 1990 года в Москве у Горбачева все еще не было четко разработанной и коллективно одобренной советским руководством позиции на этот счет. Буквально накануне переговоров с Колем, намеченных на 10 февраля, Горбачев в беседе с находившимся в Москве госсекретарем США Бейкером сам сказал ему, что он еще только собирался провести “семинар” по Германии в поисках идей для решения этой проблемы. Улетая из Москвы, Бейкер оставил в посольстве ФРГ для Коля письмо, в котором сориентировал его, сообщив об отсутствии у советского руководителя позиции по германским делам.

В беседе с Колем Горбачев стал импровизировать, причем, к удивлению самого Коля, из этих импровизаций вытекало, как напишет потом в своей книге помощник канцлера Тельчик, что “канцлер может взять дело объединения Германии в свои собственные руки”. И далее: “Моя рука встрепенулась, чтобы точно записать каждое слово, ничего не пропустить и не упустить, что было существенно или могло привести к недопониманию. Внутри все ликовало. Это прорыв! Триумф для Коля, который войдет в историю как канцлер германского единства”. (*Правда*. — 1993.— 7 июля).

Будучи вдохновлен таким поворотом в разговоре, Коль решил ковать железо, пока оно горячо, — он спросил Горбачева и Шеварднадзе, как они отнесутся к вхождению объединенной Германии в НАТО. И его окончательно воодушевило то, что он не услышал от них ясного отрицательного ответа — они отделались туманными, двусмысленными рассуждениями.

После этого — и только после этого — при встрече

Буша и Коля 24-25 февраля 1990 г. в Вашингтоне им было решено твердо настаивать на полноправном вхождении объединенной Германии в НАТО. Об этом откровенно скажет Буш: “Пять месяцев назад, в феврале, канцлер Коль и я пришли к единому мнению относительно того, что объединенной Германии следует сохранить полное членство в Организации Североатлантического договора, включая ее военную структуру”. (Цит. по: За рубежом. — 1990. — №30. — С. 3).

Между тем, до визита Коля в Москву, руководство США, как и руководство ФРГ, “не исключало возможности того, что Германия сможет, в конечном счете, иметь несколько более аморфные связи с Североатлантическим союзом, чем полное членство, возможно, по примеру Франции, которая связана с НАТО политически, но не в военном плане”. (Beschloss M. and Talbot S. Opt.cit. — Р.185).

Однако даже такая реально существовавшая, как мы видим, возможность была упущена нашими тогдашними руководителями. Только в марте 1990 года, то есть после того, как западные державы, видя бесхребетность советского руководителя, утвердились в своей решимости включить объединенную Германию в НАТО, из Москвы стали исходить заявления о неприемлемости этого для Советского Союза. И только 14 марта была изложена в форме Заявления МИД СССР более или менее разработанная советская концепция по вопросам, связанным с объединением Германии.

Но было слишком поздно, тем более, что после состоявшихся 18 марта выборов, в результате которых к власти в ГДР пришло правительство во главе с де Мезьером, переговоры по германским делам по формуле “4 + 2” (СССР, США, Англия, Франция + ФРГ и ГДР) очень скоро превратились в переговоры “5 - 1”, то есть СССР остался на них в полном одиночестве. Не могли помочь делу и начавшиеся импровизации с нашей стороны в диапазоне от “нейтрализации” Германии (что было, конечно, нереалистично) до включения ее в оба союза — НАТО и ОВД (что было просто глупо, тем более в условиях, когда дни ОВД были сочтены).

Не услышав в нужный момент от советских руководителей “нет” включению объединенной Германии в НАТО, западные лидеры теперь планомерно дожимали Горбачева и Шеварднадзе, чтобы получить от них ясное “да”. Очередной нажим в этом плане был оказан Бушем на Горбачева во время визита последнего в США в конце мая — начале июня 1990 года. Не говоря по-прежнему твердо “нет” и не созрев еще, чтобы сказать прямо “да”, Горбачев начал опять импровизировать. И опять не слишком умно, задав в какой-то момент риторический вопрос: “А не предоставить ли немецкому народу самому возможность решить, быть или не быть ему в НАТО?” Поймав Горбачева на слове, Буш тут же спросил, готов ли он повторить только что сказанное публично. И Горбачев в знак согласия кивнул головой. Только благодаря тому, что против этого протестовал присутствовавший на беседе В.М.Фалин, точка над “и” в тот момент не была поставлена — Горбачев предложил, чтобы этот вопрос дополнительно обсудили Шеварднадзе и Бейкер.

А дальше случилось то, что всегда случается, ко-

гда, как говорится, стеречь капусту ставят козла. Уже через неделю, при встрече с Бейкером в Копенгагене 5 июня, “Шеварднадзе сделал еще один гигантский шаг в направлении согласия Советского Союза с объединением Германии в рамках НАТО”, заявив, что объединенная Германия “будет, конечно, свободна выбирать себе союзы”. (Ibid.— Р.230). По свидетельству очевидца, “Бейкеру с трудом удалось сдержать свое ликование”. (Ibidem). Сразу же после этого разговора с Шеварднадзе, закончившегося поздно вечером, Бейкер позвонил Геншеру и, хотя тот уже спал, попросил разбудить его, чтобы обрадовать его такой приятной новостью. Вслед за этим Бейкер обрадовал своим звонком и Буша.

А когда Шеварднадзе при очередной встрече с Бейкером в Берлине 22 июня попытался немного отойти от сказанного им в Копенгагене, Бейкер тут же отчитал его: “Я сказал своему боссу, что вы, ребята, уже согласны, а теперь вы даете задний ход”. В ответ Шеварднадзе извиняющимся тоном, “почти как ягненок”, стал оправдываться, говоря, что изложенная им на сей раз позиция — это “не мое и не Горбачева заявление, а предписание Политбюро”. (Ibid.— Р. 233). Но и этим зигзагам вскоре пришел конец, когда во время пребывания Коля в июле 1990 года в СССР Горбачев дал официальное добро на полноформатное вхождение объединенной Германии в НАТО. Узнав об этом, известный западногерманский деятель Эгон Бар воскликнул: “Откровенно говоря, я поражен согласием Горбачева на включение в НАТО... Можно сказать, что Североатлантическим союзом одержан величайший триумф”. (Правда. — 1990. — 19 июля).

Вряд ли поэтому можно удивляться, что один из журналистов, сопровождающий Коля на обратном пути в Бонн, писал: “Сказать, что канцлер был доволен переговорами, — значит не сказать ничего. Коль весь светился от удовольствия”. (Литературная газета, 1990. — 19 июля). Неудивительно, что Буш считал самым важным своим свершением в ведении дел с Советским Союзом то, как он “завлек и нацелил Горбачева на преодоление его собственного нежелания видеть Германию в НАТО и сильной оппозиции такому решению внутри СССР”. (Beschloss M. and Talbot S. Opt.cit. — Р. 470).

Факт согласия Горбачева на то, что еще вчера он сам называл “нарушением баланса в стратегическом звене мировой политики”, наши “новомышленцы” пытались объяснить в основном двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что ФРГ в лице Коля взяла обязательство не размещать на территории бывшей ГДР иностранные войска и, соответственно, не допускать туда ядерное оружие. Во-вторых, тем, что Коль пообещал, что общая численность бундесвера не будет превышать 370 тыс. человек, а это, дескать, почти в два раза меньше общей численности вооруженных сил ФРГ и ГДР до их объединения.

Неразмещение иностранных войск и ядерного оружия на территории Восточной Германии — это, конечно, хорошо. Но в условиях самороспуска ОВД и ухода советских войск не только из Восточной Германии, но также из Венгрии, Польши, Чехии и Словакии не может не возникать вопрос: почему, собственно, при этом должны оставаться иностранные войска и тем более ядерное оружие на территории За-

падной Германии?

Что же касается того, что численность бундесвера будет ограничена 370 тыс. человек и это якобы означает сокращение чуть ли не вдвое суммарной численности армий ФРГ и ГДР до их объединения, то этот аргумент вообще логически несостоятелен. Ведь раньше-то эти две армии находились по разные стороны баррикады. Следовательно, суммировать их неправомерно. Логика скорее требует того, чтобы из прежней численности бундесвера (495 тыс. человек) была вычтена численность прежней армии ГДР (173 тыс. человек). Стало быть у бундесвера должно было бы остаться не более 322 тыс., а не 370 тыс. человек.

Таким образом, представляется несомненным, что в критически важный момент Горбачев и Шеварднадзе оказались без тщательно взвешенной, достаточно гибкой и вместе с тем твердой, последовательной позиции в германских делах. А это не только повлекло за собой многие практически негативные последствия, связанные, в частности, с необходимостью в сжатые сроки вывести советские войска из Германии, но и действительно нарушило баланс в стратегически важном звене мировой политики.

Не менее далеко идущие последствия для исхода "холодной войны" имело то, что Горбачев и Шеварднадзе дали США карт-бланш для действий в качестве мирового жандарма да еще и превратили СССР в их пособника, если говорить, например, о событиях в районе Персидского залива во второй половине 1990 года и первой половине 1991 года.

У меня не было и нет сомнений в правильности того, что Советский Союз проголосовал за резолюцию Совета Безопасности 660 от 2 августа 1990 г., осуждающую Ирак за вторжение в Кувейт и потребовавшую незамедлительного и безусловного вывода его войск из этой страны. Правильным, на мой взгляд, было и то, что СССР словом и делом поддержал последующие решения Совета Безопасности о применении экономических и иных невоенных санкций в отношении Ирака ввиду невыполнения им резолюции 660.

Сомнения в правильности нашей линии появились тогда, когда возник вопрос о возможности применения против Ирака военной силы. Сразу же после захвата Ираком Кувейта США по просьбе правительства Саудовской Аравии, которой грозила та же участь, направили в эту страну свои войска и стали подтягивать в Персидский залив военно-морской флот. Однако при этом администрация Буша публично заверяла, что целью пребывания там американских вооруженных сил являлось обеспечение экономической блокады Ирака и недопущение с его стороны новых агрессивных акций, а не прямое использование этих сил для изгнания иракских войск из Кувейта и тем более нанесения удара по самому Ираку.

И в своем выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1 октября президент не заикнулся о применении военной силы против Ирака. Наоборот, он подчеркнул, что "военная сила никогда не будет применена. Мы стремимся к мирному исходу, такому, который был бы достигнут дипломатическими средствами". (Стенограмма заседания Генеральной Ассамблеи ООН 1 октября 1990 г. // Док. А /45/ РV. 14. - 1990. -1 окт. -С. 67). Такая линия администрации США в тот период объяснялась наличием в стране сильных

опасений насчет того, как бы прямое вовлечение США в военные действия в зоне Персидского залива не привело к "новому Вьетнаму".

И вот в этой ситуации первым о возможности применения силы против Ирака заговорил с трибуны ООН (26 сентября) тогдашний советский министр иностранных дел Шеварднадзе. Конечно, и без его подсказки США наверняка сами пришли бы вскоре к постановке этого вопроса. Но ряд американских политиков, считавших целесообразным и возможным добиваться ухода Ирака из Кувейта путем продолжения и, при необходимости, наращивания экономических и иных санкций, но без использования вооруженных сил, прямо говорили, что заявления советского министра помогали не им, а скорее тем, кому не терпелось разделаться с Ираком, не останавливающая перед войной.

И когда США, вопреки своим недавним заверениям об обратном, официально поставили вопрос о принятии Советом Безопасности резолюции, разрешающей использование военной силы против Ирака, Шеварднадзе стал их верным помощником в проталкивании такого решения. Дело дошло до того, что когда в октябре в Вашингтон в качестве личного представителя Горбачева, который тогда еще колебался в этом вопросе, вылетел Е.М.Примаков с целью попытаться отговорить Буша от курса на войну против Ирака, Шеварднадзе по своим каналам дал знать Бейкеру о своем неодобрительном отношении к предложениям Примакова. По грубому, но по сути верному выражению близкого к Бейкеру работника государственного департамента, они расценили полученный от Шеварднадзе сигнал как его рекомендацию "наплевать" на все, что будет говорить Примаков. Поведавшие эту закулисную историю Бешлосс и Тэлбот пишут: "Это был еще один рубеж в отношениях между странами: советский министр иностранных дел и государственный департамент учинали заговор, чтобы подорвать миссию специального эmissара Кремля".(Beschloss V. and Talbot S. Opt.cit. — Р. 274). Пожалуй, это был действительно "еще один рубеж", но не в отношениях между нашими странами, страны здесь не при чем, а в "грехопадении" Шеварднадзе, не остановившегося перед шагом, который может быть квалифицирован по сути как говор с иностранным государством за спиной и против главы своего государства.

Можно ли было после этого удивляться тому, что миссия Примакова не увенчалась успехом и развитие событий пошло по руслу, угодному руководству США и его лучшему другу Шеварднадзе?

Конечно, ввиду упорного отказа Ирака уйти из Кувейта в принципе возникла необходимость в оказании дополнительного давления на него, в частности путем принятия новой резолюции Совета Безопасности. Задача, однако, состояла в том, чтобы сделать резолюцию такой, которая, с одной стороны, служила бы серьезным дополнительным средством давления на Ирак, а с другой —не канализировала бы все усилия в военную плоскость, не делала бы применение вооруженных сил неизбежным. Другими словами, речь шла о создании ситуации, когда над Ираком был бы подведен дамоклов меч, но не было необратимости и автоматизма в его использовании. Сказать это, легче, чем сделать. Но в том и состоит непростое политиче-

ское и дипломатическое искусство, если не сводить его к высокопарной риторике.

Вместе этого, однако, Совет Безопасности по настоянию США и при личном участии Шеварднадзе принял резолюцию 678, главное смысловое положение которой гласило, что Совет Безопасности "уполномочивает государства — члены ООН, сотрудничающие с правительством Кувейта, если Ирак на 15 января 1991 года или до этой даты полностью не выполнит, как предусматривается в пункте 1, вышеупомянутые резолюции, использовать все необходимые средства с тем, чтобы поддержать и выполнить резолюцию 660 (1990) и все последующие соответствующие резолюции и восстановить международный мир и безопасность в этом районе".

Уже одно то, что в резолюции устанавливался конкретный ультимативный срок (15 января), делало войну практически неизбежной. Так и произошло. Авторы резолюции (а в их числе оказался и СССР) сами себе связали руки в смысле ее предрещенности. Главное же — тот факт, что Совет Безопасности разрешил, вернее, даже уполномочил государства антииракской коалиции использовать при этом все необходимые средства, означал предоставление им полной свободы рук в выборе таких средств.

Поскольку в резолюции не было обозначено никаких ограничений на этот счет, то, реши США применить ядерное оружие или другое средство массового уничтожения, они и в данном случае формально были бы вправе говорить, будто это разрешено Советом Безопасности. Оставляя в стороне эту и другие гипотетические ситуации (хотя авторы резолюции обязаны были исключить малейшую возможность вольного ее толкования), а имея в виду то, что реально произошло 15 января 1991 г., невозможно не прийти к выводу: масштабы и характер военных действий США и их союзников против Ирака вышли далеко за рамки задачи освобождения территории Кувейта.

В этом отношении трудно не согласиться с характеристикой, которая была дана, например, западногерманской газетой "Цайт": "Что касается адекватности средств, то полагать, будто жертвы среди иракцев не были крупными, по меньшей мере наивно. Все эти рассуждения не могут опровергнуть одного: степень жестокости по отношению к гражданскому населению, а затем — и к разбитой иракской армии превзошла все допустимые пределы, в ней не было нужды. Террор, который палачи Саддама насаждали в оккупированном Кувейте, — факт. Но непреложным фактом остается также и террор воздушной войны, разыгравшийся на глазах багдадских детей. Половина нефтедобывающих объектов Ирака уничтожена бомбами, три четверти электростанций лежат в руинах, водоснабжение не функционирует. Было ли это логичным и адекватным ответом? И допустимо ли было превращать в "поле смерти" возвышенность Мутла, по которой иракские войска отступали из Кувейта в Басру? Можно ли превращать битву в бойню? Была ли необходимость в столь резком нарашивании мощи воздушных бомбардировок иракских городов именно в последние дни войны? Жертвы еще долго останутся на совести полевых генералов и командиров авиации союзников". (За рубежом. — 1991. — N13. — С.6.).

Единственное, с чем здесь нельзя согласиться,

так это с тем, будто ответственность за содеянное лежит только на полевых командах. Для того чтобы удостовериться в этом и вообще лучше понять замысел военных действий США против Ирака, достаточно послушать тогдашнего помощника президента США по национальной безопасности Скоукрофта, который откровенно заявил следующее: "Нынешняя война была исключительно удобной для использования мощи, которую мы создали для другой войны, войны в Западной Европе. Она позволила испытать нашу технику, наши концепции войны с воздуха и на суше и т.д.". (Правда. — 1991. — 9 марта). Цинично, но правдиво.

А все упреки относительно того, что их действия вышли за рамки мандата Совета Безопасности, США не без формальных оснований отводили ссылками на по существу "безразмерные" формулировки резолюции 678. И действительно, сами рамки мандата были определены настолько широко и нарочито расплывчато, что США и их союзники получили возможность помещать в эти рамки все, что им заблагорассудится.

Приводились доводы насчет того, что, не дай мы согласия на такую резолюцию Совета Безопасности, США все равно предприняли бы военные действия против Ирака, но сделали бы это не под эгидой ООН, что было бы, дескать, еще хуже, поскольку у них была бы полная свобода рук. Довод, казалось бы, резонный, но он не бесспорный. Достаточно вспомнить, каких трудов стоило Бушу, уже имея карт-бланш от ООН, добиться согласия от конгресса США на использование вооруженных сил в районе Персидского залива; он получил его только 12 января 1991 г., за три дня до истечения предъявленного Ираку ультимативного срока, причем в сенате за предоставление президенту такого права проголосовало немногим более половины его состава (52 против 47 сенаторов). Ясно, что получить согласие конгресса на начало военных действий не по мандату Совета Безопасности, а самочинно Бушу было бы гораздо труднее, если бы вообще удалось его получить. Что же касается свободы рук в ведении военных действий, то, как все видели, она оказалась у США практически полной и при той резолюции Совета Безопасности, добиться которой им помог Шеварднадзе.

Поначалу я, по правде говоря, думал, что, соглашаясь на включение в резолюцию Совета Безопасности формулировки "использовать все необходимые средства", Шеварднадзе просто не отдавал себе отчета в том, как ею могут воспользоваться Соединенные Штаты, иначе, казалось, он не стал бы брать грех на душу. Но, как выяснилось, дело обстояло не совсем так. В ходе встречи с Бейкером в Париже 18 ноября 1990 г., когда последний впервые предложил эту формулировку, Шеварднадзе тут же согласился с ней. А когда Бейкер, поразмыслив, засомневался, не слишком ли она неопределенна и не стоит ли ее конкретизировать, Шеварднадзе многозначительно сказал: "США знают, что означает "все необходимые средства"! (Beschloss M. and Talbot S. Opt.cit. — P.284).

Вслед за этим он передал Горбачеву конфиденциальную записку, в которой обосновывал важность того, чтобы СССР поддержал принятие Советом Безопасности резолюции с указанной формулировкой. Заручившись одобрением Горбачева, Шеварднадзе вылетел в Нью-Йорк, чтобы принять личное участие в

"проталкивании" этой резолюции.

Шеварднадзе и сам в своей книге, вышедшей в 1991 году, пишет, что, голосуя за резолюцию 678, он "очень хорошо представлял" то, что "никаких ограничений на применение силы против Ирака не будет", поскольку "резолюция 678 не устанавливает их". (Шеварднадзе Э.А. Мой выбор. — М., 1991. — С.182). И все происшедшее после ее принятия он считает совершенно правильным. Настолько правильным, что применительно к данной ситуации он даже не приемлет термин "война. Это, по его словам, была всего лишь "военная акция", санкционированная Советом Безопасности.

Как видим, Шеварднадзе сам напрашивается попасть в число тех, на чьей совести сотни тысяч иракцев, погибших в результате того, что в Вашингтоне решили не ограничиться выдворением Ирака из Кувейта, а использовать Ирак в качестве полигона для испытания новейших видов оружия и концепций ведения войны, разработанных, по признанию Скоукрофта, "для другой войны, войны в Западной Европе".

Тем самым Шеварднадзе берет на себя ответственность и за то, что означало такое подыгрывание Соединенным Штатам с точки зрения подрыва государственных интересов Советского Союза не только в данном регионе, но и ослабления его самостоятельной роли в мировых делах в целом.

Не оправданная никакими объективными обстоятельствами сдача Горбачевым — Шеварднадзе военно-стратегических и геополитических позиций Советского Союза, наиболее вопиющие примеры чего приведены выше, прискорбна не потому, что утраченные позиции нужны были Советскому Союзу для того, чтобы продолжать "холодную войну". Отнюдь нет. Они были необходимы для совершенно другого — для того, чтобы покончить с "холодной войной", но завершить ее достойно, на основе равенства — без победителей и побежденных.

Добиться именно этого вполне позволяли те позиции, которыми Советский Союз обладал к началу свертывания "холодной войны" и которые, собственно, и обеспечили объективные предпосылки для ее прекращения. Только при завершении "холодной войны" на основе равенства возможно было бы заложить и необходимый фундамент для равноправных отношений между Советским Союзом и Западом в будущем. Но такая реально существовавшая возможность была бездарно упущена.

Затем же "холодная война", еще не успев закончиться (вопреки словесным декларациям на этот счет) в одночасье прервалась, поскольку прекратил свое су-

ществование Советский Союз как один из основных субъектов и главный объект этой войны. Подобный оборот дела — далеко не то же самое, что упорядоченное окончание "холодной войны" с планомерным переводом международных отношений на качественно иной, неконфронтационный уровень.

Существовавшая в Советском Союзе социально-экономическая система стала разрушаться, а сам он — разваливаться вовсе не как результат "холодной войны". Это происходило в силу иных причин, прежде всего и в решающей степени потому, что предпринятая у нас внутри страны "перестройка" велась ее инициаторами столь же бездумно и бездарно, без заранее продуманной концепции, по принципу "ввязываемся в драку, а там посмотрим, что делать дальше".

Однако то, что развалу Советского Союза и демонтажу его внутреннего строя предшествовала сдача Горбачевым-Шеварднадзе мировых позиций Советской державы, во многом искажало действительную картину происходившего и давало западным руководителям определенные основания изображать дело таким образом, будто Запад одержал победу над Советским Союзом в "холодной войне", в результате чего, дескать, и наступило его крушение.

Отсюда и проистекает патерналистский подход Соединенных Штатов и в целом Запада к отношениям с Россией, как и с другими государственными образованиями — бывшими республиками СССР. Такой подход на деле означает стремление строить отношения с ними не как с равноправными членами мирового сообщества, а в зависимости от того, в какой мере они готовы перестраивать по западному образу и подобию свою внутреннюю жизнь и следовать в фарватере США во внешних делах.

Подобная высокомерная линия Запада, к сожалению, не встречает, во всяком случае пока, настоящего противодействия со стороны нынешнего руководства России, которое фактически продолжает пораженную линию Горбачева — Шеварднадзе во внешних делах. Но это отдельная тема, требующая самостоятельного рассмотрения.

Я уверен, однако, что раньше или позже придет время, когда Россия одна или, еще лучше, вместе с другими наследниками Советского Союза заговорит своим собственным голосом в мировых делах. Тогда особенно скажутся отрицательные последствия того, что в силу изложенных причин мы так и не смогли "по-правильному" закончить "холодную войну" и, соответственно, создать такую новую основу для последующего развития международных отношений, которая исключала бы возможность возобновления "холодной войны" в той или иной форме.

Эта потеря поставит точку (к вопросу о ратификации Договора СНВ-2)

Б.В.Тарасов

С приходом к власти Горбачева в нашей стране началась и до сих пор продолжается непрерывная череда потерь. Каждый в отдельности и весь народ в целом, мы ощущаем или несем ту или иную потерю. Нас грабят в квартирах, на улицах, на работе. За бесценок продаются и отдаются иноземцам, людям случайным и темным, а нередко и преступникам, крупнейшие предприятия, отрасли промышленности, научные центры — плоды труда многих поколений советских людей, предмет гордости нашей перед всем миром. Бегут из страны и теряются безвозвратно лучшие умы, таланты, золотые руки. Пропадает молодежь, опутанная сетями лживых понятий, погруженная в пучину насилия, торгащения, цинизма. На глазах гибнут исконные духовные ценности нашего народа — коллективизм, добросердечие, жизнь по совести.

Государство, попавшее в руки людей невежественных, лишенных чувства исторической ответственности и патриотизма, быстро слабеет, теряет способность удерживать контроль за порядком, защищать границы и предотвращать распад территории. Война в Чечне убедительно доказала то, о чем многие догадывались ранее. А именно — источники гибельного процесса разрушения страны, бесчисленных потерь, поощрения сепаратизма лежат в центре властных структур, в гнездах вновь свидетельствующих финансовых империй, в офисах нефтяных и газовых баронов. Им нет дела до нашей страны, им чужды интересы ее многострадального народа. Борьба за власть, господин доллар толкают их на действия, перед которыми мы останавливаемся в изумлении.

Сделано все возможное для обесиливания военной организации всех наших республик, прежде всего России. Последняя расчленена на множество параллельных структур. И так раздроблена, что операцией по ликвидации кучки террористов руководят два министра с провальным результатом. Офицерский корпус введен в состояние глубокой деградации. Нищенская зарплата, систематические задержки с выплатой ее заставляют людей идти на крайности. Большинство слушателей и значительная часть преподавателей военных академий вынуждены работать после службы преимущественно в коммерческих структурах, чтобы прокормить семью. В армию активно внедряется криминалит. Происходит смычка его с частью военнослужащих. Ширится торговля оружием, боеприпасами, разворовывание военного имущества. Посмотрите, кто ныне занимает лучшие номера и палаты в военных санаториях и госпиталях. Там с ведома руководства Минобороны поправляют свое здоровье новые хозяева России. А присмотритесь к положению солдата. Его плохо кормят и одевают даже в боевых условиях. Он испытывает зависть к большинству сверстников, которые сумели откупиться от службы. Бедствием воинских коллективов становятся так называемые контрактники. Вооружен наш солдат в Чечне оружием, произведенным в 1950-1960-х годах. Откуда только оно взялось, ведь давно снято с вооружения в армии. Таковы безоткатные орудия СПК-9, 82-мм минометы, бронетранспортеры БТР-152, танки старых образцов. Чеченские формирования вооружены гораздо

лучше. Если прибавить к этому череду бездарно проведенных операций, добровольного отказа от завоеванных большой кровью результатов, созданную чехарду в командовании, то приходишь к мысли — сделать больше для раз渲ла Вооруженных Сил, для их дискредитации и позора, чем это сделано ныне, нельзя.

Либеральные реформы лишили государство возможности содержать Вооруженные Силы в боеспособном состоянии. Никто сегодня не отрицает того, что наши Сухопутные войска, Военно-Морской Флот, Военно-Воздушные Силы не в состоянии обеспечить безопасность страны, целостность границ, отразить крупномасштабное вторжение.

Но мы еще не испили всей горечи уготованной нам чаши. Наибольшую опасность представляют планы и действия, направленные на дальнейший развал страны. Послушайте, что говорится на этот счет в исследовании американских политологов под названием "Россия 2010 года, что это значит для мира". Сценарий поэтапного раз渲ла России расписан довольно подробно. Распад России как государства объявляется положительным явлением с точки зрения интересов США. Прогнозируется образование Северной Конфедерации, с включением Тюмено-Печорских нефтяных залежей. Предрекается отделение от России Дальнего Востока, который под эгидой США и Японии становится частью Тихоокеанского пространства. Автоматически решается в пользу Японии проблема Курильских островов, Сахалина. На юге согласно этим прогнозам должна образоваться Южнорусская Конфедерация. И все в таком роде.

Невольно встает вопрос, как отстоять страну, ее целостность и независимость в случае вооруженного наступления. Ответ может быть один. Наша единственная на сегодня надежда — Стратегические Ядерные Силы (СЯС). Только они способны остановить любого агрессора, остыть горячие головы, дать нашему народу возможность выйти из лихолетия, восстановить мощь Вооруженных Сил и экономику.

И вот над этой нашей последней надеждой нависла угроза очередной потери, которая может поставить последнюю точку в нашей истории как Великой Державы.

Наши Стратегические Ядерные Силы с начала катастроики находятся на острие американской политики, цель которой — вырвать из рук нашего народа могучий меч сдерживания и возмездия, залог нашей безопасности и мира.

Люди старшего поколения помнят, с каким восторгом воспринимали мы сообщения о создании в СССР атомной бомбы, об испытаниях наших баллистических ракет, создании атомного подводного флота. Народ понимал, каких громадных расходов требовало это дело. Во имя этого недоедали, мирились с нехватками, отдавали все, что могли. В последнюю войну страна понесла колоссальные потери, утратила большую часть национального достояния. Поэтому главное требование народа к руководству государства было: "Сделать все, чтобы не было войны". И понимали люди, что создание Стратегических Ядерных Сил служит именно пре-

дотвращению войны. С полным основанием можно сказать, что наши Ядерные Силы — это детище народа, выкованное из его крови и плоти, созданное умом, трудом, потом миллионов советских людей. Каким же надо было быть безответственным политиком, просто пустым и циничным человеком, чтобы в январе 1986 года выдвинуть программу полного ядерного разоружения к 2000 году, как это сделал М. Горбачев. После этого началась гонка ядерного разоружения СССР, а затем России и других стран СНГ.

У всех на памяти ликвидация лучших в мире ракет средней и малой дальности. Было уничтожено 650 РСД-10 и 523 установки к ним. Наличие в составе Вооруженных Сил России ракет РСД-10 с 3 боеголовками способствовало бы стабилизации обстановки на наших западных рубежах. Но увы! История нас ничему не учит.

В июне 1991 года был подписан советско-американский договор СНВ-1, принятые серьезные обязательства по сокращению ядерных арсеналов. Но не успели развернуться работы по его выполнению, как гонка разоружения (иначе это трудно назвать) приводит к заключению между Россией и США в начале 1993 года Договора СНВ-2. В соответствии с этим документом к 1 января 2003 года суммарное количество ядерных боеголовок у России и США должно составить по 3000-3500 единиц. Это значит, что стратегические ядерные арсеналы обеих стран должны быть сокращены на две трети по сравнению с их уровнем в настоящее время (около 20000 боеголовок), или вдвое по сравнению с уровнем, согласованным в договоре СНВ-1. Казалось бы, что в этом плохого? После Чернобыля нам не надо разъяснять губительную силу атома. Но не все так просто на этом свете.

Как мы ниже убедимся, чисто количественное сокращение боеголовок еще не решает проблемы безопасности. Необходим очень тщательный анализ всех сторон разоруженческих процессов.

Разоружив другие республики, американцы всячески стремятся форсировать ядерное разоружение России. Оказывается постоянное давление на Президента и Правительство, осуществляется жесткий контроль за выполнением условий заключенных соглашений. Обычно прижимистые в расходах, они не жалеют денег на финансирование разоруженческих процессов в России и СНГ в целом. Этой цели служит программа Нанна-Лугара, на которую из бюджета Пентагона выделяется 1,2 млрд. долларов. Ключ к такому подходу содержится в высказывании американских политологов Д. Ергина и Т. Густаффона: "Хотя Советский Союз исчез, его оружие не исчезло". Следовательно, добавим от себя, с нами не считаются как с государством, за одним исключением, — боятся нашего оружия. Вот отсюда и стремление вырвать его из рук России, окончательно обессилить ее.

Наиболее четко эти устремления американского руководства видны на анализе Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений СНВ-2.

Сначала, вкратце напомним читателям, что представляют сегодня Стратегические Ядерные Силы США и России. Всего на 19 января 1990 г. в них имелось соответственно 10563 и 10271 боевых ядерных зарядов.

В том числе:

- на межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) — 2450 и 6612;
- на подводных лодках (БРПЛ) — 5760 и 2804;

— на стратегических тяжелых бомбардировщиках (СТБ) — 2353 и 855.

Налицо, как будто, паритет. И сокращение согласно СНВ-2 производится пропорциональное. Но более подробное рассмотрение этого вопроса приводит нас к совершенно другим выводам.

Вот уже много лет американцы выражают крайнее беспокойство в связи с существованием наших межконтинентальных баллистических ракет СС-18 с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (МБР РГЧ ИН). Да, эта ракета — гордость нашей страны, сгусток интеллектуальной энергии и мастерства рабочих рук, овеществленная воля к миру. Американская система противоракетной обороны не в состоянии отразить удар этих ракет. Позиции этих ракет укрыты надежно под землей, тщательно охраняются. Поэтому они объявлены дестабилизирующим фактором, т.е. вне закона. Наличие этих ракет действительно дестабилизируют все замыслы и планы вывода из строя наших ядерных Сил. И вот именно эти ракеты руководство России предложило ликвидировать, заменив их на моноблочные МБР. Иначе, как подарком Президента России американцам за поддержку либеральных реформ в нашей стране, это не назовешь. Получается, что "благодарность" за то, что нас ограбили, обессилили, опозорили на весь мир, нас еще заставляют бездарно отдать последнюю надежду, оставляя беззащитными перед любым агрессором. Итак, 302 пусковые установки, со всем комплексом сооружений, которые страна создавала десятилетия, тратя на это гигантские средства, будут методично подрываться на радость всем недругам.

Правда, мы слышим уже яростные возражения, что, мол, срок службы этих ракет заканчивается, что производственная база осталась на Украине, что экономически выгодно уничтожить эти ракеты. Ни одно из этих возражений не состоятельно. Ракеты СС-18 начали поступать в 1979 году. Гарантийный срок службы — 20 лет. Так что одновременный вывод из эксплуатации 302 МБР СС-18 РВСН не угрожает. А поэтому оправдание уничтожения этих ракет по экономическим и техническим соображениям несостоятельно.

Преступный отказ от самой эффективной части наших ядерных сил — ракет СС-18, — повлек за собой еще одну роковую ошибку, а именно необходимость согласно Договору СНВ-2 пойти на коренную ломку структуры отечественной ядерной триады в угоду США, которая совершенно неприемлема нам по соображениям безопасности, а также по экономическим возможностям. Руководство государства понимало с самого начала, что эта ломка, перестройка наших СЯС стране не под силу. Напомним высказывание Президента Б. Ельцина, который, выступая на совместной пресс-конференции 3 января 1993 года по случаю подписания Договора СНВ-2, сказал: "Мы отдаляем себе отчет в том, что, скорее всего, в период действия Договора Россия не достигнет в полной мере уровней боезарядов, разрешенных Договором, особенно за счет авиационной составляющей и получается, что Договор в полной мере мы не выполним, а подписываем. В настоящее время за счет РВСН (т.е. за счет уничтожаемых СС-18 — прим. авт.) мы располагаем такой возможностью, но добровольно лишаемся ее". Видимо, это уникальный случай в истории, когда другая подписывающая сторона могла ликововать, слыша такие заяв-

ления. Но нам-то уже не привыкать.

Поясним на некоторых примерах суть этих удивительных явлений. Уничтожая СС-18 и некоторые другие ракеты, мы сразу снижаем удельный вес РВСН по количеству боезарядов с 64,4% до 29%. Абсурдность такого изменения для сухопутной державы вполне очевидна. В свою очередь, доля морских ядерных сил (МСЯС) с нынешних 27% повышается до 55%. Таким образом, эти силы становятся главным компонентом СЯС. Хорошо! А как это выглядит на практике? Сегодня подавляющее число наших подводных ракетоносцев (ПЛАРБ) старых проектов, с низкими боевыми возможностями. Они имеют крайне уязвимое базирование на Севере и Камчатке, полностью просматриваемое и контролируемое противостоящей стороной. Из 24 имеющихся ПЛАРБ постоянно в море могут находиться лишь 5, остальные — на базах, где они легко уязвимы. Выход на океанские просторы для наших ракетоносцев очень затруднителен, они будут обречены действовать во внутренних водоемах, где легко обнаруживаются противником. Прибавьте к этому полную невозможность нового строительства кораблей, громадные трудности с содержанием флота, обеспечением его всем необходимым для жизнедеятельности и вы увидите, что флот в его нынешнем составе не может быть основой стратегических ядерных сил. И здесь грубая ошибка, если не сказать больше.

Такая же примерно картина с третьей (авиационной) составляющей СЯС. Её удельный вес в количестве боезарядов возрастает с 8,3% до 16,4%. У нас имеется сегодня 67 стратегических тяжелых бомбардировщиков (СТБ). Наиболее современные — ТУ-160 приходится выкупать у Украины. Большая часть наших СТБ — это давно устаревшие машины типа ТУ-95. Чтобы выйти на потолок в 80 самолетов, определенный Договором СНВ-2, нам, с учетом изношенности самолетного парка, предстоит построить 20-30 машин, стоимостью 50-60 млн. долларов каждая. Что же это за Договор такой! Разоружая подчистую, нас еще обязывают строить новый подводный и воздушный флот, с многомиллиардовыми затратами. Впрочем, оппоненты спокойны. Ничего мы строить не будем. Нет денег.

Сейчас много говорят и пишут о мобильных ракетных комплексах СС-25. Утверждается, что в силу высокой подвижности эти комплексы способны уйти из-под ударов и нанести ответный ядерный удар по агрессору, что это даже более эффективное средство, нежели тяжелые ракеты СС-18. Оставление этих комплексов в составе РВСН пытаются выставить как одну из положительных сторон Договора СНВ-2. Слов нет, ракета комплекса СС-25 имеет высокие характеристики. Но это — моноблочная ракета, легко перехватываемая средствами ПРО США. Космическая разведка США довольно легко справляется с обнаружением наших мобильных комплексов. При взрыве ядерного заряда СС-25 выводятся из строя в радиусе до 10 км от эпицентра взрыва.

Да и вообще, после уроков Чечни, возможность использования мобильных ракетных комплексов — под большим вопросом. Представьте себе вооружение длиной 20-30 метров, шириной 2-2,5 м, высотой до 5 м, начиненное ядерной взрывчаткой, ракетным топливом, массой других взрыво- и огнеопасных веществ, движущееся по нашим дорогам. Оно не защищено даже от оружия диверсионных групп. Эти комплексы требуют

хороших дорог, прочных мостов. При их опрокидывании для подъема необходима неделя напряженной работы, после чего ракета отправляется в ремонт. В общем это оружие государства с хорошо развитой дорожной сетью и крепким тылом. В современной России, после Буденновска и Первомайска, просто невозможно представить передвижение подобных устройств, таящих в себе огромную потенциальную угрозу для самой страны.

Затевая очередную перестройку (ломку) наших стратегических ядерных сил, руководство государства должно помнить, что они серьезно ослаблены всем процессом дестабилизации военной мощи страны:

- после выполнения всех статей Договора СНВ-2 СЯС России не в состоянии будут нанести неприемлемый ущерб противнику, что будет провоцировать его при определенных условиях нанести внезапный удар всеми имеющимися средствами;

- даже сегодня СЯС России не в состоянии нанести по противнику ответно-встречный удар из-за развода системы предупреждения о ракетном нападении противника (СПРН), системы управления СЯС от Верховного Главнокомандования до пусковой установки, отказа наведения МБР по объекту поражения (т.н. “наведение в никуда”), отказа от боевого патрулирования дежурными силами.

Помимо громадных расходов на реструктуризацию СЯС, о чем сказано выше, ликвидацию ядерных головок, нейтрализацию топлива, государству предстоит взорвать большую часть шахтных установок для ракет СС-18. Деяньство подобных шахт следует переделать под ракеты СС-25. Там придется заливать шахты бетоном, ставить ограничительные кольца и переделывать всю систему запуска ракет. Все это не укладывается в рамки разумного, государственного подхода. Образуется какая-то невообразимый клубок экономических, экологических, технических проблем, решение которых сегодня нам не под силу.

Кроме всего прочего, оценивая Договор СНВ-2, необходимо иметь в виду еще ряд обстоятельств.

Договор оставляет в стороне вопрос о противоракетной обороне. Здесь США уже сегодня имеют серьезное превосходство, так как не прекращали и ведут широким фронтом работы по ее совершенствованию. Есть мнение, что при таком положении через 5-10 лет территория США будет недосягаема для наших СЯС. Раз мы идем на столь серьезные уступки, в Договор СНВ-2 должна быть включена статья о демонтаже системы ПРО в США и России.

Договор СНВ-2 не затрагивает вопрос о наличии в США большого количества крылатых ракет морского базирования, которые могут нести стратегическое ядерное оружие. Разработчики Договора сделали вид, что этой проблемы вообще не существует. А зря. Считаю, что в Договоре должна быть статья об уничтожении всех ядерных зарядов, предназначенных для крылатых ракет.

И еще одно. США продолжают усиленно совершенствовать свои стратегические наступательные вооружения. Интересно, что по настоянию американской стороны в Договор внесен пункт о том, что работы по совершенствованию СНВ прекращаются после января 2003 года. Следовательно, они это будут делать еще 8 лет и уйдут в этом отношении далеко от России, которая неспособна сегодня выделять даже минимальные средства и ресурсы на подобные цели. Очевидно необ-

ходимо определить в Договоре требование прекращения работ по совершенствованию СНВ-2, начиная с момента ратификации.

В Договоре установлен неправомерный порядок зачета ядерных боеприпасов, позволяющий США при выходе из Договора СНВ-2 восстановить 6500-8000 ядерных боеприпасов. Россия же в этом случае сможет восстановить не более 1300 ядерных зарядов. Договор не учитывает того, что боевые возможности СНВ России резко понизятся при условии начала и ведения войны с применением высокоточного оружия в обычном снаряжении. Наглядное подтверждение этому — опыт войны в районе Персидского залива.

Нельзя не отметить, что полностью отсутствует экономическое обоснование программы вывода из боевого состава и разделки всех систем ядерного оружия. На запрос фракции "Отчизна" Верховного Совета РФ еще в 1993 году Министерство экономики России ответило, что экспертиза Договора СНВ-2 не проводилась, нет экономического обоснования и оценки всех сторон реализации Договора и до сих пор.

И наконец, постоянная гонка ядерного разоружения уже привела к накоплению большого количества радиоактивных материалов, других компонентов на военных базах, арсеналах. Если учесть, что экспертиза Договора СНВ-2 по обеспечению экологической безопасности разоруженческих процессов Министерством охраны природных ресурсов и защиты окружающей среды России не проводилась, то невозможно дать ответ на вопрос о возможных последствиях хранения, уничтожения ракет, ядовитых компонентов топлива, разделки ядерных боеприпасов, ядерных энергетических установок, перевозки отработавшего ядерного топлива, разрушения взрывом шахтных установок.

Итак, подведем итоги:

- договор СНВ-2 является неравноправным для России, предусмотренная в нем ломка структуры ядерной триады России неприемлема по соображениям безопасности и экономическим возможностям;

- осуществление Договора СНВ-2 приводит к потере Россией стратегического паритета и не позволяет обеспечивать России равную военную безопасность с США;

- договор подрывает экономическую безопасность России (по оценке Министерства экономики России стоимость осуществления разоруженческих акций в рамках СНВ-1 и СНВ-2 составляет 40 триллионов рублей, что явно выше возможностей Российского государства);

- договор не обеспечивает достаточных мер обеспечения экологической безопасности разоруженческого процесса и мер безопасности повседневной эксплуатации систем ядерного оружия.

В целом анализ Договора СНВ-2 показывает, что в том виде, как он подписан президентами США и России, он не обеспечивает выполнение нашими стратегическими ядерными силами задач сдерживания агрессора уже сегодня, а тем более в будущем.

Что же делать? Начиная с 1993 года при фракции "Отчизна" Верховного Совета РФ, а затем при одноименном общественном движении образовалась и работает группа видных ученых, военных, специалистов ВПК, правоведов, которая много сделала для оценки анализа различных сторон Договора СНВ-2, для обеспечения необходимой информацией Верховного Совета, а затем Федерального Собрания РФ, общественности страны. Наиболее активное участие в этой работе принимают Стариков Б.Т., Малышев Л.П., Колтон И.Б., Бекетов Ю.Ф., Белов Л.Г., Амелько Н.Н., Волков Е.Б., Материалы этой группы положены в основу данной статьи.

Что же предлагаю предпринять в этой ситуации специалисты, ученые?

Во-первых, от ратификации Договора СНВ-2 воздержаться;

во-вторых, по дипломатическим каналам инициировать процесс доработки Договора СНВ-2 с учетом требований равенства сторон, обеспечения оборонной, экономической и экологической безопасности сторон, устранения всех элементов неравноправия в отношении России;

в-третьих, для более тщательной проработки всех вопросов и сторон Договора СНВ-2 необходимо дополнительно провести ряд всесторонних исследований с применением математического моделирования, натурных экспериментов, экспертиз, командно-штабных учений, привлечь к этому все заинтересованные ведомства, научные учреждения, общественность;

в-четвертых, на переговорах добиваться продления сроков реализации Договора СНВ-2 примерно на 10 лет, т.е. до 2013 года, это позволит сократить расходы на его реализацию на 25-30 триллионов рублей.

Уже в ближайшее время накал политической борьбы вокруг ратификации Договора СНВ-2 резко возрастет. Конгресс США ратификацию осуществил. Наращивают кампанию в пользу ратификации Договора буржуазные средства массовой информации в России. Активизируются агенты влияния и прочие атлантисты. К сожалению, не занимает в этом вопросе принципиальной позиции Министерство обороны и Командование РВСН. недавно по телевидению показывали подрыв ракетной шахтной установки в Украине. Вполне объяснима сладостная ухмылка на лице министра обороны США. Еще бы, "Карфаген" сам сокрушает свои бастионы. Но как понять улыбку П.Грачева при этом, крестьянина по происхождению. Ведь это плод усилий нашего крестьянства, рабочего люда взлетал на воздух, превратился в прах. Можно понять А.Лукина, когда он недавно по телевидению заявил, что независимо от того, будет ли ратифицирован Договор СНВ-2 или нет, его выполнение будет продолжаться. Это позиция, далекая от интересов нашей страны. К этому мы уже привыкли. А вот всем, кто дорожит Родиной, имеет возможность влиять на принятие решений, надо проявить мужество, иметь совесть, в конце концов, занять принципиальную позицию, когда придет час.

Ядерный щит Отечества между прошлым и будущим

И.И.Никитчук

Для советской атомной науки и атомщиков-оружейников 1996 год особый: в этом году исполняется 50 лет создания отечественного Ядерного центра в бывшей деревушке Саров, затерявшейся в мордовских лесах. Теперь это современный закрытый город Арзамас-16. Что стоит за этой юбилейной датой? Очень многое, и, прежде всего, преодоление монополии США на ядерное оружие, позволившее в итоге сохранять мир на нашей планете все эти годы. Отсюда понятно, что эта дата имеет не только всероссийское, всесоюзное, но и всемирное значение.

Случайно или нет, но место, на котором разворачивалась реализация советского ядерного проекта, имеет весьма примечательную историю. Это место, где в 18-м веке совершился духовный подвиг преподобного отца Серафима Саровского. По этой же земле ступала и нога Гришки Распутина. Но главные следы остались здесь многие тысячи паломников, подвижников, которых притягивали святые места знаменитой Саровской пустыни.

В то время, когда в Сарове начались подготовительные работы, на месте японских городов Хиросима и Нагасаки уже дымились ядерные развалины. Так США демонстрировали всему миру намерение диктовать свою волю. Главной преградой на пути установления мирового господства был Советский Союз. Завладев монополией на ядерное оружие, Пентагон немедленно приступил к разработке планов уничтожения СССР с помощью нового оружия. Первым таким планом был план ядерного нападения на СССР под названием "Пинчер" ("Клещи"). "Пинчер" — это нанесение 50 ядерных ударов по 20 городам СССР. В марте 1948 года появился план 34 бомбовых ударов по 29 городам СССР. В декабре 1948 года появился новый план — 133 ядерных ударов по 70 городам. План 1949 года "Дробшот" ("Моментальный удар") предусматривал уже 300 бомбовых ударов по 200 городам СССР. Т.е. США разработали солидный набор планов ядерного смерча над нашей Родиной, в то время как СССР не имел еще ни одного ядерного заряда! Ни малейшей угрозы национальной территории США со стороны СССР не было, зато Америка угрожала тогда нашей стране, обескровленнойвойной с фашизмом, смертельно!

Как многим хочется сегодня, чтобы мы об этом забыли, чтобы труд советских ученых-атомщиков — создателей ядерного оружия — был исторически и нравственно обесценен. И многие уже действительно забывают о том, что вскоре после того, как поставленная на карту мировой войны судьба России была спасена великими ратными усилиями всего советского народа, эта судьба вновь была поставлена под вопрос фултонской речью Черчилля, открывшей эру "холодной войны".

Толчок к появлению ядерного центра в российской глубинке был обусловлен именно надвигающейся новой угрозой с Запада. Только соображения государственной важности вынудили собрать в единый кулак все материальные и интеллектуальные силы разореннойвойной страны, чтобы защитить себя от новых "хозяев мира".

Половека назад в неприметном Сарове начали возникать первые корпуса лабораторий, цехов опытного

производства. Сегодня Российской Федеральный Ядерный Центр — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (РФЯЦ-ВНИИЭФ) — это уникальное научно-техническое и производственное образование, где в одном комплексе соединены фундаментальная и прикладная наука, конструкторское дело и производство. Здесь была сделана первая советская атомная бомба РДС-1. Здесь создана и первая водородная бомба. Здесь же разработаны и многие современные заряды стратегических ядерных сил России. Здесь над ядерной проблемой трудились выдающиеся советские ученые. Среди них такие имена как Ю.Харiton, А.Сахаров, Я.Зельдович, И.Тамм, М.Лаврентьев... И сегодня здесь трудятся многие светлые головы, создавая не только оружие, но и новые технологии двойного применения, ищут решение проблемы управляемого термоядерного синтеза —неисчерпаемого источника энергии и т.д.

Однако нынешняя жизнь не способствует нормальному развитию даже там, где оно — естественный спутник и итог всего существования. Прозападная политика нынешнего российского режима нацелена на удушение отечественной науки и передовых отраслей производства. Это в полной мере касается и ядерной отрасли вместе с ее вооруженным аспектом. Отсутствие у государства четкой военной доктрины "ослепляет" разработчиков ядерного оружия, ведет к их профессиональной деградации, а отсутствие материальной поддержки со стороны государства — к деградации всей материально-технической базы, создававшейся в предыдущие годы. Объявив США "партнером" и "союзником", нынешние власти в угоду своему союзнику открыто ведут дело к уничтожению ядерного щита России и всего того, что с ним связано. Крупнейший и, пожалуй, решительный шаг в этом направлении будет сделан, если произойдет в Государственной Думе РФ ратификация договора по сокращению стратегических ядерных вооружений СНВ-2.

Сенат США поспешил и единодушно ратифицировал договор СНВ-2. Почему? Да потому, что он выгоден США и только США. Этот договор разработан на американской ядерной основе, на базе американской доктрины ядерных вооружений. Договор предусматривает уничтожение главной компоненты российских стратегических сил сдерживания — межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися головками индивидуального наведения наземного базирования. Именно это оружие страшит Америку и связывает ей руки в стремлении к безраздельному господству над миром. Именно это оружие не позволяет США развернуть эффективную противоракетную оборону. Уничтожение этой компоненты российских стратегических ядерных сил сдерживания по сути необратимо разрушает всю исторически сложившуюся структуру этих сил и открывает зеленую улицу экспансии Запада. Истинная цель подписанного Б.Клинтоном и Б.Ельциным договора СНВ-2 четко изложена в заявлении министра обороны США У.Перри, сделанного им на конференции Американского легиона в феврале 1995 года: "Советский ядерный комплекс подобен Гидре — многоглавому чудовищу из греческой мифологии: бес-

полезно просто отсекать боеголовки, надо уничтожить само чудовище, иначе появятся новые боеголовки". Вот так "партнерство"!

Если ратификация СНВ-2 состоится, ядерный щит России, наличие которого обеспечивает пока глобальное равновесие и глобальную безопасность, будет неизбежно уничтожен. В тяжелейшем поражении в "холодной войне" это последний рубеж обороны, ибо состояние других компонентов сил сдерживания просто плачевно: стратегическая авиация уже практически не существует, подводный флот морально и материально устарел, он легко запирается во внутренних морях. В такой ситуации США могут рискнуть нанести безназанно ядерный удар и раз и навсегда расправиться с той страной, которая всегда мешала установлению ими своего мирового господства. Те, кто возьмет на себя ответственность за ратификацию СНВ-2, должны понимать, что тем самым они берут на себя ответственность за возможную будущую и очень скорую гибель России в огне реального, безжалостного и безнаказанного ядерного удара...

Ушла в прошлое абсолютная "закрытость" Арзамаса-16. Город еще не указан на географических картах, а здесь уже побывали десятки делегаций из США, Франции, Англии, Японии, Китая, Германии и других стран. Но радости и удовлетворения от этого мало.

Общение с иностранными коллегами, складывающиеся реалии бытия вызывают противоречивые чувства. С одной стороны, гордость за все сделанное, за его масштабность, историческую значимость. А с другой стороны, больно сознавать бессилие перед угрозой деградации. И дело здесь не только в уровне вознаграждения за высококвалифицированный труд ученых и рабочих, который на порядок уступает зарубежному. Гор златых мы никогда не имели, но ныне же нас довели до состояния духовной дистрофии. Мы работали, осознавая всю значимость и ответственность порученного коллектику дела. Вот почему особенно остро в юбилейный год ученые Ядерного центра ощущают общую деградацию, результатом которой обязательно будет нестабильность, нарастание страшной угрозы самому будущему Отечества.

Но такова и наша жизнь, изменить которую к лучшему мы не только обязаны, но это в наших силах! Юбилей это не только праздник, но и повод для раздумий, он позволяет не только осмыслить славное прошлое, но и заставляет задуматься о бесславном и бездарном настоящем нашего Отечества, кардинально изменить которое к лучшему мы не только обязаны, но это и в наших силах.

Вот такие нынче получаются юбилеи — с привкусом горечи.

НАУКА И КУЛЬТУРА

Даже сторонники "возврата в цивилизацию" и строительства "нормальной рыночной экономики" вынуждены уже признавать, что экономика наших республик начинает приобретать явственные колониальные признаки. Одновременно, несмотря на вопли о "национальном возрождении", нельзя не видеть в них не менее явственной деградации национальной культуры и ее усиленной американизации. Тем больший интерес вызывает анализ процессов духовного производства в странах с достаточно давно навязанным фактически колониальным статусом. Ответы на некоторые вопросы, касающихся протекания процессов в культуре таких стран, читатель найдет в предлагаемой статье.

О духовном производстве в колониальных обществах

Ж.Ж.Бальшион (Ливан)

Говоря о методологии исследования проблем культуры колониальных обществ стран Востока, необходимо в первую очередь отметить, что она должна быть направлена на раскрытие исторических особенностей происходящих культурных процессов, почвой для которых является колониальная социальная структура. Это значит, что все идеологические процессы определяются рамками социальной структуры, которая, в свою очередь, определяется господствующим способом производства, охарактеризованным Амелем как колониальный (Амель М. Теоретические введения. -Бейрут: Аль-Фароби, 1980.-с.435), ибо он возник не в результате естественного развития производительных сил, а в результате проникновения европейского капиталистического способа производства накануне его перехода в империалистическую стадию, т.е. накануне его кризиса. В результате этого колониальные общества вошли в отношения зависимости с капиталистическими странами таким образом, что производства в

колониальных обществах стали развиваться не по внутренним естественным законам развития, а по законам и потребностям международного капитализма. В основе этого лежит движение структурной дифференциации между двумя способами производства. Если капиталистический способ производства, с целью воспроизведения капитала, стремится к абсолютной экспансии через уничтожение существовавшего до него способа производства, то колониальный способ существует с ним, поскольку функция последнего заключается в обеспечении рынка для капиталистического производства и функционирования зарубежного капитала. Поэтому Амель утверждает, что для такого способа производства не хватает основы любого способа производства — "независимости в структуре и в развитии".

В связи со сказанным закономерен вопрос: в чем состоит специфика культурного процесса в колониальных обществах? Она кроется не в самом искусстве и других видах

духовного производства, а в их объективных предпосылках, которые определяются развитием общества. Ибо мышление данного человека и все его формы выступают как единое целое, имеющее единую общественную природу и по особенностям возникновения, и по способу функционирования. Первичность общественного как объективного позволяет нам рассмотреть духовное, в том числе художественное, в контексте его социально-эстетической культуры, ибо эстетические взгляды человека определяются его позицией и отношением к определенной группе — классу, чьи взгляды он отражает. Поэтому даже когда говорят о социальной эстетике, то имеют в виду также, что эстетика данного общества дифференцируется с дифференциацией различных социальных групп-классов этого общества.

Если колониальный способ производства не стремится к уничтожению существовавшего до него феодального способа производства, то, сосуществуя с ним, он таким образом сохраняет объективные предпосылки для соответствующего феодальному строю духовного производства. Если посмотреть на развитие европейского общества, то увидим, что новые производственные отношения способствовали коренному изменению всей социальной структуры как в базисе, так и в надстройке. Это на самом деле была революция, которая привела к перевороту во всех областях духовной жизни общества, к новому типу личности и новым социальным ценностям и традициям. Это также было закономерно, поскольку новый тип производства был антиподом старого, и становление современного европейского общества могло осуществляться только через полное уничтожение феодальной социальной структуры. В отличие от этого становление арабских обществ, да и всех восточных обществ, так называемых стран третьего мира, не было качественно новым становлением, поскольку не было результатом возникновения нового способа производства и, следовательно, новых общественных отношений.

Однако это далеко не означает, что способ производства, существующий в этих обществах, есть феодальный способ. Амель пишет, что “нельзя считать земледельческое производство в этих странах феодальным, даже если собственность на землю выглядит как феодальная собственность. Как только это производство стало зависимым от капиталистического производства через колониальную торговлю, оно стало колониальным производством, т.е. производством первичных материалов, необходимых для капиталистической промышленности” (Амель М. Теоретические введения, С.395). Поэтому присутствие земледельческих производственных отношений в рамках колониальных отношений означает их превращение из феодальных отношений в колониальные отношения (Там же, с.396). Приведя эту цитату, мы стремимся быть точными в научном использовании понятия колониального производства. Если мы говорим, что это производство представляет собой специфическую форму капиталистического производства и не стремится к уничтожению существовавшего до него феодального производства, то это вовсе не означает, что феодальные и капиталистические отношения существуют параллельно в одной социальной структуре. В противном случае речь шла бы о господстве двух разных типов духовного производства в одной социальной структуре, что было бы парадоксальным, особенно принимая во внимание то, что феодализм в большинстве колониальных обществ вообще не существует в чистом виде. Здесь речь идет, по словам Амеля, о “превращении” этого феодального производства в колониальное. Слово “превращение” означает не уничтожение существующего, а то, что в сущности он не изменился, а лишь приобрел новую форму и новые функции, как только вошел в отношения зависимости с западным капитализмом.

Углубление в описание механизма этого производства не входит в задачу нашей работы. Необходимо только подчеркнуть, что предпосылки для духовного производства, характерного для феодализма, остаются и в новой социальной структуре, несмотря на превращение феодальных отношений в новую форму — колониальную. Какое влияние первых можно проследить в результате этого процесса?

В первую очередь это влияние их на формирование общественного сознания в целом. Докапиталистическим формациям присущ ограниченный характер человеческой деятельности. Преобладание земледелия при феодализме определяет отношение человека к условиям своего труда, а также его принадлежность к определенному коллективу, “а через отношение этого коллектива к земле, как к своему неорганическому телу — отношение индивида к земле, к внешнему

первональному условию производства (так как земля есть одновременно и сырье, и орудие, и плод) как к неотъемлемой предпосылке его индивидуальности, к способу существования последней” (К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., Т.46, ч.1, с.481).

Принадлежность индивида к коллективу — это, прежде всего, подчинение во всех сферах человеческого сознания. Человек не выделялся из окружающего его мира и не был ему противопоставлен. В искусстве главной эстетической категорией, выражющей общественную цензуру, является канон, в соблюдении которого состояла эстетическая деятельность человека. Например, в арабской музыке канон выражался в соблюдении определенных образных сфер, не досягаемых человеком в его реальном существовании (например, лирическое начало в арабской музыке). Художественный образ также является отражением первонального мира, а не попыткой изменять или создавать его.

В арабском обществе существуют многочисленные факторы, свидетельствующие о существовании определенных форм социальной организации, установок, характерных для докапиталистических отношений. Если рассмотреть это на уровне социальных ценностей, которые определяют поведение человека и организуют его отношения с другими членами общества, а также детерминируют его идейный облик, то они берут свое начало в бедуинских ценностях и традициях. Принципиально — это ценности, которые отражают патриархальную традиционную сторону родоплеменного общества. Хотя и существуют ценности, связанные с городской жизнью, но они обретают, по словам арабского социолога Х.Бараката, скорее “классовый характер”, чем социальный. На основе этого “коллектив, а не индивид формирует социальное ядро, и господствующие ценности в арабском обществе имеют скорее коллективный характер, нежели индивидуальный”. Такая жесткая закрепленность “ставит индивида в определенное подчинение, в результате чего человек теряет свою свободу, индивидуальность и независимость, а также самостоятельность. Он зажимает свои желания, которые владеют им, и идет против своих собственных убеждений”. Патриархальная семья часто выступает в роли этого коллектива. Она становится “основой производства в земледелии, торговле и ремесленной промышленности”.

Кроме этого, закрепленность религии в сознании индивида делает ее регулирующим фактором социальной и умственной деятельности таким образом, как считает Барракат, что основа традиционализма лежит в этом “семейном, религиозно-политическом и воспитательном единстве”. Тенденция прославить прошлое и его культурное наследие в арабском обществе есть не что иное, как сущность арабского сознания, которое находит в прошлом свое оправдание. А прошлое находит в структуре настоящего объективные предпосылки для своего существования.

Все это оставляет свой отпечаток на формировании сознания индивидов и, следовательно, формирует определенный тип личности, деятельность которой не выходит за рамки общественного классового сознания. Говорить о личности, которая обладает самосознанием, здесь неуместно. Ибо самосознание личности проявляется в процессе выделения человека из объективного мира и осознания им своей деятельности по отношению к миру. Это значит, что человек осознает себя принадлежащим данному обществу. Если личность человека в докапиталистическом обществе есть отражение коллектива, то в капиталистическом обществе она становится отношением к этому коллективу. Новый тип производства означал новые типы социальных связей и новое отношение к труду, основанное на отрыве человека как носителя живого труда от объективных предпосылок. Происходит выделение человека из окружающей его действительности.

В Европе этот процесс начался с эпохи Возрождения, которая ознаменовала новое отношение к внешнему миру. Искусство стало восприниматься как самостоятельная сфера художественной деятельности, чего не увидишь в восточных странах, где в силу исторической специфики современного становления был прерван естественный и нормальный ход развития.

Самосознание личности не существует в абсолютном виде. Оно всегда носит исторический характер и зависит от развития человека как культурно-исторического субъекта. В докапиталистической эпохе самосознание личности поглощается родом или коллективом, который является носителем человеческой сущности. С появлением капитализма и разрушением существующего до него строя начинается процесс формирования нации. Здесь отношение индивида к коллективу под-

нимается на более высокий уровень: это его отношение к собственной нации. Таким образом, самосознание личности начинает приобретать национальный характер.

Национальное самосознание, главным образом, проявляется как активное отношение человека к окружающим его людям, членам его общества. Это не отношение подчинения коллективу, а отношение двух равноправных субъектов. Человек осмысливает свое понимание, видение, свою роль по отношению к окружающему миру. И при этом расширяется поле деятельности сознания, поскольку оно охватывает не узкий коллектив, а многочисленную группу людей, тоже самостоятельный в свою очередь.

В европейских странах этот процесс был результатом новых общественно-экономических отношений, возникших на обломках феодального строя, эта историческая миссия могла осуществляться только как результат внутренних социальных потребностей европейских обществ. Иначе говоря, возникновение европейских наций является прямым результатом разрушения феодального строя. А это, прежде всего, классовый процесс. Поэтому можно утверждать, что формирование европейских наций было результатом классовой борьбы в рамках социальной структуры европейских обществ.

Но на Востоке картина совсем иная. Процесс естественного развития арабских обществ через уничтожение феодального строя был прерван империалистическим колониализмом. Таким образом, материальная основа для формирования нации не была подготовлена, поскольку колониальная зависимость через колониальный способ производства лишает эти общества возможности ликвидировать остатки феодализма и построить собственные социально-экономические связи внутри страны. В условиях колониальной зависимости говорить о формировании нации не приходится, ибо народы этих стран не обладают господством над материальными условиями своей жизни.

Характер труда в этих обществах является потребительским, а не производительным, в то время как только последний приводит к развитию общественных отношений. Существующие общественно-экономические связи, вплоть до государственной структуры, являются следствием колониальной зависимости и служат интересам международного капитала. Это диктуется международным империалистическим разделением труда. О какой нации при такой зависимости может идти речь?

Становление новой социальной структуры не было результатом классовой дифференциации двух антагонистических классов, а явилось следствием империалистического проникновения, в результате чего существовавшие производственные отношения были превращены в движение последнего. Поэтому, по Амелю, существенной спецификой колониальных обществ является индифференциация классов их социальной структуре, поскольку существует промышленное звено в рамках колониальной зависимости. Характер буржуазии в этих обществах определяется финансовой торговли-потребительской функцией в рамках колониального международного разделения труда.

При таком историческом положении можно ли говорить о национальном самосознании в этих обществах? И если эти народы не сформировались в нацию, то какую форму приобретает их общность? Вопросы закономерные, попытаемся ответить на них.

Многие исследователи считают вторую половину XIX в. началом возникновения национальной арабской мысли, когда политическое выражение противодействия турецкому игу появилось у некоторых арабских деятелей. Социально-политическая ситуация, в которой оказалась османская власть, способствовала его дальнейшему развитию. Это движение вошло в историю под названием "Арабское Возрождение". Представителями этого Возрождения была группа арабских мыслителей и интеллигентов. Борьба их против османского угнетения отражала стремление арабского народа освободиться от многовековой дискриминации, от жесткой централизованной экономической политики, которая начала противоречить интересам рабочего в начале 70-х гг. XIX в. класса торговой арабской буржуазии — купцов, поддерживающих контакты с Западом. При этом Ливан играл основную связующую роль между западной цивилизацией и Востоком. Контакты с Западом, особенно идеи Великой французской революции, оказали влияние на рост движения протеста против турецкого порабощения. Все это сопровождалось призывом к возрождению арабского духа и арабской истории с ее прошлыми высокими достижениями. Под таким лозунгом объединились все силы арабского общества, и

это способствовало формированию "сильного стимула, возбуждению национальных чувств, которые превратятся затем в стимул для национального освобождения" (Х.Мруд).

Борьба против турецкого колониализма не привела к осуществлению надежды арабского народа на национальное освобождение. В результате первой мировой войны арабские страны оказались под английским и французским колониализмом. Национальные устремления превращаются в национально-освободительное движение, история которого определяла и определяет до наших дней политическую историю современных арабских стран, в большинстве получивших независимость после второй мировой войны.

Что же следует из вышесказанного? Главная специфика национального арабского самосознания заключается в том, что оно возникло как реакция на иностранный колониализм, а не в результате изменения социальных структур общества, как это было в Европе при переходе от феодализма к капитализму, т.е. это не было собственно социальным требованием развития производительных сил этого общества, нуждающихся в новых общественных отношениях, способных изменить характер этого общества. Это было стремление освободиться от иностранного колониализма. В первом случае развитие самосознания определяется как вертикально направленное на отношение индивида к своему обществу на определенном этапе его исторического развития. Во втором случае самосознание имеет горизонтальное движение, т.е. отношение индивида к другому обществу. Здесь оба движения взаимосвязаны, причем первое определяет второе. Первое имеет социально-классовый характер, второе не только социально-классовый, но и этнический.

Итак, главная специфика арабских стран заключается в наличии национально-освободительного движения. Она выражает стремление арабского народа покончить с состоянием зависимости от империализма и решить многочисленные социально-экономические проблемы, которые держат народ в состоянии бедности и отсталости во всех сферах жизни. Это значит, что судьба арабского народа зависит от развития арабского освободительного движения в целом. Но длительное время, вплоть до наших дней руководство этого движения представляла буржуазия с ее национальной идеологией, которая опирается на отделение национально-этнического от социального. И в этом состоит "классовый конфликт", поскольку в борьбе за национальное освобождение поднимаются общенациональные лозунги, цель которых — скрыть классовые интересы.

Как мы выяснили ранее, эта буржуазия — порождение колониализма, она зависима от западной буржуазии. Главное условие национального освобождения — покончить с колониальными отношениями. Но это значит, что колониальная буржуазия должна идти против своих собственных интересов, т.е. против условий своего существования, против самой себя. Пытаясь избежать этого, она начинает представлять кризис как борьбу национальную, т.е. борьбу одной нации против другой, где каждая имеет свою неповторимую самобытность. Отсюда всякие попытки абсолютизировать национальное и утвердить такие понятия, как общенациональные интересы, самобытность культуры, или, скажем, специфика национального самосознания. Отсюда возникают такие проблемы, как Восток — Запад, традиция и новаторство, национальное и интернациональное. Их постановка отражает конфликт национального мышления как идеалистического решения культурной проблемы общества. Но это проблема не культуры, а самого общества в целом.

Итак, мы видим, каким образом этнонациональное сознание в национальной идеологии подавляет социально-классовое сознание. Это одно из проявлений нарушений в историческом развитии арабского общества, о котором шла речь вначале. Если в Европе история общества определила национальное сознание в рамках борьбы против феодализма, и это было исторической миссией, то историческая миссия, которая диктует развитие наших обществ — это покончить с колониальной зависимостью и с колониальной буржуазией. В этом — исторические рамки национального сознания арабского общества, от этого начинается процесс формирования нации.

Существующая форма общности людей на современном этапе — некая особая форма общности, сформированная как следствие определенной формы развития капитализма — колониальной. До тех пор, пока господствующая идеология есть идеология господствующего класса, существующее национальное сознание функционирует в массовом сознании в его буржуазном понимании. Поэтому даже его

нельзя назвать сознанием национальным. Это скорее чувства этнического характера, опирающиеся на родоплеменную сплоченность, коренящуюся в арабских докапиталистических традициях, которые в силу колониальной социальной структуры продолжают существовать в виде цепы, оплачиваемой за существование в настоящем элементов докапиталистической структуры.

Вышесказанное не определяет специфические черты в арабском обществе в целом, а лишь его господствующую культуру, и поскольку мысли господствующего класса становятся господствующими мыслями, они доминируют. Однако специфические особенности культуры определенного общества определяет всецело не господствующая культура, а совокупность разных культур в их взаимодействии.

Культура не может быть отделена от определенной идеиной структуры, которая ее определяет и детерминирует. Она выступает как идеологическая форма выражения идеиной структуры, поскольку отношение мышления к действительности проявляется не непосредственно, а через идеологическую структуру социальной структуры. Неоднородность этой социальной структуры, дифференциация ее на классы предполагает дифференциацию ее идеиной структуры и, следовательно, ее идеологическую структуру и ее формы. Отсюда мысль В.И.Ленина о том, что в любой национальной культуре существуют две культуры. Буржуазная культура, хотя она господствующая, не является культурой всего общества. Демократическая культура в арабском обществе берет свое начало из глубины истории национально-освободительного движения. Эта культура направлена прежде всего на критику и отказ от существующих норм и положений в обществе и выступает как антигосподствующая культура и как ее альтернатива. Уровень борьбы этих двух культур обусловлен уровнем развития классовых противоречий социальной структуры, которая обеспечивает их объективное сосуществование, несмотря на относительность культурных процессов.

Но культура как часть идеологического процесса имеет также и собственное развитие в рамках общего социального развития. Какова же перспектива борьбы двух культур? Сможет ли демократическая культура стать господствующей в обществе? Теоретически мы отвечаем "да", ибо относительность культуры (искусства) есть также относительность ее будущих условий. Примером этому служит европейская культура. Искусство новой эпохи начало господствовать, несмотря на существование у политической власти феодальной монархии. Практически это зависит от деятельности самих деятелей новой культуры за утверждение в жизни своей позиции. Следовательно, это зависит от того, до какой степени новая культура является действительно историческим требованием общества в борьбе против старой.

Но стать господствующей не значит стать доминирующей. Если понятие "господствующая" относится к надстройке культуры, то понятие "доминирующая" относится к базису культуры, который определяет ее общественное значение. Поэтому господствующая новая культура не может быть доминирующей, если не будет происходить ломка социальной структуры, т.е. не придет время ее снятия. Взаимоотношение господствующей и доминирующей культур — диалектическое. Старая доминирующая культура в ее объективных условиях влияет на формирование новой господствующей культуры, которая после формирования новой социальной структуры начинает доминировать. Поэтому переменам в искусстве предшествуют перемены в материальной действительности.

Что же означает термин "национальная культура"? Во-первых, формально, это может означать культуру данной нации — как этноса, т.е. этническую сущность данной культуры. Однако, во-вторых, с исторической точки зрения, этот термин означает определенную социально-историческую сущность культуры данного этноса. Следовательно, понятие возникло в условиях, когда форма общности людей (данного этноса) достигла уровня нации.

Таким образом, понятие "национальная культура" означает культуру как результат возникновения новой формы общности людей (данного этноса) — нации, т.е. культуру, производимую при определенных общественно-экономических и политических отношениях. На том историческом этапе, когда формировались нации, это были буржуазные отношения. Следовательно, под понятием "национальная культура" понимается буржуазная культура. Но поскольку на определенном этапе развития социальной структуры во время ее формирования мысли господствующего класса превращаются в мысли всего общества, то буржуазная культура при-

обретает форму всеобщей и проявляется как культура всей нации. Она определяет и объединяет в своей сущности все духовные процессы в обществе. Со временем понятие "национальная культура" начинает модифицироваться, поскольку она, будучи буржуазной, получает также распространение в демократической части общества, т.е. становится культурой иной сущности, иной социальной функции.

В процессе обострения противоречий в социальной структуре, когда они концентрируются вокруг политического фактора, "национальная культура" как часть идеологического уровня становится предметом политической борьбы.

Механизм противоречия двух культур осуществляется по-разному в каждой социальной структуре. В европейской — механизме развития капитализма состоит в тяготении его к абсолютной экспансии, и, следовательно, в его стремлении к уничтожению предшествующих производственных отношений. Буржуазная демократия находит в механизме развития капитализма материальную основу для своего расширения так, чтобы она могла принимать и охватывать деятельность противоположного класса в его политической независимости. Поэтому процесс модификации национальной культуры может произойти безболезненно, т.е. без острой конфронтации между буржуазной культурой и демократической. В силу своего действительного существования буржуазная демократия гибко воспринимает влияние и распространение демократической культуры в обществе. Национальная культура, таким образом, наполняется другими качествами, которые начинают эстетизироваться во всем обществе без того, чтобы культура стала предметом политической борьбы. Но в колониальной структуре мы наблюдаем другие процессы. Колониальная буржуазия не терпит независимого политического формирования противоположного класса, ибо ограниченность демократичности колониальной буржуазии предопределена ограниченностью самого колониального развития. Здесь механизм колониального способа производства проявляется в тяготении его к ограниченной экспансии, и, следовательно, к сохранению существующих докапиталистических производственных отношений, и является теми рамками, в которых колониальная буржуазия обязательно подавляет всякое независимое политическое формирование противоположного ей класса — ибо этот процесс происходит в период кризиса колониального способа производства.

В колониальной социальной структуре отсутствует возможность покончить с докапиталистическими производственными отношениями автоматически, да еще воспроизводятся характерные для них формы духовного производства. Отсюда присутствие и широкое распространение в колониальных обществах фольклора. Но существование этих форм в условиях товарно-торгового потребительского общества (как результат колониального производства) происходит в ущерб этим формам. Они искажаются и теряют свою эстетическую ценность, поскольку воспроизводятся не в свое историческое время. Смешение традиционных форм творчества и коммерческого искусства становится сутью господствующей культуры в обществе. В таких обществах и национальной культуры не существует!

Таким образом, мы имеем дело с двумя разными ситуациями. Если в европейских обществах под видом национальной культуры культура буржуазии объединяла всю нацию, то в колониальных обществах колониальная буржуазия не имеет даже собственной культуры для такого благородного дела, ибо она даже не может объединить материальную основу своего общества. Взамен этого колониальная буржуазия начинает оправдывать воспроизведение старой культуры идеологическим путем. Она делает это потому, что вынуждена каким-то образом противостоять другой культуре общества — демократической культуре. Таким образом, в понятии "национальной культуры" — культура выступает уже как предмет политической борьбы.

Буржуазия в этих странах делает все возможное, чтобы погасить демократическую культуру. И она использует для этого все возможные средства, и в том числе государственный аппарат, чтобы задержать распространение демократической культуры в обществе — как культуры "не национальной".

Отсюда, в отличие от европейских, в колониальных обществах так остро и постоянно существует проблема "национальной культуры". Проблема наследия. Проблема развития традиций. И сколько прилагается усилий для решения этих проблем!.. Все равно они остаются и будут оставаться нерешенными. Ибо они связаны и определенной социальной структурой, которая их порождает. Эти проблемы являются структурными, и они требуют решения такого же уровня.

Ідею, втілену в граніт, не зруйнувати

O.C.Чорнобривцева

"Василь Бородай — скульптор і художник високої сили мистецької, великого творчого напруження".

Павло Тичина

Кияни і гості міста ще пам'ятають монумент Жовневої революції, що височів, прикрашаючи і звеличуєчи одноіменну площу столиці України. Тринадцять років тривала робота творчої групи — скульпторів В.Бородая (керівник групи), І.Зноби, В.Зноби, архітекторів М.Скибіцького, О.Малиновського,

Двадцятидводиметрова стела-прапор, як і постать воїнів, були висічені з червоного граніту. Ілліч поставав перед нами внутрішньо напруженим, цілеспрямованим, в оточенні чотирьох бронзових постатей — солдатів революції. Монумент приваблював передачею знаменних подій жовтневих днів 1917 року стриманою, лаконічною мовою. Урочисте відкриття пам'ятника відбулося в дні св'яткування шестидесятиріччя Великого Жовтня. На відкритті говорилось, що цей монумент — даніна вдячності українського народу Володимиру Іллічу Леніну. Разом з тим, це пам'ятник країним синам і дочкам нашої Вітчизни — путілівцям і арсенальцям, балтійцям і чорноморцям, дружинникам Червоної Пресні і героям Переокупу, всім тим, хто своїм життям і боротьбою утверджував епоху. У св'яткові дні уряд республіки приймав тут демонстрації трудящих, військові паради, тут відкривалися фестивалі "Київська весна", "Золота осінь"...

Тепер нас уже не вітає цей пам'ятник, який майстрами Союзу був визнаний одним із кращих в країні. Прикрашаючи ганебний вандалізм, ставлять на місці монумента то рекламу банку, то ще якихось шахрай-грабіжників. Серед колег Василя Захаровича знайшлися іуди від мистецтва. Вони винесли вердикт: пам'ятник не має історичної та художньої цінності. А слідом за іудами зробили свою ганебну справу доморощені герострати. Оскільки граніт не горить, вони крадьком меморіал знесли. Але не знищили пам'ять людську, вона — безсмертна.

Хочеться нагадати, що без пам'ятників В.Бородая неможливо сьогодні уявити столицю України. У співавторстві з М.Лисенком і М.Суходоловим було створено пам'ятник Щорсу на бульварі Шевченка. Його таланту належать пам'ятники Лесі Українці (Першотравневий парк), пам'ятник чекістам...

Комплекс "Український державний музей Великої Вітчизняної війни" був задуманий видатним радянським скульптором, Героєм Соціалістичної Праці, народним художником СРСР Є.В.Вучетичем (до речі, нашим земляком з Дніпропетровщини). На жаль, не судилося Вучетичу побачити свою ідею втіленою в життя. В.Бородай створив символ нашої Перемоги — скульптуру Батьківщини-матері, що постає в образі величної жінки з мечем і щитом у піднятих руках. Сила ідеї висловлюється автором монументально-узагальненою. Це комусь подобається, а комусь і ні. Та слід пам'ятати, що монумент стоятиме віки. А тому необхідно зрозуміти, наскільки складне завдання має художник, якому народ довірив створити такий масштабно-символічний пам'ятник.

Не можна хоч побіжно не згадати монументальну роботу шістдесятих років — споруджений за його проектом (архітектори П.Ігнащенко та О.Тутченко) пам'ятник героям-ковпаківцям у Яремчі Івано-Франківської області. Ми сприймаємо його, як монумент слави всьому партизанському рухові України, у лавах месників якого вибривали Перемогу понад півмільйона представників шістдесяти національностей нашої Вітчизни.

На польській землі в місті Саномирі, почесним гро-

мадянином якого є В.Бородай, стоїть пам'ятник Герою Радянського Союзу полковнику В.Ф.Скопенко. Скульптор втілив подвиг командира, який під час наступу Радянської Армії зробив усе, щоб зберегти для польського народу древній Саномир.

На честь 1500-річчя Києва в парку ім.В.Примакова відкрито пам'ятник В.Бородая "Засновникам Києва". Понад двадцять років працював скульптор над цим чудовим витвором мистецтва. Його полонили образи наших далеких предків — розумних і сильних людей, які знайшли таке чарівне місце для свого поселення. Готовуючись виконувати цю важливу роботу, Василь Захарович ретельно вивчив "Повість временних літ", і його надзвичайно вразила мудрість Нестора-літописця. Як наслідок роздумів, натхненної праці скульптора і постав цей пам'ятник. Ми бачимо, як дніпрові хвилі немов нарочуються на борт човна, що тільки-но пристав до берега з далекої минувшини. На човні стоять три брати — Кий, Щек, Хорив, а попереду немов слов'янська Ніке — богиня перемоги — їхня сестра Либідь. Пам'ятник розміщений вдало, адже неподалік — скульптура Батьківщини-матері. Відбувається своєрідна зустріч віків.

Познайомитися з В.Бородаем мені довелось у шістдесяті роки, коли працювала в Житомирському обкомі партії. Ми разом зі скульптором приїхали до села Головина на Житомирщині, щоб відбрати гранітну брилу для майбутнього пам'ятника чекістам у Києві. Коли спустилися в кар'єр, Василь Захарович, здавалося, забув про все на світі. Він, плигаючи, перебігав від одного каменя до іншого, захоплено схилявся над ними, гладив ширсткий граніт, оглядав з усіх боків, а очі просто випромінювали щастя. І я зрозуміла: лише великий талант може так любити своє мистецтво...

Народний художник СРСР, дійсний член АМ СРСР В.З.Бородай за участь у створенні комплексу "Український державний музей історії Великої Вітчизняної війни 1941-1945 років" удостоєний високого звання лауреата Ленінської премії. Його груди прикрашають ордени Леніна, Жовтневої революції, Дружби народів, Трудового Червоної пропора, три ордени Великої Вітчизняної війни, орден Червоної зірки.

Закінчуєчи коротку розповідь про чудову людину, талановитого митця, хочеться запевнити Василя Захаровича, що не може народ, який таких митців народжує, не прокинутись. Прийде час, коли монумент Жовтневої революції знову піdnіметься і займе своє почесне місце у столиці України.

НЕОБХІДНЕ ПІСЛЯСЛОВО

На центральній площі Києва волею трудового народу України 22 жовтня 1977 року було відкрито Монумент Великої Жовтневої соціалістичної революції. Частку свого таланту, свого серця в цей пам'ятник вклав і скульптор Василь Бородай.

Українська контрреволюція, прагнучи викреслити з пам'яті народу будь-яку згадку про всесвітньо-історичну подію, зруйнувала монумент. Варварство намагалися замаскувати, вдягнути в шати "законності".

26 серпня 1991р. виконкомом Київської міської Ради прийняв рішення № 527 "Про демонтаж пам'ятника на Майдані Незалежності". Того ж дня рішенням № 524 площа і станцію метро, які носили горде імя Жовтневої

революції, було переіменовано. Прикриваючись міфічними "численними зверненнями громадських організацій та громадян", міськвионком вимагав провести демонтаж пам'ятника в найкоротші строки. Київська міська Рада, в якій уже майже не залишилося НАРОДНИХ депутатів, затвердила це рішення. Історичні та духовні пігмеї зажадали "негайно приступити" до руйнації. Не зупинило їх те, що виники величезні технічні складності, фінансові витрати перевишили витрати на спорудження. 12 вересня розпочалося руйнування пам'ятника.

Це був не поодинокий варварський акт. Варварство зводилося в ранг державної політики. Комісія Київради з питань культури внесла пропозиції стосовно ліквідації цілого ряду пам'яток радянської історії, що "не становлять ніякої мистецької цінності" ("Хрештатик", 10.10.1991). "Естети", "мистецтвознавці" з кувалдою в руках і ненавистю в очах замахнулися навіть на Музей історії Великої Вітчизняної війни, запропонувавши демонтувати Мо-

умент Батьківщини-матері. Саме за участь в увічненні пам'яті про Велику Вітчизняну В.Бородай в 1984 році був удостоєний Ленінської премії.

Такі дії влади давали повну волю правим екстремістам. У ніч з 19 на 20 вересня було сплюндровано священне для кожної людини місце - Могилу Невідомого солдата в Києві. "Хтось" раптово виключив освітлення, "хтось" передбачливо прибрав нічний міліцейський пост... Налякані наочним прикладом реалізації своєї лінії, керівники Київради висловили на словах обурення, а рішенням №639 від 20 вересня встановили дві премії по 10 000 крб. для тих, хто допоможе в пошуку винних. Винних у конкретному акті варварства так і не було знайдено. Але відомі винні у зведені варварства в ранг політики держави. Це - українська контрреволюція.

Ми знаємо, пройдуть біди й лихоліття, і трудовий народ України знайде спосіб гідно увічнити пам'ять про Велику Жовтневу соціалістичну революцію.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Почему погибает Югославия

(Продолжение агрессии Запада в 1995 г.)

П.Ч.Миличевич

В журнале "Марксизм и современность" (1995 г., №4) напечатан сокращенный вариант моей статьи "Почему погибает Югославия". Учитывая, что статья по объективным причинам года полтора дожидалась публикации, я решил своим долгом дополнить ее новыми материалами в соответствии с дальнейшим развитием политической ситуации и новыми агрессивными действиями Запада в Югославии.

Предыдущая статья заканчивалась констатацией того факта, что Республика Сербская Краина в Хорватии, Республика Сербская в Боснии и Герцеговине, новая Союзная Республика Югославия с республиками Сербской и Черногорской находились в 1991-1994 гг. в тяжелейшем положении, в полной экономической и политической блокаде. С моря они были блокированы флотами США и НАТО. На границах — полицейские УМПРАФОРа. Была перерезана поставка нефти и газа, прерваны все внешнеторговые и политические связи. Небо Югославии контролировалось мощными соединениями американской и натовской авиации. Американцы от старых угроз разбомбить неподступных перешли к практическим военным действиям, в открытую помогая хорватским и мусульманским профашистским, националистическим элементам.

Западные ястребы, или, как их называет послушная мировая пресса, "миротворцы", не скрывали своих рассуждений, сводящихся, если говорить по существу, к следующему: раз эти сербы, эти сербские республики не хотят понимать, что мы им говорим, не хотят принимать наши ультиматумы, их надо уничтожить. И лучше всего было бы уничтожить скопом, одним ударом, если, конечно, Республика Сербская Краина в Хорватии и Республика Сербская в Боснии объединятся в одно государство и если Союзная Югославия открыто заступится за своих братьев сербов в Боснии и Хорватии. Как известно, до объединения дело по разным причинам не дошло, и Запад решил уничтожать эти республики поодиночке. Наступал еще более трагичный 1995 год.

* * *

Первый удар был предназначен Республике Сербская Краина, территориально самой западной из сербских республик и дающей выход сербам к Адриатическому морю. Надо отдать должное американцам. Для реализации своих замыслов они не жалели ни сил, ни умения. Готовились они к этому удару очень тщательно, в течение целого года вплоть

до лета 1995 года. Подготовка велась по всем направлениям: от массированного оболяживания европейцев и американцев, накачивания их бреднями о злодеяниях этих "бандитов сербов", от массированной пропаганды в поддержку хорватского "фюрера" Туджмана и разжигания националистической ненависти хорватов к их же братьям сербам до тщательной разработки и материального обеспечения всего комплекса военных вопросов. Начальник военной разведки США Фред Сойстер был освобожден от своих обязанностей и переброшен в столицу Хорватии — Загреб, где и возглавил военные приготовления хорватской армии.

В течение 1994 года хорватская армия была из ополченческой превращена в двухсоттысячную регулярную армию по образцу армии США. Вопреки действующему эмбарго, принятому ООН, запрещающему поставку оружия всем воюющим в Югославии сторонам, хорватская армия была американцами вооружена "до зубов". Она получила огромное количество военной техники, в том числе бронированные вертолеты Ми-24, истребители-бомбардировщики МиГ-21, массу бронетранспортеров советского производства, подаренных по существу Горбачевым ФРГ после предательства ГДР. Американцы предоставили хорватской армии также полный комплекс разведданных и благословили Туджмана на операцию "Буря".

В первый же день наступления, запланированного на 4 августа 1995 г., американскими средствами дезинформации были выведены из строя все средства связи армии Республики. Под руководством американцев и при их техническом обеспечении была совершена злодейская провокация, когда огромная волна дезорганизующих команд по радио и телекоммуникациям обрушилась на Республику. И населению, и армейским частям предлагалось, якобы от имени высшего руководства Республики, отступать в Боснию. Вслед за отступающим народом по ложным командам началось и отступление армии. Что мог противопоставить 600-тысячный народ Сербской Краины объединенному натиску Америки и хорватских неофашистов? Только сорок тысяч слабовооруженных ополченцев, не имеющих союзников, и с руководством, не справившимся со сложными задачами, которые выдвинула жизнь в те трагические для Республики дни. Под

непрерывными бомбёжками и огнем американо-усташской артиллерией по всему фронту отступали мирные жители и ополченцы через Боснию и по основной магистрали Славонии в Союзную Республику Югославию. Так пала Республика Сербская Краина, так был растоптан самый западный форпост человечности, социальной справедливости, православия, а если говорить языком московских государственников, так пал форпост и русских geopolитических интересов на Балканах.

Правда, осталась неоккупированной агрессорами на востоке небольшая территория Сербской Краины с площадью не более 2000 квадратных километров, прилепленная к правому берегу Дуная и имеющая общую границу с Союзной Республикой Югославией. Читатель помнит из сообщений газет 1992 г. о кровопролитных боях в Баране, в городах Вуковар, Винковцы. Это все города и территории, никогда не принадлежащие Хорватии, населенные испокон веков сербами и русинами. Туджман их хотел оставить за собой, но тогда в 1992 г. уступил.

Трудно предсказать дальнейший ход развития событий, ибо не он, а американцы будут решать, как Туджману поступить. Немалую роль в решении этого нового взрывоопасного узла будет играть Союзная Югославия, ибо речь идет о сербском народе непосредственно на границе Югославии. Кроме того, если Туджману удастся захватить и эту восточную часть Сербской Краины, он не только выходит на правый берег Дуная, но и у города Апатина переходит на его левый берег, перерезая основную водную артерию Югославии, соединяющую ее со странами Средней Европы. Так что и здесь создан чрезвычайно опасный узел, взорвать который можно, подтолкнув к этому в очередной раз Туджмана. А Туджману в его эйфории победителя много и не надо. Он уже хвастал на митинге в оккупированной им столице Республики Сербская Краина в августе 1995 г., что через несколько месяцев он будет пить кофе в ресторане оккупированного им Земуна — одного из районов столицы СРЮ Белграда. Вот такая существует мечта у ставленника США и Германии Туджмана — вождя хорватских неоусташей.

* * *

После этих успешных для Запада военных операций в августе 1995 г. Запад решил их использовать в своих дальнейших действиях. Перед американскими стратегами всталась задача быстрой ликвидации боснийского камня преткновения — Республики Сербской в Боснии. Конечно, был разработан план операции. Однако, ввиду нехватки времени, план этот по примитивности задумки легко можно спутать со сценарием американских вестернов, где много крови и мало человечности. Посмотрите, читатель, сами.

Сначала 28 августа 1995 г. из самого Сараева был запущен 120 мм снаряд в сторону рынка Маркале. Снаряд взорвался на переполненной народом улице. Было убито 37 и ранено 85 человек. Не теряя времени, НАТО во главе с американцами тут же создает свою комиссию, которая в течение суток (!!!) выдала заключение, что снаряд был выпущен со стороны сербских позиций. Командующий армией Республики Сербской генерал Младич сразу предложил командующему УМПРАФОРа генералу Смиту сформировать смешанную комиссию из специалистов УМПРАФОРа, России, сербской и мусульманской стороны для объективного расследования и установления истины. Предложение было отклонено. Американской стороне было указано, что в феврале 1994 г. на тот же рынок Маркале была выпущена мина, от которой погибли 68 и ранено 200 человек. И тогда такая же американская комиссия утверждала, что виновником является сербская сторона, а потом были найдены виновники на мусульманской стороне. Это тоже не было принято во внимание.

Российский полковник Анатолий Демуренко, будучи в это время начальником штаба УМПРАФОРа сектора "Сараево", провел самостоятельное расследование и опроверг заключение комиссии о том, что снаряд был выпущен с сербских позиций. В интервью журналистам он заявил, что, прежде всего, комиссии для расследования необходимо было как минимум несколько дней и даже неделю. За несколько часов работы, которые использовала комиссия НАТО, вообще нельзя, невозможно принять достоверное заключение. Сербы ошибочно обвинены в агрессии, а решение НАТО наказать Республику Сербскую бомбовыми ударами как минимум не продумано. Полковник Демуренко показал некоторые графики и расчеты своих исследований и заявил: "Я располагаю материалами, которые показывают, что сербы невиновны в преступлении, но сейчас я их не могу сообщить. От своих вышестоящих начальников я получил категорический приказ не давать никаких материалов после сво-

его первого интервью, которое я дал ИТАР-ТАСС".

На вопрос журналистов — может ли он стать жертвой снайпера, или взрыва автомашины, или, может, его ждет арест, полковник ответил, что несколько раз ему угрожали неизвестные личности, он — солдат, и это его не беспокоит. Меня беспокоит, заявил полковник, тот факт, что вам я не могу вследствие запрета дать подробности своего расследования. Может быть, все разъяснится через несколько дней. И, действительно, через несколько дней все стало на свои места. Исчез полковник Демуренко. Исчез и из ИТАР-ТАСС, исчез со страниц мировой прессы. Нет его нигде и забыли про него. Вообще-то американцы — большие мастаки по устранению нежелательных свидетелей. Вспомним хотя бы их "великолепную" операцию по устранению 26 свидетелей убийства собственного президента. А тут, подумаешь, какой-то российский полковник проводит самостоятельное расследование!

Натовская комиссия указала на сербов как виновников взрыва в Маркале, и этого было достаточно, чтобы генеральный секретарь ООН Бутрос Гали поспешил с "просьбой" в НАТО наказать этих злодеев, чтобы его "добрейшие" силы обрушили воздушные и артиллерийские удары на сербские военные позиции. Но это еще не все. Он дал карт-бланш военным начальникам НАТО на проведение крупнейшей военной операции против Республики Сербской. Началось что-то уму непостижимое даже для американских и европейских добродорядочных мещан, которых накачивали байками о "миротворческих" усилиях Америки, НАТО, ООН, а оказалось, что американские "фантомы", французские "марики", немецкие "торнадо" бомбят сербские позиции и мирные города и села, а под их прикрытием мусульманские фундаменталисты вместе с хорватскими подразделениями неоусташей переходят в наступление по всему фронту, захватывая территории Республики Сербской.

За три недели сентября 1995 г., как хвастливо сообщали натовские обозреватели, над территорией Республики Сербской было произведено 4,5 тысячи боевых вылетов. А ведь эта территория меньше Московской области. И опять потекла кровь, потянулись колонны беженцев — неодетых, необутых, изможденных детей, матерей, стариков, уходящих на север к Баня Луке, спасаясь от зверств натовских стервятников, фундаменталистов и неоусташей. Никому из читателей не желаю пережить подобное.

Республика Сербская под жестокими ударами НАТО хотя и потеряла почти одну треть своей территории в юго-западной и западной Боснии, все-таки выдержала натиск агрессоров и удерживает в конце 1995 г. позиции на линии Сански Мост, Ключ, Баня Лука, Добой, Брчко. После кровопролитных боев, наступила полоса неустойчивого равновесия и бесконечных переговоров о мире. "Миротворцы" приступили опять ко второму варианту своей деятельности — выкручиванию рук теперь мирными средствами — угрозами и шантажом. Как известно, в ноябре 1995 г. американцы выкрутили руки сербским руководителям, и они были вынуждены под угрозами бомбёжек и ужесточения блокады на американской военной базе принять их диктат или, как трубят западная пресса, "американские мирные предложения".

* * *

Как известно, США после разгрома Советского Союза стали единственной сверхдержавой и ввиду такого своего положения захотели, как и когда-то Гитлер, завести "новый порядок" в мире. Конечно, государственные мужи США понимают, что управлять этим сложным миром без подручных нельзя. И вот, намечены три ставленника: Германия в Европе, Япония на Дальнем Востоке и Турция в мусульманском мире. С Южной Америкой и Африкой хозяева, вероятно, надеются сами справиться. К слову сказать, все три кандидатуры — державы безъядерные и будут в обозримом будущем послушными, ввиду чего и годятся в подручные.

Может возникнуть вопрос: а какое это имеет значение для Югославии? Имеет, и даже очень непосредственное, и касается это двух ставленников США — Германии и Турции. Германия должна быть подчинены Словения, Хорватия и обеспечен выход к "теплым морям" — к Адриатике. О каком-то там славяно-православном оазисе, да еще с социалистическим уклоном, о какой-то там Республике Сербской Краине не может быть и речи. Убрать и только! И, действительно, убрали, растоптали в августе 1995 г. Монастыри, церкви уничтожали, сербские деревни бульдозерами сравнивали с землей, а затем тракторами площади распахивали. Стоит ровное поле и тишина кругом. Ничего не скажешь: "культурно" сделано, "цивилизованно".

Ставленнику США в обширном мусульманском мире

— Турции необходимо будет постепенно поставить под контроль бывшие советские мусульманские республики на Востоке — Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизию, Казахстан. А на Западе, по замыслу “хозяйна”, форпостом мусульманской “конфедерации” должна быть исламская республика в центре Балкан, то ли как противовес, то ли как союзник мощной Германии. Американские стратеги понимают, что позиция этого исламского образования может быть укреплена только при ликвидации Республики Сербской в Боснии, что и пытаются сделать непрерывными бомбардировками натовской авиацией и артиллерией в полном взаимодействии с подразделениями мусульманских и хорватских неофашистов. К потокам беженцев из уничтоженной Республики Сербской Краины присоединяются сотни тысяч беженцев из захваченных агрессором областей Республики Сербской. Военные мероприятия американцы чередуют с “миротворческими”, во время проведения которых проводится “выкручивание” рук и Караджичу, и Милошевичу с требованием все новых и новых уступок.

Поддерживаемый и покукаемый США и богатеями мусульманского мира лидер боснийских фундаменталистов, бывший эсэсовец Изетбегович выставляет на этих переговорах все новые и новые претензии и требования. Теперь ему мало не то что 30%, теперь ему мало 51% всей территории. Теперь ему подавай столицу Сараево, где до 1991 г. жило более 120000 сербского, православного населения. Подавай ему и второй по величине сербский город Баня Луку. И, что самое главное, подавай ему гарантированный широкий коридор до Горажде — небольшого городка, название которого часто мелькает в иностранной и русской печати.

Вот почему этот городок на левом берегу стремительной Дрины вдруг стал таким важным и весомым фактором в решении вопроса — быть или не быть миру в Боснии. Вот почему этот когда-то патриархальный, мирный православно-мусульманский сербский городок стал анклавом, о котором заботливо печется “человеколюбивое” мировое сообщество и в ультимативной форме требует к нему коридора от Сараева до границы на Востоке, рассекая Республику Сербскую на две части. Иначе мы пошлем туда войска НАТО — угрожают “миротворцы”. Такую позицию могут занимать только люди, вообще не заинтересованные в справедливом мире. Ибо не трудно сообразить, что такое требование почти неприемлемо для сербской стороны. Оно вынуждает сербов выделить свои же земли для гарантированного коридора, который разрежет Республику пополам. “Миротворцы” и добиваются отрицательного ответа, чтобы выставить сербов в роли непримиримых злодеев, которые, вот видите, не принимают наши гуманные предложения. И опять пойдут в ход бомбы, артиллерия, атаки западных наемников, опять будет проливаться кровь невинных людей.

Однако, к большому сожалению, в этой гнусной волне вокруг городка Горажде, заложена более глубокая задумка заокеанских стратегов. Дело в том, что переплы়и сорокаметровую бурлящую Дрину, вы вступаете на территорию южной части Сербии, в так называемый “Санджак” со смешанным сербским и мусульманским населением, а это уже территория Союзной Республики Югославии. К этой области “Санджак” фундаменталист Изетбегович, поддерживаемый американцами, имеет, как он неоднократно заявлял, территориальные претензии. А дальше, если повнимательнее присмотреться, как на ладони видны замыслы заокеанских стратегов.

Юго-восточнее “Санджака” располагается сербская область “Косово и Метохия” со смешанным мусульманским, албанским и православным сербским и черногорским населением. Южнее “Косова и Метохии” — уже граница с мусульманской Албанией. Вот через городок Горажде и тянутся шупальцы Запада, которому мерецится создание большой мусульманской конфедерации на юго-востоке Европы под присмотром Турции и под эгидой США. Этих стратегов не беспокоит, что осуществление их замыслов сопряжено с будущими кровавыми столкновениями. На сегодняшний день важно создание взрывоопасных точек и обеспечение плацдармов.

Как показывает жизнь, первые шаги американцы в этом районе уже делают. Известно, что Югославия в трагические дни августа-сентября 1995 г. приняла более 500000 сербских беженцев из Республики Сербской Краины и Республики Сербской. Для Югославии это большая нагрузка. Беженцев надо обеспечить всем необходимым, ибо они ушли от своих очагов, все побросав. Народ принимал беженцев сердечно, общинно, по-славянски. Распределяли их по всей территории Республики. Было принято решение разместить их и в южных областях, в том числе и на Косове и Метохии. Но не тут-то было. Вдруг послышался сердитый оклик из-за

океана — не сметь расселять сербских беженцев на Косове и Метохии, мы, американцы, этого не позволим. И тут же последовало официальное сообщение: армейские подразделения США, дислоцированные в Албании, вместе с албанской армией проводят маневры вдоль югославско-албанской границы. Это Клинтон и компания уже на южных границах Югославии демонстрируют свою мощь, разминают свои стальные мышцы агрессоров.

На Западе обнародовано уже много различных сценариев военного разгрома непослушной Югославии. Вот, например, специалисты Джордж Кени и Майкл Дуган предлагали следующий план разгрома: сначала взлетают легкие истребители, громят югославскую авиацию, устанавливают господство в воздухе; затем с авиабаз в Италии взлетают бомбардировщики, громят югославские позиции; а затем только двинутся соединения американских, французских и итальянских войск. И тут же Кени и Дуган (о, святая простота!) сообщают, что все это будет оплачено богатой Саудовской Аравией. Вот радость-то какая! Этот американский план поддерживает и большой эксперт журнала НАТО-16 Ф.Боннер, который, правда, дополняет его нападением на Югославию с Севера силами России и Польши. Вот так! Предав Югославию в 1991-1992 гг., давайте теперь и атаковать ее вместе, нечего увиливать!

Военные специалисты журнала “Ил темпо” предлагали дополнить силы США, НАТО армиями Турции, Албании, Болгарии, Румынии. Определены три направления главных ударов. Первое направление — через Адриатику, каньон Неретвы в Боснию — обеспечивают американцы, НАТО. Второе направление обеспечивают Турция, Албания, страны ислаама — через Косово и Метохию, Санджак к центральной Сербии. Третье направление по Саве и Дунаю к Белграду обеспечивают Германия, Хорватия, Венгрия, Россия. И это были не пустые угрозы. Такой скромнейший англичанин Мейджер не жалел сил на путешествия по всему миру, чтобы обеспечить согласие всего западного мира на военную агрессию. Ведь такая бойня предвидится! Больше миллиона солдат и офицеров, вооруженных до зубов, ждут приказа двинуться на войну! Правда, при этом Европа хотела бы, чтобы в первых рядах шла “прославленная” в Гренаде, Панаме, Ираке, Сомали американская морская пехота, а США хотели бы это дело решать чужими телами, ибо спинным мозгом чувствуют, что это не Гренада, и тем более не Ирак.

Если бы не трагизм ситуации, которую в первую очередь создали американо-германские империалисты, можно было бы просто анализировать головоломные выкрутасы политиков и дипломатов Запада и их приспешников в ООН. Действительная картина искалечена до неузнаваемости, да еще все поставлено с ног на голову. Клинтон, Коль, Миттеран, Ширак, Мейджер — главные виновники кровавой бойни, — оказывается, “миротворцы”, а их сатрапы Туджман и Изетбегович, у которых руки по локоть в крови, оказывается, “национальные вожди”, “борцы цивилизованного” мира.

Русские люди не имели возможности собственными глазами увидеть как эти отцы “цивилизованного”, высокоразвитого Запада, при прямом попустительстве Ельцина-Козырева, именно костлявой рукой голода хотели задушить в 1993-1995 гг. стремление свободолюбивых народов решать самим свою судьбу. И при всем этом столько трескотни об американском гуманизме, правах человека, человечности, бескорыстной помощи!

Жесточайшая блокада, полиция УМПРАФОРа, голод, холод, отсутствие элементарных медикаментов, болезни, непрерывные бомбежки, захват жемчужной Адриатики атомными авианосцами, захват чужого неба, высадка своих войск там, где им заблагорассудится, — вот рычаги “миротворцев” Клинтона и компании. Под прикрытием неиссякаемой лживой болтовни они вершат свои темные дела, создают один за другим очаги и будущих кровопролитных междуусобиц, столкновений и, в свою очередь, новых бомбёжек, жутких страданий беженцев, колонны страдающих детей, матерей, стариков.

И хочется обратиться не к Клинтону и его команде, а к так называемым добропорядочным американцам и американкам. Да полно вам, господа, хвастать своей чистоплотностью, богоугодием, добродетелью и какими-то еще моральными качествами. Есть ли у вас совесть? Пока вами выбранная команда во главе с Клинтоном, обеспечивая прибыли и сверхприбыли вашим миллиардерам, а заодно и вам вашу полную до краев потребительскую корзину, пока эта команда заставляет ваших сыновей в вашей армии бомбить, превращать в руины города и села народа, защищавшего вас и ваши богатства от гитлеровских головорезов, народа, отдавшего в той кровопролитной войне за вашу свободу больше

жизней, чем все западные союзники вместе взятые, вы, объединившись и высавшись, молчаливо соглашаетесь на эти зверства. Ведь точно так же немецкие добродорядочные бюргеры помалкивали, пока их сыновья-гитлеровцы зверствовали в Европе. Чем это кончилось, хорошо известно.

* * *

На древнем гербе Сербии отчеканены четыре буквы — СССС, напоминая каждому сербу, что “Само Слога Србина Спасава!” (Только взаимопомощь поможет сербам!). Казалось, из глубины веков, как набат, доносилось в тяжкие 1991-1995 гг., завещание предков — держитесь вместе! И тем не менее, когда агрессоры в 1995 г. и с воздуха, и с суши громили западные сербские республики, зверски издеваясь над народом, Союзная Республика Югославия не заступилась за своих братьев и сестер, а вела бесконечные переговоры с этими клинтонаами, колями, изетбеговичами, туджманами и их представителями, пытаясь найти хоть какие-то приемлемые условия для примирения. В то же время у сотен тысяч сербских беженцев и измученных бойцов в горах Боснии и Герцеговины возникал немой вопрос — как же так, как же вы могли нас бросить на произвол наемников и фашистского отребья? Во всех сербских краях, от Тимока на Востоке до Уни на Западе, недоумевали, ибо все прекрасно помнили, что в 1991 г., когда Запад раздирал Социалистическую Федеративную Республику Югославию на куски, доминирующим у всех патриотически настроенных сербов был лозунг, несущийся из Белграда. Был этот лозунг доступен для понимания и, казалось бы, реалистичен — все сербы и черногорцы остаются в одном союзном государстве. И Республика Сербская Краина, и Республика Сербская, и Республика Черногория, и Республика Сербия. Остальные братья — славяне хорваты, словенцы, македонцы, присоединяйтесь к нам, когда вам это будет выгодно и удобно. И, как лейтмотив создания и объединения всех сербских республик, звучало: друг друга в обиду не дадим! Учитывая вышеизложенное, можно понять, что и в Белграде и по всей территории Югославии ведутся яростные дискуссии по всему же вопросу — предали ли мы своих братьев и можно ли было этой трагедии избежать?

Для того, чтобы подойти к объективному ответу на этот тяжкий вопрос, необходимо, прежде всего, разобраться в американской стратегии ликвидации сербского вопроса по существу. Решить этот вопрос в корне американцы могут только разгромив Союзную Республику Югославию. Поэтому разрабатывались и реализовывались различные вспомогательные варианты и мероприятия.

Прежде всего, с конца 1993 года американцы принимают меры, чтобы заставить Союзную Республику Югославию (СРЮ) отказаться от экономической помощи братьям в Краине и Боснии. Для выкручивания рук югославским руководителям было пущено в ход все — от ужесточения бесчеловечной блокады, от угроз бомбардировок Белграда и других городов СРЮ до всевозможных политических интриг, в том числе и использования русского влияния. В таких делах американцы чистоплотности не знают, и на данном этапе они своей цели добились. Выкрутили руки югославским руководителям, и СРЮ согласилась на блокаду мостов на Дрине, отказалась поддерживать сербские республики на Западе. Очевидно всем, что этим своим успехом американцы сумели внести разлад между республиками и выставить Союзную Югославию и президента Милошевича якобы предателем интересов сербского народа в целом.

Но существовал вариант развития событий, который был американцам более по душе. Была у американских стратегов и “миротворцев” надежда, что СРЮ не согласится с американским ультиматумом и откажется блокировать Дрину в 1994 г., а в 1995 г., когда американцы приступят к военному удушению западных сербских республик, Югославия своей армией заступится за своих братьев и сестер. Вот тогда бы они, “миротворцы”, всю мощь США, НАТО, всю мощь этих фантомов, миражей, торнадо, томагавков, стволов “Саратоги”, “Т.Рузельта” и других посудин обрушили на Белград, города и села Югославии, с вторжением войск НАТО, мусульманских наймитов, хорватских неофашистов, американских морских пехотинцев на Косово и Метохию, Санджак, Воеводину, Черногорию, Центральную Сербию. Вот тогда бы их замысел был реализован полностью. Произвели бы полное расчленение Югославии и превращение ее в небольшую область в рамках турецкого “Белградского пашалука” во главе с послушным Западу диктатором типа наследного принца Томислава или “вождя” какой-нибудь реакционной, правой партии. Одним махом был бы решен “сербский” и социалистический вопрос на Балканах, а заодно было бы покончено и с историческими стратегическими интересами

и позициями России в этом регионе.

Любому беспристрастному наблюдателю за событиями на Балканах ясно, что СРЮ не могла и не может ожидать ни помощи, ни искреннего сочувствия со стороны соседних Италии и Австрии. Соседние бывшие социалистические республики Венгрия, Румыния, Болгария, Македония заняты сейчас контрреволюционными преобразованиями и вспыхнувшими в связи с этим громадными внутренними трудностями. Попавшие в зависимость от Запада, они не могут быть союзниками Югославии в ее тяжелейшей борьбе с агрессией Запада. Об Албании и говорить нечего. Она, понукаемая США, вообще настроена агрессивно. Греция, чувствуя на своей восточной границе все более агрессивное дыхание поднимающейся Турции, чувствуя надвигающуюся опасность создания в центре Балкан исламской республики, хотела бы помочь Югославии, но она так крепко связана узами договоров со своими атлантическими союзниками, что действенной помощи от нее вряд ли можно ожидать.

Как видно из вышеизложенного, в своем противостоянии агрессии Югославия осталась без союзников. Учитывая также и то обстоятельство, что Запад имеет огромное, без преувеличения можно сказать, почти что стократное превосходство во всех отношениях, можно понять югославское стремление к политике лавирования, поисков компромиссов, унильных уступок и бесконечных переговоров, политики, проводимой Югославией и ее фактическим представителем президентом Сербии С.Милошевичем. Полный, объективный ответ на поставленный вопрос могут дать будущие поколения наступающего столетия.

* * *

Может возникнуть справедливый вопрос: а как же относились и относятся к югославской трагедии руководители России? Чтобы объективно ответить на данный вопрос, необходимо вспомнить общеизвестные факты 1991-1995 гг.

ООН и ее Совет Безопасности под диктатом и руководством единственной сверхдержавы США приняли за это время более 70 резолюций по сатанизации Югославии. Руководители России не только поддержали все эти резолюции, но были и соавторами многих из них. Они поддержали экономические санкции против Югославии, разрешили войскам ООН применять силу. Они поддержали экономическую блокаду Югославии, не говоря уже о том, что участвовали в незаконном расчленении ее, ибо вслед за Германией признали незаконные выходы из югославского государства Хорватии, Словении, а затем Боснии, Македонии.

Сейчас командование НАТО свои бандитские действия, осуществлявшиеся совместно с фашистующими усташками и мусульманскими формированиями в июле-августе-сентябре 1995 г., оправдывает зловещей и позорной для ООН резолюцией Совета Безопасности номер 836. Эта резолюция разрешает наносить массированные удары с воздуха, артиллерией, ракетами не только по позициям сербов, но также и по их мирным объектам. И где же были Ельцин и Козырев, их специалисты по международным делам, когда принималась эта резолюция, почему не наложили вето? Да тут же они и были, не могли они наложить вето, будучи ее активными соавторами. Россия ни разу не наложила вето на разрабатываемые и предлагаемые Совету Безопасности резолюции, открыто направленные против сербов и Югославии. Когда Ю.Воронцов, бывший представитель России в ООН, выступил в Совете Безопасности против резолюции, подготовленной американцами и их союзниками, узаконивающей резкое ужесточение санкций против Югославии в апреле 1993 г., и собрался наложить вето, из Москвы послышался окрик: воздержаться! И, как тогда шутили в иностранной прессе, руководители России вместо того, чтобы наложить вето, наложили в

Тerror, организованный американцами в Краине и Боснии и осуществляемый их наемниками из фашистующих хорватских и мусульманских подразделений, продолжается. Российская Дума предлагала ряд мер, в том числе и применение вето, чтобы приостановить удары НАТО по сербскому народу. Оказывается, Дума не знала, что вето ставить некуда, ибо у НАТО имеются все необходимые документы, разрешающие применять силу, как командующим НАТО благорассудится. А уж что за высокие командиры НАТО и кто ими командует, известно хотя бы по Судану. К слову сказать, руководитель НАТО Класс вскоре предстанет перед голландским судом за взяточничество, а племянник Бутроса Гали, генерального секретаря ООН, арестован полицией за хранение и сокрытие большой партии наркотиков.

Вот и получается, что все эти дискуссии в Российской Думе и ее предложения в отношении югославской трагедии —

с одной стороны, вещь для внутреннего, предвыборного потребления, а с другой — дымовая завеса, за которой американцы и их союзники спокойно реализуют свои замыслы. Дума предлагала отменить в одностороннем порядке санкции и экономическую блокаду, отменить эмбарго на поставку оружия Югославии. Ельцин 8 сентября 1995 г. обещал сербам в качестве помощи нечто "горячее". И действительно, появившись у сербов хотя бы такие зенитные оборонительные (повторяю, оборонительные) комплексы, какие летом 1995 г. были показаны на выставке в подмосковном городе Жуковском, самолеты НАТО, сеющие смерть по городам и селам Боснии, как воронье сдуло бы с голубого неба Югославию. Эти американо-франко-германские вояки — "храбрецы" только против безоружного народа. К сожалению, все обещания Ельцина и Думы остались только на бумаге в виде пустых угроз. Или вот в октябре 1995 г. печать сообщила, что Россия решила подать газ в Сербию. Потом оказалось, что не сербам и не в Сербию, а по сербскому газопроводу в Боснию, и не в виде помощи боснийским сербам, а в Сараево мусульманам Изетбеговича. Вот так. И получается, что все эти якобы угрозы Ельцина Западу — не что иное, как попытка состроить хорошую мину при плохой игре.

Да и чего можно ожидать, если министр иностранных дел Козырев в телевьюте после встречи с помощником Клинтона по вопросам безопасности США Э.Лейком во все-слушание заявил: принципиальных различий в подходе к балканской проблематике у США и России нет и инициативы обеих сторон имеют общее направление (??). Что можно сказать о российской политике в отношении Югославии, если именно Ельцин уговорил президента Сербии Милошевича ввести на Дрине блокаду Республики Сербской, обещая через Совет Безопасности снять санкции против Югославии. Под давлением американских угроз и учитывая обещание Ельцина, президент Милошевич принял, по всей вероятности, свое тяжелейшее решение — закрыл границу на Дрине, отказал в помощи своим братьям боснийцам. И что же? Ельцин, как всегда, свое обещание не выполнил. По этому поводу западная пресса похвалила успешную деятельность верхов русской дипломатии, ибо именно им удалось вбить клин между Югославией и Республикой Сербской, между президентом Милошевичем и президентом Караджичем.

Так как же можно охарактеризовать такую политику тандема Ельцина-Козырева? Что они услужливо следуют в фарватере политики Клинтона-Коля, что они не являются союзниками Югославии — это известно давно. Что друзья их совершили в другой стороне, говорили они неоднократно. Ну а моральным, стратегическим, geopolитическим, гуманным аспектам такой политики оценку без особого труда может дать сам читатель.

Русский народ — великий народ и, может быть, Ельцин или любой другой президент России со временем постигнет, что руководителю мощнейшего государства, каким была и может быть его страна, негоже тащиться в таком тандеме, не гоже прислуживать американским стратегам, пытающимся реализовать "новый порядок" в мире по типу гитлеровского "нового порядка" в Европе 1939-1944 гг. Огромный моральный фактор, каковым является исторически проверенная братская дружба двух славянских народов — русского и сербского, и не менее огромное желание подавляющей части русского народа проводить самостоятельную внешнюю политику, может быть, заставит осознать необходимость в кругом повороте в действиях в отношении СРЮ и сербского народа вообще.

Ведь одно дело отступающие колонны сотен тысяч сербских детей, матерей, старииков и сербских бойцов без современного вооружения под непрерывным огнем НАТО и их союзников, и совсем другое дело — те же сербские воины, вооруженные современным оружием. Одно дело — полная экономическая блокада Югославии, проводимая США, которые костлявой рукой голода стремятся задушить братскую страну, и другое дело — одностороннее снятие блокады и оказание экономической помощи братской стране.

В то время, как в Югославии с благодарностью пишут о 13 израненных русских добровольцах, борющихся на стороне сербов Боснии, российское телевидение устами западного лакея Карапулова на всю Россию оскорбляет их, называя наемниками, бандитами, головорезами, убийцами, которым за помочь братскому народу в России грозит тюрьма. Совсем другое дело, если бы Россия относилась к ним, как в доброправеческий период, ибо известно всем, кроме "новых русских" и их наймитов, что уже два века гордостью и славой России были ее добровольцы, воевавшие в горах Югославии на стороне братьев сербов и в 1805-1812 гг., и в 1876-1878 гг., и в

1914-1915 гг., и в 1941-1945 гг. Вспомним хотя бы такие читаемые исторические имена: Раевского, Исаева, Оурка, погибших русских добровольцев в боях при Малайнице и Штубице, на Варваринском поле и Делиграде, под Лозницей и Лешницей. Классики русской и мировой литературы Л. Толстой, И. Тургенев увековечили подвиги русских добровольцев в своих прекрасных произведениях. Так было до тех пор, пока карауловы не стали подвизаться на телезреканах.

Одно дело, если "Саратога" и "Т. Рузвельт" одни бороздят голубые воды Адриатики, нагло блокируя с моря Югославию, и совершенно другое дело, если бы рядом с ними, в тех же водах плыли, или в глубоких бухтах Адриатики братской Югославии стояли на редах ракетные крейсеры Краснознаменного Черноморского флота.

Кажется, что вышеизложенные пожелания о братской помощи Югославии относятся к области мечтаний. Однако, к счастью, независимо от субъективных пожеланий, самостоятельная политика является императивом для России. При этом понятно, что тут раздувание щек и добавка железа в голосе делу не поможет. Здесь нужен опять коренной поворот и, как говорят в народе, — тут постоять надо насмерть.

* * *

Увы, можно поздравить агрессивную американскую политику с очередной победой. 20 ноября 1995 г. на военно-морской базе армии США в штате Огайо были выкручены руки сербским руководителям и под большой звон западных пресс-крикунов было подписано соглашение о мире, или точнее о перемирии, между воюющими сторонами в Боснии. Конечно, на условиях, продиктованных американцами. Создано некое искусственное мусульманско-хорватско-сербское чрезвычайно взрывоопасное образование, для обеспечения мира в котором американцы и НАТО вводят 60-тысячную группировку своих войск. Суть договоренности — вот она вся на ладони — состоит в том, что американцы официально внедряют свою 20-тысячную армию в центре Балкан. Дальнейшее осуществление своих замыслов американские агрессоры будут реализовывать, руководствуясь, вероятно, мудрой немецкой поговоркой — "медленно, но верно" по примеру федерального канцлера Коля. Коль, выступая летом 1995 г. по вопросу "восточных земель" (Восточная Пруссия, Калининград-Кенигсберг, Силезия, Гданьск, Судеты), заявил, что этим займется следующий канцлер Германии. Во всяком случае, потенциальных взрывоопасных точек американские агрессоры создали на опаленой югославской земле немало. Это и самое мусульманско-хорватско-сербское сомнительное образование в Боснии, это и Восточная Краина, Санджа, Косово и Метохия и т.д.

В актив дипломатии СРЮ можно записать успех президента С. Милошевича, добившегося снятия тяжелейшей экономической блокады, правда, при тяжелейших уступках агрессорам. Теперь Югославия может приступить к залечиванию ран, нанесенных блокадой и агрессией в 1991-1995 годах, обождавшихся трудовому народу Югославии в сотни миллиардов долларов.

Русская дипломатия потерпела очередное сокрушительное поражение. В середине ноября 1995 г. руководители противоборствующих сторон должны были приехать в Москву для встречи с Ельциным и обсудить русские предложения по решению югославского кризиса. Однако, как пишут, Ельцин заболел, не мог их принять, и они поехали на военную базу в США к Клинтону, который не болел, где и были подписаны подготовленные американцами планы. Россия осталась не у дел или, точнее, она была отстранена от решения Балканских проблем.

В итоге имеем следующее:

1) Принят навязанный американцами план решения югославской трагедии, которую сами же американцы создали в 1991-1995 гг.

2) Цель американцев — ввести свои войска в центр Балкан — достигнута.

3) Американские авианосцы и дальше нагло бороздят Адриатику, как будто это Калифорнийский залив.

4) Россия полностью оттеснена от участия в решении вопросов на Балканах.

Такова реальность наших дней.

Новой Югославии, ее трудовому народу в сложившихся политических условиях конца XX столетия, к сожалению, предстоит длительный период тяжелейшей борьбы против американо-германо-иранской агрессии до тех пор, пока будущий союз советских народов сам не сбросит ярмо вассальной зависимости от тех же американских и германских монополий. Встанет на ноги союз свободных советских народов — поднимется и свободно вздохнет новая Югославия.

Альянс с фашизмом

Н.В.Зазулин, А.А.Полищук, В.М.Степаненко

В годы Великой Отечественной войны широкое хождение получило выражение “украинско-немецкие националисты”. Такой акцент призван подчеркнуть, что участие практически всех организационных ответвлений украинского национализма, несмотря на наличие серьезных противоречий и вражды между ними, в войне на стороне фашистской Германии было далеко не случайным. Сотрудничество подобного рода значительно облегчалось сходством идеологических и организационных принципов.

Контакты были необходимы и ввиду слабости националистических организаций, отсутствия у них достаточной социальной базы и сил для реализации поставленной задачи — создания УССД. ОУН, — отмечал А.Розенберг, — уже в 30-е годы “бралась во внимание командованием армии на случай конфликта с Польшей. Она должна была бы в таком случае выполнять определенные задания армии в Западной Украине. Для таких заданий она может быть и подходит, но чтобы поднять народ — к этому она полностью не способна” (Евген Коновалец та його доба. - С.868).

В такой обстановке руководство практически всех эмигрантских организаций украинских националистовшло на сотрудничество с иностранными государствами, использовалось ими для выполнения операций подрывного характера. В ряде случаев это оборачивалось громкими скандалами, как было с разоблачением сотрудничества с польской охранкой одного из руководящих сотрудников Е.Коновалца — Я.Барановского * или с передачей итальянской разведке ряда конфиденциальных материалов будущим “премьером” Ярославом Стецько (1912-1986).

Подобного рода явления встречались с определенной периодичностью, что вполне объяснимо, если учесть характер организаций, изначально ориентированных на служение иностранным спецслужбам как на способ извлечения средств к существованию. В борьбе за эти средства случались серьезные столкновения, как было с попыткой ОУН взять в 1933 году под свой контроль (через Рико Ярого) щедро финансируемый Германией и находящийся под патронажем генерала Гренера Украинский научный институт в Берлине.

Особенно тесными были связи с Германией, вначале — с руководством рейхсвера, позже — со спецслужбами “третьего рейха”. Активно используя в своих целях националистическую эмиграцию, последние были далеки от мысли рассматривать ее в роли равноправного партнера.

В планах военных кругов Германии Украина всегда рассматривалась как сфера приложения германских интересов. Известна формула генерала Гофмана, относящаяся к происхождению “суворенного государства” П.Скоропадского: “Украина — это дело моих рук”.

Значительное место занимала Украина и в планах фашистской Германии. Политический курс Гитлера**, ставший на определенном этапе государственной политикой, исходил из расистских, шовинистических взглядов, имел экспансионистский характер. Согласно ему

вся территория Восточной Европы должна была стать объектом колонизации, ей была уготована роль “жизненного пространства” Германии.

Колонизаторскими планами возрождение полноценной национальной буржуазии не предусматривалось, в силу чего ни о каком равноправном сотрудничестве с буржуазно-националистическими организациями не могло быть и речи. Даже “особая позиция” в украинском вопросе Розенберга сводилась лишь к идеи создания марионеточных государственных образований (в том числе и украинского) на оккупированных территориях с целью инспирирования межнациональных противоречий. Однако даже такое отступление от программы в “восточном вопросе” не было принято.

Деятелям украинских националистических организаций в этой программе отводилось достаточно четко определенное место, с которым они согласились. Уже на 20-е годы приходятся первые контакты руководства УВО (затем — ОУН) с руководителями фашистского движения. Контакты с фашизмом не афишировались по причине, о которой откровенно сказал на конференции в Берлине (1933 год) сам Коновалец: “Национал-социализм не имеет много друзей во всем мире, и выявление связи украинского национализма с германским национал-социализмом непременно приведет к нашей изоляции” (Евген Коновалец та його доба. С.477). Это не помешало, однако, уже с 1932 года официально назначить представителей ОУН при штаб-квартире НСДАП в лице Р.Ярого и Н.Сциборского.

В результате состоявшейся встречи Р. Ярого с командиром штурмовиков СА Эрнстом Ремом было достигнуто соглашение о предоставлении ОУН финансовой помощи и включении ее в СА с целью обучения националистических боевиков (Швагуляк М.Н. Украина в экспансионистских планах германского фашизма.-К.1983.-С.143).

О характере “обучения” рассказал один из непосредственных участников “стажировки в СА”: “Фактически мы перешли на положение батальона штурмовиков... Каждые три месяца отываем трудовую повинность, **несем охрану в концлагерях**” (Трощинський В.П. Найманці фашизму (Український націоналізм на службі гітлерівців у міжвоєнний період.-1921.-1939.-К.1981.-С.74, видлено нами - авт.).

К концу 1933 года в число покровителей ОУН включилось и гестапо. Определенную оформленность сотрудничество такого рода получило в результате встречи Коновалца с представителями рейхсвера, гестапо (Р.Дильс) и внешнеполитического отдела НСДАП (К.Мотц). По подсчетам, германская разведка получила в распоряжение около 1500 функционеров ОУН, хорошо знакомых с техникой осуществления диверсий, саботажа и террористических акций, разведывательно-информационной деятельностью. Перед руководством ОУН ставилась задача усиления подрывной работы против СССР, ряда стран Восточной и Центральной Европы, выявления и противодействия деятельности антифашистских организаций (См.Чередниченко В. Анатомія зради.-К.1978.-С.65,70). По сведениям зарубежных авторов, Коновалцу был

* На судебном процессе в Самборе (1933 г.) он показал, что был платным сотрудником польской полиции с июня 1929 года, получая ежемесячно 200 золотых и, дополнительно, премии (за помощь в задержании руководителя нападения на почту в г.Городок З.Коссака получил 1500 золотых). — См. Мірчук П. Революційний змаг за УССД. - С.38.

**Донцовский “Вісник” отзывался о нем таким образом: “Человек с душой, соразмерной с его трагическим временем, с душой, такой великой, как велики были задачи, стоящие перед Германией”(1936.-№4.-С.296-297).

предъявлен список членов ОУН, сотрудничавших не только с абвером, но и с политической полицией Польши и Чехословакии. При этом подчеркивалось, что в таких условиях ОУН рискует потерять для Германии ценность в качестве конспиративной организации (Roos H. Polen und Europa. Studien zur polnischen Ansässenpolitik-Tübingen, 1957, S.142).

До сентября 1939 года основным направлением деятельности украинских националистических организаций против Советской Украины было получение разведывательной информации. Попытки создания разведывательных структурных подразделений на территории УССР были обречены на неудачу. Представляет интерес свидетельство из первых уст: еще в 1927-1928 годах практиковалось направление эмиссаров ОУН на территорию УССР с заданиями "проникать на ответственные посты культурного строительства, прикидываясь для этого "сочувствующими" советскому строю. Однако, уже к концу 20-х годов канал связи через Збруч был практически полностью перекрыт, попасть нелегальным путем на территорию УССР из Галичины стало невозможным. Стали активно разрабатываться и другие каналы: через прибалтийские государства и Финляндию (организаторы — Сушко, Сеник), Румынию (Я.Барановский) (Евген Коновалец і його доба. С.611). Результативной такую деятельность назвать трудно.

Пожалуй, более успешными были действия ОУН на территории Польши, входившей в зону непосредственных интересов фашистской Германии. Последняя оказывала украинским националистам существенную организационно-техническую и финансовую помощь, предпочитая, однако, дистанцироваться от дестабилизирующих действий ОУН. Так было и с вопросом о выдаче одного из организаторов убийства министра внутренних дел Перацкого — Н.Лебедя, выданного польским властям по той причине, что Германия не была заинтересована в этот период в обострении напряженности в отношениях между двумя странами.

И не вызывает сомнений, что одним из заданий националистических организаций на западноукраинских землях была борьба против прогрессивных сил, левых политических партий и организаций. Известный литератор Иван Кедрин-Рудницкий (1896-1995) описывает широко практиковавшиеся попытки запугивания общественных деятелей, их избиение. Техника нападений, по его наблюдениям, была в большинстве случаев такая: два-три молодых человека ждали на ступеньках, которые вели в украинскую редакцию или другое учреждение, и когда приходил туда украинский редактор или кооперативный деятель, то его били по голове и моментально убегали*. Был организован и ряд террористических актов против общественных деятелей, стоявших на далеко не левых позициях, однако критически оценивались деятельность экстремистских сил. К наиболее скандальным следует отнести убийство пользовавшегося значительным авторитетом директора Академической гимназии во Львове и бывшего старшины УГА Ивана Бабия (1893-1934), вызвавшем определенную напряженность в отношениях с политическими силами национально-демократической направленности.

Однако главной задачей ОУН была борьба с основным противником — Советской Украиной. И лишь как попытку затмить истинное положение вещей следует расценить заявление на львовском судебном процессе 23 националистов (25.05.-27.06.1936) Степана Бандеры, пытавшегося выдать убийство работника советского кон-

сульства во Львове 21 октября 1933 года за акт мести за голод 1933 года в Советской Украине (Цит.: Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції.-К.: 1994.-С.306).

По свидетельству Мирчука, первый акт террора против работников советского консульства во Львове планировался на 22 апреля (! - авт.) 1930 года и не состоялся по обстоятельствам, от ОУН не зависевшим (См.Мірчук П. Нарис історії ОУН.-Т.ч.-С.136).

Реализация агрессивных планов фашистской Германии требовала и соответствующих приготовлений, одним из которых стала подготовка и обучение диверсионно-террористических подразделений. Значительное место в этом отводилось украинским националистам.

Как уже отмечалось, еще с 20-х годов руководство рейхсвера осуществляло подготовку боевиков УВО. С приходом к власти фашистов эта подготовка расширилась и углубилась.. С августа 1933 г. функционировали курсы военных инструкторов в Данциге, на базе берлинского учебного центра проходили подготовку радиотелеграфисты; диверсанты и террористы обучались в ряде специальных тренировочных центров. В Берлине функционировала школа, готовившая будущих сотрудников полицейских служб на оккупированной территории (позже аналогичная подготовка была поставлена на широкую ногу на территории оккупированной Польши). Подготовке украинских националистов уделялось серьезное внимание, они обучались в военных учебных заведениях фашистской Германии. Так, Роман Шухевич во второй половине 30-х годов окончил специальные курсы при военной академии в Мюнхене (См. Горовий В. Шухевич: хорунжий в ролі генерала. Хто є хто. Політичні портрети.-К.: 1991.-С.80), сдал даже экзамены на право управления безмоторным самолетом.

Уже с первых дней оккупации Польши украинские националисты активно включились в состав так называемой "украинской полиции", активно принимавшей участие в осуществлении гитлеровской политики уничтожения славян. Многие из них затем повысили квалификацию в полицейских школах (всего около 400 человек), стали затем костяком полиции на временно оккупированной территории Советского Союза (См.Дмитрук К. Безбагченки.-Львів.1972.-С.41).

При активном содействии гитлеровцев шел захват ОУН монопольного положения в различного рода организациях, существовавших среди украинцев, по разным причинам оказавшихся в Германии или на оккупированной территории. В середине 1938 г. был образован во главе с бывшим петлюровцем генералом В.Курмановичем "Союз украинцев Германии", многие члены которого имели теснейшие контакты с НСДАП. Большини возможностями (материальными, издательскими и т.д.) располагало и контролируемое А.Мельником УНО (Украинское Национальное Объединение) в Германии (См. Коноваленко Ю. Українське Національне Об'єднання (УНО) в Німеччині. На зов Києва., С.62-67). Вполне естественно, что их позиция относительно фашистского режима была вполне лояльной. По замыслу фашистов, им отводилась специфическая роль проводников политики нацистской Германии на оккупированных территориях, отсюда черпался кадровый потенциал органов местной оккупационной власти. И совсем не случайно в условиях жесточайших репрессий против польского населения в 1939-1941 годах на этой территории свободно действовали структурные подразделения ОУН, проводились различного рода мероприятия. Вспомним и о существовании специальной организации, находившейся под влиянием ОУН, призванной оказывать прямое содействие фашистской Германии — созданном в мае 1940

*На здании бывшего консульства во Львове в середине 90-х в честь террористов установлена мемориальная доска.

года УЦК (Украинском центральном комитете), во главе которого был поставлен Владимир Кубиевич, доцент географии Ягеллонского университета и один из основных разработчиков территориальной экспансии украинского национализма (концепции "УССД", включавшей все "этнические земли")*.

Практически все организации украинских националистов теснейшим образом сотрудничали с фашистской Германией, в их среде, как отмечает Субтельный, была ожесточенная "конкуренция за то, чтобы получить поддержку немцев". Самы же эти организации раздирались серьезными противоречиями, причем по вопросам, в основном, корыстного свойства. Не была исключением и ОУН. В этой организации уже давно были преодолены робкие попытки добавить к интегрально-националистическим взглядам определенные элементы демократизма а-ля УНР, которые, однако, никак не мешали дальнейшей ее фашизации.

Конфликт возник в рамках организации, лидеры которой однозначно поддерживали политику фашистской Германии в отношении будущей войны против СССР, хотя и расходились в частностях. Можно говорить и о том, что конфликт был не только обусловлен внутренними противоречиями, но и во многом спровоцирован спецслужбами фашистской Германии.

Шеф гестапо в Ровно откровенничал перед своими единомышленниками: "Мы вложили миллионы денег и невероятные усилия для того, чтобы рядом с Мельником поставить Бандеру. Мы не пожалеем ничего, чтобы создать еще десяток Бандер" (Книш З. Розбрат. Спогади і матеріали по розколу ОУН в 1940-1941 роках.-Торонто. 1967.-С.78-79). Здесь же автор указывает и на один из возможных каналов расходов: Р.Ярый владел двумя дорогими домами в Германии и Австрии. (А именно Ярый и был одним из инициаторов раскола ОУН — авт.).

Жесткое противостояние в ОУН, завершившееся расколом, было во многом и результатом смены поколений. На смену ветеранам, многие из которых начинали еще с УВО, приходило новое поколение — продукт националистической пропаганды и воспитания в духе интегрально-националистических теорий, результат "революции характера". Именно молодежное крыло ОУН, пребывающее преимущественно в "крае" и непосредственно участвующее в террористической и подрывной деятельности, выдвинуло обвинение в том, что "эмигрантское руководство вместо революционной прямолинейности поставило закулисные игры персональных амбиций" (См.: Біла книга ОУН. про диверсію — бунт Яри-Бандери.-1940.-С.29).

После смерти Коновалца к руководству ОУН пришел его многолетний помощник Андрей Мельник. Большинство в Проводе ОУН принадлежало к ветеранам движения, которые, однако, давно отошли от непосредственной работы в западноукраинских землях. Позиция

* В этой связи достаточно странным представляется утверждение историка В.С.Коваля: из фразы допрошенного в Нюрберге полковника Штольце о контактах с Мельником (псевдоним "Консул") и Бандерой он делает вывод: "Бандера, как видим, не имел агентурной клички. Это значит, что он держался на положении союзника немцев в совместной борьбе против СССР".(Украина ХХ ст. проблеми національного відродження.-К.-1993.-С.99). Поразительно, что такой "аргументацией" переполнена историческая справка, поданная в Верховный Совет от имени Института истории в 1991 году.

**Лидеры ОУН на словах заботились о будущем своей страны. В меморандуме Бандеры 15 июня 1941 г. говорится: "Без независимого Украинского Государства новый порядок в Европе немыслим". (См.Косик В. Цит.праця, С.502). Однако, лидеры ОУН настолько "увлеклись" соз-

Мельника была достаточно определенной: "Немцы — это природные союзники и освобождение Украины следует объединять с победами их армий" (Евген Коновалец і його доба.-С.36)**.

Однако непосредственная подготовка к нападению на СССР требовала большего динамиза и готовности на любые экстремистские действия, неразборчивости в выборе средств, что было не по силам консервативному и осторожному Мельнику.

Выполнение такого рода задач готовы были взять на свои плечи представители "молодой генерации" ОУН, лидером которых был Степан Бандера (1908-1959). 15 апреля 1939 г. контролируемое этим крылом издание "Нация в походе" впервые употребило термин "бандеровцы" (См.: Обвиняет земля. Организация Украинских Националистов. Документы и материалы.-М.: 1991.-С.105).

Это крыло провозгласило образование "Революционного провода ОУН", объявив в феврале 1940 года об "украинской националистической революции" и необходимости "националистически-революционных основ и методов, отвечающих активным потребностям существующего момента" (Чому потрібна була чистка в ОУН.-Теребовля.1941.-С.97-98). Одной из "основ" бандеровской ветви ОУН стала печально известная СБ (Служба безопасности), во главе которой встали Н.Лебедь и Н.Арсанич***.

По свидетельству непосредственного участника тех событий, "система надзора и система ликвидации жертв лишь на основе решений самой СБ — без какого-либо суда — была позорной и страшной, но, приводя в целом к катастрофическим последствиям, давала бандеровцам чувство власти. Они загнали оппозицию под землю. Никто открыто не отваживался высказать какую-либо критику" (Шуляк О. В ім'я правди //До історії повстанського руху в Україні.-Роттердам.1947.-С.30). .

Схожую оценку деятельности СБ — несущей конструкции всей ОУН — дает и еще один участник событий тех лет М. Смовский: "СБ была организована по гитлеровскому образцу. Почти все командиры СБ — это бывшие курсанты гитлеровской полицайской школы в Закопане в 1939-1940 годах. Вышколили их гестаповцы" (Цит. по: Леонтьев С. "Порядні люди таким руки не подають". А ми? (Сільські віті.-1992.-10 листопада)).

В результате кровавой межфракционной резни было уничтожено около 4000 сторонников Мельника (в т.ч. 4 члена Провода ОУН, сотни руководителей разного уровня), значительные потери понесли и сторонники Бандери. После убийства летом 1941 г. членов ПУН Сциборского и Семика, утверждает О.Субтельный, "убийства и взаимные доносы немцам в жестоком конфликте двух фракций ОУН стали обыденным явлением"****.

Борьба за перераспределение сфер влияния между

данием "нового порядка", что забывали о судьбе Украины. Уже пример Закарпатской Украины, переданной под нажимом Германии ее союзнице — Венгрии показал, какую роль отводят Украине в планах "третьего рейха".

***Последнего один из его "коллег" по работе в Krakowе характеризовал как самого жесткого деятеля бандеровского провода, не считающегося ни с какими смягчающими обстоятельствами и не знающего иных мер влияния, кроме физического уничтожения. Именно он подписал 27 октября 1943 года директиву, требовавшую за самовольные выступления против немцев карать виновных, вплоть до расстрела (Вісти з України.-1991.-№21.-С.7).

****Субтельний О. Цит.праця, С.569 По ironии судьбы, среди тех, кто арестовал 11 июля 1941 г. Ярослава Стецько и его секретаря Романа Ильницкого был и украинский сотрудник СД (См: Лебедь М. Організація проти німецького опору ОУН 1941-1943 // Сучасність.-1983.-№1-2.-С.148).

различными группировками не выходила все же за рамки обычной схватки за возможность использования финансовых ресурсов фашистского рейха. Причем, как отмечает в своих показаниях бывший высокопоставленный сотрудник агентства полковник Э.Штольце, "получив от агента большую сумму денег для финансирования оуновского подполья и организации разведывательной деятельности против Советского Союза, Бандера пытался их присвоить и перевел в один из швейцарских банков. Эти деньги нами были изъяты и снова возвращены Бандере. Аналогичный факт имел место и с Мельником" (Альянс ОУН-СС. Военно-исторический журнал.-1991.-№4.-С.54). В целом же, оуновцы, как и другие националистические организации, активно сотрудничали с фашистским режимом.

Если на определенном этапе имелись некоторые колебания в целесообразности партнерства с таким противником и вера в возможность заключения соглашения со стороны "западной демократии", то военные успехи фашистской Германии развеяли все сомнения в желаемом партнёре. Вначале в ходу была такая точка зрения: "Нам также необходимо "жизненное пространство", но лишь для нас самих, а не для немцев" (В.Косик. Цит. работа. С.488). Именно подобного рода логика и толкала лидеров и рядовых членов ОУН к сотрудничеству с врагами Украины. Ведь противником №1 фашистской Германии (так же как и ОУН) был Советский Союз. А в документах бандеровской ОУН весны 1941 года четко указано: "... отношение ОУН к государствам и политическим движениям решается их антимосковским отношением, их большей или меньшей политической созвучностью с украинским национальным движением" (ОУН в світлі постанов..., С.31). Ставка делалась на "естественных союзников". Они действительно были естественными, если учесть схожесть идеологических, организационных принципов, единых целей и задач. Такой союз выглядел вполне естественным.

После начала второй мировой войныказалось, что положено начало реализации планов ОУН в установлении "нового порядка" на территории западноукраинских областей. В нацистском руководстве в который раз муссировалась идея создания марсионеточного украинского государства, установления над ним контроля для сохранения его "самостоятельности" (См. Гальдер Ф. Военный дневник.-Т.1.-М.: 1968.-С.108-110). Прецеденты такого рода были. При помощи фашистской Германии было инициировано создание автономии в Закарпатье, которую возглавил сторонник пронемецкой линии А.Во-лошин. Однако после того, как это образование сыграло свою роль, в марте 1939 года эта территория была оккупирована Венгрией, а Германия "не советовала" оказывать сопротивление оккупантам.* Однако такая судьба "союзников Германии" не насторожила руководство ОУН. Рассматривался вопрос о ее привлечении к ведению боевых действий на территории Польши.

Однако расчетам такого рода сбыться было не суждено: 17 сентября 1939 года начался реальный процесс воссоединения украинских земель в одном государстве. Это был новый этап в развитии Западной Украины. Суть его верно определил Ярослав Галан, выступая на пленуме СПУ 29 июня 1944 года: "Народ Галичины впервые за 700 лет своей истории перестал быть объектом, но стал субъектом истории, полным творцом своего настоящего и будущего".

*Совсем не лишним выглядит напоминание, что Закарпатье обрело самостоятельность и вошло в состав украинского государства 50 лет тому назад — в Украинской ССР.

В сложнейших условиях Советская власть приступила к решительным переменам в области экономики и политики, науки, культуры и образования. Такое решение вопроса о западноукраинских землях не отвечало интересам украинских националистических организаций, использовавших в качестве плацдарма оккупированную территорию Польши. Директива Гитлера от 25 сентября предусматривала пропуск на территорию генерал-губернаторства (с центром в Кракове) только немцев и украинских националистов.

С целью противодействия строительству нового общества подполье ОУН предпринимало действия дестабилизирующего характера. Только на Тернопольщине за 1939-1941 годы было убито 300 советских граждан.

Во время проведения оперативных мероприятий был захвачен документ под названием "Единый генеральный план повстанческого штаба" (такой был создан в 1940 г. при Краковском краевом проводе ОУН), в котором говорилось: "Выступление должно быть на всех землях Украины одновременно: в один и тот же час должны выступить Львов, Луцк, Черновцы и Киев, Одесса, Харьков, Донбасс и Кубань". Особое значение в документе отводилось первым часам, когда планировалось ликвидировать лиц, занесенных в так называемые "черные списки": партийных и советских работников, активистов, сотрудников НКВД и милиции, командиров и политработников Красной Армии (См. Ткачук А.В. Украинские буржуазные националисты —пособники гитлеровской агрессии. Справжні і міфічні визволителі України. Матеріали науково-практичної конференції.-К.: 1993.-С.39-47).

Были и попытки организовать масштабные выступления на территории западных областей УССР. Так, в декабре 1939 года группы украинских националистов численностью до 500 человек предприняли попытку овладеть райцентром Збараж на Тернопольщине. Только в январе-апреле 1941 года было ликвидировано 63 банды, у которых изъято 3 станковых и 14 ручных пулеметов, 29 обрезов, 296 револьверов и др. (См. Чугунов А.И. Граница накануне войны.-М.: 1985.-С.107). Однако масштабы националистического подполья не позволяли говорить о возможности захвата власти в результате вооруженного восстания. Да такая задача и не ставилась в чистом виде. Вся подрывная деятельность ОУН концентрировалась на создании благоприятных предпосылок захвата власти после начала войны.

В этих целях активизировалась разведывательная деятельность. Только в 1940-1941 годах советскими органами государственной безопасности было раскрыто 66 резидентур, разоблачено 1596 немецких агентов, в том числе: в западных областях УССР, БССР и Прибалтике — 1338 (См. Советские органы государственной безопасности в годы войны. (Вопросы истории.-1965.-№5-С.28). В марте 1940 года были разоблачены члены резидентуры ОУН на Львовщине, в сентябре — ликвидирован их организационный центр.

Они активнейшим образом вели подготовку к войне. Именно с этими целями был переброшен летом 1940 года на Волынь Тарас Бульба-Боровец (См. Бульба-Боровец Т. Цит. работа, С.48-65). Именно с этими целями было заключено соглашение Бандеры с командующим вермахтом Браухичем, а осенью 1940 г. к подготовке в спецлагерях приступило около 1000 будущих членов ДУН ("Дружини українських націоналістів"), составивших костяк подразделений, вступивших на советскую землю в составе войск фашистской Германии (См: У лавах дружинників. Спогади учасників.-Денвер.-1982).

ПЛАМЕННОЕ СЛОВО ПУБЛИЦИСТА

Солдат Отечества (Товарищ Маршал Советского Союза) Н.Х.Гарифуллина

На манифестации, посвященной 51 годовщине Великой Победы советского народа над фашистской Германией, я увидела женщину с необычным плакатом. На кумачовом полотнище, в левом углу большой портрет советского военачальника, под портретом издалека заметная надпись: "Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев, отдавший жизнь за Отечество СССР". Справа от портрета броско, крупно: "За гибель лучших сыновей, за слезы вдов и их детей по перестройщикам — "огонь!", "огонь!"

Ольга Ивановна Федорова, активистка движения "Трудовая Россия", рассказала, что сделала этот плакат сама и ходит с ним на все акции оппозиции уже несколько лет. Но почему на плакате именно Ахромеев?

— Сергей Федорович был последним из советских военачальников, кто выступал перед призывниками СССР в 1991 году и напутствовал их служить Родине. Этот плакат у меня просят сотрудники Музея Ленина, они все сейчас работают в Центральном историческом. Но я пока не отдаю. Вот сколько хожу с ним на митинги, каждый раз подходят люди, снимают головной убор перед портретом, целуют его. Военные честь отдают... Что у меня связано с Ахромеевым? Видите ли, я проработала в "оборонке" десять лет — в Военной академии имени Куйбышева. Всегда мы с огромным уважением относились к Сергею Федоровичу. Его гибель меня потрясла. Я почувствовала тогда, что остаюсь беззащитной. Уходит последний советский солдат, маршал, кто может меня защитить. И, знаете, чувство утраты не проходит со временем. Такие дела ...

Мне кажется, многие пережили и переживают до сих пор такое же непреходящее чувство утраты: вместе с маршалом Ахромеевым, трагично ушедшим из жизни после августовского переворота, уходила целая эпоха, уходила страна, которую мы потеряли в одночасье, уходило все, что мы так любили и без чего не мыслили своей жизни.

Сергей Федорович Ахромеев был советским солдатом, патриотом и защитником Социалистического Отечества. В этом была его суть.

Такие военачальники, как маршалы Жуков, Василевский, Рокоссовский, Конев, позднее Ахромеев, неотделимы от славной истории Советской страны. Дети рабочих и крестьян, они росли и мужали вместе с нею, она дала крылья своим орлятам. Расправив их, они доблестно защищали ее в лихие годы.

Сейчас, когда я перелистываю страницы его судьбы, я думаю, как мало ему было отмерено ею и как много он успел сделать!

"К штыку приравняв перо..."

Самым тяжким для него, прошедшего Великую Отечественную войну "от звонка до звонка", прослужившего в Вооруженных Силах 50 календарных лет, было в годы "перестройки" все усиливающееся глумление над Советской Армией, над КПСС, в ряды которой он вступил в сорок третьем году на фронте. На его 60-летие сослуживцы по Генеральному штабу подарили ему ксерокопию его личного дела, в нем собраны документы военных лет. Среди них есть и заявление Ахромеева в партбюро 197 артиллерийского стрелкового запасного полка, написанное им в городе Шахты 8 мая 1943 года:

"Прошу партийное бюро полка принять меня кандидатом ВКП(б), так как в эти тяжелые для Родины дни хочу в рядах Коммунистической партии бить фашистских оккупантов до полного уничтожения. Обещаю всегда и везде высоко нести звание коммуниста..."

К заявлению приложена боевая характеристика на адъютанта командира мотострелкового батальона 140 танковой бригады старшего лейтенанта Ахромеева Сергея Федоровича: "...За период подготовки к вступлению батальона в бой, не считаясь с трудностями и усталостью, побывав несколько раз в исходных позициях рот, знакомился с минными полями и бродами, своевременно доводил все приказы и указания до командиров рот, своевременно обеспечивал связью от батальона до рот, увязав все взаимодействия между ротами и внутри батальона".

И три рекомендации. Четвертая — комсомольская.

"Я, Лось Георгий Артемович, член ВКП(б) с 1931 года, партбилет №..., знаю Сергея Федоровича Ахромеева по совместному участию в боях как смелого, энергичного командира, который, не считаясь с усталостью и трудностями, всегда аккуратно выполняет все приказы и приказания. Рекомендую в члены ВКП(б)"...

Не ради кресел и должностей вступал боевой старлей в большевистскую гвардию, а чтоб "бить фашистских оккупантов до полного уничтожения". Он хотел идти в бой коммунистом, и каждый бой для него мог стать последним...

Спустя годы, на его последней пресс-конференции в качестве военного советника президента СССР, состоявшейся 19 июня 1991 года в гостинице "Октябрьская" на тему "22 июня 1941 года — взгляд через 50 лет", один из журналистов спросит его: "А как вам видится роль КПСС, высшего партийного руководства, тех коммунистов, которых приходилось видеть на фронте?" И Ахромеев ответит по-солдатски честно и прямо:

— Во-первых, я считаю, что Коммунистическая партия Советского Союза, или, как она тогда называлась, Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков, достойно выполнила свой долг перед народом и доблестно защищила страну. Если говорить о потерях, то из тех трех миллионов человек, погибших в первые полгода войны, полмиллиона были коммунистами. А всего из восьми миллионов погибших (военнослужащих и партизан — Н.Г.) в партии состояли 2 миллиона 300 тысяч человек. Почти каждый третий.

Я сам вступил в партию... на фронте, будучи командиром стрелковой роты. Не для того, чтобы куда-то уйти на штабную или тыловую работу, а чтобы оставаться на передовой, чтобы мне больше верили солдаты и сержанты.

Почти полвека носил рядом с сердцем маршал Ахромеев тоненькую книжицу с силуэтом Ильича на обложке. По первому слову на фронте шел в огонь, а в мирные дни ехал на край земли — служить Отечеству. Это был русский, советский офицер и коммунист в самом высоком понимании этих слов. И потому ныло и болело его израненное ложью и клеветой сердце, израненное очернителями нашей советской истории. Но и в свои 68 лет он не перестал быть солдатом, бойцом. Да, он и теперь шел в бой, отстаивая в беседах с журналистами, в статьях, открытых письмах и с трибуны Верховного Совета СССР историческую правду, защищая то, что всегда было дорого истинным советским патриотам.

В майском номере журнала "Молодая гвардия" за 1991 год напечатано подробное интервью маршала, воспринимающееся сегодня как исторический документ, зафиксировавший для современников правду о нашем времени, о предателях и разрушителях Отечества и тех, кто и тогда не сидел в окопе. К ним принадлежал прежде всего сам интервьюируемый — маршал Ахромеев. Понять это можно даже по небольшому фрагменту беседы.

"Наша пресса оказалась в руках экстремистских элементов, систематически наносящих удары по КПСС, органам правопорядка и особенно сильно по армии. Создается такое впечатление, что кто-то этим руководит. Не беспокоите ли вас это?" — спросил автор материала "Вооруженные Силы СССР служат народу и Отечеству" Герман Назаров. Ахромеев, отвечая ему, размышлял вслух о том, что тревожило его самого, при этом сам задавал вопросы, как бы приглашая читателей вместе с ним докапываться до истины.

"Как произошло, — говорил он, — что большинство сил и средств массовой информации в течение буквально трех-четырех месяцев в конце 1987-го — начале 1988 года оказалось в руках экстремистов от пера и слова, большинство из которых ранее считались правоверными членами КПСС, кричащими громче всех о своей приверженности коммунизму на всех перекрестках, и вроде бы совсем неожиданно выступивших против Коммунистической партии — вот один из самых таинственных вопросов вообще всего перестроичного периода. Посмотрите, сколько из числа афанасьевых (Историко-архивный институт), арбатовых, яковлевых ("Московские новости"), коротичей и многих-многих других были членами ЦК КПСС или ответственными работниками аппарата ЦК партии. Где они сейчас? Как они относятся к Коммунистической партии? Почему их было так много в аппарате ЦК КПСС, особенно в отдельах, отвечающих за идеологическую работу и международные отношения?... Вот со стороны этих лю-

дей, состоявших в КПСС, в составе ее Центрального Комитета, со страниц партийных журналов и газет, с телевидения словно по команде (я лично убежден, что именно по команде) по Коммунистической партии, по социализму последовали такие удары, такие пассажи и провокации, от которых миллионы честных коммунистов растерялись. Коммунистическая партия закачалась. Откровенно говорю — не считаю себя слабонервным или слабосильным человеком, но растерялся лично и я.

Лавина лжи и обмана, обрушившаяся на всю КПСС в целом, часто на отдельного коммуниста лично, имела цель — обмануть, одурманить советских людей, опрокинуть Коммунистическую партию, ликвидировать ее как общественную политическую силу. Героем начал изображаться Л.Д.Троцкий — фракционер и раскольник, прямой организатор и идейный вдохновитель расстрелов командиров и комиссаров Красной Армии в годы гражданской войны, виновник массовых убийств и репрессий против донских и кубанских казаков".

Как видим, маршал, с его прозорливостью и проницательным умом, очень точно ставит диагноз тем силам, что в те годы уже откровенно рвались к власти и не скрывали намерений резко повернуть страну на капиталистические рельсы. Сам он пытается бороться, да нет, не пытается, а борется, в том числе и к "штыку приравняв перо". Его бесконечно возмущает, "что идет (и это приняло характер политической кампании) оправдание трижды проклятого советским народом изменника и предателя, гитлеровского приспешника генерал-лейтенанта А.А.Власова, перебежавшего в 1942 году на сторону фашистов, и власовщины вообще". И маршал ставит вопрос прямо: "Если этот подонок и изменник — борец за свободу русского народа, кто же такие все мы — от маршала Г.К.Жукова до рядового солдата, погибшие и умершие, раненые и искалеченные, но еще живые, все воины, дравшиеся с гитлеровцами и теми же власовцами в годы Великой Отечественной войны? Куда относят новые демократы и, в частности, В.Коротич всех женщин, стариков и детей, которые нас вооружали, обували, одевали и кормили и которых власовцы на оккупированной территории истязали и вешали? До чего все-таки может дойти подлость и низость политиков, если журнал "Огонек" реабилитации предателя Власова и власовцев посвящает большие статьи, придавая им характер научного исследования?"!

В другом интервью — главному редактору "Военно-исторического журнала" генерал-майору В.И.Филатову — маршал Ахромеев, сам задав вопрос, почему "Огонек", "Московские новости", "Аргументы и факты" и другие издания в течение нескольких лет осуществляют "вполне определенную политическую линию", сам же и отвечает на него: "Задумана масштабная провокация. Если удастся очернить миллионы ветеранов, с ними очерняется и КПСС, все наше прошлое перекраивается. А ведь без достойного прошлого нет и нормального настоящего".

Да, старый воин верно угадал направление главного удара: сначала — КПСС. Именно она цементировала общество, народ и страну, делала их монолитом, и потому надо было сокрушить в первую очередь именно ее и самых лучших, самых верных и убежденных коммунистов. Позже, после августовского ельцинского переворота адмирал США, бывший председатель комитета начальников штабов Уильям Дж.Крау-младший, скорбя по поводу безвременной гибели Ахромеева, напишет:

"Маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев был моим другом. Его самоубийство явилось трагедией, отражающей конвульсии, происходящие в Советском Союзе. Он был коммунистом, патриотом и солдатом, и я думаю, что сам о себе он сказал бы в такой же последовательности. Вся его жизнь была отдана служению родине и партии — начиная с 1940 года, когда он вступил в армию. Вторая мировая война оставила на нем неизгладимый от-

печаток. Около 80 процентов советских мужчин его возраста, родившихся в 1923 году, не вернулись с войны...

...Мы встретились в Москве в прошлом году, когда оба вышли в отставку. Он сказал: "Вы не разрушили Коммунистическую партию. А мы сделали это. И пока это происходило, мое сердце тысячекратно разбивалось на куски каждый день". ("Политика" №14, октябрь 1991 г.).

Эти слова дают возможность почти физически ощутить боль, которую переживал старый маршал, и масштабы в том числе и его личной трагедии. Ведь вне партии он не мыслил своего существования, а она рушилась на глазах... Вернее, ее разрушали, как и дорогую его сердцу Советскую Армию. И здесь в качестве главного оружия была избрана черная ложь. Продавшаяся псевдodemократам и продавшая Родину — Советскую страну, где она родилась и выросла, демонстрировать, выслуживаясь перед своими новыми хозяевами и выполняя их "соцзаказ", злобно, агрессивно, словно с цепи сорвавшись, набросилась на высший командный состав — генералитет, адмиралов. Ахромеев и здесь верно вскрывает направление главного удара и прямо отвечает на вопрос, кому и почему это выгодно. В уже упоминавшемся интервью журналу "Молодая гвардия" он показывает, что высший командный состав армии и флота — плоть от плоти народа.

"Всего в Вооруженных Силах СССР по состоянию на 1 октября 1990 года проходит службу 1991 маршал, генерал и адмирал. По социальному происхождению они сыновья, как правило, рабочих и крестьян. Статистические данные подтверждают это. Если рассмотреть генералов и адмиралов — командиров дивизий, то из общего числа: 48 процентов — из рабочих, 14 процентов — из крестьян, 26 процентов — из интеллигенции, 17 процентов — из семей военнослужащих... Соединение воедино должностного опыта партийной работы в течение 20-25 лет и полноценного образования обеспечивают генералам и адмиралам возможность достойно выполнять возложенные на них обязанности. Заработная плата большинства генералов и адмиралов составляет 750-800 рублей. На 150-200 рублей больше зарплаты полковника".

До чрезвычайности щепетильный, С.Ф.Ахромеев приводит эти "великие" суммы для борцов с привилегиями, которые тогда затерроризировали партийных работников и военачальников, обвиняя их в том, будто они объедают и обирают народ, живут в неслыханной роскоши. Под этот злобный, бесстыдный обстрел попал и прославленный в боях за Родину маршал. Николай Успенский, автор глубокого исследования "Кому мешает мертвый маршал?", подсчитал, что "только за вторую половину 1990 года в московских газетах появилось более 200 публикаций, в которых имя Ахромеева упоминалось в негативном плане... Гамма красок чрезвычайно пестра: от откровенно черных, рассчитанных на примитивных читателей, до утонченно-многоцветных, на которые падка интеллигенция".

200 публикаций! И как только выдерживало его сердце?! Продажные щелкоперы, обязанные своей жизнью Ахромееву и ахромеевым, не ведая стыда, выливали ушаты самой черной грязи и лжи. Чего стоят их злобные и омерзительные пассажи о якобы неслыханно роскошной даче, "построенной за счет народа", о якобы за бесценок "приватизированной" мебели и двух холодильниках! Все это подавалось как злоупотребления за государственный счет. Шла изощренная травля честнейшего, кристального человека с такими высокими понятиями о чести и достоинстве, которые этим господам борзописцам и не снились.

В середине лета 1991 года автор и продюссер Александр Ухов и режиссер Василий Антипов закончили уже упомянутый мною фильм об Ахромееве. Отсняв материал на 15 с лишним часов экранного времени, они "втиснули" долгую жизнь маршала и все его одиссеи в 49 минут 30 секунд. Спасибо им за этот фильм, сохранивший для потомков живого маршала, его мысли, его встречи, его

надежды, тревоги, его любовь... Так вот, один из эпизодов ленты как раз и рассказывает о "поместье" Ахромеева.

Оператор снял на пленку участок в 0,7 гектара, дом, в нем 7 комнат. "Живут Ахромеевы патриархально: родители, дети, внуки — всего восемь человек. Плата за дом 150 рублей в месяц (это десятая часть заработка маршала, дача — государственная — Н.Г.)". "Сесть некуда", — констатирует автор. С помощью телекамеры мы побывали во всех комнатах. Всюду поддержанная мебель. Ей уже лет 15-16. Оказывается, раньше эту дачу занимал маршал Гречко, при нем и покупали мебель. Никаких излишеств, никакой роскоши, только чтобы было на чем спать и работать. Показали два холодильника — на восемь человек. Что, это — роскошь? Маршал говорит: "За них заплатил 7200 рублей, но это полтора года назад, я все это купил". Понятно, полтора года назад наш рубль был весомее. Автор уточняет: "Сколько стоит этот гарнитур?" "Четыре тысячи рублей", — говорит супруга маршала Тамара Васильевна. "Нет, — уточняет маршал, — он стоит четыре, а купил я его за 3600. 20 процентов за 12 лет эксплуатации "скинули"..."

И вот этого щепетильного, честного, интеллигентнейшего человека, отдававшего служению своей стране все силы, энергию, здоровье, да что там здоровье, точнее сказать — всю жизнь, лакеи от пера травили, пачкали его доброе имя, улюлюкали. Почему сегодня замолкли так называемые "борцы с привилегиями"? Где небезызвестная Элла Панфилова, сделавшая себе карьеру на глумлении над советскими руководителями из высшего партийного, государственного и военного эшелона? Почему она не видит царской роскоши новых апартаментов нынешнего президента Ельцина, воздвигнутых скоростными методами за счет обнищания большинства народа, и фешебельных дач новых русских и нового генералитета во главе с министром обороны? Где же ваша принципиальность, господа "борцы"?

Ахромеева эти лакеи терзали и злобно облавливали потому, что себя он и не думал защищать — он встал на защиту боевых своих товарищей, которые получали звания и ордена на фронте, когда каждый день мог стать последним. И не ради званий, почестей и наград они шли под пули, а ради Отечества своего, ради земли своей советской. В открытом письме главному редактору "Огонька" В.Коротичу Сергей Федорович писал:

"Высший командный состав армии и флота (руководство Министерства обороны, главнокомандующие, командующие войсками военных округов, групп войск, флотов, армии, соответствующие работники штабов и политорганов) — это люди, прослужившие в Вооруженных Силах 30-50 лет. Министр обороны и большинство его заместителей — участники Великой Отечественной войны. Все эти люди в течение многих десятилетий являются коммунистами. Преданность социалистическому Отечеству, уважение социалистического строя, присяга Родине, советскому знамени для них являются смыслом жизни..."

Генералы, адмиралы и офицеры армии и флота воспитаны были как убежденные коммунисты. Огромное большинство этих людей сознательно выполняет свой воинский и партийный долг. Для защиты Родины они готовы пролить свою кровь, если потребуется — отдать жизнь. Понятия "долг", "честь", "преданность Родине", государственной власти у них в уме и в сердце. Они умеют командовать подчиненными соединениями, частями и подразделениями, убеждать, мобилизовывать и организовывать личный состав на защиту социализма и государственных интересов страны".

Он убежден: "Наши солдаты и сержанты — это сознательные граждане своего Отечества. Разумеется, иногда прямо противоположные взгляды, свойственные нашему обществу сегодня, свойственны и военнослужащим. Но, во-первых, большинство нашего общества — за социализм.

Во-вторых, весь уклад армейской службы воспитывает из воина и духовно, и физически защитника социалистического Отечества. Военнослужащий не просто защитник, он убежденный и сознательный защитник социалистической Родины. Использовать его в каких-либо антисоциалистических целях не удастся никому”.

Все это правда. Такой видел боевой маршал Советскую Армию, такой она и была, но именно потому, что это была настоящая народная армия, где служили дети рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, командовали которыми такие же дети рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, на нее и обрушили смертоносный удар разрушители Советской державы. Ахромеев был в числе тех, кто первым испытал этот удар на себе и кто предвидел трагические для социалистического государства последствия предательских действий многочисленной своры перевертышей. Очень точно обозначил он механизм и движущую пружину развернувшихся широкомасштабных диверсий против всего советского периода и ценностей, рожденных им. Борьба за власть! Эту мысль он формулирует в интервью украинской “Рабочей газете” в номере за 31 января 1991 года:

“В настоящее время идет борьба за власть. Причем, в этой борьбе политические силы выступают открыто. С одной стороны — это те, кто стоит на базе нашей Конституции и целостности страны. Такие силы есть в каждой республике, включая Литву, где эта борьба идет особо остро. Я тоже отношу себя к этим силам. Мы выступаем за социалистические идеалы (за построение гуманного демократического социализма).

И другие силы есть. Это та же так называемая “Демократическая платформа” у нас, в России, это Рух на Украине, “Саюдис” в Литве и так далее. Поперек пути этих сепаратистских движений, вынашивающих замысел по расчленению нашей страны, как раз и стоит КПСС как общественная организация, и армия как орган государственный. Поэтому-то главные удары и направлены против КПСС и Вооруженных Сил.

Я не буду останавливаться на борьбе против Коммунистической партии на Украине, думаю, есть кому рассказать об этом. Что же касается армии, то атаки на нее идут по разным направлениям. Некоторые из них мы уже упоминали. Это требование так называемой департизации, те же призывы Б.Н. Ельцина о неподчинении солдат командованию, попытки создания сепаратистских армий... Таким образом, армия оказалась на самом острие политической борьбы за будущее нашего Отечества”.

“Есть такая профессия — Родину защищать”

Со всех трибун Ахромеев выступает против превращения народной армии защитников Родины в армию наемников. До перестройки нашей стране такой вопрос не возникал. Поколения за поколениями советских людей воспитывались в духе преданности социалистической Отчизне. Помните фильм “Офицеры” с его крылатой фразой: “Есть такая профессия — Родину защищать!” Мы росли на таких фильмах, с материнским молоком и со школьной скамьи впитывая уважение к людям в военной форме, к Красному знамени Победы, к военным реликвиям. И вдруг вся демонстрировала: армия сидит на шее у народа, объедает его, это армия бездельников, ее надо сократить, сделать профессиональной, где служить будут по контракту. Фактически предлагалось весь контингент воинов, для которых защита Отечества была священным долгом, заменить армией наемников, которую, если понадобится, можно будет повернуть и против народа.

Нельзя допустить такое! Полем битвы Ахромеева становится и борьба против “добровольческой”, а фактически наемной армии. В том же открытом письме одному из главных очернителей армии — огоньковцу Коротичу Сер-

гей Федорович напоминает, что защита Отечества в наших конкретных условиях — дело всего народа. Он напоминает, что “это началось три века назад при Петре Первом”, и объясняет, почему для Советского Союза не подходит наемная армия: “Оглядываясь назад вновь, мы убеждаемся, что против нашего социалистического государства, начиная с 1917 года, за рубежом плелись заговоры, готовились и велись войны. Достаточно вспомнить политику Черчилля, Чемберлена и Деладье, Гитлера с его сателлитами, Трумэна и Даллеса. Все это было...” И поэтому, говорит маршал, нам всегда нужно иметь на случай агрессии немалые подготовленные мобилизационные резервы и ресурсы. “А резерв на случай агрессии может готовить только армия, комплектуемая на основе всеобщей воинской обязанности, где систематически меняется личный состав срочной службы. В наемной армии солдат, младший командир служит 10-15 лет без замены. Здесь подготовка военных специалистов в запас невозможна. Вот в чем главная причина, почему в СССР нельзя иметь наемную армию. Военно-политическая и геостратегическая обстановка не позволяет нам пойти по этому пути”.

Это аргументы сугубо военного человека, отдавшего армии всю свою жизнь. Но есть и другие, не менее, а может быть, еще более весомые, и о них маршал говорит тоже в полный голос, не считая возможным промолчать или обойти острые углы и, естественно, вызывая на себя яростный огонь тех, кто в то время уже совершенно открыто и облыжно хаял все, чем мы дорожили. Нет, тут смолчать Сергей Федорович никак не мог.

“Получилось так: что журнал “Огонек” девальвирует ценности, которые были нерушимы веками для русской армии и которые были унаследованы Советскими Вооруженными Силами. Хочу сказать молодому читателю: я человек пожилой; некоторые понятия, о которых я поведу спор ниже, молодым могут показаться, к сожалению, в какой-то мере громкими словами. Но для меня они никогда такими не были, они имели для меня конкретное и непреходящее значение. Что это за ценности? Это любовь к Родине, преданность своему знамени, мужество, честь, достоинство. Не все покупается и продается за конвертируемый и неконвертируемый чистоган. Есть ценности, которые честным человеком и патриотом не оцениваются только количеством рублей и долларов. Почему эту тему обходит Ваш журнал? По-моему, только потому, что она не укладывается в те ценности, которые Вы стремитесь привить нашему обществу. Здесь мы с Вами расходимся капитально”.

“Корчагиных и Жухраев Островский не придумал”

“Капитально” маршал расходился и с теми, кто вознамерился переписать историю советского периода заново, исказив историческую правду в угоду политическим силам, пришедшим к власти в России и раскачивавшим союзный корабль. Он был сопредседателем главной редакционной комиссии по подготовке 10-томного издания “Великая Отечественная война советского народа”. Председателем — министр обороны СССР маршал Д.Т. Язов. Как к любому порученному делу, Сергей Федорович и к обязанностям сопредседателя относился с высокой ответственностью. Но тут дело было особой важности. Уходят ветераны — те, кто воевал и знал историю войны такой, какой она была. Надо успеть при их жизни сказать всю правду о 1418 грозных, горьких и победных днях, овеянных скорбью и славой. Это долг перед павшими товарищами, перед всеми 27 миллионами советских людей, чьи жизни принесла Родина на алтарь нашей Великой победы. Это долг перед живущими — они должны знать все. Наконец, это долг перед будущими поколениями, они не должны быть иванами, не помнящими родства.

Но то, с чем столкнулся Сергей Федорович при изучении первого тома, присланного ему на рецензию, его потрясло. Помните, сколько сарказма и яда изливалась пресса, вспоминая как в 40-50-е годы некие "умники" из высшего эшелона поставили крест на кибернетике и кто-то из них, дабы обосновать запрет, "глубокомысленно" изрек: "Кибернетика, как и генетика, — продажная девка капитализма". Эти горе- "теоретики", затормозив прогресс научной мысли, действительно отбросили нашу страну на много десятилетий назад. Так что сарказм тут более чем уместен. Но я хочу спросить: в какую, в чью девку превратилась сегодня история как наука? Почему ее теперь вновь переписывают, намеренно искажая в угоду нынешним властям предержащим? И почему этого не замечает наша "самая демократическая в мире" печать? Думаю, ответ ясен: она сама приложила руку к очернению советской истории и немало в этом преуспела.

Я уже говорила, что маршал Ахромеев смело противостоит кампании очернительства, мужественно отражает и ответные удары против него в виде ядовитой лжи и самой беспардонной клеветы. Но то, что он прочитал в первом томе, его, закаленного в боях солдата, просто потрясло и возмутило до глубины души. И он не медля вступает в борьбу. Он пишет всем членам редакционной комиссии, что "в таком виде том выпускать нельзя, его надо перерабатывать". Большинство членов комиссии поддержало маршала.

Что же не устраивало его в этой работе авторского коллектива, руководителем которого был генерал-полковник Волкогонов? По мнению Ахромеева, в ней было два существенных порока, о которых он подробно и рассказал на страницах "Военно-исторического журнала".

"Первый порок. Оценка движущих сил и характера развития социалистического общества, строившегося в 20-40-е годы в Советском Союзе. Это коренной вопрос, от которого зависит подход Главной редакционной коллегии к оценке источников силы советского народа, позволивших устоять и обеспечить достижение перелома и в конечном итоге победы в Великой Отечественной войне," — говорит маршал и, развивая дальше этот тезис, утверждает, что "уже к середине двадцатых годов, к XIV съезду ВКП(б) большинство рабочего класса Советского Союза в союзе с бедными слоями крестьянства при благожелательном нейтралитете середняка было за строительство социализма. Причем рабочий класс готов был идти на любые жертвы, чтобы достичь этой цели".

В первом же томе "вдохновленные" известным перевертышем ученые, погрешив против истины, а не один из них и против совести, живописали о якобы "низком уровне политической культуры масс", "о своего рода крепостничестве в форме колхозов", "о мощном идеологическом прессе, насаждавшем радужные надежды на светлое будущее" и т.д., и т.п. Ахромеев замечает, что "с многих страниц этого тома веет антисоциализмом". Вывод его убийственный: "Налицо явное извращение исторической действительности".

Не только как рецензент, сопредседатель комиссии, но как человек, который "сам родом оттуда, из этих лет" и который "сам видел, как люди работали, с какой самоотверженностью, ради чего они трудились", он на страницах "Военно-исторического журнала" свидетельствует:

"Вместе с тем подрастало новое поколение коммунистов и комсомольцев — миллионы людей, воспитанных большевиками-ленинцами, глубоко приверженных социализму, которые сознательно работали на благо будущего не за страх, а за совесть. Их никто не эксплуатировал. Они работали на лучшее будущее. Это поколение, коммунисты, а также идущие вместе с ними рабочие и крестьяне, к началу Великой Отечественной войны уже состояло из нескольких десятков миллионов человек. Именно это поколение, ведущее за собой советский народ, осуществило

индустриализацию, коллективизацию, культурную революцию и преобразило наше общество. Корчагина и Жукова не придумал Н. Островский в книге "Как закалялась сталь". Они действительно существовали и были в 20-40-е годы важной силой нашего общества. Эти люди были везде, во всех звеньях, начиная с Политбюро ЦК ВКП(б) и кончая каждой низовой партичайкой. Они были одержимы социалистической идеей и предпринимали гигантские усилия, чтобы осуществить ее на практике".

К сказанному Сергеем Федоровичем можно добавить, что, когда пришел час, эти люди, это поколение заслонило собой Родину. Ведь только "одержимые социалистической идеей" могли стоять насмерть под Москвой и в окопах Сталинграда, предпочесть смерть в блокадном городе, но не отдать Ленинград врагу, могли идти на таран фашистского самолета или с последней гранатой бросаться под танк с паучьей свастикой. Наемники на жертвенный подвиг во имя Родины не способны. За деньги можно убивать, насиливать, грабить. Подвига за деньги не совершишь, потому что подвиг всегда бескорыстен, его совершают свободные, одержимые идеей и любовью к Родине люди.

Что ж, волкогоновым понять это не дано. У них совершенно иная "пламенная страсть" — предавать. Генерал-лейтенант сделал себе военную и научную карьеру "на защите и укреплении социализма и Коммунистической партии". Сергей Федорович и здесь со столь свойственной ему проницательностью очень точно ставит Волкогонову диагноз: в 60-70-е годы прославлять социализм и партию было удобно, а главное выгодно... "Подстраиваясь под правоверного марксиста, он получал при помощи партийного руководства аудиторию, прессу, издательство, а следовательно, и деньги. Позже к нему пришли одна за другую ученыe степени и звания. И все это потому, что Волкогоновым безмерно прославлялась КПСС".

И в интервью "Военно-историческому журналу", и в ряде других, в своих статьях маршал не раз возвращался к этому перевертышу. По его, Сергея Федоровича, выскакиваниям можно составить анатомию предательства и портрет самого Иуды. Мне кажется, маршал относился к Волкогонову брезгливо, именно как к духовному власовцу, и эти имена — Власов, Волкогонов — у него стояли рядом. Он даже как-то сказал, что если сей "историк" и "ученый муж" так ненавидят советский строй, социализм и Коммунистическую партию, то почему же он не откажется от всех ученых степеней, от всех регалий, полученных им за прославление всего выше названного? Еще он говорил, что порядочный человек, изменив взгляды, выходит из КПСС, "не атакуя ее". Волкогонов же остался в партии до тех пор, пока членство еще приносило ему какие-либо дивиденды.

Наверное, в немалой степени благодаря настырности — в лучшем значении этого слова — Ахромеева редакционная комиссия предложила учесть все замечания и доработать первый том истории Великой Отечественной войны. Однако после переработки прежние недостатки не только не были устранены, но, как сообщил на своей пресс-конференции 19 июня 1991 года Сергей Федорович, даже еще более усугубились. И тогда Волкогонов был наконец отстранен от руководства авторским коллективом — такое решение принял министр обороны Дмитрий Тимофеевич Язов.

Но ни сановный генерал-лейтенант, который никогда в жизни ничем не командовал, разве что в своем воображении, ни другие перевертыши, которых маршал Ахромеев называл в своих статьях и интервью поименно, конечно, не могли простить ему этого. Группа ученых — членов авторского коллектива, обидевшихся, прислала в редакцию "Военно-исторического журнала" письмо "Кому в угоду?", где упрекала Ахромеева в том, что "содержащаяся в интервью критика по своему характеру весьма далека от товарищеской научной дискуссии", а дальше

следовало изложение позиций по ряду ключевых вопросов первого тома.

Отвечая им, маршал сразу проводит линию "водораздела": "Вы и я придерживаемся прямо противоположных мнений по основополагающему вопросу — оценке предвоенного периода (20-30-х годов) развития советского общества". Дальше следовала детализация разногласий и обоснование своей точки зрения. Аргументы Ахромеева неоспоримы, и сегодня, когда антикоммунистическая истерия набрала новые обороты, когда целые полчища борзописцев без чести и совести из всех сил стараются признать всемирно-историческое значение Великой Победы советского народа и ратный Подвиг советского солдата, они стали еще более актуальными. Без, как говорится, поэтических метафор можно сказать, что маршал Ахромеев и сегодня в строю, его нетленное слово борется с официальной ложью, черными наветами, гнусной смердяковщиной, которая, словно сорняки на хлебном поле, смогла произрасти на российской ниве в эпоху смуты и предательства. Не все имеют сегодня возможность прочесть написанное Сергеем Федоровичем, поэтому есть смысл еще раз процитировать первоисточник.

Маршал дает отповедь тем, кто прямо обвиняет руководство страны в том, что потери и жертвы наши оказались столь велики. Мол, страна оказалась неподготовленной к войне, отрицательную роль сыграл сталинизм, потому что репрессии ослабили армию и флот, обезглавили их. Сталин-де не верил, что Гитлер начнет войну с Россией. Так вот на все эти и другие "аргументы" Ахромеев приводит свои, основанные на реальных фактах истории, а потому убедительные и бесспорные. Он считает, что главная причина столь непомерной тяжести войны кроется в огромной военной и экономической мощи гитлеровской Германии и фашистской коалиции в целом. Он напоминает, что "ровно месяц потребовалось Германии, чтобы разгромить и принудить к капитуляции Францию, которая была в 1940 году великой державой, равной Германии".

"Не Советский Союз создал гитлеровскую Германию. У нее были другие, известные вам родители", — пишет Ахромеев ученым мужам.

"Германия перешла на военное положение в 1939 году, а вермахт имел двухлетний опыт ведения войны. Вы, как военные историки, понимаете величину этого преимущества в начальный период войны. Гитлеровская Германия была мощнейшей военной, экономической и политической силой. Вся Европа, кроме Великобритании, была в ее руках.

Но при всем этом, Советскому Союзу потребовалось пять месяцев, чтобы, несмотря на огромные потери, оправиться, в ожесточенных сражениях обескровить гитлеровскую Германию и добиться перелома в войне. Что, может быть, нечто подобное совершила Россия и царская армия при царе Николае II в годы первой мировой войны? Откуда же у Советского Союза взялась такая сила? Здесь у меня перед большинством из вас есть преимущество. Я, участник Великой Отечественной войны, видел, откуда брались истоки патриотизма и героизма нашей армии, каков был ход и исход войны".

Похоже, ниспровергатели об этом забыли начисто. Они ставят коммунистам, советским людям в вину то, что именно Советский Союз разгромил фашизм и спас мир от коричневой чумы, они ставят на одну доску захватчиков и освободителей, иные даже слезу готовы пролить над судьбой бедных несчастных вояк третьего рейха. Но мы их не звали в "гости", это они пришли на нашу землю убивать, жечь, вешать, грабить, разрушать. Золотые строки маршала Ахромеева ставят все точки над i, очищают правду от накипи, ржавчины и нечистоплотных наветов.

Не обходит он и упреков оппонентов по поводу якобы нанесенных им, Ахромеевым, оскорблений Дмитрию

Волкогонову. Сергей Федорович парирует эти насоки интеллигентно и, я бы даже сказала, изящно. "Сегодня нередко случается, что человек, формально оставаясь в КПСС, тем не менее ведет борьбу против социализма и против своей партии. Именно по этой причине я назвал Д.А.Волкогонова перевертышем. Он действует именно таким образом. Это не оскорблениe, а определение сегодняшнего лица генерал-полковника Д.А.Волкогонова. Нельзя одновременно оставаться в КПСС и отрицать все, что было положительного в эпоху после 1917 года, в том числе и в 20-30-е годы. Нельзя труд сотен миллионов людей и его результаты сводить только к сталинизму, оскорбляя этим народ в целом. Это искажение истории. Откровенно говорю: такую позицию считаю неправильной и открыто против нее выступаю".

Думаю, эти строки Ахромеева сегодня нeliшне перечитать и некоторым "новым коммунистам", которые, подобно Ельцину, волкогоновым, яковлевым и прочим ниспровергателям, а иной раз и похлеще их, обвиняют КПСС, развенчиваюt пройденный ею путь, рисуя прошлое тоже исключительно черной краской. Очерная и отмежевываясь таким образом от КПСС, заявляя, что они-де новая партия, а значит не несут ответственности за ошибки прошлого, тем не менее примазываются к лучшим страницам ее биографии, мол, "мы — партия Жукова, Королева, Юрия Гагарина, Шолохова, Алексея Стаханова и Паши Ангелиной". Интересно, что перед выборами в этом списке появилось еще и имя Мусы Джалиля. Чего не сделаешь для привлечения голосов избирателей! В принципе отказавшись от интернационализма, сфокусировав все внимание на русской идее, здесь они решили вдруг потрафить национальным чувствам "инородцев". Правда, при жизни Ахромеева эти коммунисты "новыми" себя еще не именовали, иначе, мне кажется, он бы и им прямо высказал то, что думает. Не стеснялся же он во всеуслышание на своей последней пресс-конференции высказаться по поводу того, что "Ельцин на старости лет вдруг "прозрел"! С иронией говорит Ахромеев о том, что российский президент был секретарем ЦК КПСС, кандидатом в члены Политбюро. А сейчас вот открыто говорит, что не верит в социализм и коммунизм и считает неправильным все, что делали коммунисты.

С такой же прямотой он называл и тех, кто особенно усердствовал в очернении и разрушении армии. Он неоднократно вступался за руководство Вооруженных Сил, но двигала им отнюдь не забота о чести мундира и не кастовое чувство. Он полагал: "Где скомпрометированы руководители, там скомпрометировано и дело, которым они руководят. Вот тогда можно и власть захватывать". То, что Ахромеев был прав на все сто процентов, показал весь ход событий после августовского переворота. Только этого он уже никогда не узнает... Но пока он еще жив, он идет в бой с открытым забралом, называя имена главных творцов смуты и развала. "... Как в последнее время выясняется, с особой неприязнью к генералам и адмиралам относился и бывший член Политбюро ЦК КПСС, бывший секретарь ЦК КПСС А.Н.Яковлев. Тут уж действительно есть над чем задуматься. Кем и откуда направлялась антиармейская кампания? Кому же тогда особо мешают генералы?"

Мы вспомним об этих вопросах, когда услышим страшную весть о гибели Ахромеева, и с того дня и по сей день нас будут мучить другие: "Кем и откуда направлялась антиахромеевская кампания? Кому же тогда особо мешал боевой маршал?" Думаю, и на эти вопросы ответил он сам, когда назвал поименно разрушителей партии, армии, Советского Союза. Вот этого ему простить не могли...

Окончание следует

Жизнь по-человечески

О простых и доступных пониманию каждого критериях превосходства социализма над капитализмом

Е.И.Суименко

Мой оппонент — зубной техник. От прежних времен он унаследовал отрывочные знания о Марксе (но не самого Маркса!), кое-что от истматга и политэкономии. Зато от времен нынешних почерпнул многое: и то, что человек без частной собственности — вовсе не человек, а люмпенублюдок, и что только демократия дает вольное всему дыхание, и что цивилизованный капитализм вон куда сигнализ, а мы со своими бредовыми идеями о коммунизме все еще топчемся на месте. Спор на уровне высоких материй не получался. И когда он надоел, я, что называется, рубанул своего оппонента простым вопросом: “Ты мне скажи только одно: когда тебе лучше жилось — при социализме или сейчас?” Тот оторопел, затем рассмеялся: “Хороший ты мне задал вопрос! Да, действительно. Если подумать, взвесить, да... действительно...”

Было это летом 95-го. А уже в этом году, в мартовском номере “Труда-7”, в интервью журналистов со Львом Аннинским промелькнуло знакомое мне: “Лев Александрович, кстати, вот вы лично в этом новом времени жить стали лучше или хуже?”. И “известный российский критик” — как его рекомендовали корреспонденты — от решительной категоричности в суждениях перешел неожиданно на невнятный тон, сбивчиво заговорил о том, что поначалу он “испытывал некое подобие страха”, но затем однажды “с удивлением ощутил, что не падает” и что хоть платят ему в 20 раз меньше, зато публикуют в 20 раз больше, что рынок обернулся для него “интересной работой”, что никогда он так много не работал, как в последние 7—8 лет, а физически живет “приблизительно так, как и раньше” (См. “Труд — 7” от 15 марта 1996 г.). Довольно интересная картинка: “никогда так много не работал”, а “физически живет приблизительно так, как и раньше”. Видимо, все-таки вопрос о том, как жил и как живешь, припирает к стенке и людей высокого полета, и им, не кривя душой при виде окружающего развала, для современного читающего Ванечки “трудно отгадать картину нарисовать” (Помните некрасовскую “Железную дорогу”!).

Социальная эмпирика, явления, события, не выборочным порядком, а выстроившиеся в сложенную колонну, куда убедительней, чем логика бесплодных абстракций, при всей своей безупречности не способная прояснить сущности предмета спора. Поэтому хочется обратиться к тем социальным фактам, смысл и суть которых сами по себе, без глубокого анализа, выпирают на поверхность и против которых трудно что-либо возразить, не впадая в натяжки, софистику и фальсификации. Их, этих фактов и событий, превеликое множество. Приходится обращаться к самым убедительным. Как в строительных конструкциях среди всех составляющих есть “несущие опоры”, так и в многообразии общественной жизни есть свои “несущие” — это, прежде всего, всепронизывающий нравственный и нравственно-эстетический дух людей, их идеальные устои и мировоззренческие принципы, т.е. те верхние этажи человеческого бытия, ради которых закладываются все нижние и без которых жизнь людей превращается в пестро суетливую тщету человекоподобных животных.

В неволе птицы не поют

Трудно сказать, какими соображениями руководствовались авторы предновогодней телепередачи “Старые песни о главном” — то ли захотелось им взбодрить пенсионерское сословие, то ли поерничать перед благопристойной публикой, но прозвучавшие в бурлескной форме советские песни не прошли стороной. Привязываясь к незатейливой сюжетной схеме “бравых парней” и “веселых

девчат”, волей случая они полетели над широкими просторами разоренного Союза — памятные, незабываемые песни из “Кубанских казаков”, “Небесного тихохода”, “Семерых смелых”, “Свадьбы с приданым” и других известных фильмов, пусть во многом примитивных, но наивно трогательных, прегрещающих лишь в одном — в изображении людей лучшими, чем они были на самом деле.

Бурлеск не получился. Народ не воспринял его. Не воспринял нарочито окающего Александра Малинина с потугами на пародийность в сцене с бычком. Пропустил мимо внимания паясничанье “перелетных птиц” и неумелую карикатуру на Николая Курочкина. Простил безголосье тусклой Анжелики Варум и расхристанного Владимира Преснякова (к чести большинства исполнителей, они держали себя в небурлескной форме). Вся грязь неряшливого, пародирования разлетелась мелкими брызгами в стороны от стряхнувших ее чистых лебединых крыльев — величественно прекрасных советских песен. Народ воспринял, всерьез и по достоинству, то, что пытались и не смогли осмеять создатели телепередачи. Истосковалась душа народная по настоящим, по своим, независимо родным песням, и эффект неудавшегося бурлеска оказался неожиданным: от Владивостока и до Ужгорода “старые песни о главном” запели стар и млад. Запели на редких сейчас вечеринках и застольях, в ностальгическом одиночестве и дружными компаниями, в душных коммуналках и на приволье. Чуткий рынок сразу же прореагировал: в мюзикшопах послышались непривычные для ушей их владельцев и покупателей задушевное “Каким ты был, таким остался...”, проникновенное “Спят курганы темные...”, бодрое “Лейся, песня, на просторе...”

— Ну как, пошел товар? — спросил я у одного из шоп-менов.

Тот воздел к небу большой палец: дескать, о-кэй, вери вел! Исследования социологов показывают, что большинство граждан Союза, испытывающие боль его утраты, среди ценностей прошлого прежде всего отмечают песни, кинофильмы, литературу. Это дало повод для весьма сомнительной интерпретации выявленных фактов: дескать, советский период истории благодаря “соцарту” сумел породить устойчивые мифы о преимуществах социалистического строя, в то время как сама действительность с ее гулагами, уравниловками, партократиями и тоталитаризмами никакой ценности из себя не представляла. Действительность в силу всеобщего тяготения людей к “светлому будущему” искусно и легко была подменена грандиозным художественным домыслом.

Лихо! Значит выдумкой можно окоплачить 150-миллионный народ! Стоит только захотеть. Тогда почему же многочисленные службы и целые институты по проблемам “модификации человеческого поведения” не в состоянии осуществить то, чего так жаждут нынешние “демократы” во главе с Ельциным, Кучмой, Шеварднадзе и прочими президентами, — заставить “свои” народы радоваться новым порядкам и петь во славу им песни? Значит, не поется! Ведь песня — органический элемент народной жизни. Она порождена жизнью, вплетена в жизнь и живет в сердцах и душах людей столь же неотторжимо, как окружающие их быт, вещи, природа, взаимообщение. Пьяного дурачка можно искусственно спровоцировать на дурашливую пляску, но спровоцировать на песенную жизнь целый народ, если он того не захочет, — это уж, извините, никак не возможно.

Советская Родина — родина песен. Нет, не тех псалмоподобных песнопений, которыми пытались оболгать ценности нового общества создатели фильма “Собачье сердце”, изобразившие явно надуманную сцену с комис-

сарами в кожаных куртках и люмпенами, гнусавящими при свечах что-то дико несуразное. Страшася потеря свою индивидуальность и исключительность в "общем хоре" мелкобуржуазная интеллигенция с первых дней Советской власти люто возненавидела пролетарское искусство. Еще бы! Какое-то было посягнуло на удел избранных. Потому-то и встал Парнас дыбом:

*Евонная Манька страждала уклоном,
И слабый между йими был контакт.
Накрашенные губки, коленки ниже юбки,
А это, безусловно, вредный хват.*

Это в 20-х годах, когда зло, умненько смеялся старый мир над телячьей неуклюжестью нового. А вот уже в 30-е труд породился с культурой. И не "жалисные" песни под солдатскую гармонику, а великое и прекрасное в свежести восходящего солнца зазвучало над страной:

*Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пению гудка...*

Никто не выстраивал людей в шеренги, никто не взмахивал дирижерской палочкой, повелевая петь. Пели, потому что пелось. И рядом с

*Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей*

было и личное, интимное:

*Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетем...*

Или такое вот, заветно-потаенное:

*За дальнею околицей, за молочными вязами
Мы с милым, расставаясь, клялись в любви своей.*

Всякий, кто воспринял ценности новой жизни, идентифицировал себя с Родиной, чувствуя себя при этом не "болтиком", не "винтиком", а исполином, оставаясь одновременно самим собой — там, где индивидуальность суверенна и незаменима. Каждый ощущал себя большим в пространстве и долгим во времени — благодаря песне.

*Всю ночь поют в пшенице перепелки
О том, что будет урожайный год,
Еще о том, что за рекой в поселке
Моя любовь, моя судьба живет.*

Как просто и как гармонично. Слились воедино в этих строчках органическое чувство природы, ощущение со-принадлежности к человеческому миру, где главенствует животворящая сила труда, нравственный дух и радость умиротворяющей любви. И все просторное, огромное в ненарочитом соединении с замкнутостью интима.

Жила, творила многочисленная плеяда поэтов-песенников рядом с такой же многозвучной плеядой композиторов. Незабвенные и святы их имена: В.Агатов, С.Алыров, В.Боков, К.Ваншенкин, П.Воронько, Е.Долматовский, Н.Доризо, М.Дудин, М.Исаковский, Б.Ласкин, В.Лебедев-Кумач, А.Малышко, М.Матусовский, С.Островский, Л.Ошанин, А.Фатьянов, А.Чуркин, Я.Шведов. Это — поэты, далеко не все, разумеется. А вот композиторы: А.Александров, А.Бабаджанян, В.Баснер, М.Блантер, А.Билаш, Н.Богословский, И.Дунаевский, В.Захаров, Э.Колмановский, К.Листов, П.Майборода, Б.Мокроусов, В.Мурадели, В.Соловьев-Седой, М.Таривердиев, М.Фрадкин, Я.-Френкель, Т.Хренников, И.Шамо, А.Эшпай. Также, разумеется, не все. Удивительная судьба этих людей. Их песни знают миллионы. Но все ли знают творцов этих песен? Кто написал прославленную "Катюшу"? Уверен, из сотни знающих ее два-три в лучшем случае назовут автора слов и композитора. И дело здесь не в неблагодарности потомков. Имен создателей "Катюши", пожалуй, в массе своей не знали их современники. Факт незнания или забвения авторов песен — один из вернейших показателей их народности. Так было во все времена истории. Так было и в советский период ее, удивительный тем, что ни до, ни

после нее не появилось столь разительно огромного числа прекрасных, глубоко народных, широко популярных песен. Стоило хорошей песне выпорхнуть из гнезда репропроектора или быть услышанной в новом кинофильме — как подхватывали все, голосистые и безголосые, и она становилась чудесным спутником многомиллионных жизней. Пели на улицах и площадях, в кругу и поодиночке, на работе и дома. Помню свой родной Новомосковск в 30-е годы. После смены выходили из промартели "Боевик" молодые рабочие, компаниями расходились домой — кто на Подол, кто на Перевал, кто на Красный Кут. Мы, ребятишки, гурьбой провожали подольчан: уж больно красиво пели, неторопливо шагая по улицам. С тех пор врезались в память теребящие душу слова:

*Он упал возле ног вороного коня
И закрыл свои карие очи.*

Несмотря на политические коллизии или мелкие дрязги, собственничество "попутчиков" и комчванство партийно-державных чинуш, страна жила единым дыханием, единым песенно-патриотическим порывом — нет, от такого "тоталитаризма" не хочется отказываться.

Всеобщей идиллии, разумеется, не было, как вообще не могло и не может ее быть в реалиях исторического процесса. Вместе с "Катюшей" навязчиво звучали песни о "горном орле", чуть попозже — о партии, которая "наш рулевой", о мужественных целинниках и совсем уж героически бескорыстных коммунистических бригадах. Кроме академических хоров подобных песен никто, конечно, не исполнял, разве что терпеливо выслушивали их. Зато вовсю гремели "Летят перелетные птицы", "Сормовская лирическая" и всякие другие, несть числа которым. Позже, с "хрущевской оттепели", нравственно-эстетическую гармонию советских песен все чаще стали подрывать патологические вопли шансонеток и голосовые надрывы инфантильных юнцов. Несвойственное народному духу сонорное пение, невесть откуда взявшееся пуэрто-риканское наречие в, казалось бы, русской речи, все эти затхло-мещанские кабачки "Тринадцать стульев", все чаще и все активнее захватывающие власть в радио- и телевизионе, были не чем иным, как составной частью капитализации советского общества, идеологическим походом буржуазного мира против духовных ценностей социализма.

Все более наглея, рычащие и дергающиеся в трансе от собственной бездарности звукоиздаватели оттеснили за кулисы подлинное песенное искусство — высокий лирико-гражданский смысл, красоту мелодий.

Кощунственно снисходительно прощаюсь с "соцартом", они пели насмешливый реквием по героическим временам:

*Но что поделать, что поделать, если
Атаки были в моде, а не песни!*

Что ж, верно говорят: новое время — новые песни. Только надлежало бы уточнить: мерзкое время — мерзкие песни. Жить с мерзостью в душе народ, однако, долго не захочет.

Взирая на достижения "постиндустриальных" обществ, часто задаешься вопросом: почему в Советском Союзе с его искореженной диспропорциями и дисгармониями экономикой, со всеми смертными грехами его политической организации люди в массе своей жили возвышенно радостной, песенной, уверенкой жизнью? И почему в "обществе массового изобилия", достигшего вершин научно-технического прогресса, высочайшей культуры торговли и обслуживания, нет красивых, задушевных, нравственно очищающих песен, а вместо них в карикатурно дымящем антураже звучит какое-то наркотически оболванивающее рычание длинноволосых бардов? Ответ прост: люди страны Советов глубинными силами нового общественного строя, еще становящегося, не вызревшего, но в зародыше своем уже неодолимого, были подвигнуты ко всему светлому, жизнеутверждающему, восходящему и были, невзирая ни на что, подлинными хозяевами своей судьбы. Что же касается процветающего, благополучного буржуазного Запада, то тут его исторических сил хватило лишь на то, чтобы превратить своих граждан в сытых лю-

дишек, не доводя материальное их благосостояние до того критического уровня, за которым бы могла пробудиться потребность во внутренней духовной свободе человеческой самоценности. Рабы вещей, рабы физиологического комфорта никогда не способны постигнуть красоту нравственно-эстетической духовности, а значит не способны ни создавать, ни петь прекрасных песен. Буржуазному миру такие песни не нужны. Им нужны все эти "поп-арты", "масс-арты" для того, чтобы держать людей в зомбированном послушании, подавлять в них внутреннюю свободу, не дать возможности пробудиться к новой, еще неведомой им подлинно человеческой жизни.

Такова цена песен как обобщенно-конечного критерия социально-исторического качества тех обществ, которыми они создаются.

Теперь необходимо до конца прояснить социальный смысл этого обобщающего критерия.

Во-первых, пение — это особый вид социальной деятельности. Как никакие другие виды или жанры искусства, песенное искусство представляет собой один из интенсивных родов человеческой активности, социальная энергия которого обуславливается в конечном счете состоянием общественного строя. Энергетическое начало песен может быть направлено на психологическую саморазрядку, компенсацию недостающих человеку его жизненных ресурсов, но может быть нацелено и на самовыражение, на катализацию политической, гражданской, нравственной или любовной активности. Если беспристрастно вдуматься и вслушаться в то, что пели и как пели советские люди, то не составит труда заметить, что колossalная энергия их песен была направлена на самовыражение, самовозышение и поддержание боевого настроя и творческого духа. Люди создавали прекрасные песни. Но и песни творили прекрасных людей. Такова была реальная сила "социалистического реализма".

Во-вторых, сущность песни, как и музыки вообще, состоит в мелодии, мелодия есть упорядоченно озвученная интонация человеческого голоса, а интонации создаются эмоциями. Подобно тому как практическая жизнь людей всегда богаче любых теоретических представлений о ней, эмоции богаче рассудка. Поэтому пение как органический элемент жизни способно больше рассказать о сущности и природе породившего его общественного строя, нежели упрощенные теоретические схемы и концептуальные версии. Эмоции здесь не спорят с теорией — они просто заявляют о приоритете заключенного в них богатства, о его тайниках, до которых теоретическому разуму еще предстоит добраться. Советские песни как жизненная реальность становятся в этом плане камнем преткновения для ниспровержателей и хулигов социализма.

В-третьих, песня в силу своей эмоциональной природы всегда рефлексивна, и поэтому она показатель организованности и искренности. В неволе птицы не поют. Разве что канарейки — символ мещанства, а уж они-то, канарейки-обыватели, умеют подпевать любому режиму. Это с голоса канареек запускались в эфир бравурные марши и славословия "родной Партии", которые сегодня теми же канарейками трактуются как образчик помпезного "соцарта".

В-четвертых, все многообразие человеческой деятельности и ее внешние условия интериоризируются во внутренний песенный мир людей, содержание которого отражает и выражает их социальное бытие. Скажите мне, что и как вы поете и поете ли вообще, — и я скажу, в каком вы обществе живете. О чем пели советские люди? О своей Родине, о ее защитниках-героях, о ратных подвигах и мирном труде, о муках, томлении и радости любви, о дружбе и товариществе, о родных и близких, о красоте огромного мира. "Свежесть нравственного чувства". Это известное выражение Льва Николаевича Толстого как будто было сказано им об общей тональности советских народных песен. Эта "свежесть" слетала с просторных полей, цветущей черемухи, добронамеренной человеческой наивности, робости и стыдливости любви.

*Рядом с девушкой верной
Был он тих и несмел,
Ей любви своей первой*

Объяснить не умел.

Так было. А вот как стало:

*А я-я хочу, чтоб ты протанцевала
Передо мною голой на столе.*

Ощущает различие эпох — вчерашней, "застойно-тоталитарной" и нынешней, "свободно-демократической"? В чью пользу?

Песенная жизнь советских людей не была ни затянувшимся религиозным экстазом, ни летаргическим сном, ибо рядом с песней жили труд, творчество, учеба, уверенность в завтрашнем дне.

В-пятых, пение есть эффективный в социальном отношении способ общения. Помню (и как хорошо помню!), когда люди ходили друг к другу в гости прежде всего для того, чтобы попеть, как гурьбой шагая в школу или из школы, оглашали мы улицы "Перелетными птицами", "Под звездами балканскими", послевоенной песенной лирикой. Информационная революция многое изменила с той поры. Сегодня во все мире песни больше слушаются, нежелиются. Только выиграло ли от этого человечество? Из сотовщества, соучастия, сопереживания песня все больше становится "предметом потребления". Не только индивидуальным, но и групповым, массовым. Когда в кругу, в гостях, при встречах люди, сходясь, пели, то это были строй, ансамбль, гармония. А вот когда распираемый дурью, истаскавшийся от бестолковой жизни и ложной славы безголосец орет в микрофон очередную абракадабру, а толпы ему подобных визжат и рукоплещут, то это уже не строй, не лад и не гармония, а обыкновенная стадность, приправленная техническими новинками. Вот это, пожалуй, и есть настоящий тоталитаризм, если не похуже.

В-шестых, язык песен всем понятен и не требует перевода. Песня общечеловечна и интернациональна по своей сути. Была бы только она красивой, душевной, завлекательной. В многонациональном Советском Союзе песни поэтому были отведены особая роль — роль межнационального интегратора. Любая национальная культура лишь тогда чего-нибудь стоит, когда она привносит в общечеловеческую культуру что-то новое, ценное и уникальное. Самоизоляция культуры, — если и не смерть, то жалкое прозябанье. Прекрасно осознавая это, лучшие представители всех наций, стремясь к сохранению самобытности, пытались вместе с тем возвысить ее до общенародного, общеюзного уровня. Особенно удавалось это песенному искусству. Русские песни пели во всех республиках, но и во всех республиках, и прежде всего России, пели украинские, молдавские, грузинские, азербайджанские, казахские, туркменские, эстонские и другие песни. И были дружественные нации. И не было ни "этносов", ни "титульных этносов", ни "этнорегионов". В далеком Якутске, вызывая слезы слушателей, Вероника Гололобова пела со сцены украинскую песню "Рідна маті моя, ти ночей не доспала", всю страну облетели раскатистый "Казахский вальс" в исполнении Розы Баглановой, солнечные песни Рашида Бейбутова и Лейлы Абашидзе, терпкие, как молдавский виноград, песни Тамары Чебан, торжественно хмурые, под стать эстонским елям, песни Георга Отса. Вшли в систему, стали привычными декады национальных культур в Москве. Люди взаимообогащались, щедро обменивались духовными богатствами, творили свое национальное, способное стать общеюзным... Где все это?

Где ваши новые стихи, действующие стать песнями, Дмитро Павлычко? Мне рассказывали о том, какими радостными слезами встретили вы сообщение о получении Украиной статуса "незалежной", суверенной, свободной державы. В приливе вдохновения вы должны были создать шедевры, если и не превосходящие прежние, то хотя бы равные тем, которые были написаны в пору "більшовицької імперії". Скажем, такие, как "Два кольори". Но что-то потускнела песенная жизнь "суверенной" и "незалежной". Не слышно ничего похожего на "Київський вальс", "Білі каштаны", "І чого тікати", "Києве мій", "Пісню про вчительку", "Черемшину", "Ясени", "Чорнобровиці", "Марічку", "Пісню з полонини", "Очі волош-

кові”, “Червону руту”, “На долині туман”, “Летять ніби чайки”, “Степом, степом” — прекрасное наследие “проклятого” прошлого. А что сумели создать в настоящем мастера песенной культуры? Разве что это:

*H-na-na-na-na
H-na-na-na-gей!*

Песни, которые невозможно запомнить. Песни, которые невозможно петь. Что еще? Приблудненные шлягеры и “украинский рок”? Жидковато. Что ни говори, а песня все-таки надежный индикатор социального качества общественного строя. И она же — тончайший инструмент политики. Песней можно возвысить человека, увлечь его на добрые дела или на решительные действия. Но можно и усыпить, притупить в нем гражданские начала, сделать послушной марионеткой, зацикленной на повторении какой-нибудь ритмической бессмыслицы.

Вывод один: красота советских песен самоочевидна и не нуждается ни в каких доказательствах. Свободно льющиеся из души, они — показатель человеческого счастья. Признав красоту этих песен, ничего не остается, как признать и красоту породившей их эпохи. Отсечь их от нее, вырвать из “исторического контекста” никак не получится.

Смирите свою гордыню, господа!

К свету!

Высокий уровень духовной, и прежде всего нравственной, жизни — еще один важнейший критерий превосходства социализма над капитализмом. Октябрьская революция победила благодаря единению трудящихся классов. Помимо способа умножения их сил это единение явилось еще и мощным генератором духовной деятельности да и само по себе стало высочайшей ценностью. По этой-то причине каждый в отдельности, быть может или наверняка, хоть и стремился к богатой и обеспеченной жизни, тем не менее на пути к ней был всецело зависим от социальной солидарности себе подобных, которая, с одной стороны, вынуждала его считаться со всеобщими интересами строя, а с другой — двигала его своим собственным внутренним, доселе никому неизвестным человеческим содержанием. Коллективизм, спонтанно вознесенный революционными процессами в эпицентр больших и малых событий, стал основой новой морали — как-то сразу и масштабно. Интенсивность духовных метаморфоз была головокружительной. С перекосами, глупостями, пролетарской чванливостью, а порой и непростительной жестокостью трудающийся люд — подавляющая, неэлитная часть общества — уверенно бросился к вершинам просвещенности и гуманизма, срываясь, царапаясь, набивая шишки на лбу, но не сдаваясь и не отступая. От беспросветной темноты, усугубляемой “идиотизмом деревенской жизни”, — к ликбезу и выше. От морали и психологии “своей хаты” — к покоряющему и захватывающему чувству сопринаадлежности к Советской Родине, единой семье народов. От насущных забот о хлебе едином — к социально защищенной духовности.

“К свету! К свету, а керосину нету...” Ядовитая была ирония у Андрея Платонова. Только зря он это. Был керосин, чтобы самим гореть и других зажигать. В 1921-1922 учебном году в стране действовало 87 рабфаков, на которых обучалось 27 тыс. человек. Десять лет спустя рабфаков стало 1025 и обучалось на них 339,5 тыс. К 40-му году надобность в них уже отпала, ибо сформировался многочисленный учительский корпус. Из общего количества студентов страны (811,7 тыс.) 398 тыс. из них, т.е. 48%, т.е. почти *каждый второй готовил себя на поприще педагога!*

Уже в 60-е годы советская система образования по своей результативности была признана одной из лучших в мире. Так что, оказывается, “керосин” у новой власти все же был. Но были и издержки, изъяны. Немалые. Пусть порадуются этому просвещенные господа. Ведь их устраивают только крайности: или сиди, быдло, в своей норе и не дергайся, или, если уж высунулся, то сразу же вознесись до уровня понимания кантовского чистого разума и сути логоса и мифа.

Показателем гуманности существующих общественных порядков традиционно принято считать милосердие в отношении слабых и немощных — в первую очередь детей и стариков. Не случайно социоантропологи счет человеческой истории ведут с того периода развития гоминидов (первовлюдей), когда на смену автоматически жесткому закону естественного отбора пришел закон человеческого милосердия. В горах Загроса в пещере Шанирар (Ирак) археологами, к примеру, были обнаружены остатки поздних палеоантропов, которые показали, что в первобытном стаде наряду с физически здоровыми людьми жили и больные, изувеченные — человек с поломанными ребрами; взрослый мужчина, лишенный левого глаза, правой руки и пораженный сильным артритом. Выходит, что даже пещерные люди защищали калек и немощных, в отличие от рвущейся к “большой цивилизации” современной Украины и ей подобных держав, которые выбрасывают стариков на помойки и попрошайничество, девочек — на панели, а младенцев тайком продают за кордон. Могло ли быть что-либо подобное в стране Советов? В ней, если и голодали (весна и весна короткие периоды истории), то голодали все, и не было того, чтобы одни незаслуженно нищенствовали, а другие в это же время незаслуженно жирели.

Д.И.Писарев как-то заявил, что нет вопроса важнее, чем вопрос о разутых, голодных детях. “Образ голодного и зябнущего ребенка, как заноза, вошел в его сердце, символизируя всю неустроенность и несправедливость тогдашней жизни”, — писал о нем один из советских авторов. Сколько ушатов зловонной грязи опрокинуто на суровый образ Феликса Эдмундовича Дзержинского идеологическими подхалузинами, не гнущающимися откровенной и нахрапистой лжи, но известный исторический факт блестящие инициированной и осуществленной им кампании по борьбе с беспризорничеством детей оглушен нечестным молчанием. Замалчиваются подробности личного героического участия Дзержинского в походах в городские трущобы, стычки его с “паханами” и вожаками. В считанные месяцы с беспризорничеством было покончено: десятки тысяч детей обрели “светлый путь” (книга была в 30-е годы под таким названием) и “путевки в жизнь”. До какой же позорной мерзости нужно опуститься господам журналистам, чтобы, наверняка зная об этих фактах, называть “железного Феликса” садистом-изувером, наркоманом и психопатом. Воистину: свобода печати — это свобода лжи. Сегодня в ельцинской России один миллион (!) беспризорных детей, но господин Лобов, председатель Совета Безопасности РФ, не торопится посетить трущобы. Цену забот “демократического” правительства “демократической” Украины о ее будущем — детях — прекрасно охарактеризовал народный депутат Украины, член Компартии Украины, главный редактор “Горькой правды” Георгий Васильевич Вишневецкий. В одном из недавних своих выступлений с трибуны Верховного Совета в захлесте гневных эмоций рассказал он о жутких сценах подвалной жизни бездомных детишек в его родной Горловке: брошены на произвол судьбы, дичают, теряют человеческий облик — и никому до них нет дела. И нет рядом с ними наркома Дзержинского, который бы склонился над обессилевшим чумазым пацаном, ласково и властно положил бы ему руку на плечо, а затем увел с собой — обмыл, согрел, накормил и дал путевку в жизнь. И нет вблизи Антона Макаренко, Виктора Сорина, Станислава Шацкого — великих мастеров по лепке добрых детских душ. Что ждет впереди “детей подземелья”? Нет, не погибнут они скопом, все. Сильные выживут. Но выживут по законам джунглей. И с теми, кто выживет по этим законам, мне не хотелось бы когда-нибудь встретиться.

И снова приходится вспоминать детство, далекие 30-40-е годы. Всем до всего было дело. Хорошо это и плохо. Но все же больше хорошо, ибо умнел народ и стал в конце концов понимать, когда нужно вмешиваться в жизни других, а когда не нужно и не разумно этого делать. Мальчишки, если и покуривали, то прятались в такую бузину, что сам черт не найдет, да еще дозорного “на шухера” выставляли. Знали: любой встречный отнимет папиросу, а

то еще и по губам надает. Помню, как с дружками оторвали мы доску от школьного забора и как какой-то рабочий, шедший домой с заводской "кукушки", целый квартал гнался за нами с угрозами "сдать в милицию". В армию шли с песнями, гордостью, достоинством. Своя была армия, рабоче-крестьянская. Никому и в голову не могло прийти, что может быть иная — армия наемников, армия по контракту, армия профессиональных киллеров. И понятий таких в ту пору не было. Помочь, поддержать, не дать пропасть — это само собой. Это, как кислород. Дышишь — и не замечаешь.

Колосальную организационно-экономическую, социально-защитную, моральную и смыслообразующую роль играл социалистический колlettivizm. Это благодаря ему и отношениям общественной собственности у нас было бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование на всех уровнях, бесплатные или минимально платные услуги и организованный отдых в пансионатах, пионерских лагерях, на турбазах, символическая плата за проезд на всех видах транспорта. Только сейчас, потеряв все эти блага, советские люди ощущали сполна, как была высока цена трижды оклеветанному пошлыми анекдотами и гиперболизированному в своих недостатках колlettivizmu.

Не удержусь от искушения привести цитату из собственной книги: "Одной из непреходящих ценностей колlettivizma является то, что он всегда обнаруживает стремление оградить членов ассоциации от различного рода физических и социальных недугов. В обществе индивидуализма и разобщенности тот или иной его член может позволить себе без явных угрожающих последствий для всех остальных дезинтегрироваться путем всяких изощренных аномалий. Поэтому проституция, алкоголизм, наркомания в этом обществе выступают как некая форма приватности, как "личное дело", даже как выражение "свободы" личности, лишь в конечном счете и незаметно подрывающих его (общества) социальные основы. В обществе прочных колlettivistских связей такое исключено. Инфекционные и другие болезни, аномальное поведение, навоздержанность, приверженность к пагубной привычке здесь не могут быть сугубо личным делом, не затрагивая интересов и судеб общественного целого. От поведения отдельного человека нередко зависит жизнь сотен и тысяч людей. Вследствие этого становятся понятными и рационально объяснимыми, как та крайняя жестокость, нетерпимость к малейшим аномалиям в поведении человека, которую проявляла революционная власть к участникам колlettivного процесса, так и та исключительная забота о каждом человеке, его жизненном благополучии, здоровье, которая наблюдалась в стране с первых дней Советской власти" (Диалектика становления и развития отношений колlettivizma. К. — 1988, с. 140 — 141).

А вот иная интерпретация отношений колlettivizma, "духовной близости": "... Суть этого "блага" — взаимное насилие, взаимное унижение, взаимный контроль. Это — проявление коммунистического насилия колlettива над индивидом. Причем индивид добровольно насиливается другими, ибо сам участвует в насилии над другими. Фактически принцип этих "теплых" и "дружеских" отношений таков: "Все мы ничтожества". При таких отношениях люди стремятся знать всю подноготную жизни других людей, смакуют всякие житейские мелочи, обычно — грязные, вмешиваются в души и жизни друг друга, за глаза издеваются друг над другом, распускают сплетни, клевещут. Проявляя внимание друг к другу, люди вольно или невольно стремятся напакостить друг другу, низвести тонус жизни до некоего средне-пакудного уровня... Хамство, взаимное унижение и опошление всего на свете достигает здесь чудовищных форм и размеров. Здесь человек должен быть испачкан окружающими (близкими!) со всех сторон, чтобы быть своим в этой среде. Может быть, это взаимное опошление есть одно из самых страшных явлений коммунизма". Увы! Этот безжалостный приговор колlettivizmu высосит известный иуважаемый автор книги "Коммунизм как реальность" (М., 1994) А.А.Зиновьев. Хочется сказать ему: что ж вы, Александр Александрович, увидели состоя-

ние, но не увидели процесса. Заметили грязную пену, но не заметили искрящегося чистоводья. Нет в ваших великолепных по стилю художествах ни грана диалектики, ни подлинно научной методологии, ни полной правды. Многое, о чем вы написали, было и есть. Но было и есть то, что противодействовало, боролось против "взаимного опошления", идентифицируя себя — и справедливо — с начатками подлинного коммунизма. Как вы, человек мыслящий, порядочный, ведающий, могли этого не заметить? Как единым росчерком пера могли вы объявить дешевой "приманкой" научный коммунизм Маркса, ссылаясь на околомарксистские суррогаты, апологетико-догматический вздор и обходя вниманием самого Маркса, его ключевые, научно стущенные, поражающие пророческой способностью мысли, высказанные им в "Экономическо-философских рукописях 1844 года"? Не хотелось бы ввязываться в пространную полемику, но вынужден сослаться на эти мысли: говоря о "первой форме коммунизма", являющейся "лишь обобщением и завершением отношения частной собственности", Маркс утверждает, что этот коммунизм "стремится уничтожить все то, чем на началах частной собственности не могут обладать все; он хочет насилиственно абстрагироваться от таланта и т.д.", такой "коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием", а последняя "как таковая ощущает — по крайней мере по отношению к более богатой частной собственности — зависть и жажду нивелирования".

Не правда ли, Александр Александрович, ваши мыслиозвучны здесь с абстракциями Маркса? Но только Маркс, гений научной диалектики, от грубого коммунизма как "формы проявления гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве положительной общности", сообразуясь с логикой науки, прокладывал теоретические ступени к "коммунизму как положительному упразднению частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинному присвоению человеческой сущности человеком и для человека" (См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.42, с. 114 — 116). Вам ли объяснять, Александр Александрович, что "положительное упразднение частной собственности" есть удержание в коммунистическом строе всего того, что наработала для него в ходе своего самоисчерпания эта собственность, — культуры, суверенности личности, возможности ее обособления, состязательности, подвижности, свободомыслия и т.д. Маркс увидел процесс. Вы его, к сожалению, не увидели, сведя свои рассуждения о коммунизме к кухонно-обывательскому уровню.

Самый главный показатель

Должен извиниться перед читателями за пространный теоретико-политический экскурс и вернуться в конце статьи к простым и доступным пониманию каждого критериям превосходства социализма над капитализмом. Если высокий нравственно-эстетический смысл массовых советских песен и колlettivistская мораль заявили о себе как субъективные показатели этого превосходства, то объективный его критерий обнаруживает себя как некая интегральная, всеохватывающая величина, характеризующая общественный строй в целом. В экономической статистике таким показателем обычно выступает жизненный уровень, измеряемый в приходящихся на душу населения калориях потребляемой пищи. Показатель, безусловно, важный, и, если даже ограничиться им, то он свидетельствует в пользу социализма: по количеству и качеству потребляемых продуктов питания Советский Союз в стабильные времена своего развития занимал не последнее место среди ведущих стран мира. Однако, человеческое счастье не измеряется в калориях, и жизненный уровень людей, в экономической его трактовке, есть всего лишь необходимая предпосылка подлинно человеческого образа жизни, но не смысл и не содержание его. Ограничившись "калорийным" критерием, даже дополненным другими вещественными атрибутами человеческой жизни, мы получим картину bla-

гополучного, сытого обывательского существования, а вместо личности — "существователя". Этот критерий частенько в истории дискредитирует себя тем, что обнаруживает оборотную статистику — рост преступности, наркомании, проституции, извращений, самоубийств и т.д. Классический тому пример — Швеция, одна из обеспеченных и сытых по канонам статистики стран, которая в 60-е годы побила все рекорды "цивилизованного" мира по количеству самоубийств. Пишу об этом не с целью проповеди "честной" или "веселой" бедности, а с тем, чтобы оттенить простой факт человеческого бытия: сытость без духовности, благополучие без нравственных оснований суть атрибутика животного или растительного существования.

Интегральный критерий благосостояния людей, целистно и обобщающе соединяющий в себе их материальное положение, характер социальных отношений, психологический тонус общественной жизни, состояние физического и морального здоровья, уровень культуры и содержание духовной практики, — это динамика средней продолжительности жизни. Если наблюдается ее рост, значит в обществе происходят восходящие, позитивные в социальном отношении процессы. Если падает, значит страна провалилась в затяжной кризис. Критерий надежный и основательный. Применяя его, не нужно простиранно описывать рацион питания, количество пансионов и санаториев, процент бюджетных отчислений на пенсионное обеспечение и т.д., и т.п., ибо он, этот критерий, соединяя все это, включает в себя вместе с тем нечто большее — явления, трудно исчислимые, статистически не учитываемые, но несущие в себе колоссальный заряд жизненной энергии. В различных странах в период их подъема наблюдаются социально-допинговые состояния огромных масс людей, начинают заметно действовать биосоциальные стимуляторы, придающие особый тонус психофизиологии-

ской деятельности людей даже при отсутствии высокого уровня их материального положения, что в конечном счете продлевает человеческую жизнь. Вспомните казахского акына Джамбула Джабаева, который в состоянии воспаленных чувств боли и гнева растратил свои жизненные силы и в 72 года уже не мог ни петь акызов, ни держать домбру в трясущихся руках. Приход Советской власти, по словам самого акына, возродил его к жизни. Прожил он ее без года век (1846-1945) — активно, обновленно, возвыщенно. (Вспомните о нем, советские люди! Ведь в этом году исполняется 150-летие со дня его рождения).

Вот беспристрастная статистика средней продолжительности жизни людей в годы Советской власти: в 1926-1927 гг. у мужчин она составляла 42 и у женщин 47 лет; в 1958-1959 гг. — соответственно 64 и 72 года; в 1968-1971 гг. — 66,5 и 73,5 года (См. Население СССР сегодня. М.:Финансы и статистика, 1982, с.15 — 16). Какова она сегодня? По данным 1994-1995 гг. средняя продолжительность жизни мужчин в Украине 58 лет, женщин — 68 лет. И чем катастрофичнее снижается этот показатель, тем истощеннее и лицемернее ретроспективные вопли по поводу голodomора, репрессий и тоталитаризма...

Говорят, что оппонент Зенона Элейского, пытавшегося с помощью своих знаменитых апорий доказать невозможность движения, прибегнул к простому и очевидному опровержению абсурдной идеи: он встал и молча начал ходить. Говорят, что этот оппонент был неправ, прибегая к такого рода аргументации. Возражения резонные, ибо логика суждений может быть опровергнута только логикой иных суждений, а не эмпирической самоочевидностью. Но только факты — упрямая вещь. Суждения и умозаключения могут быть какими угодно, а факты всегда остаются реальной данностью. Их можно интерпретировать, но невозможно опровергнуть.

ОБ АВТОРАХ И КНИГАХ

"Малороссийский мазохизм", или плач по Пиночету Г.С. Ткаченко

Глобальные перемены, происходящие на территории бывшего СССР, в том числе в Украине, обусловили глубокий кризис всех сторон нашей жизни. Не миновала его и историческая наука. Силы, вызвавшие общественный переворот, нуждаясь в пересмотре прошлого, призвали к ликвидации "белых пятен" в истории. При их щедрой финансовой помощи и с их благословения была открыта зеленая улица дилетантам-беллетристам.

Реализация клича о ликвидации "белых пятен" привела к тому, что мы оказались не только "без белых пятен", но и без истории. Свою лепту в беспамятство, в экспансию этой опасной общественной болезни внес и Юрий Винничук — автор статьи "Малороссийский мазохизм", получившей широкое распространение среди читающей публики Украины. Статья первоначально была опубликована в газете "Post-Поступ", выходящей во Львове, а затем перепечатана в газетах "Одесский вестник" и "Наша Республика". Статья объемна и многоаспектна. В ней затронут широкий круг вопросов отечественной и мировой истории. Но трактуются они с субъективистских, антинаучных позиций. Статья изобилует фактическими неточностями, нелепостями и надуманными историческими аналогиями. Автор вторгается в прошлое презираемого им народа в расчете на то, что удастся обмануть тех, кто не имеет возможности обратиться к историческим источникам.

Его исходным тезисом является утверждение, будто бы Украина, находясь в составе Речи Посполитой, имела свою государственность, разрушенную Богданом Хмельницким и украинским казачеством. Тезис этот противоречит исторической правде. Добровольного "объединения" Украины с Польшей не было. Польша и Литва, используя разобщенность восточных славян, насилием втянули Украину в новое государственное образование, созданное в 1569 году на основе Люблинской унии. Состоялся, таким образом, "неравный брак". Угнетенное положение украинцев в составе Речи Посполитой подтверждается уже тем фактом, что польские власти на украинских землях проводили политику ополячивания и окатоличивания. Активную роль в этом играла украинская феодальная знать. По утверждению же Винничука, она "продолжала оставаться верной украинскому народу".

И здесь первое непреодолимое противоречие: как могла украинская знать сохранить преданность народу, изменяя вере отцов и принимая чужую веру?

Известно, что польские феодалы, создавая Речь Посполитую (разнолоскутное в этническом отношении государственное образование), понимали, что колонизация Украины, эксплуатация ее многочисленного народа и богатейших природных ресурсов потребуют отыскания внутри украинского общества особого слоя, который бы имел

общие интересы с польскими феодалами. Срабатывал известный со времен рабовладения принцип: "разделяй и властвуй", ставка делалась на продажную украинскую знать.

К этому времени феодалы-аристократы, которых так богоизбрал автор "Малороссийского мазохизма", уже успели пройти школу пресмыкательства перед золотоординскими ханами, феодальной знатью Венгрии, Литвы и других стран. Как пишут Аркадий Жуковский и Орест Субтельский, "только небольшая часть украинских магнатов стала защищать свою веру, национальность и культуру" (См.: Нарис Історії України. Львів., 1992.-С.37).

С тех пор психология предательства собственного народа, как рок, преследует украинское общество. В наши дни позорную эстафету предательства ловко подхватили современная "элитная" интеллигенция и выросшая за годы реформ необуржуазия. Весьма примечательно, что первую шеренгу в иудином племени заняли те представители "интеллигентской знати", которые больше других успели вскнуть от номенклатурного пирога еще в советский период. Отшвырнув коммунистическую идею, став "национал-патриотами", они снова оказались "на коне". "Голубая мечта профессионального патриота — смыться в далекие края и урвать от чужеземного пирога" (См.: Толочко П.П. У настоящих держав не бывает фальшивой истории// Киевские новости, 1995 г.)

И в прошлом свою иудину роль украинская феодальная знать выполняла не бескорыстно. В качестве откупного она получала от польского короля обширные земельные угодья вместе с крепостными крестьянами. Украинская шляхта была уравнена в правах с польской. На украинских землях возникли крупные латифундии Потоцких, Замойских, Сенявских, Калиновских, Конецпольских, Вишневецких и других феодалов, которых польский король называл "короликами".

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что феодальный гнет в Польско-Литовском государстве, в составе которого оказались и украинские земли, был исключительно жестоким. Феодалы по своему произволу могли искалечить и даже убить крестьянина. Особенно в тяжелых условиях оказались районы усиления фольварочного хозяйства (Галиция), где 40% крестьянских дворов попали в разряд малоземельных и безземельных. И в других регионах положение крестьян было тяжелым. По ревизии 1629 года в Брацлавском воеводстве 80% всех дворов принадлежали 18 магнатам. В 1640 году 27 магнатов Киевского воеводства владели 60% земли. Гетману Конецпольскому только в районе Южного Буга было приписано 740 селений; 2760 сел, 80 городов и местечек, разбросанных по всей Украине, принадлежали князю Острожскому. Князь Иеремия Вишневецкий располагал собственностью почти по всей Полтавщине. Обширны были владения католической церкви.

Винничук, не считаясь с фактами, пытается умалить крепостной гнет на украинских землях. "Во времена польского владычества, — пишет он, — условия барщины были просто смешными: 13-14 дней в год!" Обратимся к источникам, которым, судя по всему, доверяет автор. Вот что по этому поводу пишут уже цитированные А.Жуковский и О.Субтельский: "После Люблинской унии больше всего потеряло крестьянство. Оно утратило право на землю, была увеличена барщина (в XVI в. на Волыни барщина достигала трех дней в неделю). Ограничено право перехода крепостного от одного собственника к другому" (С.36).

Винничук, словно опасаясь сомнений читателя в истинности утверждений о смехотворности условий барщины в период польского владычества в Украине, дает такое пояснение: "Вся Европа отрабатывала тогда барщину, никому не жилось легче" и добавляет: "Жестокость шляхты, подавляющей восстания, была ответом на такую же жестокость казачества и крестьян".

Апелляция к феодальной Европе, видимо, рассчитана на то, чтобы, во-первых, представить ее эталоном общественного устройства, во-вторых, доказать, что польская шляхта проводила политику по западным образцам и, в-третьих, убедить в том, что антипольские выступления украинского крестьянства и казачества были неоправданными, носили анархистский, антигосударственный характер, а потому кровавые меры подавления восстаний

на украинских землях явились-де справедливой мерой со стороны короля и шляхты.

Навязывая читателю свой личный взгляд на отечественную историю, исходящую (судя по логике автора) из "элитарной" концепции общественного развития и теории насилия — мировоззренческой основы фашизма и воинствующего национализма, — Винничук не церемонится с историческими фактами, вгоняет их в прокрустово ложе своих антиисторических схем. Вот как, к примеру, представлены в статье "Малороссийский мазохизм" отдельные исторические факты, по которым читатель может судить о степени компетентности автора статьи в исторической науке: государственный строй рабовладельческой Спарты, где правили наследственные цари и которая была оплотом аристократических тенденций для всей Греции (См.: История древнего мира. - М., 1956. - С.294) он именует "республиканско-плебейским государством"; Великую Французскую буржуазную революцию, проходившую под лозунгами "свобода, равенство и братство" и открывшую простор для утверждения современных цивилизаций в Европе и других частях света, Винничук называет "плебейской революцией".

Видимо, есть смысл напомнить автору "Малороссийского мазохизма", что современные аристократы всего мира весьма почтительно относятся к Французской революции, принявшей Декларацию прав человека и гражданина. На этом основании мэр Парижа (нынешний президент Франции) Жак Ширак в 1988 году заявил о том, что "Париж призван стать столицей прав человека".

Автор "Малороссийского мазохизма" через всю статью ведет прицельный огонь по менталитету украинцев. Уничтожительные характеристики даны многим из тех, кто является предметом нашей национальной гордости: Тарас Шевченко представлен "мужицким поэтом", Н.Костомаров — историком-рабом, реалистические произведения Марко Вовчок, осуждавшие крепостничество, именуются "слезливыми рассказами".

Изобразив украинцев анархистами, людьми ограниченного интеллекта, он не замедлил "высветить" и их "рабскую душу".

Чем же провинилась украинская нация перед автором "Малороссийского мазохизма"? Почему так низко ставит он менталитет украинцев? Ведь нация, давшая Б.Хмельницкого, Т.Шевченко, Ю.Коцюбинского, В.Примакова, А.Пархоменко, П.Дыбенко, И.Кожедуба, П.Рыбалко, С.Ковпака, а также сотни тысяч других героев Октябрьской революции, гражданской и Великой Отечественной войны, которая в братском союзе с другими народами СССР спасла мир от гитлеризма, заслуживает совершенно иной оценки.

Клеймо раба Винничук поставил не по адресу. И если действительно кто-то его у нас заслужил, то это так называемая украинская "аристократия", которая ради своих корыстных интересов всегда готова служить сильным мира сего, в нынешних условиях - западным повелителям: дяде Сэмю и МВФ.

Украинский же народ не торопится строить свою жизнь по рецептам Запада и кровно заинтересован в поддержании братских отношений с Россией. Вот эти-то общественные ориентиры украинцев и вызывают гнев Винничука. В своем "праведном гневе" он далеко не одинок. Аналогичные чувства к непокорному русскому народу испытывает госпожа Новодворская. После успеха коммунистов России на выборах 17 декабря 1995 года она тоже "разбушевалась" и направила злобные обвинения в адрес российского народа.

"За ним (Зюгановым - авт.), — заявила разгневанная "демократка", — стоят миллионы рабов, которые проголосовали за прежнее стойло, за прежний концлагерь". Право называться человеком госпожа Новодворская сохранила лишь за теми, кто "проголосовал за Запад, за капитализм, за либералов".

Вслед за российским шовинистом Н.Ульяновым, Винничук осчастливили нас своими исследованиями истоков украинской анархии, которые, как он "мудро" заметил, скрываются "в седой древности, когда основы нашего государства подтачивали половцы — жители Дикого поля, предки запорожских казаков". Если бы автор был свобод-

ден от тенденциозности, то он не мог бы не заметить, что главными разрушителями украинской государственности были не половцы (при них и государственности украинской еще не было), а своя же национальная элита — князья, бояре, шляхта и т.п. Феодальные распри в свое время погубили одну из самых передовых стран феодальной Европы - Киевскую Русь. Они создали брешь в обороне древнерусского государства от набегов кочевников. Князья из-за постоянных междуусобиц не услышали тревожное предупреждение автора "Слова о полку Игореве" об опасности, исходящей от "Поля".

Утверждения Винничука о половецком происхождении запорожцев не выдерживают критики и рушатся при первом же соприкосновении с фактами. Если запорожские казаки — потомки половцев (кыпчаков), то и общаться они должны были на половецком языке. Золотоордынцы, к примеру, ядро которых составляли монголы, а основную массу другие народы, в том числе и половцы, уже к концу XIII века основательно тюркизировались, в результате монгольский язык был почти вытеснен из официальной документации половецким. Запорожцы же всегда пользовались языком своих предков славян.

Нельзя не принимать всерьез и аргумент, который подтверждает принадлежность половцев к составу тюркоязычной группы населения. Исторической науке известен половецко-латинско-персидский словарь, составленный в XIII веке в Крыму. Содержание словаря указывает на принадлежность половцев к тюркскому этносу.

Винничук, стремясь отыскать у запорожцев "половецкие гены", пишет, что запорожцы, как подобает всем половецким воинам, "носили усы подковой и выстригали оселедцы". Можно допустить, что запорожцы заимствовали моду на усы и прическу у половцев. Подобная бытовая практика была в прошлом, сохраняется она и сегодня. Однако, национальная принадлежность нисколько не меняется, если даже кто-то из сегодняшних жителей Запорожья или другого региона Украины изберет такие стили прически как "Венгерка", "Полька" или "Канадка".

Однако можно предположить и другое, что моду на усы и прическу передали нам наши предки — славяне. Вот, к примеру, как рисует портрет великого Киевского князя Святослава I Игоревича (945-972 гг.) византийский историк: он был среднего роста, внешне выглядел мрачно и сурово, грудь широкая, шея плотная. У него были голубые глаза, плоский нос, густые брови и длинные усы, на голове имелся только один клок волос, что означало его знатное происхождение (См.: Козлов Ю.Ф. Страницы правления государством Российским, 1990.—С.30). Так что мы не можем исключить, что родоначальником стиля усов и прически, которые были в моде у запорожцев, стал великий киевский князь Святослав I.

В качестве аргументов Винничука, обосновывающих половецкую природу запорожцев, есть и ссылка на то, что половецкие девушки "славились красотой и их охотно брали в жены бояре и князья". Добавим от себя, что в смешанных браках украинцев "виновны" не только половцы, но и многие другие племена.

Заметим и другое. Винничук в данном случае рассуждает не вообще о межнациональных браках, а только о династических браках, которые возникали между элитными представителями Киевской Руси и половецкими ханствами. Династические браки обусловлены специфическими факторами и меньше всего объяснимы обстоятельствами, порождающими межнациональные браки вообще.

Вся история династических браков высшего эшелона древнерусской аристократии не согласуется с аргументами Винничука. К примеру Рюриковичи вступали в браки не только с половчанками, но и с представительницами других народов. Среди их жен были византийские принцессы, дочери королей Англии, Польши, Швеции, царевны Грузии и Волжской Болгарии, дочери литовских князей, родственницы золотоордынских ханов и другие. Своебразный мировой рекорд по количеству семейных династических связей побил Ярослав Мудрый, породивший чуть ли не со всеми августейшими домами Европы. И всегда подобные брачные связи возникали не столько по причине взаимной привлекательности сторон, сколько вследствие весьма прозаических обстоятельств, обусловленных

державными интересами.

Аргументы о половецкой природе запорожцев, приведенные в статье Винничука уподобляют самого автора унтер-офицерской вдове, которая, как известно, сама себя выскела. Видимо, самоистязания Винничук мог избежать, если бы, прежде чем со греческой настойчивостью начать плести небылицы, не поленился заглянуть, по меньшей мере, в школьные учебники.

По Винничуку, VII—VIII века — начало формирования запорожского казачества; XI век — появление в южно-русских степях половцев (действительный факт, подтвержденный исторической наукой, но оставленный Винничуком без внимания). Следовательно, от момента зарождения казачества до времени появления половцев в Диком поле прошло (по логике Винничука) 3-4 столетия. Этого времени вполне достаточно, чтобы казачество сложилось на своей собственной этнической основе. Однако в реальной истории было иначе: как уже упоминалось, возникновение запорожского казачества относится к XVI веку, когда половцы основательно растворились в среде других этносов и поэтому существенное влияние на формирование запорожского казачества они вряд ли смогли оказать.

Что касается использования половецкой тактики боя — сооружение лагеря из возов, о чем пишет Винничук, то мировой опыт свидетельствует, что настоящие воины всегда заимствовали все лучшее из боевого опыта противника. Вполне возможно, что казаки самостоятельно выработали этот прием борьбы, обусловленный логикой применения в ратном деле кавалерии. Известно, что к аналогичному приему ведения боя прибегала гуситская армия в Чехии, куда половцы не проникали.

Изображая историю украинского казачества, Винничук черной краски не жалеет: казаки — разрушители украинской государственности, вели разгульный образ жизни, и они якобы и воевать-то толком не умели, а если побеждали, то "только благодаря численности". По моральному критерию и социальной роли Винничук приравнял казаков к морским разбойникам-пиратам.

История казачества многогранна и многоактна, а как социально-политическое и военное формирование казачество многослойно. Поэтому судить о нем однозначно, как это делает автор "Малороссийского мазохизма", значит грешить против истины.

В истории украинского казачества было много светлых и героических страниц, и самая яркая из них — участие вместе с крестьянством в национально-освободительной войне (1648-1654 гг.) под руководством Богдана Хмельницкого. Однако история казачества не лишена и мрачных страниц, когда, вопреки жизненным потребностям самого казачества и трудового населения Украины, казаки становились игрушкой в руках различного рода политических авантюристов, выступали за чужие народу интересы, а иногда становились силой, противостоящей собственному народу. Так, к примеру, оказавшись в Турции, запорожцы — сторонники Мазепы под руководством Орлика объединялись с крымскими татарами и бессарабцами и совершили "набеги и разорения в Малороссии, мстили народу за его верность России, за его непослушание и сопротивление". (См.: История русов.- М.,1846 - С.218-219).

Особенно противоречива роль реестрового казачества. Его численность в разные периоды была различной: 600 человек (при короле Стефане Батории) и 60 тыс. человек (после Переяславской Рады). Этот слой казачества в одном случае составлял ударную силу крестьянских восстаний и национально-освободительных войн, защищал соотечественников от грабительских вторжений воинственных соседей, в другом — становился под чужие знамена, являясь орудием реализации интересов чужеземцев.

У Винничука в извращенном виде представлены как история казачества в целом, так и его лидеры. Похвальные характеристики получили лишь гетманы: Выговский, предавший дело Б.Хмельницкого и переметнувшийся к полякам; Дорошенко, который приводил на Украину турок, и Мазепа, внедривший в Украине крепостнические порядки. Мазепе, которого чтит Винничук, лично принадлежало свыше 100 тыс. душ крестьян в Украине и около 20 тыс. в соседних уездах России. По признанию самого автора "Малороссийского мазохизма", Мазепа "в 1701 году

издал универсал о двухдневной барщине", а в 1706 "приказал старшине Полтавского полка задерживать крестьян, покидавших старшинские владения, отнимать у них имущество, арестовывать, а тех, кто переселился без разрешения землевладельцев, возвращать насильственно на старые места". Гетман, который верой и правдой служил Петру I и получил от него Орден Св.Анны, оказался, по оценке Винничук, образцовым государственником лишь потому, что проявил малодушие во время вторжения Карла XII и переметнулся на его сторону.

Винничук, как видим, подтвердил верность современной моде на апологетику предательства, возрожденную в условиях рынка, спекулятивно-денежных отношений, когда и идеи становятся товаром. И хотя этот товар дурно пахнет, деньги полученные за него, грекут душу. Как апологет предательства Винничук, к сожалению, не одинок. Этим доходным промыслом сегодня занято великое множество продажных журналистов, перевертышей-обществоведов и ловких политиков.

В статье в ложном свете представлена личность Богдана Хмельницкого. На него наброшен ярлык мятежника, варвара и анархиста. Свои амбициозные сентенции об исторической роли великого гетмана Винничук завершает риторическим вопросом "От кого же освобождал нас Хмельницкий своей освободительной войной?" Вопрос, несомненно, серьезен, и потому ответ на него требует глубокого размышления. Однако, автор, поставив вопрос, торопится наложить читателю свой вариант ответа. Оказывается (по Винничку), в национально-освободительной войне украинского народа против Речи Посполитой нуждался польский король, который и "подбил" гетмана на войну. Но, пожалуй, самое парадоксальное в рассуждениях автора состоит в том, что король-то, "оказывается, был глубоко заинтересован в победе Хмельницкого". Эти рассуждения Винничку не могут не вызвать улыбки читателя.

По своему содержанию и движущим силам национально-освободительная война в Украине имела много общего с Нидерландской революцией (1566-1609). По времени она совпала с завершающим этапом Английской буржуазной революции, которая не обошлась без казни короля Карла Стюарта (1649 г.), мощными антиабсолютистскими выступлениями (фрондой) во Франции и восстанием австрийских крестьян.

Винничук, к сожалению, не заметил, что "освободительная война Б.Хмельницкого" явилась крупнейшим прогрессивным событием XVII века в Восточной Европе. Не случайно Оливер Кромвель, стоявший у истоков современной цивилизации в Англии, увидел в украинском гетмане союзника по борьбе с европейской реакцией и стремился к достижению с ним согласованных действий в интересах создания "большой антиримской, антигабсбурской, антиконтрреформационной коалиции".

Огромная заслуга Б.Хмельницкого состоит в том, что после создания украинского национального государства он, как никто другой, сумел реализовать вековые стремления трудового народа Украины к воссоединению с Россией ("чтобы есми вовеки едины были") и воссозданию государства по типу Киевской Руси.

Эту позицию поддержала и основная часть казачества. (Еще раньше в 1620 году гетман Сагайдачный в письме к царю Михаилу Федоровичу выразил готовность казаков служить Российскому государству). Б.Хмельницкий пошел на создание конфедеративного союза с Москвой, который нашел свое воплощение в решении, принятом Переяславской Радой.

Что касается утверждения Винничук о том, что в победе Хмельницкого "был глубоко заинтересован польский король Ян Казимир", то лживость его более чем очевидна. Однако, поскольку эта небылица стала достоянием массового читателя, часто не искушенного, то приведем сведения, почерпнутые из статьи академика В.Смолия и доктора исторических наук В.Степанкова "Гетман Богдан Хмельницкий и его эпоха" (Независимая газета, 1995, 29 сентября, 3 октября). Национально-освободительная борьба украинского народа, во главе которой стоял Б.Хмельницкий, подчеркивается в статье, наносила сокрушительный удар по Речи Посполитой, серьезно ослабляла влияние католического Рима в Восточной Европе. Польский король

Ян Казимир усматривал в действиях Хмельницкого угрозу для "всего христианского мира".

В злобной, русофобской манере Винничук рассматривает и конфессиональные отношения в Украине. Он негирует на украинцев за их приверженность православию.

"Из-за своей привязанности к православию, -- пишет Винничук, -- мы попали в братские объятия Москвы... Православная вера превратила нас в московских рабов".

Казалось бы, приведенная фраза может быть расценена и как свидетельство признания Винничуком факта преданности украинцев православию, той вере, которая утвердила по воле великого Киевского князя Владимира I, и их готовности защищать свое право на вероисповедание. Однако Винничук тут же, как бы спохватившись, задает недоуменный вопрос: "За что боролись мы с ляхами?" И сам же отвечает: "Кто его знает. Есть навязчивая версия - за веру. Но если разобраться, то окажется, что за веру не было потребности бороться. Аристократия перешла в католицизм, но вовсе не была заинтересована тянуть туда еще и мужиков". Иными словами, Винничук отрицает причастность польской шляхты к насаждению у нас "унии - то есть греко-католического обряда".

В приведенных фразах Винничука соответствует правде лишь то, что украинская шляхта ради своих корыстных интересов предавала веру своих отцов, принимая обряды крещения из чужой веры - римско-католической либо униатской. Пытаясь убедить читателя в истинности своей версии, Винничук делает ссылку на то, что материал он якобы взял из "солидных исторических источников". Однако, назвать эти источники автор почему-то не решился и ограничился приведением одной цитаты, взятой (по его словам) у Натальи Полонской-Василенко. Есть прямой смысл обратиться к этому автору, к книге "Історія України", (т.2, - К., 1992), где по проблеме нашего спора написано: "Главным лозунгом Хмельничины была борьба за православную веру. Богдан Хмельницкий в 1648 году...писал королю Владиславу I об угнетении, которое испытывает православный народ и православная Церковь". (С.192.)

В результате побед Б.Хмельницкого правительство Польши вынуждено было подписать условия Зборовского трактата (1649г.), одним из первых пунктов которого было "признание за православными прав наравне с католиками". (Там же). "В Бело-Церковском договоре 1651 года права православных были подтверждены... Однако на практике все эти требования не выполнялись". Церкви и имущество, которые ранее были отобраны у православных "униатами", так и остались в руках униатов". (Там же).

Приведенные выдержки из работы Н.Полонской-Василенко опровергают доводы Винничука и свидетельствуют, что в период польской оккупации религиозное угнетение украинцев сохранялось и ослабевало лишь при сильном размахе национально-освободительного движения.

Говоря о конфессиональных отношениях в Украине, Винничук "не заметил" позитивной роли православия в период становления Киевской Руси, когда оно сыграло роль духовной основы слияния восточных славян в одну народность, и утверждения на Руси нового, феодального строя. С принятием христианства возникла на Руси письменность и литература, оказавшаяся "древнее, чем литература французская, английская и немецкая" (См.: Лихачев Д. Первые семьсот лет русской литературы. Изборник.- М., 1969. - С.5).

Распространение православия способствовало складыванию в Киевской Руси единого языка древнерусской народности, который "как в своем словарном составе, так и в грамматическом строе достиг настолько высокой степени развития, что в оригинальных и переводных памятниках способен был выражать сложные отвлеченные понятия...и обладал богато развитыми образными средствами, которые использовались и письменной литературой, и устным народным творчеством". (См.: Гудзий Н.К. История древней русской литературы.- М., 1956 - С.14).

Под влиянием православия в Киеве создавались превосходные рукописные фолианты на пергаменте: в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга хранится Остромирово евангелие 1056 -1057 годов. Широко распространялась грамотность. Об этом свидетельствуют берестяные грамоты, найденные археологами в Новгороде, Пскове,

Витебске, Полоцке, Смоленске. Киевская Русь была “ведома и слышима во всех концах земли”. Слово это мы найдем в “Песне о Нивелунгах”, в “Песне о Роланде”, в скандинавских сагах, у Марко Поро, у азербайджанского поэта Низами. Во французском средневековом эпосе Русь названа “прекрасной Русью” (См.: Михайлов Н.Н. Моя Россия, Кн.2. – М., 1966. – С.68).

В то время, когда у нас (в конце XII- начале XIII) появилось на древнерусском языке “Слово о полку Игореве”, в Польше на национальном языке еще не было написано ни строчки. Польская национальная литература зародилась лишь в XVI веке, первым крупным автором, писавшим на родном языке, был поэт Я.Кохановский (1530-1584). К этому времени на Руси уже почти шесть веков развивалась самостоятельная национальная литература (См.: Чивилихин В. Память. – М., 1982. – С. 76).

В Польше, как и во всей Западной Европе, католическая церковь насаждала чуждую славянским народам классическую латынь, искусственно задерживала развитие культуры и, особенно, литературы на родном языке.

Глубоко понимая реакционную роль католицизма, принесшего много бед украинскому народу, Иван Франко писал: “Сколько помнит история, католицизм всегда был заядлым врагом славянства, и кто знает, не принес ли он славянству больше вреда, чем все кровавые войны с мадьярами, немцами и татарами” (См.: Франко И. Католический панславянизм. (Соч. – Т.10 – М., 1959. – С. 260).

Находясь в плена русофобии, Винничук подвергает ревизии отношения Украины с Россией, пытаясь представить украинцев и русских антиподами. Его статья пестрит такими выражениями, как “имперская банда”, “клятый москаль” и т.д.

Обвиняя русских в агрессивности, Винничук возводит стену отчуждения между русскими, украинцами и белорусами – тремя народами, идущими от одного исторического корня. При этом замалчивается их родственное прошлое. Однако известно, что осознание принадлежности к единому древнерусскому народу у наших предков возникло еще в Киевской Руси (XII век). В “Слове о полку Игореве” уже отсутствует название племен, но зато двадцать раз упоминается “Русская земля”. Такого раннего и глубокого осознания Родины не отмечено ни у одного народа Европы. К примеру, гимн Петрарки, обращенный к Италии как к Родине, появился лишь в 1353 году.

Чувство кровного родства прочно вошло в сознание наших народов. Во времена Киевской Руси у наших предков была единая территория, включавшая земли от Балтики до Азова, от Карпат и до Волги, и общий (древнерусский) язык, понятный всем соплеменникам. (В отличие от нас южные и северные немцы даже в конце XIX века не понимали друг друга. По этой причине не все солдаты общегерманской армии, созданной Бисмарком, могли исполнять команды офицеров). На протяжении многих веков была единая центральная власть, начало которой положила династия Рюриковичей в 862 году. Эта династия просуществовала в России до 1598 года (до смерти царя Федора – сына Ивана Грозного). Общая религия -православие, в некотором роде подобно обручу, скрепляло братские связи украинцев, русских и белорусов. Не случайно противники братских отношений этих народов стремятся ослабить влияние православия, заменить его католической и униатской религией. Едины обряды, обычаи и традиции. Одной из самых устойчивых и ярких черт в менталитете украинцев, русских и белорусов является колективизм, составляющий существенный элемент гуманистических ценностей. У всех упомянутых народов, как правило, всегда была общая внешняя опасность. Многовековая история восточных славян убедительно доказала, что лучшая гарантия обеспечения их независимости и суверенитета – тесная и сплоченная дружба между ними.

Русофobia и стереотипы элитарной концепции помешали Винничку объективно представить источники формирования художественного таланта Тараса Григорьевича Шевченко. Вдохновителями творчества Великого Кобзаря, окрещенного Винничуком “мужицким поэтом”, стали якобы лишь “помещичьи резиденции”, обеспечившие ему “интеллигентскую аудиторию”.

Автор “Малороссийского мазохизма” не заметил (скоро не хотел заметить) того, что расцвет недюжинных природных дарований Тараса стал возможным благодаря его освобождению от крепостной неволи, обучению мастерству художественного творчества у блестящих специалистов Брюлловской школы (Петербург), его общению с передовой украинской и русской интеллигенцией. Творчество Кобзаря, как и творчество Н.В.Гоголя, – это синтез двух братских культур -украинской и русской. По справедливому замечанию Олеся Гончара Шевченко “никогда не отождествляя царизм с русским народом, с великою русской культурой” (См.: Гончар О. Вечное слово// Тарас Шевченко. Кобзар - К., 1987. - С.12.).

Это замечание Олеся Гончара полностью подтверждается содержанием личных дневников Т.Шевченко (См.: Твори в 5-ти т. - К., 1979. - Т.5.). В них мы можем найти упоминание о мужественном и благородном поступке коменданта Новопетровской крепости майора Ускова, который вопреки царским запретам дал возможность Т.Шевченко писать и рисовать, и об участии передовых русских людей XIX в. Н.Чернышевского, Н.Добролюбова, П.Анненкова, К.Кавелина, И.Тургенева, М.Щепкина и др. в освобождении братьев и сестер поэта, находившихся в крепостной неволе у помещика Флиорковского (с.493) (лично сам Тарас был выкуплен у помещика Энгельгарда в 1838 году на деньги, полученные от продажи картины художника К.П.Брюллова).

В этом плане представляют интерес записи в дневнике о пребывании Шевченко, после возвращения из крепости, в Нижнем Новгороде, Москве, Петербурге и в других местах, где его встречали с большой радостью.

“В Москве, – записал он, – более всего радовало то, что я встретил в просвещенных москвичах самое теплое радушие лично ко мне и не притворное к моей поэзии. Особенно в семействе С.Т.Аксакова,” (С.208-209). О пребывании в Петербурге у поэта есть и такая запись: “Они приветствовали меня как давно ожидаемого и дорогого гостя.” (С.210-211).

Знакомство с дневниками Т.Шевченко убеждает читателя в том, что идейный мир и духовное наследие Великого Кобзаря гораздо богаче, чем его представляет ныне пишущая братия, переметнувшаяся на службу к “новым украинцам”.

Центральная идея статьи “Малороссийский мазохизм” – обоснование “естественного права” “неоаристократов” (“новых украинцев”) на управление обществом и эксплуатацию трудового народа, “эффективных” способов осуществления своего господства, которые покоятся на пресловутом принципе “цель оправдывает средства”. В своих рекомендациях автор “Малороссийского мазохизма” акцент делает на насилии и жестокости.

Так, пытаясь оправдать зверства палача Украины – Яремы Вишневецкого, который “вешал, распинал и садил на кол”, Винничук ссылается на мировой опыт: “А как вы полагаете, разве Рим устоял бы, если бы там не вешали и не распинали? Где, в каком государстве не казнили мятежников?... А давайте задумаемся, что было бы с Римом и его богатейшей культурой, если бы Спартак победил? Страшно и представить.” Да, действительно восстание Спартака, продолжавшееся с 73 по 71 г. до н.э., было подавлено рабовладельцами с величайшей жестокостью, 6 тысяч пленных рабов правитель Рима Красс распял вдоль всего пути в Рим. Однако, хотя Спартак и потерпел военное поражение, моральный перевес оказался на его стороне. Не случайно даже такие писатели-рабовладельцы, как Плутарх и Аппиан (II век н.э.), с большой долей симпатии отнеслись к личности Спартака. Они понимали, что прежний способ эксплуатации невольников, существовавший во времена Красса, изжил себя. Жертвы не были напрасными. Великое историческое значение восстания Спартака, потрясшего до основания всю систему римского рабовладения, состояло в том, что “оно стимулировало переход к более прогрессивным социально-экономическим отношениям”. (См.: История древнего мира. – М., 1956. – С.566).

Обосновывая правомерность культа насилия, жестокости, Винничук за примером обратился к событиям, происходившим в средневековой Англии, и прокомментиро-

вал их в свойственной ему манере: "...Естественный процесс формирования английского государства и нации, — пишет он, — едва не прекратился в 1381 году, когда там объявился свой Хмельницкий — Уот Тайлер. Он увлекся благородной идеей — выгнать всю знать из Англии. К великому счастью, эта освободительная война была подавлена решительно и быстро. И, кстати, там тоже никто с мятежниками не цацкался: головы секли, как капусту." Винничук, восторгаясь садистской жестокостью "благородных" аристократов Англии, которые крестьянские "головы секли, как капусту", не заметил того, что восстание Уота Тайлера "нанесло окончательный удар сеньориальной системе хозяйства. Помещики были вынуждены отказаться от барщины". Произошло падение крепостного гнета. (См.: История средних веков. - М., 1980.-С.228.).

Винничук, совершая исторические экскурсы, озабочен поиском идеально-политического оружия для тех социально-политических сил Украины, которые, став после ав-

густа 1991 года у штурвала государственного корабля и за- владев народной собственностью, довели страну до глубочайшего кризиса, а народ поставили на грань выживания.

Сохранить украденное методами буржуазной демократии становится все труднее. По этой причине они резко повернули руль вправо, взяли курс на установление диктаторского режима. А обосновывать этот курс будут услужливые и ловкие винничуки, политическая устремленность которых предельно откровенна. Если украинская нация мыслит как "нация рабов", а "рабство духа неизлечимо", то вывод напрашивается сам собой: рабы, которых всегда приравнивали к скоту, нуждаются в погонщике. На этой ноте и завершает Винничук свою статью. Она заканчивается словами: "Пошли же нам, Господи, не Моисея, а Пиночета!" "Достойное" завершение труда историка, всеми неправдами пытающегося убедить своих читателей в целесообразности и неизбежности установления на Украине фашистско-бандеровской диктатуры.

Метаморфоза вченого сноба

I.C.Хміль

Спростувати критику — пусте самолюбство, розбити наклеп — обов'язок.

Вольтер

Вітанування в Україні півстолітніх ювілеїв її визволення від фашистських загарбників і Перемоги у Великій Вітчизняній війні залишило по собі не тільки живе відчуття незгаслої в нашому народі пам'яті про цю війну, а й кілька десятків видань, присвячених їй. Це — і спогади ветеранів війни, і художні твори, і документальні збірники. Скромним виявився, однак, науково-дослідний доробок, і в ньому ледь не головною, як дехто вважає, стала книга М.В.Ковалья.*

Хоча ця книга цілковито присвячена історії Великої Вітчизняної війни і видана за національною програмою ювілейних заходів, проте названа більш ніж анонімно — "Україна: 1939-1945", без будь-яких посвят, і навіть у прикнижковій анотації з глухим посиланням на "минулу війну". І це не випадково. М.Коваль уже назвою і подачею своєї книги протиставив себе всенародному вітануванню в Україні ювілеїв її визволення і Перемоги над фашизмом. Для нього, за його словами, то була нагода "для торжества моменту істини". І це пише автор, який, працюючи саме над історією тієї війни, набув титулів доктора історичних наук, професора і, більш того, лауреата Державної премії УРСР за співавторство у тритомній праці "Українська РСР у Великій Вітчизняній війні 1941-1945 рр.". Нині М.Коваль очолює провідний і практично єдиний в Україні науково-дослідний підрозділ з історії України вказаного періоду.

До цього додамо, що на М.Ковалі, з огляду на його становище в історичній науці, замикається розробка для зацікавлених інстанцій і установ експертних оцінок з питань історії Великої Вітчизняної війни. Він — також член колегії по виданню "Книги пам'яті" і головний консультант Українського державного музею Великої Вітчизняної війни 1941-1945 рр. Та й книга випущена видавництвом "Вища школа", а, отже, в розрахунку на неї як на навчальний посібник для навчальних закладів.

Все це ставить книгу на вістря уваги всіх, хто вболіває за правду історії трагедії і подвигу нашого народу в 1941-1945 рр.

Хоча книга представляється в її назві як "маловідомі і непрочитані сторінки історії", це — цілісний трактат, яким охоплено Велику Вітчизняну війну в контексті практично всіх головних питань її історії. Це, за визначенням М.Ковalia, — "чорні сторінки історії війни", що, мовляв, "утворили

таку велику прогалину, без усунення якої немає, власне, справжньої історіографії" (с.69-70). Отже, йдеться про історіографію в цілому, і автор не міг, зрозуміло, обмінити все те, що становить її предмет.

Про всякий випадок у книзі зроблене мимохідне, як кажуть, "під завісу" (с.70) визнання про неможливість заперечити, що в нашій літературі минулого зосереджено величезний фактичний матеріал, який дає більш-менш повне уявлення про перебіг подій воєнного часу. Але, за оцінкою, з якої починається книга, все то — квазіісторія (тобто — удана історія), фундаментом і змістом якої від її початків стали воєнно-політична кон'юнктура, умовчування, напівправда, міфологізація подій, фальш і підтасовки, — короче кажучи, не історіографія, а "Авгієві стайні" (с.5).

Джерельна база наявної у нас літератури про війну представляється як "міноване поле": мовляв, "архіви нашпиговані брехнею", "тим самим "грибком" вражена й мемуаристика" — в них "ретельно відселекціонований фактаж" відповідно до версій подій та їх оцінок, бажаних партійному керівництву (с.9-11).

Відзначаючи, що за радянських часів було видано понад 20 тис.монографій, книг, брошуру загальним тиражем 1 млрд.примірників, М.Коваль ставить на всьому цьому величезному масиві видань тавро "апологетично-парадної літератури". Її фактичний матеріал оголошується "правдоподібним" (а не правдивим!), хибним на позитивістську однобічність, нав'язливо націлену на виховання громадських достоїнств, що, мовляв, "само по собі не може не спотворювати реальності подій" (с.12).

Поряд з цією "найбільшою вадою вітчизняної історіографії" у книзі з просторікуватою юдливістю йдеться про таке, як переоцінка воєнної могутності СРСР і недооцінка "бойових можливостей, військового мистецтва і здобутків вермахту" (с.14); замовчування "непоодиноких фактів співчутливого ставлення" німців, включаючи солдат і офіцерів, до радянських людей (с.15); применення воєнних втрат СРСР і перебільшення втрат противника; абсолютизація ролі у війні партійних і державних діячів при їх перебуванні на найвищих посадах; "традиційно негативна" оцінка вкладу союзників (США і Великобританії) у досягнення Перемоги.

Метод викладу, обраний М.Ковалем, зводиться до маніпулювання співвідношенням світла і тіні, правди і домислу. Наприклад, він небезпідставно докоряє радянській історіографії з питання про воєнні втрати. Справді, в цьому було у нас багато суб'єктивістської довільності. Але якими

*М.В.Коваль. Україна: 1939-1945. Маловідомі і непрочитані сторінки історії. — К, "Viща школа", 1995.

не були б втрати, без них, на жаль, війн не буває: і вбиті, і поранені, і полонені, і безвісти пропалі. Тільки про них можна говорити по-різному: чи то з розуміння і співчуттям, чи ж із зловтію і осудом. М. Коваль одержимий останнім. Він вдається до беззастрежених узагальнень, що Сталін діяв за принципом "з втратами не рахуватися", часто-густо безглаздо збільшуючи і без того непомірні людські жертви, що людина в солдатській шинелі зазнавала "тотального приниження", що в ставленні один до одного в армії була створена "блюз-нірська штучність" (с.19-20).

Відомо, що визволення Києва далося радянським військам великою ціною. Але чи не більшою була б ціна, причому як для нашої армії, так і для міста, коли б не були зірвані приготування гітлерівців до тривалої оборони і вуличних боїв. Та М. Коваль, з одного боку, відзначає, що "без перебільшення можна твердити, що Червона Армія врятувала Україні її столицею від цілковитого знищення", але з другого — просторікувато звинувачує ту саму армію за висаджені в повітря в 1941 р. будинки, коли фашистські окупанти ввійшли в Київ, і докоряє радянському командуванню за те, що визволення міста було приурочене черговій річниці Жовтневої революції.

На противагу деяким блюзням, які історію України як держави починають з 1991 р., М. Коваль правильно відзначає, що визволення України від фашистських загарбників означало передусім факт самого її відродження. "Вона знову стала належати її народові, сформувала державницький тип зі своїм урядом, парламентом, з українськими університетами, театрами, українською пресою, зі своїми кордонами і власною географічною картою". Але тут же робить поступку блюзням, вважаючи за слушне, що "Україна, як і всі інші республіки СРСР, мала фіктивну сувереність, а її уряд та парламент порядкували реальними справами з вказівок центру, від якого залежали цілком" (с.83).

М. Коваль правий у своїй прикорості щодо оцінки офіційним Вашингтоном відкриття другого фронту як "поворотного пункту в ході другої світової війни" (с.25). Але ж ким і коли на Заході офіційно говорилося щось інше? У передмові до книги "Сталінград — Берлін: німецька поразка на Сході", виданій Управлінням воєнної історії США, шеф цього управління генерал Х.С. Паттісон писав: "Те, що Радянський Союз зробив великий вклад у розгромі нацистської Німеччини, не викликає запитань, але з цього не випливає, що, як про це заявляють росіяни, Червона Армія була головним архітектором перемоги у другій світовій війні". (Army Historical Series, Stalingrad to Berlin: the German Defeat in the East. — Oddise of the Chief of Military History, United States Army, Washington, D.C., 1968, p.V).

Яка ж тут безсторонність, що її приписує М. Коваль зарубіжним колегам? Хіба історіографія була знаряддям ідеологічного протиборства в "холодній війні" тільки з нашого боку, щоб беззастережно поділяти, як це робить М. Коваль, зневагу зарубіжних фахівців до радянської історичної науки? (с.4, 9). Ці фахівці були (та й залишаються!) не менш, ніж ми, тенденційними в обстоюванні свого бачення історії, і справа не в заїдологізованості з будь-якої сторони, а в тому, чи їм інтересам і якій суспільній системі вона підпорядкована.

У заслуги переосмисленню історії війни в останні роки поставлено "світло правди", проліте на "напівміфічні епізоди і життєписи" про "Молоду гвардію", герой-панфіловців, Олександра Матросова, "матч смерті" в Києві.

Звичайно, радянська історіографія війни далеко не бездоганна. Справа, однак, у тому, з якого боку розглядати її вади і шляхи їх подолання. Той, хто справді прагне правди історії, аж ніяк не може розділити з М. Ковалем його бачення, пройнятого огульним паплюженням з явною метою цілковитої дискредитації радянської історіографії. Це можливо тільки з протилежного боку, і М. Коваль ставить крапки над "і", заявляючи, що "не витримали перевірку часом її ідеологічні підвалини. Теорія класової боротьби, гегемонізму робітничого класу, його союзу з селянством, провідної ролі у суспільстві державної Комуністичної партії тощо навряд чи сумісні з ідеологічними цінностями суспільства, де вже реально існують приватна власність та багатопартійність" (с.31-32).

Грунтуючись тепер уже на нових "ідеологічних цінностях" М. Коваль "впевнено" твердить, що псевдонаукові постулати радянської марксистсько-ленінської історіографії вже "не працюють". Прийміні, мовляв, йому не уявляється незаперечним визначення таких переваг соціалізму, що стали джерелами нашої перемоги у війні, як соціалістичний спосіб виробництва, суспільний лад, соціалістична ідеологія, морально-політична єдність суспільства, організаторська і

керівна роль Комуністичної партії (с.28).

В спростуванні цих переваг — визначальний мотив книги. Саме ним керується автор, зводячи з фактичного матеріалу з історії війни словесні хаці, причому безсистемно і, багато в чому, суперечливо.

Ключовою в книзі є демонізація Сталіна і підміна його уособленням історії як війни, так і всього радянського періоду, що передував їй. Сталіна, як і Гітлера, автор наділяє такими рисами, як "безмежна жорстокість, неперевершена хитрість, езутська підступність і цілковита непередбачуваність вчинків" (с.33), іменує "азартним гравцем" (с.44), "диктатором з шакалячими звичками" (с.64). Мовляв, Сталін повірів у власну непогрішливість і замкнув на собі всю владу в країні (с.23, 44).

Відомо, що рішення з питань, про які йдеється в книзі, розроблялися і обговорювалися різними органами і на різних рівнях. Скажімо, органи ЦК ВКП (б) (Політбюро, Оргбюро і Секретаріат) провели за час війни більш як 200 засідань. Державний комітет оборони прийняв і провів у житті 10 тис. директив і постанов. Тим часом М. Коваль подає все це не інакше як одноособові рішення Сталіна. Мовляв, "сатанинська воля Сталіна паралізувала здатність і генералів, і наркомів, і партійних секретарів до самостійних рішень і вчинків" (с.78).

Зобразивши Сталіна "всевладним демоном", М. Коваль веде мову про історію країни у виразах "сталінський режим", "сталінський тоталітаризм", "сталінщина". Кілька згадок про соціалізм представлена як "соціалізм сталінського зразка" або як "так званий соціалізм", "так зване соціалістичне будівництво". І ніякого пробліску поза цим вкладом, — все в чорних фарбах: голод, репресії, інші зловживання і злочини, до яких спричинив культ особи, деформувавши соціалізм. Все це було. Але ж були й масштабні процеси творення. Звідки б то взялися "великим потужностям воєнно-економічного потенціалу", побіжно згаданому в книзі? Або новітнім зразкам озброєння, які стали головними в завоюванні Перемоги над фашизмом? Або як з'явилася маса освічених людей, з яких у стислі строки був поповнений кадровий склад армії?

Відповіді на ці питання в книзі заступают фальшиві вбогівання про долі мільйонів людей, для яких, мовляв, обернулися на трагедію форсована індустриалізація і примусова колективізація (с.13). Оборонний промисловості передвоєнних років приписуються загальмованість і некомпетентність (с.39), армії — традиційні безгосподарність, неорганізованість, безтурботність (с.40), військовим начальником усіх рівнів — безпорадність і низька кваліфікація, а стратегічному веденню війни — бездарність (с.67).

Через книгу наскрізно проведена думка, що союзником фашистського командування у війні були недалекоглядність та самовпевненість радянського стратегічного керівництва (с.58), що саме це, а не стільки німецька сила, призвела до катастрофічного становища в перший період війни (с.67), що радянські війська були поставлені в це становище не тільки переважаючими силами агресора, а й згубними прорахунками та помилками політичного керівництва країни на чолі зі Сталіним (с.76). Зрозуміло, тут є частка правди, але ж не вся правда, щоб беззастережно робити широкі узагальнення. Тільки людина, одержима зловтію, здатна на це.

У такий самий спосіб, як і паплюження історії соціалізму в СРСР через підміну його сталінщиною, вчинена в книзі і фальсифікація радянської зовнішньої політики, її характера і цілей. М. Коваль твердить, що на Сталіні, так само як на Гітлері, "лежить головна відповідальність за розв'язання війни", бо, мовляв, не один лише німецький фашизм рвався до світового панування (с.30).

Тут би М. Ковалю бодай ескізно вказати на передісторію війни. А це — і Версальська система, встановлена за наслідками першої світової війни, і імперіалістичне суперництво між колоніальними державами — переможцями в тій війні і переможеними і обділеними в ній, і міжнародний робітничий та національно-визвольний рух, доцентрований до СРСР як уособлення соціалістичної альтернативи капіталізму у світовому розвитку. Переплетіння дій цих сил і факторів проявилося і у мюнхенській змові лідерів Англії і Франції з Гітлером, жертвою якої стала Чехословаччина, і в англо-франко-радянських переговорах, які могли виключити, але не виключили необхідність радянсько-німецького договору, і, зрештою, у провокуванні на Заході Гітлера до погамування своїх експансіоністських апетитів за рахунок України.

М. Коваль не знайшов необхідним, однак, сказати про це, він лише зневажливо згадав "концепцію змови сил імперіалістичної реакції", і зробив це з тим, щоб закинути прихильникам цієї концепції, нібито вони вважають указану змову "єдиною причиною виникнення другої світової війни",

ігноруючи “авантюристичний і небезпечний характер зовнішньополітичного курсу сталінського уряду” (с.29). І на думисли в цьому автор не поскупився. Якщо у підписанні радянсько-німецького договору, говориться в книзі, інтереси безпеки СРСР і малися на увазі, то лише в останню чергу (с.34). Сталін мав на увазі не відвернення війни, а розширення територіальних меж СРСР (с.35). “Справді, війна велася між двома тоталітарними режимами” (с.30). Не погоджуясь з В.Суворовим (Резуном) щодо “превентивної війни” з боку Гітлера, М.Коваль, тим не менш, не ставить під сумнів, що “Сталін також готувався до війни, і не тільки сухо оборонної. Не виключено, що він і розв’язав би її, але, ясна річ, не влітку 1941р., коли Червона Армія не була готова ні до оборони, ні до наступу” (с.64).

Приписуючи війні, яку вів Радянський Союз, експансіоністський характер, автор посилається на “більшовицьку концепцію світової революції” і на “те, що сталося в країнах Центральної та Південно-Східної Європи вже після вигнання фашистських поневолювачів” (с.31). Але кому, як не йому, професіональному історику, знати, що концепція світової революції побутувала в міжнародному робітничому русі задовго до появи більшовизму і що з 20-х років її розглядали в цьому русі не інакше як об’єктивну перспективу світового розвитку.

Наскірно через книгу проходять тлумачення, спрямовані на спотворення образу радянського суспільства, заперечення його морально-політичної єдності і провідної ролі в ньому Комуністичної партії. Автор, вдаючи з себе вболівальника за народ, пропонує розмежувати такі категорії, як “народ” і “сталінщина”. Мовляв, війна що її вів Радянський Союз, мала “подвійний характер”: з одного боку, народний, справедливий, визвольний, а з другого — експансіоністський (с.31). Водночас робиться закид, що радянські автори видавали бажане за дійсне, зробивши розхожою тезу, що “весь народ як одна людина став на захист соціалістичної Вітчизни” (с.127). М.Коваль, однак, не може не розуміти, що вираз “весь народ як одна людина”, якщо він був вжитий навіть Сталіним, — не предмет для серйозної полеміки. І в книзі це лише незgrabний перехід до того, щоб повести мову про глибоку прірву, яка розколювала радянське суспільство на початок війни внаслідок, мовляв, громадянської війни, що розпочалася у 1918 р. і, хоч в інших формах — то як “холодна”, то як “гаряча”, тривала і пізніше (с.127). Відповідно, одна за другою, йдуть “чорні сторінки” про жертви сталінщини, про тих з цих жертв, хто не зміг переступити поріг знесених кривд (с.131), про тих, хто не вважав СРСР своєю Вітчизною (с.31), про “поширеній колабораціонізм” з фашистськими окупантами (с.131) і “східні легіони” Гітлера з радянських військовополонених (с.67-68).

Все це, на жаль, було. Але не можна, як кажуть, за дарами не бачити лісу. І в книзі про нього говориться. Але як? Не заперечуючи, що український народ у масі своїй сприйняв німецьку агресію як смертельну загрозу для себе, М.Коваль, однак, заявляє, що мільйони українців захищали від іноземного поневолення не соціалізм. При цьому для більшої відрази на соціалізм навішується ярлик “сталінського зразка”, але те, захист чого йому протиставиться — власне життя, свої родини, домівки, культура, спосіб життя (с.70) — це й становило предметний зміст соціалізму. Та ідеологічна упередженість автора проти соціалізму спонукала його скрати те, що він сказав.

Органічною частиною радянського суспільства, його становим хребтом і цементуючою силою була Комуністична партія. У своїй масі це — представники робітничого класу, селянства та інтелігенції, безпосередньо зайняті у своєму соціальному середовищі. На фронті вони першими йшли в атаку. Чотири з кожних п’яти комуністів перебували під час війни в діючій армії і на оборонних підприємствах. Це була воююча партія. Її організаторська і керівна роль була справді одним із визначальних факторів нашої Перемоги. Визнає і М.Коваль необхідність за умов війни такої політичної структури, якою була Комуністична партія, однак зображену її як заручника Сталіна. “Вона, — йдеться в книзі, — уособлювала сталінську деспотичну командно-адміністративну систему, яка мусила своїми нещадними, тоталітарними методами врятувати її від загибелі” (с.71).

Оце, власне, і все, що наважався сказати М.Коваль про роль Комуністичної партії у війні. Інші нечислені згадки про комуністів, пов’язані зі становищем на окупованій території, причому всі вони негативні, якщо не за змістом, то за контекстом і тональністю. Відзначаючи, що на окупованій території залишилося 113 тис.членів ВКП (б), автор при цьому

уїдливо додає: мовляв, “без дозволу партії” (с.95). Відданість комуністів і комсомольців комуністичним ідеям представляється як “фанатизм” (с.96). Та, мовляв, виявилось, що не тільки в суспільстві не було єдності, а що “і комуністична партія не була таким уже монолітом, як це подавалося пропагандою”, і робляться просторікуваті посилення на тих, хто під час окупації зрікся свого членства в партії. “Але, — блазнює М.Коваль, — їх, ій-богу, можна зрозуміти” (с.128-129). Що ж, йому видніше ...

Як не парадоксально, але факт: говорячи про нацистський голодост єврейського населення в Україні, М.Коваль по суті реабілітує ОУН як співучасника цього злочину і виставляє митрополіта Шептицького за “взірець захисника” його жертв. Тим часом, пише М.Коваль, в око йому впало, що, незважаючи на досить розгалужену в Україні мережу нелегальних партійно-комуністичних організацій, “комуністично підпілля не було орієнтоване на допомогу жертвам голодосту” (с.103). Про мотиви голодосту в Україні сказано так, нібито в ньому винні комунізм і радянська влада, з якими гітлерівці ототожнювали євреїв (с.97).

М.Коваль вважає гіпертрофованими в радянській історіографії як тезу про “всенародний характер партизанського руху в Україні”, так і роль Комуністичної партії в організації і керівництві цим рухом (с.143, 144). Мовляв, цей рух складався не за директивою партійного центру і не партійними функціонерами, а воїнами Червоної Армії, що опинилися в оточенні, і “серед них, між іншими, — все ж додає автор у дужках, — були і комуністи” (с.139). Та й “головна мета, якої будь-що намагалося досягти партійне керівництво, — йдеться далі в книзі, — полягала не стільки в сухо воєнних чи воєнно-економічних здобутках партизанів і підпільників”, скільки “у створенні... у свідомості людей ефекту”, що радянська влада продовжує існувати і швидко повернутися (с.144).

Про переконання, що надихали радянських людей у боротьбі, більш виразно говорять документи фашистських спецслужб, цитовані М.Ковалем, ніж він сам. За його твердженням в основній масі населення окупованих територій поворот у бік радянській влади на противагу фашистському режиму почався в 1942 р., коли цей режим цілковито дискредитував себе (с.133). Та, мовляв, “вибір міг бути не між поганим і гарним, а між поганим і ще гіршим” (с.130). Ніяк інакше не можна назвати це, як безсоромною зухвалістю перевернтя, який не тільки зрікся переконань, що вивели його в життя, але й втратив людську порядність, став жовчним снобом. Його антикомуністична і антирадянська тенденційність настільки, як кажуть, “шила білим нитками”, що відпадає всяка потреба полеміки з ним. Відраза до неї викликає тільки осуд.

Більш витонченим і не менш небезпечним є обстоюване в книзі тенденційне уявлення про український народ. Сьогодні у нас стало модним говорити про “українську діаспору” — українців та нащадків українців — громадян інших держав. І розожим стало визначення їх як співвітчизників. За логікою цього визначення, деякі з держав світу, такі, скажімо, як США, Канада, Австралія тощо, мали б перетворитися з політико-правових формувань соціально-історичних спільнот, що склалися в них, на конгломерати чужих співвітчизників, тим часом як існування інших, зокрема арабських на Близькому Сході та іспаномовних у Латинській Америці, ставились би під сумнів. Нісенітніця, звичайно. Тому те визначення — ніяка не норма міжнародного права, а публіцистичне завихрення, розраховане на внутрішній вжиток. Тим не менш М.Коваль проводить його як принцип наукового дослідження.

Він, віддати йому належне, заперечує твердження певних сил в Україні, нібито війна Радянського Союзу проти Німеччини не була війною українського народу і взагалі не має відношення до історії України (с.70) і нібито Україна в 1943-1944 рр. підпала під окупацію Червоної Армією (с.88). Його висновок недвозначний: “визволення України від нацистських завойовників було кровною справою всього радянського народу, в тому числі українського” (с.88). Відзначаючи багатонаціональний склад радянських військ, що визволили Україну, М.Коваль підкреслює особливу роль воїнів російської національності, що переважали в них, і поділяє думку О.Довженка: “Без допомоги російського народу український народ загинув би у війні” (с.87).

Однак у цілому війна в книзі представлена збочено, якщо можна так сказати, “заукраїнізовано”. Автор ухилився від тієї істини, що доля України залежала від розвитку подій не в межах її самої, а на всьому радянсько-німецькому фронті від Чорного до Баренцевого морів, і на протязі всіх 1418 днів і

ночей війни. Можна зрозуміти докладність, з якою розглядається події на українській землі, але, очевидно, не слід залишати поза увагою, бодай побіжною, їх загальний контекст.

Та приписування розвиткові воєнних подій на Україні перебільшеної самодостатності — це ще не головний огірк книги. Він у тому, що участь українського народу у війні зводиться до самих етнічних українців. Про громадян України інших етносів (окрім євреїв, нацистський голодок яких розглядається окремо) можна догадуватися хіба що з посилання на боротьбу з фашизмом в інших країнах: сказано, що в цій боротьбі брали активну участь “українці, як і взагалі люди походженням з України” (с.88). І обмовки тут нема. Полемізуючи далі з авторами тези про “радянську окупацію” України, М.Коваль по суті виправдовує їх, бо та теза, мовляв, “відбиває той сумний факт, що українське суспільство ні на початку окупації, ні в кінці її не було єдиним”, що українці поділили “гірку долю роз’єднаних націй”, “нерідко бились у збройних силах супротивних сторін”, що між цілями, за які боролися і вояки УПА, і українці — войни Радянської Армії, “безперечно, існувала генетична спорідненість” (с.88-89).

Відповідно, говорячи про загиблих на війні виходців з України, М.Коваль із 3 млн. їх загальної чисельності, за свідченням українською “Книгою пам’яті”, до людських втрат України відносить тільки 1.376,5 тис. воїнів української національності (с.18). Блюзінство, але факт.

Початок війни для українського народу визначений у книзі з “нападу Німеччини на Польщу й так званого визвольного походу Червоної Армії в Західну Україну” (с.70). Хоча книга присвячена виключно Великій Вітчизняній війні 1941-1945 р.р. в історії України, автор виніс в її називу хронологічні рамки 1939-1945 р.р. з тим, щоб слідом за відзначеною тезою поставити питання про загальне визнання цих рамок. І тут важко сказати, що спонукало його до цього — надмірна ідеологічна запрограмованість в нинішньому амплуа, чи просто елементарна необізнаність з політико-правових питань. Адже пропозиція про розширення хронологічних рамок участі України у війні на період з вересня 1939 до червня 1941 р. — не більш як довільна вигадка, позбавлена історичних і правових підстав. Українська РСР як держава була на той час федеративною частиною Союзу РСР з переданими у його виключне відання зовнішньополітичними і оборонними справами. Тому все, що відбувалося з кордонами і в прикордонні України, не може розглядатися поза контекстом політики СРСР. Якщо СРСР до нападу на нього фашистської Німеччини не вважався воюючою стороною у другій світовій війні, то як можна пристібнути Україну як його складову частину до тієї війни на тому етапі? Якщо окрім території і представники їх населення були втягнуті у водоворот подій, то тут треба виходити не з етнічної належності цих територій та їх населення, а з того, в чий юридичній підлегlosti вони на той час перебували.

Треба, зрештою, з бачення українського народу зняти облуду “кровного родства”, обставленого етно-біологічними ознаками і безвідносного до політико-правових реалій. Це — антинаукова позиція, від якої тхне расизмом і в якій закладено ембріон експансіонізму. Український народ — це соціально-історична спільність людей всіх етносів, які будь-коли жили і живуть в Україні.

Концепція “кровного родства” явно підкинута до нас “забугорними” стратегами психологічної агресії. Зроблено і підтримується це через певні зainteresовані в ній політичні уgrupовання, як правило, з колишніх націоналістичних поплічників гітлерівського фашизму та їх нинішніх епігонів і адвокатів. І М.Коваль на потребу цих сил зводить апологію ОУН, приписуючи цій організації та її формуванням “народний характер” і роль “одного з найважливіших явищ в історії України XX ст.”.

Мова про це в книзі починається в посилання на те, що тепер “статус ветеранів війни та гарантії їх соціального захисту поширило на всіх, хто протягом 1941-1945 р.р. брав участь у боях проти німецьких загарбників і не вчинив злочинів проти людянності” (с.145). Так інакомовно каже автор про поширення відповідного закону на вояків УПА, створюючи враження, нібито з питанням про ОУН-УПА покінчено. Тим часом кожний з цих вояків у вказаному відношенні розглядається не більш як особа, причому ще й реабілітувана за законом. Що ж до ОУН і УПА як організацій, то питання про них залишається відкритим. Ще 1 лютого 1993 р. Президія Верховної Ради України прийняла постанову про перевірку діяльності ОУН-УПА, але справа не зрушила з місця, і тільки після повторної постанови Президії Верхов-

ної Ради України від 18 вересня 1995 р. Кабінет Міністрів вирішив створити Урядову комісію з питань вивчення діяльності ОУН-УПА і робочу комісію для такого вивчення. Результати передбачені на березень 1997 р.

Зрозуміло, М.Ковалю як “науковому експерту” з цих питань відомо це, але він замовчує, підсовуючи на випередження свою версію, збиту явно з огляду на потребу політичних адвокатів бандерівщини. Суть цієї версії зводиться до намагання видати ОУН за виразника національно-визвольного руху західноукраїнського населення і уособлення боротьби проти польських колонізаторів і сталінського тоталітаризму, за державну самостійність і соборність України і вписати все це в історію українського народу як її складову частину (с.145).

Здавалося б, що для спростування цього намагання досить зробленого в книзі визнання, що керівництво ОУН “ніколи не мало власних сил і можливостей” (тобто передусім народної підтримки!), щоб реалізувати свої наміри. Та автор повертає це визначення на виправдання “стратегічного задуму” оунівських главарів піти в поплічники Гітлера у війні проти Радянського Союзу. При цьому, щоб зняти з них тавро “чорної зради”, їх запроданство поставлене врівень з довоєнними відносинами з фашистським рейхом урядів європейських держав, в тому числі СРСР, без огляду на те, що це були легітимні уряди з міжнародним визнанням, тим часом як оунівці представляли собою самозванців, ніким і ні на що не уповноважених і не визнаних політико-правовою стороною навіть нацистським урядом, якому слугували.

Якою бачилася ОУН у Берліні, можна судити з офіційного подання, зробленого у вересні 1940 р. одним з чинів нацистської партії Шікеданцем. Там йшлося, що “ОУН аж ніяк не може претендувати на політичне вивищення. Вона є ніщо інше, як мала терористична група із специфічним місцевим галицьким забарвленням” (Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. — Париж-Нью-Йорк-Львів, 1993. — с.490-491). Це подавалося як застереження про недоцільність підтримки ОУН авбером. Але у відомства Канариса були, крім всього іншого, функції “відшукання і використання представників національних меншин та організацій, ворожих урядам іноземних держав, з метою ослаблення військової сили останніх шляхом диверсій і політичних акцій, підготовка пропаганди для розкладу збройних сил противника” (Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. — М., 1973, т.І, с.178-9). Саме під цю функцію, і не більше, підпадала ОУН.

Автор константує відоме, що разом з гітлерівськими військами в окуповані міста і села України входили “похідні групи” ОУН “у формі вермахта та з необхідними документами, що забезпечували широкі права і повноваження”, але створює враження, нібито формування і перекидання на схід цих груп було ледь не самодостатньою справою ОУН. Це відбувалося, мовляв, якщо не за безпосередньою участю, то в усякому разі при пасивному сприянні німецьких окупантів їхніх органів та спецслужб” (С.148). Заклавши так дещо гіпотетично думки про “самодостатність” ОУН по відношенню до фашистських окупантів, М.Коваль по ходу викладу надає цій думці все твердішого звучання: учасники “похідних груп” стають “нелегалами-самостійниками”, ними закладується “український рух опору”, з загонів Т.Бульби (Боровця) і батальйонів “Нахтігаль” та “Роланд” формується УПА, лідери ОУН-УПА виходять на тактичні контакти з нацистами і, зрештою, під акомпанемент “катюш” відбувається “надто запізніле офіційне визнання союзницьких, по суті (!), відносин між ОУН-УПА і вермахтом” (с.157).

Виглядає так, нібито ОУН сама вела свою партію в грі з гітлерівцями. А що ж вони? За словами М.Коваля, окупантіні власті, сприяючи розповзанню по Україні оунівського підпілля, діяли, по суті, проти власних інтересів, і цю їх позицію “важко з певністю з’ясувати”. “Найімовірніше, це сталося через недооцінку” ними ОУН (с.149). Можна подумати, що механізм колабораціонізму, до витонченості відпрацьований і апробований гітлерівцями в інших окупованих ними країнах, не спрацював на Україні, що оунівські лідери не піддалися нацистському гіпнозу! Насправді, однак, все, в чому проявила себе ОУН при підготовці і в ході війни фашистського рейха проти СРСР, робилося за сценаріями відомства Канариса, і тільки за ними.

М.Коваль даремно вдає з себе простака, драматизуючи розкол ОУН і міжусобці між її бандерівським і мельниковським відламами. Це було зроблено за задумом авбверу, і розрахунки, з яких там виходили, більш ніж очевидні. Роз’язуючи антирадянську війну, гітлерівці знали, що в Ук-

райні їм доведеться мати справу як з активним опором окупантів, особливо молодих поколінь, вихованих за радянської влади, так і з опортунізмом серед старших поколінь. Відповідно мали бути колабораціоністські осередки, які замикали б на собі ту чи іншу течію, і ними стали мельниківський провід, який відкрито співробітничав з окупантами, і бандерівський — який імітував боротьбу з окупантами, утримуючи учасників цієї імітації від приєднання до радянського партизанського руху і підпілля.

Мельниківці і бандерівці представляли собою два різновиди єдиного колабораціонізму, спрямованого на розкол і підтримку антифашистського опору українського народу. Але посвячене в це було вузьке коло довірених осіб проводу. Зайвих і сумнівних свідків ліквідовували, і це те, що М. Коваль видає за криваві “розборки” між двома течіями. Їх послідовники, причому не тільки на рівні рядових вояків, а й на командному рівні, опинились в заручниках чорної змови проводу ОУН з ватажками “третього рейху”. А коли ставка змовників виявилася битою, і фашистські хазії потрапили на шибеницю, їх українські націоналістичні колаборанти продовжили своє існування в тіні “холодної війни”, утримуючи за собою кого із страху за причетність до чорної справи, а кого із страху перед бандерівським терором.

Тому М. Коваль більш ніж грішить перед правдою історії, він безсороюно знущається над нею, коли говорить про діяльність ОУН як про “партизанський рух”, що, мовляв, “має народний характер”, приписує цій діяльності, сповненній за

його словами, “фанатизму і відчаю, трагізму і крові”, роль “одного з найважливіших явищ в історії України ХХ ст.”. Так, історія ОУН-УПА має відношення до України, але не інакше, як до людини — епідемічна хвороба, яку вона перенесла. До того ж, сліди ОУН залишилися в історії і Польщі, і Словаччини, і Югославії. Зрештою, історія ОУН, особливо часів другої світової війни, невіддільна від історії гітлерівського фашизму і загальноєвропейського колабораціонізму.

Говорячи про шляхи усунення історіографічних забочень, М. Коваль нарікає на моральний дискомфорт, який продовжує відчувати історики, що хочуть мати чисте сумління, і вказує як на причину цього на прагнення різних громадських кіл до осучасненого політизованого бачення історичного процесу (с.27). Ясно, що до таких істориків він зачисляє й себе. Його книга, однак, не говорить на користь цього. Він не знайшов р. Алфеї, щоб стати Гераклом. Він виявився заручником тих вад, які приписує радянській історіографії, тільки з тією різницею, що з протилежним знаком. Зайвий раз підтверджено ту просту істину, що нічийного бачення історії не можу бути. Воно-таки класове. За всієї повноти мови про її події, кожен сприймає і оцінює їх з позиції свого соціального становища. М. Коваль перекинувся з позиції людей праці, трудаєших на позицію буржуазної реставрації, став вченим снобом. Отже, у нас, хто виборював Перемогу у війні з фашизмом, і наших вдячних нащадків — з ними шляхи розходяться.

Рецензия на книгу Рамзи Кларка “Правда о той войне: военные преступления США в Персидском заливе”

Филип Рамни

События, связанные с войной в Персидском заливе, вызвали большое (и продолжающее увеличиваться) количество комментариев в официальной печати. Многие официальные исследования посвящены военным преступлениям, приписываемым иракским войскам во время их вторжения в Кувейт, оккупации и вывoda их из Кувейта. Те же военные преступления, которые были совершены Объединенными силами, не получили ни единого отклика во многих статьях и книгах. Подобное умолчание привело к тому, что действия Объединенных сил не стали предметом тщательного изучения и критического анализа. Книга бывшего министра юстиции США Р.Кларка “Правда о той войне”* содержит такой анализ, сосредоточенный на рассмотрении военных преступлений, которые, по имеющимся данным, были совершены силами США во время и после войны в Персидском заливе. Такая постановка вопроса звучит вызовом большинству проведенных исследований и показывает узость идеологических рамок, в которые многие специалисты международного права сами себя заключают.

По признанию Кларка, эта книга — результат работы многих людей, в частности - Комиссии по расследованию Международного Трибунала по военным преступлениям, деятельность которой можно определить как “усилия международной общественности, направленные на сбор свидетельств, касающихся всех аспектов операции против Ирака, и определение, были ли совершены США военные преступления”. Собранные свидетельства были затем предъявлены Международному Трибуналу по военным преступлениям, заседавшему в 1992 г. в составе 22 судей из 18 стран. Суд постановил, что ответчики (в их числе - Президент Соединенных Штатов Дж.Буш) виновны в совершении 19 военных преступлений, по которым им были предъявлены обвинения (сс.183-189). В книге “Правда о той войне” Кларк подробно приводит свидетельства тому, полученные из разных источников, а также доказательства, собранные им самим во время нескольких посещений Ирака во время и после вой-

ны. Вероятно, именно благодаря этим поездкам он столь убежден в своей правоте, и именно они определили направленность рассматриваемой работы. Ведь Кларк лично оказался свидетелем того, чем обернулись для людей так называемые “совместная угроза” и “точечные бомбардировки”, а также разрушений, причиненных Ираку санкциями.

В главе 1 Кларк рассматривает войну в Персидском заливе как в историческом, так и в региональном аспектах. Он настаивает на том, что “основную ответственность за войну несет не Ирак, а Правительство США, которое планировало ее в Вашингтоне задолго до того, как первый иракский солдат появился в Кувейте” (с.3). Хотя тезис автора о том, что США несут основную ответственность за войну в Персидском заливе, не бесспорен, поскольку именно Ирак ускорил нарастание конфликта своим вторжением в Кувейт и отступил только после военного вмешательства.

Кларк отмечает серьезное ухудшение отношений между Ираком и Кувейтом еще до начала войны: он приводит свидетельства вовлечения Кувейта в “экономическую войну” (с.16) против Ирака в виде перепроизводства нефти, что наносило урон иракской экономике. Он также доказывает, что Кувейт занял враждебную по отношению к Ираку позицию с поощрения Соединенных Штатов, которые постарались сделать все, чтобы мирное урегулирование противоречий между двумя странами не было возможно. И действительно, когда иракские войска уже были сконцентрированы на Кувейтской границе, показывает Кларк, шейх Сабах из королевской семьи говорил иорданской делегации: “Мы не собираемся отвечать Ираку... А если им это не понравится, пусть оккупируют нашу территорию... мы собираемся привлечь американцев” (с.18).

Предупреждая возможные сомнения, были ли у Соединенных Штатов причины провоцировать Ирак на подобные действия, Кларк ссылается на то стратегическое значение, которое имеет Ближний Восток для США, и на ту угрозу, которую представлял для них Ирак. Он приводит пентагонский документ 1992 г.: “На Ближнем Востоке и в Юго-Западной Азии нашей главной целью является оставаться важнейшой внешней силой в регионе и сохранить доступ к нефти США и Западу” (с.4). Кларк доказывает, что США имели намерение спровоцировать вторжение Ирака, которое оправдало бы массированное нападение на Ирак, чтобы установить

*The Modern Law Review”, vol.59, №1, January 1996, pp. 155-160.

*Ramsey Clark, The Fire This Time: US War Crimes in the Gulf, New York: Thunder's Mouth Press, 1994, 1+ 325 pp.

господство США в Персидском заливе" (с.3). В книге приводится подробный позорный список преступлений США во время вторжения на Ближний Восток, поддержки жестоких режимов и циничные попытки, цитируя пентагоновский документ, "помешать гегемонии одной страны или союзу стран доминировать в регионе", отмечается, что США рассматривали Ирак как серьезную угрозу своим экономическим интересам в регионе задолго до вторжения в Кувейт, и доказывается, что значительная часть военных планов США была направлена против возможной военной угрозы со стороны Ирака. Кларк делает заключение: "Не удивительно, что иракское вторжение в Кувейт в действительности происходило по запланированному сценарию США" (с.11), причем конечной целью войны было "устранение любой угрозы со стороны Ирака интересам США в регионе" (с.201).

Во второй главе автор описывает виды вооружений, которые США применяли против иракской армии. Он доказывает, что американские войска применяли вакуумные, кассетные и напалмовые бомбы против иракских войск, причем таким способом, который несовместим с международным правом. Американцы же заявляли, что применяли вакуумные виды вооружения только для разминирования минных полей (сс.44-45). Кларк доказывает, что против иракских военнослужащих был использован напалм. Он также приводит доказательства того, что "вооруженные силы США и Великобритании применяли кассетные бомбы как против военных, так и против гражданского населения" (с.45). Кларк также описывает широко известный инцидент на "шоссе смерти", когда США атаковали сотни средств передвижения, в которых находились и военные, и гражданские лица, покидающие Кувейт после призыва Саддама Хуссейна об отступлении. Он приводит свидетельства того, что среди подвергшихся нападению средств передвижения были гражданские автомобили, в которых ехали палестинские, суданские и египетские граждане. Солдаты США убивали безоружных иракских солдат, сдававшихся в плен, с помощью бульдозеров живыми зарывали раненых иракцев. Нападение на иракских военнослужащих было совершено уже после объявления прекращения огня (сс.46-54). Кларк считает, что подобные действия являются явным нарушением законов о вооруженных конфликтах, включая Гаагскую и Женевскую конвенции, в соответствии с которыми солдатам, сдавшимся в плен и раненым, обеспечивается защита.

В книге содержатся доказательства того, что во время конфликта предпринимались попытки покушения на Саддама Хуссейна с использованием пятитысячеконтовой супербомбы и что подобные действия "законодательно запрещены" (сс.46 и 170). Он ссылается на несколько законодательных документов, в том числе на Исполнительный Указ № 12333 Президента США. Однако этот вывод нельзя признать корректным ввиду неполноты анализа данного закона, прошедшего Кларком.

Указ № 12333 устанавливает, что "ни один гражданин, находящийся на государственной службе США, не может быть вовлечен в совершение террористического акта или в сговор о нем". К сожалению, Кларк не включил цитируемый текст в свою книгу. Не уделил он внимания и ни одной из неясностей, содержащихся в этом тексте. Например, не уточнено, распространяется ли действие Указа № 12333 на военное время, а также, какое поведение или какие обстоятельства следует отнести к "террористическим актам".

Значительная часть книги посвящена свидетельствам о военных преступлениях, совершенных США, но вместе с тем не содержит их подробный правовой анализ. В результате книга не дает трактовки спорных правовых вопросов и содержит ряд выводов, лишь прикрывающих неясные места. Как бы ни был Кларк убежден в том, что США совершили военные преступления, он не может не понимать, что США будут пытаться оправдать свои действия ссылками на международное право. Для того, чтобы правовой анализ был более убедителен, Кларку нужно было бы очертить спорные области и объяснить, почему и каким образом их следовало решить в пользу Ирака. Другая проблема состоит в том, что Кларк приписывает характер угрозы или умысла тем действиям, которые, какими бы ужасающими они ни были сами по себе, могли совершаться непреднамеренно. Очевидно, вопрос о непреднамеренности часто является ключевым при установлении ответственности. Кларк не может не понимать, что отвратительный с моральной точки зрения результат сам по себе не доказывает, что имело место нарушение международного права. Хотя, вероятно, такому подходу можно найти оправдание в том, что книга не рас-

считана исключительно на специалистов права: она предназначена для более широкой читательской аудитории, которая, вероятно, заинтересована рассмотреть войну в Персидском заливе в ракурсе, которым до сих пор пренебрегали. Однако есть опасность, что книга может предложить читателю упрощенное понимание применения права и ответственности США в его рамках.

Как во время, так и после окончания войны в Персидском заливе Саддама Хуссейна обвиняли в террористических действиях, наносящих вред окружающей среде, и в преступлениях против нее. Кларк же пишет о том, что "война в Персидском заливе может служить предметом изучения военных экологических преступлений" (с.94) и что именно Соединенные Штаты, а не Ирак, несут основную ответственность за ущерб, причиненный окружающей средевойной. Во время нее Саддам Хуссейн был обвинен в том, что спустил в залив большое количество нефти. Кларк же возлагает вину за это на США, доказывая, что "США наносили целевые бомбовые удары по танкерам с нефтью и нефтеперевалочным объектам" (с.100). Он приводит доказательства того, что США действительно атаковали нефтетанкеры, и что другие утечки нефти частично нужно записать на счет действий союзнических войск. "Неизвестно, что произошло с кувейтским нефтяным оборудованием, - пишет Кларк, - но США могут легко прояснить этот вопрос, представив список своих действий" (с.101). Можно сделать подобное замечание и в отношении Ирака, памятуя о том, что в сентябре 1990 г. Саддам угрожал спустить нефть в залив и разрушить нефтеносные поля, однако Кларк не упоминает об этом.

Иракские войска обвинялись также в том, что они якобы начали поджоги нефтяных скважин. Кларк приводит доказательства того, что по крайней мере некоторые из этих пожаров были вызваны бомбардировками со стороны союзников, имевшими место за несколько недель до обвинений в них Ирака, а также приводит сведения, подтверждающие, что правительство США пыталось помешать обнаружению фактов, доказывающих причастность союзников по меньшей мере к нескольким пожарам (сс.103-104). Он считает, что имело место "умышленное причинение вреда окружающей среде" (с.176) силами США, противоречащее Протоколу 1 1977 г в дополнение к Женевской Конвенции 1949 г, статья 55 которого запрещает методы или средства ведения войны с намерением причинить обширный, долгосрочный и тяжелый вред окружающей среде, равно и те, от применения которых можно ожидать таких последствий. И снова, употребляя слово "произвольно", Кларк заявляет, что США умышленно разрушали окружающую среду. Вопрос в том, действительно ли Кларк располагает достаточными доказательствами для подобного заявления. Что он доказывает точно, так это то, что "официальные представители США были хорошо осведомлены об опасности для окружающей среды войны в Персидском заливе" (с.95). В самом деле, отмечает он, во время развития конфликта те требования законодателей США, которые касались учета влияния военных действий на окружающую среду, были отклонены (с.95-97).

Мифы о войне в Персидском заливе утверждают, что так называемый " побочный ущерб" (убитые из числа гражданского населения и ущерб, нанесенный гражданским объектам) был сведен до минимума благодаря тщательному планированию и использованию сложных видов вооружения. Действительность, которую описывает Кларк, выглядит совершенно иной. На основании своих наблюдений во время пребывания в Ираке он делает вывод о 25 тысячах смертей среди гражданского населения в результате недоедания, потребления загрязненной воды и неполучения необходимой медицинской помощи в первые двенадцать месяцев после окончания войны (сс.83-84).

В третьей главе Кларк описывает ужасающие бомбардировки, которым подвергли Ирак люди, нацелившие их на школы, больницы, мечети, системы водозабора, продовольственные склады, текстильные фабрики и многие другие гражданские объекты. Последствия для иракского народа были трагичными. Помимо большого количества погибших, результатом бомбардировок было разрушение инфраструктуры и как следствие - распространение болезней, недостаточное питание, от чего особенно пострадали старики и дети. Кларк утверждает, что Пентагон имел целью уничтожить иракскую гражданскую экономику и сделать эту страну экономически зависимой от Запада. Автор при этом отмечает, что некоторые бомбардировки гражданских объектов были преднамеренными и проводились в надежде усилить "экономическое и психологическое воздействие меж-

дународных санкций на иракское общество...прчинить большой ущерб Ираку как индустримальному обществу и лишить его самой возможности быть таковым" (с.61).

В этой главе Кларк раскрывает прежде всего нарушения международных правовых норм, какие бы мотивы ни руководили теми, кто планировал и осуществлял эти атаки, очевидно, что их трудно оправдать с правовой или моральной точки зрения.

Говоря о книге Кларка, нельзя не отметить, что он не всегда рассматривает свидетельства, которые противоречат его собственным доказательствам. Например, при обсуждении вопроса о жертвах среди гражданского населения в результате бомбардировки союзников, он утверждает, что гибель людей и материальный ущерб происходили исключительно вследствие действий военных США. Он не всегда принимает во внимание другие объяснения. Так, было высказано предположение, что ущерб гражданскому населению частично был причинен зенитными снарядами, которые падали на землю и взрывались. Кларк мог заключить, что это не убедительное объяснение, но его следовало, по крайней мере, упомянуть.

Налет союзников на бомбоубежище в Амарьяхе, при котором погибло, вероятно, до 1500 человек, получил единственное объяснение официальных исследователей. По их мнению, бомбоубежище посчитали военным объектом, а следовательно, гибель гражданских лиц произошла случайно и, хотя и является ужасной трагедией, не влечет правовой ответственности. Основания для такого вывода были различными. Один комментатор, например, сказал: "Трудно вообразить, что Соединенные Штаты сознательно атаковали гражданское противовоздушное укрытие". Довольно убедительное выражение доверия, особенно если учсть, что список деяний США в области внешней политики полон примеров поддержки ими и прямого участия в совершении гораздо более страшных жестокостей. Кларк цитирует одного официального комментатора, который относительно бомбардировки убежища заявляет: "В действительности нет никаких оснований для жалобы" (с.180), поскольку убежище использовалось как командно-контрольное укрытие для иракских военных и, следовательно, оно было законной военной целью. Со своей стороны, Кларк доказывает, что там, где было расположено убежище, было хорошо известно, что его используют гражданские лица. Кларк пишет: "Немыслимо, чтобы этот трагический случай с разрушением гражданского убежища не вызвал никаких правовых вопросов" (с.180). Однако остается неясным, обвиняет ли он военных США в налете на убежище, о котором было известно, что им пользуются гражданские лица. Безусловно, основным здесь является разграничение понятий "намеренное" и "ненамеренное" действие. Однако, каким бы немыслимым это ни казалось, если налет был осуществлен на то, что считалось военным объектом, то США вряд ли несут правовую ответственность.

Кларк также обвиняет США в лишении Ирака возможности производить электроэнергию, поскольку это тяжело повлияло и продолжает оказывать влияние на жизнь иракского населения. Автор делает окончательный вывод, что широкий спектр акций, направленных против гражданского населения, ставит их "... в один ряд с нюренбергскими преступниками" (с.173). Он дает детальный анализ того, как разрушение электросети Ирака делало невозможным нормальное функционирование больниц, водоочистных сооружений и поливных систем и каким образом установление санкций "помешало Ираку закупить оборудование и запчасти, необходимые для восстановления энергосети" (с.19). В свою защиту США пытались доказать, что разрушение энергоснабжения Ирака оправдывается тем, что Ирак обладал централизованной электросетью и что невозможно было определить, какая ее часть использовалась в гражданских, а какая - в военных целях. Тем не менее этот довод никак не объясняет, почему, например, генерал Шварцкопф отрицает факт обширного разрушения энергосети, или то, почему он заявляет, что Объединенные силы не ставили целью разрушение всей сети именно из-за тех последствий, которое оно могло повлечь для гражданского населения. "Ирония" этой войны также в том, что в то время как распространенная фальшивка об иракских солдатах, изымающих младенцев из инкубационных камер и обрекающих их на смерть, помогла сформировать общественное мнение в поддержку военных действий против Ирака, двадцать иракских младенцев погибли только в одной больнице из-за отсутствия электричества для обеспечения работы инкубационных камер. Кларк

цитирует директора багдадской центральной детской больницы: "Матери были близки к умопомешательству, я никогда не забуду этих женщин" (с.67).

Анализ, проведенный Кларком относительно военных преступлений против гражданского населения, порой не полон. Потери среди гражданского населения и ущерб, нанесенный структурам Ирака, не всегда противоправны, как например, в том случае, если полностью учтены и сбалансированы, с одной стороны, военные преимущества, могущие быть достигнутыми в результате проведения военных действий, и риск, которому могут оказаться подвергнуты гражданское население и гражданские объекты, - с другой. Действительно, Кларк цитирует Протокол I за 1977 г в дополнение к Женевской Конвенции 1949 года, статью 51, которая гласит, что любое нападение, повлекшее за собой гибель людей, повреждение или ущерб для гражданских объектов, будет рассматриваться как нечесткое и, следовательно, противоправное, если оно будет квалифицировано как избыточное относительно прогнозируемого военного результата. Однако Кларк не всегда дает точный анализ действий США, не всегда ему удается провести четкую грань между правомерностью преднамерений атаки против гражданского населения, трудно определяемыми случаями нападения, нанесения ущерба или убийства вследствие ошибки и теми, которые совершились в результате тщательной оценки возможной военной выгоды и возможности риска для гражданского населения в контексте статьи 51.

В главе 8 Кларк пишет о том, что Конституцию США и Устав Организации Объединенных Наций "попрали для того, чтобы иметь возможность благословить ничем не ограниченную власть и ничем не сдерживаемую военную агрессию" (с.149), чтобы сделать невозможным какое-либо мирное урегулирование. В результате США нарушили статьи 33 и 36 Устава ООН, которые требуют предпринимать попытки к устранению разногласий путем переговоров, мирными средствами; и когда была принята Резолюция 678 (позволяющая использовать все необходимые средства, чтобы принудить Ирак вывести войска из Кувейта), согласно статье 42 это был очевидно противоправный акт, поскольку в резолюции не содержалось правовой оценки, адвокаты ли санкции требованиям указанной статьи (с.155). Безусловно, можно задать вопрос о степени желания администрации Буша искать пути к урегулированию. Ведь ею неоднократно отвергались иракские предложения компромисса и переговоров (с.32-35). Кларк также отмечает, что США прибегли к "взяточничеству, клевете и принуждению" с целью обеспечить принятие Резолюции 678. Он указывает на экономические и военные выгоды, полученные теми государствами, которые проголосовали за предложение США, а также на наказание Йемена (в форме отмены помощи в размере 70 млн. долларов и выдворения около миллиона юеменских рабочих из Саудовской Аравии) за его голосование против Резолюции 678 (с.153-155). Кларк также подчеркивает двуличие США и других стран-членов ООН в их плаче о нападении на Кувейт. Он указывает многочисленные другие случаи, когда блокировались решения ООН о принятии мер против препрессий и государственного насилия. Например, США воспрепятствовали какому-либо действию ООН против Индонезии в связи с ее вторжением в Восточный Тимор и оккупацией его, сопряженных с политикой геноцида, которая проводилась с гораздо более масштабной и интенсивной жестокостью, нежели иракская оккупация Кувейта (с.149-151). Таким образом, автор признает, что манипулирование ООН со стороны США с целью защиты своих интересов не является чем-то новым, меняются разве что его методы. Обычно США прибегают к использованию права вето. Недавняя история ООН (между 1970 и 1990 гг.) изобилует такими примерами: 58 раз США налагали вето в Совете Безопасности ООН, как вместе с другими государствами, так и, что гораздо чаще, в одиночестве. Действия же США, приведшие к войне в Персидском заливе, безусловно, носят иной характер: в этом случае США, чтобы защитить свои интересы, стремились побудить ООН к действию, а ранее они защищали свои интересы, препятствуя действиям ООН.

Кроме вопросов, касающихся вооруженного нападения на Ирак и манипулирования Организацией Объединенных Наций, в книге Кларка затронуты и многие другие вопросы. Особо следует выделить блестящий анализ тех разрушений, которые причинили Ираку санкции ООН (с.75-85). Автор назвал эти санкции "согласно принципам Нюренберга - продолжающимся преступлением против человечества" (с.173). Автор рассматривает и характер освещения вой-

ны в средствах массовой информации (глава 7), и широкий спектр рекомендаций, предложенных для достижения мира и безопасности Комиссией по расследованию (часть 12), и многие другие проблемы.

В заключение отметим, что книга "Правда о той войне" характеризуется как сильными, так и слабыми сторонами. Во-первых, в ней рассматриваются свидетельства, которые, как правило, игнорируют официальные исследователи, и тем самым автор бросает вызов официальной политической риторике и мифотворчеству вокруг войны в Персидском заливе. Можно надеяться, что имеющиеся в книге данные получат широкое распространение, а это обеспечит большую информированность мировой общественности и более критический анализ участия США в войне. Во-вто-

рых, сильная сторона данной работы состоит в том, что она выражает резко критическую точку зрения на проблему использования государственной власти, злоупотребления ею. Подчеркивается, что США с помощью государственных экономических, политических и военных рычагов способны осуществлять огромное давление для обеспечения своих кровных интересов. Такие авторы, как Эдвард Санд и Ноам Чомски на протяжении многих лет пишут о различных аспектах внешней политики США, уделяя особое внимание двуличию тех, кто оправдывает действия США, имеющие мало общего с декларируемыми целями защиты демократии и свободы. Кларк следует духу (хотя и не всегда последовательно) этой традиции, поскольку он, говоря словами Эдварда Санда, "говорит властям правду".

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

Важнейшее направление работы коммунистов Л.В.Гладкая

В наши дни все большее число ученых-марксистов включаются в исследования идущих социально-экономических процессов. Многие проблемы уже подняты. В какой-то мере начато изучение изменений, произошедших в советском рабочем классе, своеобразия созданного в нашей стране социалистического общества, исследуется предательская роль партгосноменклатуры, подрывная деятельность Запада, а также особенности и недостатки сложившегося у нас жесткого централизованного управления всеми сферами экономической, политической и духовной жизни общества, а так же других, не менее важных проблем.

Но вот, не так давно в газете "Советская Россия" от 21 октября 1995 года опубликована статья В.Миронова "Коварная лапша из цифри", в которой он пишет: "Прочитал тут недавно в "Правде России" одного доктора технических наук. Призывает, чтобы победить на выборах, засесть за изучение Ленина, разобраться с классами. Хоть стой, хоть падай! Тут по квартирам ходить надо, листовки писать и на двери пришипливать и т.д. Призовите ваших читателей (да на первой полосе!) к элементарной, простейшей, конкретной работе: агитации среди родственников, друзей, знакомых и т.д. Ей-богу, польза будет!" Я привела столь длинную цитату, так как мнение о несвоевременности теоретических исследований довольно широко распространено среди коммунистов.

Слов нет, без повседневной черновой практической работы, без листовок, встреч, разговоров с людьми, без боевой наступательной агитации партия не может обойтись. Но и без глубокой, теоретической научной работы она тем более не способна играть роль авангарда.

Одно без другого существовать не может.

Иногда говорят: о чём вы? Какие могут быть исследования! Все еще так неопределенно, затемнено эмоциями, амбициями, инертностью мышления, недостатком информации, особенно отсутствием элементарной материальной базы. Все это, очевидно, так. И все же время серьезных исследований пришло, нужны ответы на вопросы, которые, как мучительная заноза, сидят в душе каждого из прогрессивно мыслящих людей.

В.И.Ленин в свое время указывал на то, что период реакции является для партии периодом напряженной работы марксистской мысли, когда особенно важно проанализировать пройденный путь, определить перспективы, формы и методы борьбы, внимательно и скрупулезно рассмотреть сложившуюся общественно-политическую ситуацию и выработать соответствующую научно обоснованную партийную стратегию и тактику.

Сложным и острым для нас остается вопрос: почему?

Почему так стремительно и внешне внезапно рухнули под натиском контрреволюционных сил (и, что самое главное, при растерянности и даже апатии большинства народа) гигантская мощная страна, партия, обладавшая многочисленными опытными кадрами, материальными ценностями, разветвленными

средствами массовой информации, научно-исследовательскими институтами, имевшая под своим руководством и контролем опытных, отличных профессионалов в силовых структурах?

Ведь партия была полна сил и готова к переменам, направленным на совершенствование и дальнейшее развитие фундаментальных основ социализма, на достойный выход из кризиса, на укрепление единого государства — СССР.

Тогда почему же ни в партии, ни в народе не нашлось достаточно мощного сопротивления, способного оперативно, решительно и главное — своевременно и организованно — дать отпор предателям и защитить социализм, а не устраивать вместо этого беспомощный и непродуманный фарс с ГКЧП?

Почему в КПСС было так много членов партии и так мало настоящих коммунистов, в результате чего численность всех ныне существующих коммунистических партий на территории бывшего СССР во много раз меньше, чем многомиллионная КПСС?

Почему партийные руководители, рядовые партийные функционеры и активисты всех уровней в массе своей позволили беснующимся толпам под свист, улюлюканье и издевательства разогнать не только обкомы, но и аппарат ЦК КПСС и республиканских ЦК, захватить партийное имущество, архивы, газеты, журналы, радио и телевидение?

Почему в массе своей отошла молодежь и научно-техническая интеллигенция от коммунистической идеи и теперь снова надо завоевывать ее доверие?

Почему действительно более прогрессивный социально-экономический строй не выдержал битвы с капитализмом, который уцелел и нашел в себе силы для хоть и временной, но победы, несмотря на все сложности и противоречия своего существования?

Все эти вопросы чрезвычайно сложны и не только с чисто научной точки зрения, они весьма злободневны и оставлять их на длительное время без ответа нельзя. Этим пользуются враги социализма, враги коммунистического учения, которые дают свои ответы на эти "почему", злорадствуют по поводу распада СССР и КПСС, вбивая в головы людей мысль о несостоятельности социализма и бесперспективности его существования в человеческой цивилизации.

Они спешат публиковать "исследования" таких, к примеру, авторов, как небезызвестный Збигнев Бжезинский, выпустивший очередной опус "Марксизм — большой провал". Да и не он один. Наши доморощенные перевертыши тоже стараются вовсю.

Но дело не в наших западных противниках и отечественных идеологических проститутках. С ними все ясно — иначе они не могут.

Главное в том, что без нашего ответа на эти "почему" мы будем в значительной мере действовать вслепую и порождать

новые конфликты, а главное — новые недоуменные и, что более важно, — безответные вопросы.

Во многих публикациях и не только в них, но и в массовом сознании доминирует мысль о предательстве значительной части партийной, комсомольской, государственной номенклатуры как основной и практически единственной причины наших бед. Действительно, предательство налицо — недаром во главе ярых "реформаторов" и врагов социализма мы видим бывших руководителей КПСС, за которыми труской поспешает значительная часть творческой и гуманитарной интеллигенции.

В свое время Энгельс, исследовавший причины победы контрреволюции, указывал на то, что при изучении причин ее успеха со всех сторон прежде всего натыкаешься на легкий ответ, будто все дело в личностях, которые "предали" народ. Этот ответ может быть в зависимости от обстоятельств верным или нет, но главное состоит в том, что он ни при каких обстоятельствах не в состоянии показать, как могло случиться, что народ позволил себя предать. И будущность партии, которая в поисках причин замыкается на теме предательства, весьма печальна — добавляет Энгельс.

Безусловно, все личности, руководившие нашей партией и страной после смерти В.И.Ленина, сыграли свою роль — большую или меньшую — в той ситуации, в которой мы очутились. Наши противники, которые на протяжении всей нашей советской истории вели против нас непримиримую, хитрую и изворотливую войну, не только били по узлам наших противоречий, но и учитывали при этом особенности характеров лидеров и степень их воздействия на ход общественной жизни в стране.

Но дело не только в них. На наш взгляд, проблема значительно сложнее, так как опять же возникает все тот же вопрос: почему? Почему предательство приобрело столь массовый характер? Где его социальные корни?

В связи с этими многочисленными "почему" хотелось бы остановиться на трех проблемах. Они, естественно, не исчерпывают всей многогранности и глубины вопроса — это было бы с моей стороны весьма и весьма самонадеянно. Но все же мне кажется, что они в какой-то мере являются ключевыми.

Итак, проблема первая. В программах всех компартий содержится тезис о неотвратимости победы социализма, о социалистическом пути развития как единственно возможном для обеспечения нормального и прогрессивного развития человечества, ибо капиталистический путь — это путь тупиковый. Мы, коммунисты, полностью поддерживаем это положение. Потому существенно важным является вопрос — в каком виде сохранилось глобальное противоречие современной эпохи между капитализмом и социализмом? Переместился ли его "социалистический фланг" окончательно на Восток, либо те элементы социализма, которые сохранились в наших республиках и которые коммунисты всеми средствами защищают, являются той животворной силой, которая дает основу для будущего развития и углубления этого противоречия, основу для постепенного и неуклонного возврата человечества на путь социалистического развития?

Вопрос этот не только наш, советский, он всемирно-исторический, речь идет о будущем цивилизации, о будущем планеты в целом. Оружие в мире накапливается, им усиленно торгуют, расходы на НИОКР в военной технике структур НАТО и остального капиталистического мира не сокращаются, наш военный потенциал, который сдерживал этот процесс, разрушен, и вопрос о том, в какой форме и в каком направлении будет развиваться это противоречие — не просто важный, он гамлетовский: быть или не быть.

Мы за мирное разрешение главной проблемы эпохи и выявление этого противоречия в разных сферах общественной жизни в изменившейся расстановке сил на мировой арене, перспективы победы социализма, путей, методов и средств — основа основ для разработки научно ориентированной на перспективу стратегии и тактики коммунистов. В.И.Ленин, разрабатывая стратегию и тактику партии, анализировал не только внутренние процессы, происходящие в России, но и исследовал сущность империализма, характер современной эпохи, что явилось основой для тактики большевиков в революции.

В свое время Маркс и Энгельс высказывали неоднократно мысль о том, что вооруженный, насилиственный путь для установления нового общественного строя наименее желателен и лучше всего было бы, если бы исторические условия позволили откупиться от банды капиталистов. Но история рассудила иначе — на нашу долю выпал самый тяжкий и сложный путь.

Ныне перед нами та же история предоставляет новый шанс — на новом своем витке одолевать капитализм иными, в основе своей мирными, без гражданской войны и массового кровопролития, средствами. У коммунистов только накапливается первоначальный опыт парламентской борьбы и революции в рамках реформ (помните, В.И.Ленин говорил, что между реформой и

революцией китайской стены нет) и посему анализ всех сторон разрешения глобального противоречия, когда у нас за спиной уже 70-летний опыт строительства социализма со всеми его достоинствами и недостатками, опытом стран Восточной Европы, Китая, Вьетнама, Кубы, Северной Кореи — приобретает не только теоретический, но и сугубо практический характер.

Проблема вторая. Это — особенности строительства социализма в разных странах, в разных экономических, исторических, социально-политических, культурных, национальных условиях. Мы в свое время, несмотря на прямые указания Ленина, игнорировали эту проблему и крайне отрицательно относились даже к термину "модель социализма".

Но проблема осталась и в наши дни проявилась с особой остротой и наглядностью. В частности, наша советская модель, имеющая корни в особенностях революции, происшедшей в отсталой крестьянской стране, с очень неравномерным экономическим и культурным развитием отдельных ее регионов, в стране с многочисленными нациями и народностями, находившимися на разных ступенях исторического прогресса — от родового и феодального строя до средне развитого капитализма, в стране с немногочисленным, но сконцентрированным и революционным пролетариатом и многомиллионной мелкобуржуазной крестьянской стихией, в стране с весьма своеобразной историей, различными религиями, имевшими весьма ощущимое влияние на широкие слои населения, в стране с великой культурой и одновременно с неграмотностью значительной части населения, столкнувшейся с яростным сопротивлением всего капиталистического мира, испытывала ощущимое влияние этих особенностей.

Каково воздействие этих сложных условий на ход событий в нашей стране, прослеживаются ли они в дальнейшей нашей советской истории и в какой форме себя проявляют и как сказываются на современных событиях? Выводы для нас важны опять-таки не только с исторической точки зрения, они актуальны, требуют скрупулезного и всестороннего изучения, а не только рассуждений о "менталитете" тех или иных народов, или ссылкой на классика, утверждавшего, что "умом Россию не понять". Понять надо и именно умом.

И, наконец, проблема третья. Это внутренние противоречия самого нарождавшегося у нас социализма. Нынче ряд авторов указывают на то, что в свое время усилия многих учёных, пытавшихся разобраться в этом вопросе и указать на проявляющиеся в нашем обществе противоречия антагонистические, всячески блокировались. Антагонистические противоречия начисто отрицались, в лучшем случае их относили к "пережиткам капитализма". Естественно, только что народившийся социализм, не имевший в нашей стране адекватной ему материально-технической, образовательной, квалификационной базы, связанный многими нитями со свергнутым революцией строем, не мог быть от них свободен.

Но только ли в пережитках капитализма дело? Ведь каждый общественный строй, на всех этапах своего развития рождает, плюс к унаследованным от прошлого, свои собственные противоречия. Без них и без их разрешения останавливается развитие. Социализм в этом отношении не является исключением.

Разрешив многие проблемы социальной справедливости, о которой веками мечтали угнетенные классы, наш общественный строй породил и свои собственные противоречия. В чем они?

Великолепные, ошеломившие весь мир, достижения СССР — стремительный рост производительных сил, развитие бесплатного, доступного всем образования, науки, культуры, достигших и во многом превзошедших мировой уровень, обеспеченные социальные гарантии — право на труд и на выбор профессии, обеспеченная старость, бесплатная медицина, развитие народного творчества, профессионального искусства, спорта, охрана материнства и детства, создание для всех этих благ мощной материальной базы — все эти великие достижения — вклад в мировую цивилизацию.

Создание единого народно-хозяйственного комплекса, единой энергосистемы, единой системы связи, транспорта, коммуникаций, информации — великое достижение наших советских лет, но одновременно эти процессы зачастую вступали в противоречие с интересами отдельных регионов и республик, что в наших условиях многонационального государства особенно сложно, ибо эти интересы осложнялись национальными особенностями проживающего в регионах и республиках коренного населения. Эти процессы объективно вели к чрезмерной централизации, которая в совокупности с застывшей системой управления приводила к тромбофлебиту в кровеносных сосудах экономики.

Социальные гарантии при отсутствии хищного капитализма решают главное — предоставление реальной возможности для

свободного и полного развития человеческой личности. Но при отторжении широких масс трудящихся от непосредственного участия в управлении общественными и государственными делами они имеют тенденцию к формированию атмосферы самоуспокоенности, некоего иждивенчества, что приводит к снижению общественной активности.

Быстрый темп и всеохватывающий масштаб огосударствления общественной собственности вступил в противоречие с экономическим интересом каждого члена общества и явился, в числе других факторов, основой для массовой реставрации мелкобуржуазной психологии, что мы и имеем сейчас.

В свое время Маркс и Энгельс указывали на то, что экономические отношения каждого общества проявляют себя как интересы, а идея неизменно посыпалась себя, как только она отделялась от интереса. Это тоже предмет внимательного изучения — где, когда и почему идея начала отделяться от интереса, где мы остались и что надо делать в будущем.

Развитие национальных культур, появление многочисленной национальной интеллигенции, возросший интерес к национальной истории, традициям, обычаям — тоже грандиозное достижение советской власти. Оно привело к росту национального самосознания, национальной гордости, но одновременно эти достижения в случае недооценки и игнорирования национальных особенностей и отсутствия умелого сочетания их с интернационалистскими колlettivistскими начальами, при неуклюжей национальной политике, могут вызвать стремление к национальной обособленности, к формированию амбициозной националистической элиты, что мы и имеем сейчас во всех бывших республиках СССР.

Особенно этот анализ важен для Украины, где в силу своеобразия ее истории, сложились специфические условия для формирования "национальной идеи", которая при нечеткой и противоречивой национальной политике украинского партийного и советского руководства, метавшегося от преклонения перед "украинской спецификой" главным образом в западных областях республики до почти полного ее игнорирования, что нынче сказалось в тяжкой для народа Украины ситуации, когда "национальная идея" перерастает в открытый национализм, имеющий тенденцию к развитию национального эгоизма и са-

мого оголтелого воинствующего шовинизма.

Означает ли все сказанное, что социализм как система по имманентной своей сути неэффективен и следовательно подвержен неизбежной стагнации?

Отнюдь нет. Именно при социализме формируются мощные рычаги, движущие общество вперед — созидательная энергия и революционное творчество масс, прямая заинтересованность трудящегося народа в этом общественном строе.

Оптимальное сочетание общественных и личных интересов, обязательное повседневное и конкретное участие народа в государственных делах и квалифицированный, организованный и эффективный всенародный контроль за действиями всех ветвей власти — вот то "лекарство", которое может обеспечить нормальное развитие общества по социалистическому пути.

И недаром все наши "демократы" и "реформаторы" постарались всеми средствами отстранить народ от воздействия на государственные дела, развалили Советы, преследуют и обзывают грязью коммунистов, чинят всякие препятствия для действий прогрессивных левых сил.

В краткой статье невозможно обстоятельно изложить, а тем более развить все проблемы — да я и не ставила перед собой такой невыполнимой задачи. Смысл и суть этих рассуждений сводится к тому, что коль скоро мы, коммунисты, боремся за власть, за восстановление социализма и воссоздание СССР, мы не можем обойтись без глубокой научной работы в партии. Это трудно, особенно в тех условиях, в которых существуют ныне коммунисты. Но весь исторический путь нашей партии ярко демонстрирует главное — на всех этапах ее истории, в самых трудных и сложных ситуациях, и на заре ее создания, и в предгрозовые предреволюционные дни, при первых шагах молодой Советской власти научной теоретической работе придавалось особое значение, ибо, как известно, нет ничего практического хорошей теории.

Посему мне кажется наименее необходимым объединение прогрессивно мыслящих ученых в регионах, в Киеве, установление обязательно тесного контакта с уже сложившимися и работающими научными коллективами России, обязательный обмен информацией, прорыв информационной блокады, в которой мы ныне находимся.

Перечень материалов, опубликованных в журнале "Марксизм и современность" в 1995 году

	номер	страницы
К 125-летию со дня рождения В.И.Ленина		
Гигант и пигмеи Да, Ленин...	1 1	6-12 12-15
К 175-летию со дня рождения Фридриха Энгельса		
Генерал мировой революции	3	3-6
К 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне		
Героическая эпоха в подлинных документах	1	15-20
Величие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории	1	20-37
Кто начал вторую мировую войну?	1	27-29
Трагическое начало и триумфальная победа. Начало	2	14-21
Трагическое начало и триумфальная победа. Окончание	3	7-10
К 90-летию первой русской революции		
1905 год: первая русская революция, родившая Советы	4	4-6
Декабрь, обагренный кровью (к 90-летию Горловского вооруженного восстания)	4	7-8
Первый штурм ("Чечелевская республика")	4	9-10
Навстречу XXX съезду СКП-КПСС		
О некоторых теоретических и практических вопросах коммунистического движения	2	3-6
Место встречи изменить нельзя (Что делать?)	2	6-10
Единством мы сильны	2	11-14
Постановление Пленума Совета СКП-КПСС 02.12.95 г.	4	3
Вопросы теории		
Проблемы собственности: вчера и сегодня	1	29-37
Проблемы возрождения общественной собственности	1	37-38
Развитие отношений собственности при социализме	1	38-46
Единство теории и практики	2	21-27
"Государственная идея" и социализм	2	27-31
Геополитика и современность	2	32-34
Марксизм востребованный и невостребованный	3	10-21

<i>Гриффен Л.А.</i>	Классовый анализ в теории социализма	3	21-33
<i>Андреева Н.А</i>	Современный империализм и революция	4	10-14
<i>Кревер Г.А.</i>	Национализм и его корни	4	14-20
Дискуссионная трибуна			
<i>Терлецкая И.В.</i>	Национальная политика при социализме (к вопросу о национальной политике социалистов)	4	20-23
<i>Берест Л.А.</i>	Пролетарскому интернационализму альтернативы нет!	4	23-28
<i>Войцеховский А.А.</i>	Необходимая реплика	4	29
Коммунисты в современном мире			
<i>Вишняков В.Г.</i>	О правовом статусе СКП-КПСС	1	64-67
<i>Фориж И.</i>	Свержение мировой системы социализма (процесс контрреволюции в Восточной Европе)	1	67-73
<i>Вальдес М.А.</i>	Социализм или смерть!	1	73-75
<i>Лопатин И.В.</i>	Верный сын Латвии	2	47-49
<i>Рубикс А.П.</i>	"Этот процесс - заказное политическое "убийство"! Начало	3	34-37
<i>Зюганов Г.А.</i>	"Этот процесс - заказное политическое "убийство"! Продолжение	4	42-47
<i>Тюлькин В.А.</i>	Испытание доверием	4	30-32
<i>Изюмов Ю.П.</i>	Итоги работы РКРП на выборах в Государственную Думу	4	32-35
<i>Ажыбекова К.А.</i>	За что проголосовала Россия	4	35-38
	О коммунистах Киргизстана	4	38-41
Рабочее движение: история и современность			
<i>Суименко Е.И.</i>	Важнее дюжины программ	2	34-46
<i>Терещук В.В.</i>	Рабочий класс в современной политической борьбе	3	38-41
<i>Арсеенко А.Г.</i>	Стачка - анахронизм истории или оружие пролетариата? Статья первая	3	41-51
	Слово о товарище	3	51
У нас на Украине			
<i>Крыжановский Б.Н.</i>	Внешнеэкономическая деятельность Украины: от прошлого к будущему	1	46-53
<i>Ткаченко Г.С.</i>	Национальное возрождение или национальное вырождение?	1	53-58
<i>Карпуш А.Т.</i>	Украина в третьей мировой	1	58-62
<i>Арестов В.Н.</i>	Религия и церковь в "демократической" Украине	1	63-64
<i>Крыжановский Б.Н.</i>	Промышленность Украины: этапы раз渲ла	3	53-56
<i>Терес В.А.</i>	Хай не згаснуть маяки	3	57-58
<i>Батьків В.М.</i>	Факельщики "национальной революции"	3	58-64
Государство и право			
<i>Крючков Г.К.</i>	Не допустить конституционного закрепления антисоциалистического переворота (к вопросу о конституционном процессе в Украине)	2	49-57
<i>Вишняков В.Г.</i>	К вопросу о правовой оценке действий М.Горбачева в 1989-1991 годах	2	57-61
<i>Георгадзе П.И.</i>	Заметки о правах человека в Грузии	2	61-63
<i>Моисеенко В.Н.</i>	О концепции Конституции (Доклад на сессии Верховного Совета Украины)	4	48-50
Наука и культура			
<i>Костенко Н.В.</i>	"Заповіт" Тараса Шевченка	2	63-67
<i>Косолапов Р.И.</i>	Он вышел рано, до звезды...	3	64-66
<i>Мирошниченко С.В.</i>	"Есть две национальные культуры..."	4	51-53
<i>Кириченко Г.М.</i>	"Русские идут!" (Вселенский переполох, или "Манифест украинской интеллигенции")	4	53-58
	До українського народу	4	59-60
Страницы истории			
<i>Зазулин Н.В., Полищук А.А.</i>	Происхождение ОУН.	1	76-80
<i>Степаненко В.М.</i>	Ее цели и задачи	1	80-83
<i>Абраменко И.В.</i>	Установление советской власти на Украине	1	67-72
<i>Зазулин Н.В. и др.</i>	Фашизация идеологии и политики украинского национализма	2	67-71
<i>Войцеховский А.А.</i>	Украинский коллаборационизм в годы второй мировой войны	3	61-64
<i>Федоров В.А.</i>	"Дело" декабристов	4	61-64
	В созвучии эпох (к 200-летию со дня рождения поэта-декабриста К.Ф.Рылеева)	4	65
<i>Миличевич П.Ч.</i>	Почему погибает Югославия	4	65-73
"Реформы" и "реформаторы"			
<i>Легостаев В.М.</i>	Вирус, поразивший мозг партии	3	72-78
<i>Простяков И.И.</i>	Ступени предательства. Статья первая	3	79-87
<i>Гарифуллина Н.Х.</i>	Ступени предательства. Статья вторая	4	74-81
	Так было	4	82-86
Об авторах и книгах			
<i>Арсеенко А.Г.</i>	С верой в возрождение и обновление социализма	1	83-85
<i>Омельченко А.Н.</i>	К "новому социализму"?	1	85-88
<i>Войцеховский А.А.</i>	О войне нужно писать только правду	1	88-90
<i>Батьків В.М.</i>	Цінні спогади про їх "боротьбу"	2	72-76
<i>Пихорович В.Д.</i>	В тупике философской мысли	2	76-82
В помощь пропагандисту			
<i>Кустовец Г.Ю.</i>	Цена победы: правда и вымыслы	1	90-92
<i>Видал Д.</i>	Банк, который любит приносить извинения	1	92-94
<i>Арсеенко А.Г.</i>	Цена "радикальных экономических реформ" (в "человеческом измерении")	1	94-95
<i>Пилджер Д.</i>	В поисках рыночных отношений: иллюзии и реалии (по страницам иностранных изданий)	2	83-93
<i>Чомски Н.</i>	Экономика в свете новояза	2	93-95
<i>Коутз Д.</i>	Китай: приватизация - "не для нас"	2	95-96
<i>Колесников А.Ю.</i>	Прибыли за счет смерти	4	87-89
	Уроки советского краха для будущего социализма	4	90-94
	Технология обмана, или не забудьте выключить телевизор	4	94-96